

Авторская группа
под руководством Г.М. Поленкова

Ю.С. Масалов, А.И. Долинин, С.Л. Зубович, Ю.А. Грачёв

ПЕРВОЕ РАКЕТНОЕ СОЕДИНЕНИЕ НАШЕЙ СТРАНЫ

Москва, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
РВСН более полувека	4
Посвящение. Г.М. Поленков	5
Хроника событий бригады и дивизии	9
Руководящий состав бригады	27
Из истории 24 ракетной дивизии	29
Руководящий состава дивизии	46
Список Льва Гайдукова	50
ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ	
Ю.А. Яшин, Н.К. Монахов. Инженерные бригады – колыбель РВСН	52
Г.В. Дядин. Так это начиналось	58
В.И. Ивкин, А.И. Долинин. Первая ракета.	65
В.И. Чепя. Первая ракета С.П. Королева	70
В.Д. Кукушкин. Рядом с ядерными боеголовками	73
Д.И. Марковский. В числе первых	83
А.В. Луценко. Село Медведь – ракетный «остров»	87
Ю.М. Агейченко. Станция женихов	99
Г.Н. Малиновский. Люди Медведской бригады	104
А.Ф. Пануев. Ракетная бригада и Штаб реактивных частей	119
Н.В. Иконников. Хроника ракетчика Бориса Соболя	123
А.И. Долинин, В.И. Ивкин. «Ракетный поход» в Германию	141
Е.С. Бородунов. Секретные миссия и комиссия	145
А.А. Дмитриев. Заступление на боевое дежурство	149
А.С. Ковтун. В год полёта Гагарина. История с фотографией	153
Московские гости, или совещание со свистом	153
Старший лейтенант «ашдвао»	163
В.М. Сильченко. В дважды гвардейской	158
Ю.В. Иванченко. Как это было	168
В.А. Исаев. «Гвардейские гвардейцы»	183
А.А. Гутников. В РВСН – более полувека	201
А.И. Долинин. Полёт длиною в жизнь	207
М.Г. Буравлёв. От младшего врача до эпидемиолога армии	213
В.К. Власов. Будни командирские. Строго по методике	222
Г.М. Поленков. Воспоминания командира 24 ракетной дивизии	229
А.А. Шпитальный. Настоящий артиллерист	240
Пять взысканий за неделю	252
А.А. Еремеев. Ракетный полк. Советск	253
В.Г. Александровский. Из жизни лазарета	279
А.Н. Копейкин. Последняя страница в истории дивизии	286
САМОЕ ПАМЯТНОЕ	
Б.Ю. Расчеславовский	291
В.П. Полянцев	292
С.Л. Зубович	293
И.Т. Дёмин	295
А.В. Корнилов	296
А.В. Махнев. Отрывок из книги «Я жил по совести»	298
И.Н. Кокарев. Профессия – автомобилист	309
А.И. Долинин. Наш «звёздный» генерал Батанов	311
Ю.А. Грачёв. Лейтенантские годы: уроки и опыт	313
А.И. Долинин. Беличенко – наш поэт	324
ПОЭЗИЯ ОДНОПОЛЧАН	
Юрий Беличенко. Как первая любовь – ракетные войска!	328
В лесной глуши дороги заросли	330
Сосновый край. Гнездовище озона	331
Ракетные заставы. Поэма	332
Виктор Власов. Прочти живой рассказ	344
Юрий Веригин. «Снова снится мне город родной»	345
ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА	346
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Постановление ЦК КПСС	359
ВЕТЕРАНСКИЙ ФОТОАЛЬБОМ	

ПРЕДИСЛОВИЕ

В новом сборнике дана документальная хроника жизни и деятельности Бригады Особого Назначения Резерва Верховного Главного Командования (БОН РВГК) и её преемниц – 22 Бригады Особого Назначения РВГК, 72 инженерной бригады РВГК, 24 ракетной дивизии, которая сопровождается воспоминаниями ветеранов.

История – это не легенда, которая представляет собой некий вымысел, повествование, не подтверждённое историческими документами. История должна опираться только на подтверждённые факты и документы. Поэтому в этой книге, хотя и очень сжато, мы постарались изложить хронику событий, связанных с первым ракетным соединением нашей страны на основе, прежде всего, её исторического формуляра и других документов, подтверждающих их существо.

Сейчас уже нет никого из тех, кто в 1946 году собирал в единое целое разбросанные по территории поверженной Германии составные элементы ракет ФАУ-2, наземного оборудования и документации к ней, для решения задачи изучения ракеты, технологии подготовки и пуска. А затем параллельно переводил незнакомую документацию, которая досталась нам после американцев, с немецкого языка на русский, и учился по ней.

Пусть эта хроника донесёт читателям, прежде всего, новому поколению ракетчиков, рассказ о времени и людях, которые стояли у истоков ракетно-космической эры в нашей стране. Основу этой книги составили воспоминания ветеранов, которые значительно расширяют скупую хронику жизни соединения, наполняют её особым колоритом личных переживаний.

Часть воспоминаний опубликована в 1996 году в сборнике «Первое ракетное соединение Вооружённых Сил страны» теми ветеранами соединения, которых, к великому сожалению, уже среди нас нет.

Особое место занимают страницы воспоминаний бывших фронтовиков о формировании в Германии Бригады Особого Назначения РВГК, о первых пусках управляемых баллистических ракет на полигоне Капустин Яр, которыми была открыта эра создания и освоения ракетно-ядерного оружия и ракетно-космическая эра.

Уделено внимание выполнению специального задания 72 инженерной бригадой РВГК за рубежом Родины и особенно вопросам бдительного несения боевого дежурства, которое в течение тридцати лет несла 24 гвардейская ракетная Гомельская ордена Ленина, Краснознамённая, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизия на территории Калининградской области.

Интересны воспоминания офицеров, служивших в последние годы существования дивизии.

РВСН БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА

Свыше 10 миллионов соотечественников получили в них заcalку

Вы держите в руках уникальную книгу – это сборник воспоминаний стратегических ракетчиков «Первое ракетное соединение нашей страны». Основу его составило издание, увидевшее свет ещё в 1996 году, – «Первое ракетное соединение Вооружённых Сил страны».

Прошло около двух десятков лет после первой публикации – и вот на ветеранском совете под руководством Геннадия Михайловича Поленкова, командовавшего в 80-е годы прошлого века ракетной дивизией, родилась идея подготовить новую книгу с исправлениями допущенных ранее неточностей, добавлениями из новых источников и новыми воспоминаниями ветеранов. Тираж первого издания был невелик, он быстро разошёлся среди ракетчиков. К тому же в канун 70-летия соединения (июль 2016 года) такое издание, посчитали, будет как нельзя кстати.

Первые ракетчики, нет сомнения ни у кого, достойны нашей памяти. Особенно это касается первопроходцев, начинавших ракетную эпопею сразу же после войны на территории поверженной Германии, имена некоторых из них приведены в нашей хронике. А также непосредственных за ними последователей, подхвативших эту эстафету. Так, имя генерала армии Юрия Алексеевича Яшина, воспоминаниями которого открывается сборник, теперь высечено на памятниках и мемориальных досках, медалью Ю.А. Яшина награждают ракетчиков. Люди зачитываются воспоминаниями генерал-полковника Г.Н. Малиновского – одного из первых главных инженеров бригады, а позднее дивизии. Каждое имя, упомянутое в сборнике, заслуживает уважения и доброй памяти.

Ценно и то, что это издание существенно дополнено воспоминаниями продолжателей их дела.

Без преувеличения можно сказать, что большинство ракетчиков в той или иной степени считают 24 ракетную дивизию родной.

Из 30 с лишним лет, отданных РВСН, были годы моей, к примеру, службы в одном из полков, который изначально входил в боевой состав первого ракетного соединения (это 324 ракетный полк, г. Укмерге в Литве).

*Александр ДОЛИНИН,
полковник, ветеран Ракетных войск стратегического назначения
и Центральной военной газеты «Красная звезда»*

**Эта книга увидела свет при финансовой поддержке
ветерана ракетной дивизии Геннадия Николаевича Батанова.**

ПОЛЕНКОВ ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ

*командир дивизии 1980–1986 гг.,
председатель Совета ветеранов
24-й ракетной дивизии*

Посвящается первому ракетному соединению нашей страны

В Гвардейской Гомельской ракетной,
Достойной памяти отцов,
Дивизии для нас приметной
Служила также беззаветно
Плеяда внуков и сынов.

На Знамени её бугрились
Пять орденов военных лет,
И честью данной мы гордились,
Что ей частицей приходились,
Свой в жизни оставляя след.

Война с коричневой чумою
Нам стоила великих жертв
Хлебнули горя мы с лихвою,
Схватившись
Насмерть с сатанюю,
Которому подобных нет.

В сорок втором году тревожном
Страна от шока отошла.
В условиях тяжёлых, сложных,
Казалось, было невозможных,
Резерв Победы создала.

В Измайлово сформировался
Гвардейский реактивный полк.
В историю войны вписался
И нашей памяти достался
Его знамённый красный шёлк.

Сентябрьским днём сорок второго
Полк брошен был под Сталинград.
Не мыслил он пути иного,
Не ждал решения другого,
Чтоб честь Отчизны защищать.

И проявив в боях отвагу,
Всегда нацелен на успех,
Не совершив назад ни шагу,
Последним залпом по рейхстагу
Закончил он свой ратный бег.

От Сталинграда до Берлина
С боями трудный путь прошёл
Гвардейской статью исполина.
Звездой красного рубина
В Берлин победно ты вошёл.

За мужество своё и доблесть
Пять орденов легли на шёлк,
На шёлк знамённый – его совесть,
Страниц военных его повесть.
Гвардейский миномётный полк.

Его традиции и Знамя,
Путь боевой военных лет
Вновь всколыхнулись словно пламя
В бригаде новой тем на память,
Кто создавал его портрет.

Бригада, первая бригада,
В сорок шестой ты год вошла
Началом первого отряда,
Соединений того ряда,
Что паритет нам создала.

За статусом твоим сокрыты
Дела прошедших трудных лет,
Тех лет – рождения элиты,
По праву нами не забытой,
Как покорителей ракет.

Капустин Яр. Степное море.
Тиши неслышный перезвон.
И в эту тишь, его просторы,
Подальше от людского взора
Вошёл ракетный полигон.

Ракеты космос доставали,
Творили люди волшебство,
В идею верили, дерзали –
Ракетный комплекс создавали,
Познав успеха торжество.

Творили, думали и жили
В местах пустынных и глухих.
Но не роптали и не ныли,
Хотя об этом говорили...
Теперь мы говорим о них.

Кто первым запускал ракеты
И встал на старте боевом
В готовности всегда к ответу
Тем, кто хотел взорвать планету,
Нас сжечь в пожаре мировом.

Кто на дежурство боевое
Тогда впервые заступил,
Связав свою судьбу с судьбою
Ракетных войск и таковой
Всегда безмерно дорожил.

В гвардейской Гомельской ракетной,
Достойной памяти отцов,
Дивизии для нас приметной
Служила также беззаветно
Плеяда внуков и сынов.

Приумножая её славу,
Традиции фронтовиков,
Они гордились своим правом
Оберегать свою державу
От посягательства врагов.

Легли истории страницы
На полки многих стеллажей,
И надо, чтоб на тех страницах
Отражены были все лица
Тех замечательных людей.

**ГВАРДЕЙСКАЯ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ, ГОМЕЛЬСКАЯ,
ОРДЕНА ЛЕНИНА, КРАСНОЗНАМЁННАЯ, ОРДЕНОВ
СУВОРОВА, КУТУЗОВА И БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО
БРИГАДА (22 БОН, 72 ИБР) РВГК**

Первичный материал по бригаде был подготовлен Ю.М. Масаловым. В процессе подготовки к переизданию он был скорректирован и дополнен.

30 июня 1942 года в посёлке Измайлово под Москвой был сформирован 92 гвардейский миномётный полк, вооружённый пусковыми установками БМ-13 «катюша». Командовал полком гвардии майор Царёв Павел Петрович. 29 августа полк перебросили под Сталинград в состав 62 гвардейской армии, где он произвёл первый залп по врагу. С боями полк прошёл от Сталинграда до Берлина и принимал участие в штурме рейхстага. 15 марта 1943 года награждён орденом Красного знамени. За проявленные мужество и героизм при освобождении г. Гомеля 26 ноября 1943 года ему присвоено Приказом Верховного Главнокомандующего почётное наименование «Гомельский». Полк принимал участие во многих операциях по разгрому фашистов. Учитывая исключительные заслуги полка в боях по разгрому Бобруйской группировки и овладении городом Бобруйском, Приказом Верховного Главнокомандующего 30 июня 1944 года личному составу полка была объявлена благодарность, а полк награждён орденом Ленина.

В дальнейшем за боевые заслуги в 1945 году полк был награждён орденами: Суворова третьей – 19 февраля, Богдана Хмельницкого второй степени – 24 апреля. Кутузова третьей степени – 21 июня 1945 года.

Боевое Знамя 92 гвардейского миномётного полка хранилось на Красной площади, в Историческом музее до его ремонта в середине 1990 годов среди 9 боевых знамён лучших полков Великой Отечественной войны, а сейчас – в Центральном музее Вооружённых Сил Российской Федерации.

Этот прославленный полк, в соответствии с директивой Начальника Группы советских оккупационных войск (ГСОВ) в Германии № орг. 1/006/75, стал основой формирования первого в нашей стране ракет-

ного соединения – бригады особого назначения (БОН) Резерва Верховного Главнокомандования (РВГК). Формирование бригады начато на основе пункта 16 Постановления Совета Министров СССР № 1017/419 сс «Вопросы реактивного вооружения» в соответствии с предписанием Командующего артиллерией ГСОВ № ОК 3105-19/6 от 31 мая 1946 года с 1 июня 1946 года на территории Группы советских войск в Германии в дер. Берка федеральной земли Тюрингия в 6 км восточнее г. Зондерсхаузена, Пункт 16 Постановления № 1017/419 сс гласил «...сформировать специальную артиллерийскую часть для освоения, подготовки и пуска ракет типа ФАУ-2».

Здесь надо заметить, что выходу этого знаменитого Постановления, положившему начало ракетно-космической эры в нашей стране, предшествовала большая организаторская работа военных и гражданских специалистов под руководством, в то время, генерал-майора Гайдукова Льва Михайловича. Именно он объединил усилия различных оборонных структур страны для решения новых задач освоения ракетной техники и технологий ещё в Германии в 1945 году по окончании войны. Будучи заведующим отделом ЦК ВКП(б) и членом Военного Совета ГМЧ, он, в соответствии с указанием И.В. Сталина и на основании решения Государственного комитета обороны (ГКО) № 9475 сс, возглавил Межведомственную комиссию из представителей наркоматов СССР и ГАУ по изучению и обобщению боевого опыта применения ракетной техники. Итоги работы этой комиссии были изложены в докладной записке И.В. Сталину от 17.04.1946 года «Об организации научно-исследовательских и опытных работ в области реактивного вооружения», которая и явилась основой вышеуказанного Постановления.

Формирование бригады директивой Генерального штаба Вооружённых сил СССР № орг. 3/ 2042 ов было поручено гвардии генерал-майору артиллерии Тверецкому Александру Фёдоровичу, прошедшему всю войну с формированиями «катюш», командовавшему на исходе войны гвардейскими миномётными частями 4-го Украинского фронта, выпускнику инженерно – командного факультета Военной артиллерийской инженерной академии имени Ф.Э. Дзержинского и её адъюнктуры. Этому замечательному Человеку с большой буквы, первому ракетному генералу, генералу – первопроходцу в освоении ракетной техники, посвящена книга «Первый ракетный комбриг» (авторы Г.М. Поленков и Б.В. Юрьев). Она вышла небольшим тиражом в 500 экземпляров и разошлась среди ветеранов первого ракетного соединения. По общему мнению тех, кто

читал этот исторический очерк, необходимо её переиздание большим тиражом для широкого круга читателей.

Действительно, это была, пожалуй, самая достойная кандидатура на роль создателя первого ракетного соединения.

Своим приказом № 01 от 31.5.1946 А.Ф. Тверецкий «Вступил в должность командира бригады особого назначения и приступил к формированию бригады по штату 8/384».

Бригада формировалась в такой период, когда в Советской Армии практически не было офицеров, имеющих хотя бы какое-то отношение к сложной ракетной технике. Укомплектование бригады офицерским составом производилось, в основном, из офицеров Сухопутных войск Группы советских войск в Германии. Рядовой и сержантский состав прибыл из 8-й гвардейской армии, 3-й ударной армии и 4-го артиллерийского корпуса прорыва резерва Верховного Командования. Активным и незаменимым помощником Александру Фёдоровичу Тверецкому в формировании первого ракетного соединения, ставший его первым заместителем, был командир 92 гвардейского миномётного полка гвардии подполковник Пётр Григорьевич Черненко. Активное участие в формировании бригады принимали и будущие конструкторы ракетной техники, в т.ч. С.П. Королёв.

Впоследствии А.Ф. Тверецкий вспоминал: «Все сложности формирования БОН заключались в том, что бригада в своей основе должна была состоять, как я понимал, из офицеров с высшим или средним техническим образованием. Такому формированию способствовало проходившее после войны расформирование многих авиационных частей, частей связи».

Бригада подчинялась непосредственно командующему артиллерией Советской Армии. Формирование бригады осуществлялось быстрыми темпами и к 15 августа 1946 года было, в основном, закончено. Ей присвоили наименование «Бригада особого назначения резерва Верховного Главного Командования» (БОН РВГК). Организационно бригада включала управление, взвод связи, дивизион подготовки ракетных выстрелов, дивизион стартовой службы, дивизион управления и наблюдения за полётом ракеты, дивизион технического обслуживания и батальон охраны.

В последующие годы, по мере освоения нового оружия, названия подразделений бригады и их оргштатная структура, а в целом и бригады, менялись неоднократно.

С окончанием формирования 15 августа, да и в процессе формирования бригады, офицеры приступили к изучению немецкой баллистической ракеты А-4 (ФАУ-2) и её наземного проверочно-пускового оборудо-

дования, одновременно по ходу осуществляя перевод документации на ракету с немецкого на русский язык. Учебной базой стали заводы, испытательная станция, созданный на базе «группы Нордхаузен» (или как её военные называли – «группы Тверецкого»), «Институт Нордхаузен» в августе 1946 года – его лаборатории и срочно созданные специальные классы бригады.

К 30 ноября 1946 года офицерский состав бригады, в основном, освоил свои обязанности по занимаемым должностям. Одновременно обучался рядовой и сержантский состав бригады. В декабре 1946 года бригада приняла специальный поезд № 1 с технической документацией и личный состав бригады приступил к изучению его материальной части, специального оборудования и правил его эксплуатации. Приказом № 0184 от 07.12.1946 командир БОН ввёл в действие «Временное положение о службе эксплуатации и охраны спецпоезда», разработанного офицерами бригады. Этим же приказом введен штатный расчёт группы охраны и обслуживания спецпоезда в количестве 157 человек под руководством инженер-майора Крайзмана. В принципе, это был прообраз нашего БЖРК «Молодец», со всеми составляющими элементами для подготовки и пуска ракеты ФАУ-2 и обеспечивающими системами, но довести его до боевого применения немцы не успели.

1947 год начался напряжённой учёбой всего личного состава бригады. Командиру была поставлена задача: подготовить личный состав бригады к пуску баллистической ракеты А-4 (ФАУ-2) с территории Советского Союза осенью 1947 года. Офицеры подготовили необходимую документацию для проведения комплексных занятий на созданном бригадой стартовой и технической позициях в деревне Берка и наземном оборудовании, собранном личным составом 92-го ГМП и бригады из найденных агрегатов в районе подземного завода «Миттельверк», производившего ракету А-4, после того как американцы выгребли и увезли оттуда всё, что смогли. Расчёты отделений тренировались на комплексных занятиях, отрабатывая технологический процесс подготовки ракеты к пуску и взаимодействие оргштатных структур бригады на технической и стартовых позициях.

Предвидя сложности бытового характера после передислокации на территорию своей страны, только начинавшей восстанавливаться после жестокой войны, генерал-майор А.Ф. Тверецкий в январе 1947 года создаёт команду по демонтажу 20 бараков концлагеря «Дора», обслуживавшего завод «Миттельверк», которые впоследствии сыграли огромную роль при размещении бригады на вновь строящемся полигоне в зимних

условиях. Команду возглавил заместитель командира дивизиона обслуживания майор Кадзаев.

К июню личный состав был подготовлен к выполнению задачи по подготовке и пуску ракеты ФАУ-2. Продолжалась отработка необходимой технической документации для подготовки к пуску и проведения пуска ракеты и, на её основе, тренировки. Из личного состава бригады сформировали стартовую команду, параллельно – вторую стартовую команду из представителей научно-исследовательских институтов и промышленности, а впоследствии и из немецких специалистов-ракетчиков.

26 июля 1947 года Постановлением Совета Министров СССР № 2643/818сс определяются сроки пусков ракет с полигона Советского Союза – сентябрь-октябрь 1947 года и состав Государственной комиссии по проведению пусков ракет под руководством начальника Главного артиллерийского управления (ГАУ) маршала артиллерии Николая Дмитриевича Яковлева. Решением Государственной комиссии, по согласованию с А.Ф. Тверецким, техническим руководителем пусков назначается Сергей Павлович Королёв. В состав Госкомиссии вошёл и командир БОН.

В июле-сентябре специальный поезд № 1 двумя эшелонами под руководством заместителя командира БОН по технической части полковника Л.В. Смагля был передислоцирован в Москву, где провели его профилактический осмотр, эталонирование, ремонт спецоборудования и подготовку к испытательным пускам ракет. 1-й эшелон этого поезда в составе 40 вагонов (цистерн, теплушек, классных вагонов, платформ и др.) и 77 человек возглавил инженер-подполковник Бариленко, второй – в составе 34 вагонов и 94 человек – майор Р.Б. Ванников. Ранее, учитывая, что этот поезд предназначался для промышленности, А.Ф. Тверецкий настоял перед руководством ГСОВ на изготовлении такого же поезда для военных в счёт репараций. И он был изготовлен на заводах Германии в короткие сроки, что потом, на полигоне, сыграло неоценимую роль. В последующем ответственность за эксплуатацию подвижного состава обоих поездов была возложена на специалиста в этой области, выпускника 1941 года Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта, прошедшего войну с 1942 по 1945 годы, Б. М. Соболя.

В период с 3 по 28 августа 1947 года бригада шестью эшелонами и двумя специальными поездами (спецпоезд №1 из Москвы – в сентябре) передислоцировалась из Германии в село Капустин Яр Астраханской области, где строился ракетный полигон для испытательных пусков баллистических ракет. Командир БОН прибыл на полигон с последним эшелонам. Бригада разместились, в соответствии с приказом командира

БОН, в палаточном лагере. Офицеры, кто как мог, устраивались в селе Капустин Яр, в том числе и командир бригады с семьёй. Начался новый этап в жизни и деятельности бригады с колоссальными трудностями первопроходцев: полигон только начинал строиться, а параллельно должны проводиться освоение, испытания и пуски ракет. И бригада, под руководством её командира А.Ф. Тверецкого, решала все задачи успешно.

Юридически гвардии генерал-майор Тверецкий А.Ф. был назначен командиром БОН приказом командующего артиллерией Красной Армии № 01145 9 сентября 1947 года.

Приказом № 0106 от 14 октября командир БОН «... назначил из состава бригады личный состав для обеспечения пуска ракеты». Выписку из этого приказа – состав стартовой команды он представил на согласование С.П. Королёву и на утверждение начальнику полигона генерал-майору В.И. Вознюку.

В ясный день 18 октября 1947 года стартовой командой БОН РВГК (начальник стартовой команды гвардии инженер-майор Трегуб Я.И.) совместно с промышленностью и НИИ впервые в Советском Союзе осуществлён первый пуск баллистической ракеты А-4 (ФАУ-2). В честь запуска первой ракеты на 3-й площадке полигона сооружен обелиск, на котором запечатлена эта дата и фамилии участников знаменательного события (к сожалению, в усечённом варианте).

В октябре-ноябре 1947 года стартовая команда провела 11 испытательных пусков ракет ФАУ-2, собранных в Германии и на заводах Подмосковья. Государственная комиссия и техническое руководство пусков дали высокую оценку работе стартовой команды бригады. 22 ноября бригада из палаточного лагеря переместилась своевременно перед наступившими холодами в собранные, привезённые из Германии, бараки (как всё-таки далеко смотрел командир БОН ещё в Германии!).

В январе 1948 года бригада особого назначения РВГК в соответствии с директивой ГШ ВС № орг./3/466369 от 22.12.47 года выделена из состава артиллерии резерва ВГК и была включена в состав Государственного центрального полигона Министерства Вооружённых Сил (ГЦП МВС) как испытательно-боевая часть. В зимний период обучения этого года боевая подготовка личного состава бригады была направлена на закрепление и обобщение знаний и опыта, полученного при проведении государственных испытаний ракеты А-4 (ФАУ-2).

В июне 1948 года директивой Начальника Генерального штаба Вооружённых Сил СССР бригаде было присвоено наименование «Особого назначения Гомельская ордена Ленина, Краснознамённая, орденов Суво-

рова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригада РВГК».

По преемственности бригада получила почётное наименование, а также награды 92 ГМП.

С 21 августа 1948 года первая батарея стартового дивизиона и техническая батарея бригады были прикомандированы в первое управление ГЦП МВС для проведения испытаний объекта «Волга» (ракеты Р-1, по номенклатуре ГАУ-8А11). В октябре 1948 года из личного состава стартового дивизиона был сформирован боевой расчёт по испытаниям первой отечественной ракеты Р-1 (копия А-4), изготовленной нашей промышленностью на базе отечественных материалов, а 10 октября этим расчётом был произведён первый пуск этой ракеты, имеющей максимальную дальность полёта 270 км и боевое оснащение с обычным взрывчатым веществом. В октябре-ноябре было проведено 13 пусков этой ракеты.

За отличное выполнение специальных работ по проведению пуска ракет Р-1 1281 человек личного состава бригады были поощрены Военным Министром Союза ССР.

С 12 февраля по 5 марта 1949 года группа офицеров бригады под руководством А.Ф. Тверецкого разработала «Наставление по боевой службе расчёта ракеты Р-1», а к апрелю – «Пособие по специальной тактике».

В феврале бригада была проверена комиссией командующего артиллерией Вооружённых Сил, которая дала высокую оценку боевой выучке и слаженности боевых расчётов.

В августе в бригаде впервые организовали занятия по подготовке вновь прибывшего молодого пополнения (710 человек). Большая и кропотливая работа всего личного состава позволила к концу учебного года добиться хорошей подготовки нового пополнения. Молодые солдаты твёрдо усвоили свои обязанности по специальности и могли слаженно действовать в составе отделений батарей стартового и технического дивизионов.

В сентябре-октябре личный состав стартового и технического дивизионов участвовал во втором этапе испытаний ракеты Р-1, изготовленных на базе отечественных технологий. Технический дивизион подготовил к пуску 21 ракету, стартовый дивизион произвёл пуски 11 ракет, остальные пуски были произведены первым управлением ГЦП.

С осени 1949 года на бригаду возложена ответственная задача по подготовке кадров ракетчиков. С октября начали работу бригадные курсы по обучению офицерского состава. Это была первая школа подготовки в нашей стране офицеров, как специалистов – ракетчиков.

7 ноября 1949 года в день 32 годовщины Великой октябрьской социалистической революции начальник ГЦП МВС гвардии генерал-лейте-

нант Вознюк Василий Иванович торжественно вручил бригаде Боевое Знамя со всеми регалиями по преемственности от 92 ГМП.

С 16 декабря 1949 года в командование бригадой вступил гвардии полковник Гумиров Василий Михайлович. Гвардии генерал-майор артиллерии Тверецкий А.Ф. назначается начальником первого испытательного управления полигона, которое в своём большинстве было укомплектовано офицерами его бригады.

В зимний период обучения 1949–1950 годы основным направлением деятельности бригады была подготовка трёх огневых (после перехода бригады на трёх- дивизионную структуру стартовый дивизион переименован в огневой) и технического дивизионов к самостоятельному проведению учебно-боевых пусков ракет, тем более, что в нее влилось новое пополнение офицеров, солдат и сержантов. Для развития учебно-материальной базы бригаде было выделено промышленностью четыре ракеты различных образцов, элементы которых были использованы для оборудования классов. Практическое обучение проходило на базе ракеты Р-1 и ее наземного оборудования.

В январе комиссия заместителя военного министра и командующего артиллерией Советской Армии провела проверку бригады по вопросам укомплектования личным составом, состояния воинской дисциплины, караульной службы, внутреннего порядка и расквартирования бригады.

С 15 мая 1950 года в командование бригадой вступил Герой Советского Союза гвардии полковник (впоследствии генерал-майор) Иванов Василий Николаевич, сыгравший впоследствии большую роль в обустройстве бригады на новом месте дислокации и подготовке её как первого боевого ракетного соединения Вооружённых сил страны.

В летний период обучения была проведена большая работа по топогеодезической подготовке района пусковых площадок ГЦП. По окончании этих работ личный состав технического и огневых дивизионов был выведен на пусковые площадки для подготовки к осенним пускам ракет А-4 и Р-1. Одновременно личный состав бригады принимал участие в полигонных испытаниях новых систем установок и снарядов реактивной артиллерии. Но теперь основой подготовки бригады становится подготовка её как боевого соединения Советской армии, не снимая полностью испытательных задач.

С 9 по 12 августа 1950 года командующим артиллерией Советской Армии генерал-полковником Неделиным Митрофаном Ивановичем было проведено тактическое учение с бригадой на территории ГЦП на тему: «Действие бригады особого назначения РВГК при наступательной опе-

рации фронта». В ходе учения проверена слаженность подразделений бригады, готовность к приёму ракет, проведению испытаний и пусков ракет и другие вопросы. Бригада показала на учениях хорошую слаженность на всех этапах подготовки к пуску и проведению пусков ракет.

В августе и сентябре важным событием для бригады явился первый выпуск курсов переподготовки офицеров и первых сержантов школы подготовки сержантского состава.

26 октября 1950 года личный состав бригады принимал участие в испытаниях отечественной ракеты Р-2 (по номенклатуре ГАУ-8Ж38). Эта ракета имела уже отделяющуюся головную часть и дальность полёта 590 км.

8 декабря 1950 года, в связи с началом формирования новой БОН, бригаде присваивается наименование «22 особого назначения Гомельская ордена Ленина, Краснознамённая, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригада РВГК».

В этом же месяце из состава бригады переданы 4-я батарея 2-го огневого дивизиона и 24 офицера из других подразделений на укомплектование очередной, 23-й бригады особого назначения РВГК.

С 1951 года начинают присваиваться условные наименования управлениям БОН и дивизионам. 22 БОН получает условное наименование «Войсковая часть 57246»,

В зимний период обучения 1951 года успешно решались задачи по слаживанию подразделений бригады и подготовке их к пускам ракет.

Приказом Военного министра СССР от 25 февраля 1951 года бригаде устанавливается годовой праздник 15 июля.

В феврале из бригады в организационно – штатную структуру ГЦП были переданы курсы по переподготовке офицеров.

Летний период обучения 1951 года был направлен на успешное решение личным составом 1-го и 3-го огневых и технического дивизионов задач выполнения боевых стрельб. С этой целью с 13 по 16 апреля и с 8 по 10 мая 1951 года проведены командно-штабные учения на тему: «Действие бригады по выполнению задачи на поражение заданного объекта».

В мае-июне 1-й и 3-й огневые и технический дивизионы проверялись на готовность к проведению боевых стрельб. По результатам двукратной проверки государственная комиссия дала хорошую оценку подготовленности подразделений.

В период с 19 по 26 июня 1951 года бригада произвела девять учебно-боевых пусков ракет. За успешное окончание специальных работ всему личному составу 1-го и 3-го огневых и технического дивизионов

начальником ГЦП была объявлена благодарность. В распоряжение командования бригады было выделено 18000 рублей для поощрения личного состава.

С 14 по 27 июня 1951 года бригада была проверена командующим артиллерией Советской армии генерал-полковником М.И. Неделиным в ходе выполнения пусков ракет. Командованием бригады и личным составом специальное задание выполнено с оценкой «хорошо».

С 16 по 21 июля личным составом 2-й батареи проведено шесть показательных комплексных занятий для оказания помощи в подготовке личного состава 23-й бригады РВГК.

23 мая 1951 года приказом Военного Министра Союза ССР вводится в действие Наставление артиллерии Советской Армии «Боевое применение бригады особого назначения резерва Верховного Главного Командования, вооружённой ракетами дальнего действия», которое было отработано группой офицеров бригады и испытательного управления под руководством генерал-майора артиллерии А.Ф. Тверецкого.

В октябре комиссией ГЦП бригада была проверена по итогам учебного года. Специальная подготовка личного состава бригады оценена на «отлично», общая оценка – «хорошо».

Учебный год в бригаде в 1952 году начался с подготовки солдат нового пополнения к работе на ракете Р-1. К марту была достигнута вполне удовлетворительная слаженность отделений.

В соответствии с указаниями Главного артиллерийского управления с 10 марта бригада начала подготовку отделений к работе с более совершенной ракетой Р-2. Уже в июле все батареи провели комплексные занятия с запуском двигателей ракеты Р-2 на предварительную ступень.

В августе и сентябре государственная комиссия провела проверку огневых и технической батарей на готовность их к учебно-боевым пускам ракеты Р-2. С целью сокращения сроков подготовки офицерского состава в бригаде впервые применён метод сборов. Одновременно была проведена большая работа по подготовке офицеров – ракетчиков запаса в школе подготовки сержантов бригады. И в августе впервые было выпущено 16 офицеров запаса.

С 27 августа по 18 сентября 1952 года стартовые расчёты бригады провели восемь учебно-боевых пусков ракеты Р-2 с оценкой «хорошо».

Осенью 1952 года наступает новый, войсковой этап, в деятельности бригады. В период с 10 по 23 октября бригада с полигона Капустин Яр шестью эшелонами передислоцируется в село Медведь Новгородской области.

По объёму и сложности задач, решаемых бригадой, 1953 год был особым годом. На новом месте дислокации личным составом велись большие работы по строительству жилья, бытовых помещений, боевых комплексов. Но боевая учёба не прекращалась. Бригада из испытательно – боевой становится боевым соединением Советской Армии.

В зимнем периоде обучения основное внимание уделялось совершенствованию технических знаний личного состава по ракетам и оборудованию Р-1 и Р-2.

В марте 1953 года начинают формироваться бригады с новой штатной структурой и новым наименованием – инженерные бригады и 22 БОН реформируется на эту структуру и получает новое наименование «72 инженерная Гомельская ордена Ленина, Краснознамённая, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригада РВГК».

Большим событием в истории страны явилось успешное испытание 15 марта 1953 года на ГЦП одноступенчатой баллистической ракеты Р-5 (по номенклатуре ГАУ – 8К51). Одновременно успешно шли работы по освоению ракеты стратегического назначения Р-5М, предназначенной для доставки к цели головной части как с обычным, так и с ядерным зарядом на дальность до 1200 км. Успешно шли работы на полигоне по созданию новой оперативно-тактической ракеты Р-11 на высококипящих компонентах ракетного топлива, первый пуск которой состоялся 18 апреля 1953 года.

В летний период обучения главной задачей личного состава бригады стало дальнейшее совершенствование практической подготовки батарей по проведению учебно-боевых пусков ракет Р-1 и Р-2.

В конце июня 1953 года бригада переехала в лагерь, оборудованный на Липовой горе (под г. Луга), где проводились занятия по специальной и тактической подготовке в полевых условиях.

В 1953 году дважды, в июле и сентябре, бригада подвергалась проверке комиссией под руководством заместителя командующего артиллерией Советской Армии генерал-лейтенанта Никольского М.А. и получила оценку «удовлетворительно».

Зимний период обучения в 1954 году был направлен на дальнейшее совершенствование боевой готовности, навыков по подготовке и проведению учебно-боевых пусков ракет Р-1 и Р-2 и на освоение методов ведения боевых действий в условиях применения атомного оружия и других средств современной борьбы. С подразделениями бригады продолжают различные войсковые учения с целью выработки рекомендаций в боевом применении и эксплуатации в различных условиях

обстановки. В период января — февраля 1954 года со 2-м дивизионом 72-й бригады проведены испытания по эксплуатации Р-1 и Р-2 в условиях крайне низких температур (ниже -40°C), с этой целью 6 января дивизион убыл эшелоном со ст. Уторгош по железной дороге на Восток, а 21 января прибыл на ст. Нерчинск Забайкальского края, где за 10 часов была проведена разгрузка эшелона при температуре -52°C .

В период с 26 января по 7 февраля 1954 года было проведено пять циклов подготовки и имитации пуска ракеты Р-1. С 12 по 16 февраля совершался марш по грунтовым дорогам на расстояние 1000 км, после чего 16-17 февраля проведён 6-й контрольный цикл подготовки и имитации пуска Р-1 (при температуре -43°C). По результатам этих испытаний были определены временные характеристики развёртывания дивизиона в тяжёлых условиях, выданы рекомендации по решению проблем, возникающих при эксплуатации ракет в условиях низких температур. В феврале 1954 года 6-я стартовая батарея и техническая батарея 3-го дивизиона провели показательное занятие для командующих артиллерией военных округов с ракетой Р-1.

В целях повышения специальной подготовки офицерского состава в зимний период обучения были проведены сборы с вновь прибывшими офицерами, с офицерами радиотехнических станций РКТ и СОН-4 и с офицерами-ракетчиками и геодезистами.

В зимний период обучения на тактических занятиях стартовые и технические батареи отрабатывали задачи слаживания отделений при подготовке ракет к пуску в условиях угрозы применения противником атомного оружия. По завершению этих занятий в апреле 1954 года командиром бригады проведена командно-штабная игра по теме: «Работа штаба бригады и дивизионов при развёртывании частей в боевой порядок и при подготовке ракет к пуску в условиях угрозы применения противником атомного оружия».

По завершению зимнего периода обучения, 15 мая 1954 года бригада в полном составе совершила марш в лагерь, расположенный на Липовой горе, где подразделения бригады проводили тактические учения и комплексные занятия на материальной части ракет Р-1 и Р-2 в течение четырёх месяцев в летних условиях.

К концу августа при оценке слаженности батарей путём проведения комплексных занятий на ракетах Р-1 и Р-2 с запуском двигателей на предварительную ступень было установлено, что стартовые и технические батареи вполне подготовлены к проведению пусков ракет как в дневных, так и в ночных условиях.

В сентябре 1954 года бригада проверялась комиссией командующего артиллерией. Общая оценка слаженности батарей бригады – «хорошо».

3 октября бригада в полном составе передислоцировалась на «зимние квартиры».

Директивой Генерального штаба Советской Армии и директивой заместителя министра обороны, главного маршала артиллерии Неделина М.И. бригада с 1 июля 1955 года перешла на изменённые организационно-штатные структуры, по которым отделения БРК (боковой радиокоррекции) вошли в состав стартовых батарей, а огневые дивизионы получили новые наименования и нумерацию:

1-й дивизион – 635-й отдельный инженерный дивизион (оид); 2-й дивизион – 638 оид; 3-й дивизион – 650 оид.

Основными задачами боевой подготовки в 1955 году являлись дальнейшее совершенствование боевой готовности, ликвидация сезонности в учёбе, дальнейшее совершенствование и освоение всего комплекса работ по подготовке к пуску ракет Р-1 и Р-2 в условиях применения новых средств массового поражения. Особое внимание уделялось подготовке батарей к работе в ночных условиях и освоению наставления по действиям войск в условиях применения атомного оружия.

Каждой стартовой батареей 635 оид в зимний период обучения было проведено два пуска ракеты Р-2 с ГЦП, один из них в ночное время.

В зимний период обучения под руководством заместителя министра обороны, главного маршала артиллерии Неделина М.И. комиссией Штаба реактивных частей была проверена слаженность 650 оид. На учении дивизион в сложных метеорологических условиях совершил длительный марш и занял боевой порядок в указанном районе. Комиссия отметила положительное стремление личного состава к изучению путей сокращения времени на подготовку ракет к пуску. Лучшее время, которое было показано боевыми расчётами части на комплексных занятиях по подготовке ракеты к пуску, составило 3 часа 15 минут.

В летний период обучения в условиях высоких температур 1-й батареей 638 оид было проведено два пуска ракеты Р-2У и один пуск ракеты Р-2, 2-й батареей – два пуска ракеты Р-2.

В 1956 году продолжалась упорная работа всего личного состава бригады по освоению техники и совершенствованию навыков работы в сжатые сроки и в сложных метеорологических условиях.

21 июня 1956 года по окончании успешных испытаний ракета Р-5М была принята на вооружение. Она обеспечивала доставку к цели боево-

го заряда на дальность 1200 км с минимальным боковым отклонением от точки прицеливания за счёт применения боковой радиокоррекции.

650 оид был перевооружён на ракету Р-5М и в октябре был направлен на ГЦП, где по 30 марта 1957 года всеми батареями отрабатывал задачи по подготовке и проведению пусков ракеты с реальным одним пуском на батарею.

С 1 марта 1957 года 650 оид переведён на новый штат, что привело к резкому возрастанию численности дивизиона (635 военнослужащих и 2 служащих). В апреле при части сформирована 23 полевая специальная сборочная бригада (пссб).

В 1957 году основной задачей для 635 и 638 оид была подготовка к пуску ракет Р-1 и Р-2, а для 650 оид – ракеты Р-5М в дневное и ночное время в сложных условиях современного боя. Подготовка велась с совершением ночных маршей с развёртыванием в боевой порядок с полным инженерным, геодезическим и метеорологическим обеспечением в условиях лесистой и пересечённой местности.

В связи с этим шла напряжённая подготовка офицеров в системе командирских занятий, технических тренировок, на полевых занятиях с подразделениями, на штабных, командно-штабных и тактических учениях, а также путём самостоятельной подготовки и сборов.

С 29 августа по 7 сентября 1957 года штаб бригады участвовал во фронтовом командно-штабном учении Ленинградского военного округа. Это было первое учение с участием соединения, вооружённого стратегическим ракетно-ядерным оружием.

В летний период напряжённой учёбы было проведено два учения: пятисуточное тактическое учение бригады на тему: «Действие инженерной бригады РВГК в наступательной операции фронта» и односуточное тактическое учение на тему: «Перевозка инженерной бригады РВГК по железной дороге».

В период с 15 июня по 30 июля 635 оид на ГЦП проводил пуски ракет Р-1 и Р-2. Каждая стартовая батарея провела по одному пуску этих ракет.

В период с 28 августа по 16 октября 1957 года 638 оид проводил на ГЦП пуски ракет Р-2. Каждая стартовая батарея провела по два пуска ракеты в максимальном темпе с СП-2.

Личный состав батарей в 1957 году получил хорошие практические навыки и теоретические знания в работе на материальной части и добился значительных результатов по сокращению времени на подготовку к пуску ракет. Так, 2 батарея 638 оид подготовила и произвела пуск ракеты на ГЦП за 3 часа 10 минут.

При проверке боевой готовности инспекторской комиссией установлено, что все дивизионы и бригада в целом боеготовы, состояние боевой и политической подготовки хорошее.

В течение 1958 года 72 инженерная бригада несколько раз реорганизовалась в соответствии с новыми штатами. В январе в состав 72 бригады вошла 22 полевая специальная сборочная бригада; 635 и 638 оид переведены на новые штаты, а в июле при части сформирована 41 полевая специальная сборочная бригада.

В зимний период обучения 638 оид приступил к изучению ракеты Р-5М и комплекта оборудования к ней. В летний период обучения эту же задачу решал 635 оид. К концу года все дивизионы бригады были готовы к проведению пусков ракеты Р-5М.

Весной и осенью 1958 года 635, 638, 650 оид провели восемь учебно-боевых пусков ракеты Р-5М, в том числе 638 оид – 4 пуска ракет в целях создания системы ПРО с СП-5 «Челкар».

В июне 1958 года 650 оид провёл опытное учение, в ходе которого совершил марш по грунтовой дороге на расстояние 1000 км с развёртыванием в боевой порядок и подготовкой ракеты Р-5М к пуску. Учение показало хорошую маневренность и возможность проводить пуски ракет из неподготовленных районов и позиций.

В июле 1958 года командиром бригады назначен полковник Холопов Александр Иванович.

С 15 октября 23 полевая специальная сборочная бригада (пссб) переименована в 349 подвижную ремонтную техническую базу (пртб), 22 пссб – в 320 пртб, 41 пссб – в 432 пртб.

На проверке боевой и политической подготовки, проводимой Штабом реактивных частей в июне 1958 года, личный состав бригады показал хорошие результаты.

В июле 1958 года 650 оид и 345 пртб бригады были переведены в г. Гвардейск Калининградской области для постоянной дислокации, имея целями американскую 40-ю полевую группу на территории ФРГ с ракетами средней дальности «Редстоун», нацеленных на нашу страну.

В составе бригады остались 635 и 638 оид, 349 и 432 пртб, которые были переведены на увеличенные оргштатные структуры (в оид 701 военнослужащий и 4 служащих). Офицеры бригады понимали, что бригаду готовили к выполнению каких-то новых задач.

Вооруженные ракетами Р-5М советские ракетные полки в Крыму, на Юго-Западной Украине и под Калининградом, держали под прицелом позиции американских ракетчиков не только в ФРГ, но и в Турции, и Италии,

однако достать со своей территории ракетные базы в Центральной и Западной Англии БРСД «Юпитер» с помощью комплексов Р-5М не могли – не хватало дальности. И тогда советский Генштаб воспользовался секретным межправительственным соглашением, по которому советские инженерные бригады РВГК могли быть размещены на территории Германии (бывшей Германской Демократической Республики – ГДР). Военно-политическим руководством страны было принято решение реализовать это соглашение. Начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Василий Данилович Соколовский направил совершенно секретную директиву на скрытную передислокацию управления и двух ракетных дивизионов гвардейской 72-й инженерной бригады РВГК из села Медведь Новгородской области в район населенных пунктов Фюрстенберг (управление бригады и 638 отдельный инженерный дивизион РВГК, командир подполковник Уваров Пётр Петрович) и Фогельзанг (635 отдельный инженерный дивизион РВГК, командир подполковник Евсеев Филипп Фёдорович) на северо-востоке бывшей Германской Демократической Республики, где со времени войны стояли гарнизонами полки и дивизии 2-й гвардейской танковой армии – только там и можно было спрятать позиции стратегических ракетчиков от любопытного постороннего взгляда. Эти населённые пункты были более чем на 600 км западнее самой западной нашей ракетной части (650 отдельный инженерный дивизион РВГК, командир подполковник Спрысков Борис Михайлович) в Гвардейске Калининградской области.

«Командиры, политработники, офицеры штабов и особых отделов – все работали на то, чтобы сохранить в тайне всё, что касается наших частей и выполняемой задачи. Были продуманы и безукоризненно выполнялись мероприятия легенды прикрытия, тщательно маскировалась специальная техника, бдительно несли службу караулы, суточный наряд, патрули. Тогда на железной дороге бригада с целью обеспечения скрытности трижды производила «перевалку» грузов. Но ни в Польше, ни в Германии никто даже не заподозрил истинного содержания наших вагонов и платформ», – вспоминал Георгий Николаевич Малиновский, будучи в то время главным инженером бригады.

В ГДР вся бригада была передислоцирована со штатной техникой и вооружением в период с 24.12.1958 г. по 16.02.1959 г. и скрытно размещена рядом со штабом 2-й гвардейской танковой армии и в расположении дислоцированной юго-восточнее 25-й гвардейской танковой дивизии на заранее подготовленных боевых позициях и городках для личного состава и семей офицеров.

Этот выезд на год за пределы страны стал серьёзной проверкой моральных и физических качеств, профессиональной выучки личного состава бригады. В отличие от операции «Анадырь» на Кубе, разведка США и Англии так и не обнаружила в составе ГСВГ соединения стратегических ракет. В НАТО даже после убийства бригады из ГДР не подозревали об этом секрете 2-й гвардейской танковой армии и нацеленных на туманный Альбион ракет вплоть до 1990-х годов прошлого века.

С 1 июня 1959 года в соответствии с директивой Министра обороны СССР № орг./3/71511 от 04.4.59 г. инженерные дивизионы переименовываются в инженерные полки (ип) со штатной численностью 1220 военнослужащих и 4 служащих: 635 оид РВГК становится 25 инженерным полком РВГК, 638 оид РВГК – 638 инженерным полком РВГК, а 650 оид РВГК-97 инженерным полком РВГК.

В этом же месяце с бригадой ознакомился Главнокомандующий Группой советских войск в Германии Маршал Советского Союза М.В. Захаров.

Учитывая принятие на вооружение 4 марта 1959 года новой стратегической ракеты Р-12 с дальностью 2000 км целесообразность в нахождении 72 инженерной бригады в ГДР отпала и перед бригадой поставлена задача по возвращении её в Советский Союз, которая была выполнена в период с 17 августа по 20 сентября 1959 года. При этом, инженерные полки бригады выводятся из её состава и получают новые места дислокации. Так 638 инженерный полк (командир полка Сальницкий Иван Трофимович) до мая 1961 года базируется в г. Волковыск Гродненской области, а с мая этого же года в г. Слоним в составе формируемой 49 ракетной дивизии в г. Лида (все города в Белоруссии). На их базе формируются новые соединения на основе опыта, приобретённого офицерским составом этих полков, что, в свою очередь, способствовало оперативному вводу вновь формируемых ракетных соединений в боевой состав ВС СССР.

В ноябре этого же года была определена новая структура бригады и установлены новые места дислокации её частей: управление 72 ибр – пос. Знаменск Гвардейского района Калининградской области; 97 ип РВГК – г. Гвардейск (вновь вошёл в состав бригады); 349 пртб – г. Гвардейск (вновь вошла в состав бригады); 323 ип РВГК – пос. Чернышевское Нестеровского района Калининградской области; 847 пртб – пос. Чернышевское Нестеровского района Калининградской области; 330 ип РВГК – пос. Знаменск Гвардейского района Калининградской области; 912 пртб – пос. Знаменск Гвардейского района Калининградской области.

Событием исторической важности для первого ракетного соединения и ВС страны стала дата 1 октября 1959 года – 97 ип РВГК заступил на боевое дежурство (командир полка подполковник Спрысков Борис Михайлович).

Важным событием в жизни бригады явилось освоение личным составом 323 ип РВГК новой ракеты Р-12. В течение осени 1959 года личный состав проходил переподготовку на ГЦП. Успешно были сданы зачёты по теоретической и практической подготовке на допуск к пуску новой ракеты Р-12.

В декабре 1959 года 5-я и 6-я стартовые батареи 323 ип РВГК произвели по одному пуску ракеты Р-12 с оценкой «хорошо».

В период с 23 по 25 февраля 1960 года 97 ип РВГК и 349 пртб посетил Председатель Верховного Совета СССР Брежнев Л.И.

С ним прибыли Д.Ф. Устинов – секретарь ЦК КПСС, министр обороны Маршал Советского Союза Малиновский Р.Я., главнокомандующий РВСН главный маршал артиллерии Неделин М.И., главные конструкторы Бармин В.П., Янгель М.К. и другие. Полк стоял на боевом дежурстве на основных позициях. К этому времени основные сооружения боевых комплексов были построены.

Брежнев Л.И. и сопровождающие его лица прибыли в 1-й дивизион (у пос. Солдатово). По прибытии на БСП дивизиона заслушали командира бригады полковника Холопова А.И. и командира полка подполковника Спрыскова Б.М. Вначале по схеме подполковник Спрысков Б.М. доложил расположение объектов полка. После чего московским гостям показали работу стартовой батареи по подготовке пуска ракеты Р-5М под руководством врио командира дивизиона, в недалёком прошлом самого опытного командира батареи, капитана Никольского Г.Н. На технической позиции продемонстрировали технологический процесс проверки ракеты Р-5М в горизонтальном состоянии, осмотрели хранилище с боезапасом ракет, а также хранилище с головными частями.

В мае 1960 года в состав бригады вошли: 25 ип РВГК и 432 пртб – место дислокации г. Советск Калининградской области; 324 ип РВГК и 886 пртб – место дислокации г. Укмерге Литовской ССР.

За период существования бригады её стартовые батареи произвели 75 пусков ракет, начиная от ракет А-4 до Р-12. В таком составе подошла 72 инженерная бригада к периоду формирования дивизий в созданных 17 декабря 1959 года Ракетных войсках стратегического назначения.

Ракеты Р-1, Р-2, Р-5 и Р-5М – конструкции ОКБ Сергея Павловича Королёва, ракета Р-12 – Михаила Кузьмича Янгеля.

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ БРИГАДЫ

Командиры бригады:

Генерал-майор Тверецкий А.Ф. (до марта 1949 года);
Генерал-майор Гумиров В.М. (до 3 апреля 1950 года);
Герой Советского Союза генерал майор Иванов В.Н. (до 21 июля 1958 года);
Полковник Холопов А.И. (до июня 1960 года);

Заместители командира бригады:

Подполковник Черненко П.Г (с 6 июля 1946 года по 18 ноября 1948 года);
Полковник Линенко В.В. (до 1 июля 1949 года);
Подполковник Ганюшкин А.Ф. (до 25 декабря 1950 года);
Полковник Небоженко Т.Н. (до 10 марта 1952 года);
Полковник Левашов А.Ф. (до 13 июня 1952 года);
Герой Советского Союза полковник Коломейцев А.Ф. (до 25 мая 1954 года);
Полковник Холопов А.И. (до 21 июля 1958 года);
Полковник Уваров П.П. (с 6 сентября 1958 года);
Начальники штаба бригады:
Полковник Михайлов П.В. (до 18 ноября 1948 года);
Полковник Ганюшкин А.Ф. (до 1 июля 1949 года);
Полковник Линенко В.В. (до 14 октября 1950 года);
Полковник Тюрин Д.А. (до декабря 1959 года);
Полковник Безук Г.И. (с декабря 1959 года).

Заместители командира бригады-главные инженеры:

Полковник Смаглий Л.В. (до 21 марта 1952 года);
Полковник Ханин Б.Г. (до 28 июня 1955 года);
Полковник Андрюков В.И. (до 10 июля 1957 года);
Подполковник Малиновский Г.Н. (с 10 июля 1957 года).

Заместители командира бригады по политической части – начальники политотделов:

Полковник Зубов М.Г. (до 31 октября 1946 года);
Полковник Леонтьев Л.В. (до 14 марта 1951 года);
Полковник Малков Д.И. (до 31 ноября 1954 года);
Полковник Лесков В.Л. (до 12 мая 1956 года);

Полковник Озеров С.А. (до декабря 1959 года);
Подполковник Чевельча Н.С.(с декабря 1959 года).

Заместители командира бригады по тылу:

полковник Зуев Михаил Васильевич (до 16 мая 1947 года);
полковник Тарнавский Вениамин Владимирович (до 6 августа 1949 года);
полковник Локоть Николай Васильевич (до 29 августа 1952 года);
полковник Науменко Павел Федосеевич (до 22 декабря 1961 года).

Командирами отдельных инженерных дивизионов, инженерных полков РВГК и подвижных ремонтно-технических баз были полковник Андрюков В.И., полковник Коваленко И.П., подполковник Евсеев Ф.Ф., полковник Устинов Г. И, подполковник Уваров П.П., подполковник Красавин, полковник Пушкарёв А.М., полковник Спрысков Б.М., полковник Бондарев Ф.В., полковник Сасько П.И., полковник Галочкин В.С., подполковник Нестеров С.И., Дмитриев А.А.

Авторский коллектив приносит извинения за неполный перечень имён командиров частей и подразделений, входящих в состав бригады, недостаточность освещённости событий, связанных с различными направлениями деятельности бригады, из-за скудости официальных документов.

24 ГВАРДЕЙСКАЯ РАКЕТНАЯ ГОМЕЛЬСКАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА, КРАСНОЗНАМЁННАЯ, ОРДЕНОВ СУВОРОВА, КУТУЗОВА И БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО ДИВИЗИЯ

В соответствии с директивой Министра обороны СССР № орг./9/59003-ов от 25.5.60 г. в июне 1960 года 72 инженерная бригада РВГК переформировывается в 24 ракетную дивизию (рд). Этой же директивой все инженерные полки переведены на штаты ракетных полков (рп), при этом 25, 323, 324 и 330 рп численностью 1456 военнослужащих и 7 служащих, 97 рп численностью 1761 военнослужащий и 7 служащих, а подвижные ртб – на штаты ртб.

Местом постоянной дислокации управления 24 ракетной дивизии до октября 1960 года был посёлок Знаменск, а с октября 1960 года – город Гвардейск Калининградской области.

При формировании в состав дивизии вошли:

– 25 инженерный полк РВГК – место постоянной дислокации г. Советск Калининградской области. Полк был сформирован на базе 635 отдельного инженерного дивизиона РВГК с 1 июня 1959 года по 1 октября 1959 года, начав формирование на территории ГДР и закончив на месте постоянной дислокации. Формировал полк его первый командир полковник Евсеев Филипп Фёдорович;

– 432 подвижная ремонтно-техническая база – место постоянной дислокации город Советск Калининградской области. Сформирована была ртб в июле 1958 года в селе Медведь Шимского района Новгородской области и с августа 1959 года была введена в состав 72 инженерной бригады РВГК. Формировал часть инженер-подполковник Нестеров Семён Иванович;

– 97 инженерный полк РВГК – место постоянной дислокации г. Гвардейск Калининградской области. Полк сформирован на базе 650 отдельного инженерного дивизиона РВГК 24 апреля 1959 года. Формировал полк и был его первым командиром подполковник Спрысков Борис Михайлович;

– 349 подвижная ремонтно-техническая база – место постоянной дислокации г. Гвардейск Калининградской области. Сформирована была пртб на месте к 15 октября 1958 года, её первым начальником стал инженер-подполковник Сасько Прокофий Иванович;

– 323 инженерный полк РВГК – место постоянной дислокации г. Гусев Калининградской области (до мая 1961 года – пос. Чернышевское Нестеровского района той же области). Полк формировался на базе 270

стрелковой Демидовской Краснознамённой дивизии в посёлке Тоцкое Оренбургской области. Формирование было закончено к 10 октября 1959 года. По преемственности получил наименование Демидовского Краснознамённого. Формировал полк полковник Вендиктов Иван Никифорович;

– 847 подвижная ремонтно-техническая база – место постоянной дислокации город Гусев Калининградской области, до 9 мая 1961 года – пос.Чернышевское Нестеровского района той же области). Часть была сформирована в посёлке Тоцкое Оренбургской области к 1 октября 1959 года. Формировал пртб полковник Воробьёв Иван Петрович;

– 330 инженерный полк РВГК – место постоянной дислокации пос. Знаменск Калининградской области. Полк начал формироваться в посёлке Раздольное Приморского края 1 сентября 1959 года на базе 38 артиллерийской дивизии РВГК и закончил его на месте постоянной дислокации. Формировал полк его первый командир полковник Артёмов Григорий Афанасьевич;

– 912 подвижная ремонтно-техническая база – место постоянной дислокации пос. Знаменск Калининградской области. Часть сформирована в период с 21 по 30 октября 1959 года в посёлке Раздольное Приморского края и к 16 ноября этого же года прибыла к месту постоянной дислокации. Формировал пртб её первый начальник полковник Митин Павел Денисович;

– 324 инженерный полк РВГК – место постоянной дислокации г. Укмерге Литовской ССР. Полк был сформирован на базе 44 и 130 мотострелковых дивизий в городе Уральске Приволжского военного округа к 1 сентября 1959 года. Формировал его первый командир полковник Бондаренко Иван Назарович;

– 866 подвижная ремонтно-техническая база – место постоянной дислокации г.Укмерге Литовской ССР. Часть была сформирован к 1 сентября 1959 года в посёлке Тоцкое Оренбургской области. Формировал пртб её первый начальник полковник Деремян Амаяк Капрелович.

С 1 июня 1960 года 25, 323, 324 и 330 инженерные полки РВГК переводятся на штаты ракетных полков, а все подвижные ртб переводятся на новую организационно-штатную структуру – ремонтно-технические базы.

С июля по декабрь 1960 года сформировались и вошли в состав дивизии:

308 ракетный полк – место постоянной дислокации г. Неман Калининградской области. Полк формировался на месте уже по штату

ракетного полка на базе 11 гвардейской пушечной артиллерийской Кенигсбергской Краснознамённой, ордена Кутузова бригады и по премущественности получил её наименование. Формировал полк и был его первым командиром полковник Шафаренко Константин Иванович;

1504 подвижная ремонтно-техническая база – место постоянной дислокации г. Неман Калининградской области. Сформирована на месте в июне 1960 года первым начальником пртб подполковником Звигляничем Николаем Яковлевичем;

957 отдельный батальон связи – место постоянной дислокации г. Гвардейск Калининградской области. Формировался на месте подполковником Калиной Петром Ивановичем.

4 августа 1960 года был назначен первый командир 24 ракетной дивизии – командир 72 инженерной бригады РВГК полковник Холопов Александр Иванович. В августе и сентябре назначаются заместители командира дивизии: заместитель командира полковник Шаргородский Василий Фёдорович, заместитель командира дивизии по политической части -начальник политического отдела подполковник Чевельча Николай Степанович, начальник штаба дивизии полковник Безук Георгий Иванович, заместитель командира дивизии по ракетному и артиллерийскому вооружению инженер-полковник Малиновский Георгий Николаевич, заместитель командира дивизии по тылу полковник Науменко Павел Фёдорович.

С августа 1960 года дивизия передана из подчинения Штаба реактивных частей в состав 50 ракетной армии.

В 1960 году во исполнение поставленных задач и с учётом поступающей на вооружение новой техники части дивизии совершенствовали свою профессиональную подготовку по ракетам Р-2 и Р-5М и начали осваивать основную штатную ракету Р-12 и наземное оборудование к ней. Техника по новому штатному ракетному комплексу начала поступать с апреля.

Сдав зачёты на допуск к несению боевого дежурства комиссии главного штаба РВСН, летом 25 ракетный полк и 432 ремонтно-техническая база были выведены в основной позиционный район для несения боевого дежурства на комплексе с ракетой Р-12. Они были полностью готовы к несению боевого дежурства всеми боевыми расчётами. В сложных условиях личный состав этих частей приступил к выполнению задачи особой государственной важности. Вместе с выполнением задачи по несению боевого дежурства, совершенствованию профессиональной подготовки личному составу пришлось много трудиться по освоению

нового ракетного комплекса, боевых стартовых позиций, участвовать в строительстве сооружений и объектов социально-культурного и бытового назначения. Не было пока казарм для личного состава, общежитий для офицеров, столовых и других жизненно важных объектов и сооружений как на боевой позиции, так и в пристартовом городке. Люди размещались и питались в палатках и сооружениях № 2 (хранилищах ракет).

К 1 сентября 1960 года в 25 и 323 ракетных полках было подготовлено по восемь стартовых батарей, по две технические батареи, по две батареи транспортировки и заправки, а 432 и 847 ремонтно-технических базах – по две сборочные бригады по штатному ракетному комплексу ракеты Р-12; в 330 и 324 полках – по четыре боевых расчёта и соответствующих им отделений технических батарей и батарей транспортировки и заправки; в 912 и 866 ремонтно-технических базах к работе со специальным вооружением было подготовлено по одной сборочной бригаде.

В августе командиром дивизии издаётся приказ, на основании которого организуется боевое дежурство на командных пунктах дивизии, полков и дивизионов ответственными дежурными из числа руководящего состава. С этого периода приступает к несению боевого дежурства и 957 отдельный батальон связи, совершенствуя подготовку радиотелеграфистов для приёма сигналов в отдельных радиосетях и радионаправлениях.

С 1 октября 1960 года 330 ракетный полк и 912 ремонтно-техническая база, 323 ракетный полк и 847 ремонтно-техническая база, 324 ракетный полк и 866 ремонтно-техническая база приступили к несению боевого дежурства составом одного боевого расчёта, 308 ракетный полк совершенствовал свою структуру, формировал боевые расчёты и готовился к получению техники.

С целью совершенствования профессиональной подготовки специалистов младшего звена приказом командира дивизии от 25 сентября 1960 года формируется нештатная школа младших специалистов. Формируется нештатная школа соединения на базе учебной батареи по подготовке специалистов ракетной техники заместителем начальника сборочной бригады 912 ртб майором Ангелюком Владимиром Демьяновичем (впоследствии первый начальник штатной школы младших специалистов) за счёт численности частей дивизии.

В период с 16 по 18 июля 1960 года с дивизией ознакомились министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, первый

главнокомандующий РВСН главный маршал артиллерии М.И. Неделин, которые дали высокую оценку организации подготовки частей дивизии, а также морально-психологическому настрою и боевой выучке личного состава.

Значительная работа по подготовке кадров ракетчиков была проделана в 1960, организационном для дивизии, году. Триста восемь офицеров впервые прошли подготовку на трёхмесячных курсах при вузах и учебных центрах, а также на предприятиях промышленности.

Напряжённая боевая учёба позволила добиться высоких показателей и результатов, высокого боевого мастерства всех боевых расчётов. С Государственного центрального полигона Капустин Яр боевыми расчётами 25, 97, 330 ракетных полков совместно с расчётами соответствующих ремонтно-технических баз было проведено семь учебно-боевых пусков ракет. Из них четыре пуска оценены «отлично», а три – «хорошо».

Результаты боевой учёбы говорят сами за себя, так как подход к боевым расчётам в их оценке теоретической подготовки, знаний и умений технически грамотно готовить ракету к пуску был очень жёстким на полигоне, если не сказать более точно – жестоким.

В октябре дивизию посетил и ознакомился с её жизнью и деятельностью новый главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения Маршал Советского Союза Кирилл Семёнович Москаленко.

В 1961 учебный год дивизия вошла с полной уверенностью, что поставленные задачи по освоению штатного вооружения и техники, способности профессионально их эксплуатировать и готовить ракеты к пуску подавляющим составом боевых расчётов будут решены. Продолжали интенсивно поступать штатное вооружение и техника. 25, 97, 323, 324, 330 ракетные полки были готовы к выполнению задач с основных позиционных районов всеми боевыми расчётами совместно с 432, 349, 847, 866 и 912 ремонтно-техническими блоками.

В мае 1961 года управление дивизии и все ремонтно-технические базы переводятся на новую оргштатную структуру. Начав формирование с мая и закончив его к сентябрю, в дивизию вошли в полном составе 579 подвижная авторемонтная мастерская (парм), дивизионный лазарет и отдельный комендантский взвод.

К июлю этого года в 308 ракетный полк начали поступать боевые, учебно-боевые ракеты и наземное оборудование. В связи с этим, командир дивизии приказом от 15 июля 1961 года устанавливает командиру 308 полка и начальнику 1504 ртб сроки подготовки боевых расчётов для сдачи зачётов комиссии Главного штаба Ракетных войск на допуск

к несению боевого дежурства. Во исполнение этого приказа эта задача успешно была решена в установленные сроки: к 1 августа 1961 года зачёт сдали шесть боевых расчётов и к 1 декабря – все. К исходу 1961 года полк и ртб были готовы к несению боевого дежурства (первый боевой расчёт заступил на боевое дежурство с 27 сентября). Таким образом, к исходу 1961 года дивизия заступила на боевое дежурство на штатном вооружении и технике всеми боевыми расчётами, при этом заступление на боевое дежурство осуществлялось по мере поступления вооружения и техники в полки и ртб. Так, 330 полк приступил к несению боевого дежурства с 2 января 1961 года двумя боевыми расчётами, а с 1 декабря – четырьмя, 323 полк с апреля – двумя боевыми расчётами и с декабря – четырьмя.

Боевое слаживание стартовых, технических батарей, батарей транспортировки и заправки совершенствовалось на тактико-специальных учениях и занятиях, на комплексных занятиях, проводимых командиром дивизии, командирами полков, дивизионов, ртб и других частей, отрабатывались также задачи с совершением маршей.

В 1961 году в ходе проводимых тактико-специальных учений и занятий личный состав частей и подразделений приобрёл значительные навыки в сборе по тревоге, в занятии боевых постов и стартовых позиций, развёртывании техники в боевой порядок, в подготовке ракет к пуску в соответствии с боевыми нормативами, в совершении ночных маршей.

В период с 14 октября по 8 ноября 1961 года 330 ракетный полк совместно с 912 ремонтно-технической базой и 323 ракетный полк совместно с 847 ремонтно-технической базой были в учебном порядке переведены в повышенную боевую готовность и несли боевое дежурство в этой готовности четырьмя боевыми расчётами, отрабатывая все мероприятия на боевом стартовом комплексе.

Основным содержанием командирской подготовки офицеров являлось повышение личной подготовки, глубокое изучение и освоение ракетной техники и способов её боевого применения, совершенствование умений и навыков в организации выполнения боевых задач, управления частями и подразделениями в различных условиях обстановки, а также совершенствование методического мастерства в обучении и воспитании подчинённых.

Нельзя не отметить, что в этот период большое внимание уделялось поддержанию высокого морального состояния личного состава с учётом трудностей переживаемого периода всеми командирами и партийно-политическими структурами. Основой их деятельности была индиви-

дуальная работа с личным составом батареи, роты. В январе и феврале в дивизии впервые прошли партийная и комсомольская конференции, на которых рассматривались вопросы боевой готовности, воспитания и дисциплины.

Директивой Генерального штаба Вооружённых Сил СССР от 17 октября 1961 года по преемственности (как соединения, созданного в 1946 году на базе 92 пятиорденоносного миномётного полка) дивизии присваивается наименование «24 гвардейская ракетная Гомельская ордена Ленина, Краснознамённая, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизия».

Боевое Знамя с соответствующей надписью и ордена 92 гвардейского миномётного полка были вручены позднее, 14 августа 1962 года, командующим 50 ракетной армии генерал-полковником Добышем Фёдором Ивановичем.

В течение года боевыми расчётами дивизии проведено восемь учебно-боевых пусков ракет с Государственного центрального полигона, из них шесть пусков ракетой Р-5М (боевые расчёты 97 и 324 полков и 349 и 866 ртб) и два пуска ракетой Р-12 (боевые расчёты 323,330 полков и 847 и 912 ртб) с оценкой «хорошо», что подтвердило их боеготовность и способность к самостоятельному выполнению боевых задач по подготовке и проведению пусков ракет.

С декабря 1961 года 324 ракетный полк и 866 ремонтно-техническая база полностью выводятся из боевого состава 24 ракетной дивизии и передаются в распоряжение командира 58 ракетной дивизии (п. Карме-лава Литовской ССР).

По итогам 1961 учебного года дивизия объявлена лучшим соединением 50 ракетной армии и ракетных войск. Лучшими в соединении отмечены 25 и 97 ракетные полки (командиры полковник Евсеев Ф.Ф. и Спрысков Б.М.) и 349 ртб (начальник полковник Тамарлаков В.К.).

В течение 1961-1962 годов личный состав дивизии постоянно участвовал в строительстве основных позиционных районов. Были проведены значительные работы по изготовлению сборных бетонных укрытий для личного состава на боевых стартовых позициях, по подготовке и установке комплектов сборных стартовых площадок в дневных и ночных условиях. Много внимания уделяется проведению и совершенствованию маскировочных работ с использованием полихлорвиниловой плёнки и других материалов с учётом открывшихся возможностей космических средств фоторазведки вероятного противника.

По строительству боевых стартовых комплексов дивизия занимает первое место в армии. В течение двух лет проделана огромная работа по геодезической привязке элементов боевого порядка, созданию учебно-материальной базы в дивизионах, полках и ртб, батальоне связи.

В 1962 году большое внимание уделялось доподготовке водителей всех категорий, особенно вождению различных типов машин в составе колонн в дневное и ночное время. Впервые в этом году доподготовка водителей закончилась трёхсуточным 500-километровым маршем.

В нештатной школе младших специалистов совершенствуется учебно-воспитательный процесс: составляются планы и программы, улучшается методическое мастерство офицерского состава. Углублению этого процесса способствует введение в состав дивизии с декабря 1962 года штатной школы подготовки сержантов на 500 курсантов.

В этот год усиливается внимание к организации боевого дежурства и боевого управления. С июня решением командира дивизии на командном пункте соединения организуются направления на полки, назначаются начальники направлений, вводятся помощники оперативных дежурных. С сентября в батальоне связи вводятся нештатные дежурные по связи, а в октябре организуется круглосуточное дежурство на нештатном запасном командном пункте дивизии, совмещённом с командным пунктом 323 ракетного полка, со сменой через 10 дней. Боевому дежурству придаётся особая значимость как основы поддержания боевой готовности дивизии.

Немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что в период Кабрибского кризиса с 11 сентября по 21 ноября 1962 года личный состав дивизии всеми боевыми расчётами нёс боевое дежурство в повышенной боевой готовности, были проведены все мероприятия этой готовности, приобретён опыт несения боевого дежурства в повышенной боевой готовности и окончательно слажены боевые расчёты.

В течение 1962 года боевыми расчётами дивизии с Государственного центрального полигона проведено три учебно-боевых пуска ракеты Р-12 с оценкой «хорошо». По итогам года объявлены отличными 25 ракетный полк (командир полковник Евсеев Ф.Ф.), 349 (начальник полковник Тмарлаков В.К.) и 432 (начальник инженер-подполковник Дмитриев А.А.) ремонтно-технические базы, 957 отдельный батальон связи (командир подполковник Калина П.И.).

С укомплектованием частей и подразделений штатным вооружением и техникой актуальным становится вопрос их эксплуатации. С целью улучшения регламентированного обслуживания вооружения и техни-

ки, проведения грамотной рекламационной работы и технического надзора с августа 1963 года в ракетных дивизионах вводится инженерно-ракетная служба. Как показал дальнейший опыт, она сыграла огромную роль в поддержании ракетного вооружения и техники в готовности к боевому применению, подготовке специалистов-ракетчиков и в безопасной эксплуатации всей техники дивизионов.

В 1963 году части дивизии освоили подготовку к пуску по сокращённым графикам из различных степеней боевой готовности, а боевые расчёты освоили подготовку к пуску сокращённым составом (без увольняемых в запас солдат и сержантов).

Продолжалась практическая проверка боевых расчётов к выполнению боевых задач путём проведения учебно-боевых пусков с полигона. Было выполнено пять учебно-боевых пусков ракеты Р-12 и два – ракеты Р-5М с оценкой «отлично». К сожалению, при огромной работе, которая была проведена всем личным составом в 1963 году, дивизия не смогла подтвердить звание передового из-за упущений в работе по укреплению воинской дисциплины.

В последующие годы основные усилия руководящего состава сосредотачиваются на совершенствовании боевого дежурства с целью поддержания неснижаемого уровня боевой готовности. В результате напряжённого труда более 50 процентов боевых расчётов дивизии подготовлены с оценкой «отлично». Подтверждением высокой выучки боевых расчётов явились шесть отличных оценок за учебно-боевые пуски с полигона. Лучшими, как и прежде, стали 25 ракетный полк (командир полковник Швырёв А.Ф.) и 349 ремонтно-техническая база (начальник полковник Добрынин А.Н.).

За успешное освоение новой сложной техники Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1964 года награждены орденом Красной звезды начальник 349 ремонтно-технической базы полковник Добрынин А.Н. и командир 2-го ракетного дивизиона 25 ракетного полка подполковник Пилипчук А.М.

В период с 16 по 25 сентября 1964 года дивизия проверялась Главной инспекцией Министерства обороны СССР совместно с Главным управлением СА и ВМФ. Учитывая ухудшившееся состояние воинской дисциплины, боевая готовность дивизии была оценена «удовлетворительно», были вскрыты и указаны недостатки и упущения в работе по укреплению воинской дисциплины и в воспитательном процессе.

В течение 1964 года, используя накопленный опыт работы с учебными компонентами ракетных топлив, с каждым боевым расчётом было про-

ведено по два комплексных занятия с заправкой учебно-тренировочной ракеты Р-12Д боевыми компонентами. Это положило начало плановым систематическим комплексным занятиям с заправкой учебно-тренировочной ракеты в каждом периоде обучения. Каждый боевой расчёт сдавал зачёт на допуск к проведению этих опасных работ, а инструкторские группы формировались из числа наиболее подготовленных офицеров дивизиона и полка, как правило, от инженерно-ракетных служб.

С целью использования возможностей ракетного комплекса в полном объёме в период с 22 по 24 октября 1964 года командующий 50 ракетной армии провёл с дивизией опытное учение по теме: «Действия ракетной дивизии с запасного позиционного района». В процессе учения дивизионы и сборочные бригады совершили марш в запасный позиционный район на расстояния 50–80 километров и выполнили учебные задачи с необорудованных позиций в ночное время. Дивизия успешно справилась с этой сложной задачей. Опытное учение показало возможность выполнения боевых задач в полевых условиях и необходимость совершенствования маршевой и полевой выучки, систематических тренировок стартовых отделений по установке сборно-разборных стартовых площадок СП-6, оперативному проведению геодезических привязок и прицеливанию в любых условиях погоды, днём и ночью. Опыт учения подтвердил необходимость систематической подготовки частей и подразделений в проведении большого объёма фортификационных и маскировочных работ при занятии полевых позиций в запасных позиционных районах. Становится очевидным, что учебные позиционные районы должны стать полигонами для проведения подобного вида работ, а с другой стороны, иметь образцовые фортификационные сооружения, на которых можно было бы обучать личный состав проведению этих работ, приобретать умения и навыки. Это опытное учение положило начало этапу обучения дивизионов и сборочных бригад, а впоследствии – подвижных формирований полков выполнению боевых задач из учебных запасных позиционных районов.

В 1965 году принимается в эксплуатацию командный пункт дивизии, в состав узлов связи соединения вводятся передающие и приёмные радиочастоты, а во всех пунктах управления от дивизионов до управления дивизии включительно организуется боевое дежурство дежурными командирами и начальниками, что повышает оперативность управления дежурными сменами и в целом организацию боевого дежурства. С этой же целью, а также для анализа прохождения информации через пункты управления и квалифицированного решения вопросов боевого

управления сначала в полках с сентября 1965 года, а затем в дивизионах в 1967 году, вводятся штатные командные пункты.

В июне 1966 года 957 отдельный батальон связи переформируется в 727 отдельный узел связи.

С освоением вооружения и техники, совершенствованием профессиональной подготовки личного состава, учитывая необходимость сокращения интенсивности боевого дежурства офицерским составом, встаёт вопрос о подготовке пуска ракет из постоянной боевой готовности дежурными сменами. Эта задача отрабатывается и решается к исходу 1966 года.

В июне 1966 года во всех частях дивизии широко отмечается двадцатая годовщина со дня формирования бригады особого назначения РВГК, которая стала базой для создания дивизии и, де-факто, истоком Ракетных войск стратегического назначения.

В шестидесятые годы продолжается совершенствование оргштатной структуры частей и подразделений дивизии, исходя из опыта несения боевого дежурства, организации эксплуатации вооружения и техники и подготовки боевых расчётов к выполнению боевых задач.

Командирами и штабами уделяется большое внимание вопросам режима секретности и усиления охраны и обороны боевых стартовых позиций, завершению строительства основных позиционных районов.

В 1965 году особенно интенсивно идёт оборудование боевых стартовых позиций техническими средствами охраны на основе электризуемых заграждений, средств предупредительной сигнализации и подготовка специализированных подразделений к их эксплуатации.

С наступлением 1967 года начинается демонтаж и передача ракетного вооружения и техники комплекса на основе ракеты Р-5М в арсеналы Ракетных войск. Комплекс сыграл неосценимое значение в развитии Ракетных войск стратегического назначения, в организации подготовки боевых расчётов к выполнению боевых задач, организации боевого дежурства, эксплуатации ракетного вооружения и поддержания его в готовности к боевому применению, формированию начал тактики боевого применения подвижных ракетных комплексов

1967 год был особенным для страны и дивизии – год 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 25-летия со дня формирования 92 гвардейского миномётного полка.

За достигнутые высокие показатели в боевой учёбе, освоение сложной боевой техники и успешное выполнение поставленных задач были награждены:

- орденом Ленина генерал-майор Акимов Б.А.;
- орденом Красного Знамени полковники Безук Г.И., Ломакин П.А., Фальков С.К.;
- орденом Красной Звезды полковник Березин Л.И., подполковник Сметанкин М.Г., майор Солдатов А.П., капитаны Саморуков С.В., Федотенко Б.Т.

Дивизия награждается Памятным знаменем ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР за заслуги по защите Советской Родины и за достигнутые успехи в боевой и политической подготовке. Знамя вручил командующий войсками Прибалтийского военного округа генерал-полковник Хетагуров Г.И.

В мае 1968 года 97 ракетный полк переформировался, был выведен из состава дивизии и передан в распоряжение командира 19 ракетной дивизии 43 РА с передислокацией в г. Хмельницкий на Украине. 349 ремонтно-техническую базу расформировали.

К 1 марта 1969 года во всех ракетных полках дивизии на базе батарей связи сформированы узлы связи, что вполне оправдало себя в дальнейшем.

С целью отработки организации боевого дежурства и мероприятий при переводе в высшие степени боевой готовности с 21 августа по 2 сентября 1968 года все части дивизии несли боевое дежурство в повышенной боевой готовности дежурными сменами пунктов управления, узлов связи и боевых расчётов. Личный состав дежурных смен, офицеры частей и подразделений, командиры и штабы приобрели дополнительный опыт, сделали должные выводы.

В 1969 году с целью повышения качественного технического обслуживания вооружения и техники началось проведение регламентов точным методом на специализированных постах. С апреля 1970 года в штаты ракетных полков введены группы регламента.

Такое обслуживание становится системой, дальнейший опыт эксплуатации вооружения и техники показал исключительную целесообразность подобного решения. Группы регламента обеспечивали проведение мелкого, среднего и планово-предупредительного ремонта, оперативное решение вопросов поддержания техники и вооружения в готовности к боевому применению.

В семидесятые годы оргштатная структура частей и подразделений дивизии, система поддержания неснижаемого уровня боевой готовности к выполнению задач в различных степенях боевой готовности стабилизировалась. Сложилась и система боевой подготовки личного

состава к выполнению поставленных задач в различных условиях обстановки.

Закончено капитальное строительство подрядным способом, улучшились условия жизни и быта личного состава.

В дивизии проведена серия опытных и показательных тактико-специальных учений и занятий, сборы с командирами и начальниками всех степеней с целью повышения их тактической, полевой и специальной подготовки. Широко проводятся геодезические работы на полевых позициях, организуются полевые поездки командиров батарей, дивизионов, начальников служб дивизии и полков, на которых отрабатываются вопросы развёртывания пунктов управления и стартовых батарей в боевой порядок на полевых позициях. На базе 308 ракетного полка проводится показательное тактико-специальное учение по выполнению задач в условиях применения противником оружия массового поражения, ликвидации последствий его применения и восстановления боевой готовности.

В эти годы большое внимание уделяется живучести, способности выполнять боевые задачи при применении вероятным противником различных средств поражения, в том числе обычных.

С этой целью проводятся большие фортификационные и маскировочные работы в пунктах постоянной дислокации на боевых стартовых позициях: обваловываются стартовые площадки, техника укрывается в вырытых в грунте и подготовленных в инженерном отношении аппаратах, закрывается комплектами маскирующих сетей, готовятся силами частей комплекты ложных агрегатов техники дивизионов, максимально убирается техника с открытых площадок.

В дивизионах и сборочных бригадах, в полках и ремонтно-технических базах, на узлах связи полков и дивизии формируются резервы личного состава и техники для восстановления боевой готовности. В дивизии в 1971 году создаётся подвижный резерв во главе с заместителем командира дивизии. В полках создаются нештатные формирования, способные решать эту же задачу. В процессе проводимых учений с дивизией и тактико-специальных учений с полками совместно с ремонтно-техническими базами отрабатываются задачи их боевого применения со стационарных и полевых позиций и нормативы по их обработке.

Продолжает уделяться большое внимание охране и обороне боевых стартовых позиций, наращиваются системы электризуемых заграждений и минирования, технических средств сигнализации. Организуется опытная эксплуатация электризуемых заграждений в круглосуточном

боевом режиме и подготовка подразделений охраны к несению боевого дежурства.

Напряжённая боевая учёба, боевое дежурство, дополнительные работы по повышению живучести и другие виды повседневной жизни и деятельности частей и подразделений требуют, прежде всего, от офицерского состава больших физических и психологических затрат. В связи с этим, по решению командования РВСН дивизия переходит на пятидневную неделю с двумя выходными днями, с привлечением в парково-хозяйственные дни минимального количества этой категории личного состава. Это помогло решить проблему занятости офицеров во внеслужбное время, но радикально снизить интенсивность службы офицерского состава всё же не удалось из-за большого объёма задач, стоящих перед частями и подразделениями.

По инициативе Главного командующего РВСН генерала армии Толубко В.Ф. на основе стабилизации боевой учёбы и учебно-воспитательного процесса в эти годы проводится большая работа по формированию высокой морально-нравственной атмосферы в воинских коллективах.

В этот же период вводятся типовые начала в организации повседневной деятельности управления дивизии, частей и подразделений – типовой месяц, типовая неделя, типовые методики, типовые расписания и другое, что способствует повышению организованности и порядка.

В июле 1975 года на командном пункте дивизии организуется боевое дежурство с использованием автоматизированных систем управления. Особое внимание уделяется совершенствованию практических навыков при использовании автоматизированных систем управления и управлению по радио в условиях массированного радиоэлектронного подавления радиосетей и радионаправлений различной иерархии управления. Принимаются дополнительные меры по повышению уровня тактико-специальной подготовки.

Большие требования предъявляются к офицерам в звене дивизион-батарея в вопросах экстренного оставления боевых позиций, по формированию колонн и непрерывного управления ими на марше, рассредоточению в боевой порядок на полевых позициях и выполнению боевых задач в любых условиях обстановки, времени года и суток.

Учитывая интенсивную эксплуатацию вооружения и техники, в 1976-1977 годах начинается плановый ремонт ракетной техники не только на заводах промышленности, но и на заводах Ракетных войск. Производится замена ракет с истекшими гарантийными сроками. С целью более оперативного управления эксплуатацией вооружения и техники,

контроля за проведением регламентированного обслуживания в 1978 году в дивизии вводятся оперативно-технические пункты управления.

В январе 1978 года 308 гвардейский ракетный Кенигбергский ордена Кутузова полк переформируется и выводится из состава 24 ракетной дивизии и передаётся в другое соединение, а 1504 ремонтно-техническая база расформируется.

Взросшие требования к мобильности в подготовке войск поставили в затруднительное положение все подразделения обеспечения и обслуживания, и встал вопрос оперативности и повышения мобильности этих задач. На базе дивизии проводятся сборы РВСН по тыловому обеспечению.

1978 год стал для дивизии особенно примечательным – 24 ракетная дивизия завоевала право называться передовым соединением Ракетных войск стратегического назначения. Это звание она удерживала в течение трёх лет. За высокие показатели в боевой и политической подготовке, мужество и воинскую доблесть, проявленные на учениях и при выполнении заданий Советского Правительства, дивизия награждается Вымпелом Министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть».

В 1980 году, участвуя в смотре-конкурсе на лучшую стартовую батарею Ракетных войск по ракетному комплексу Р-12, 4-я стартовая батарея 323 ракетного полка (командир батареи гвардии майор Кочергин А.М.) занимает второе место.

В этом же году за самоотверженный воинский труд по выполнению социалистических обязательств в честь 110-летия со дня рождения В.И. Ленина дивизия награждается Ленинской Почётной грамотой.

В зимний период 1981 года главное внимание уделяется подготовке подразделений и частей к выполнению боевых задач с полевых позиций со всесторонним их обеспечением.

В июле-августе 1981 года дивизия подвергается проверке комиссией Главнокомандующего РВСН с проведением учения, на котором управление дивизии, полки и ремонтно-технические базы, узел связи дивизии и военная школа младших специалистов показали высокую полевую выучку и способность выполнять задачи в любых условиях обстановки. Оценка дивизии – «хорошо».

Зимой 1982 года готовятся, а в летне-осенний период бригадами дивизионов, созданными только из офицеров и прапорщиков, в ночных условиях проводятся большие полевые работы, связанные с консервацией заложенных на полевых боевых позициях сборно-разборных стартовых

площадок СП-6. Одновременно проводятся большие геодезические работы по проверке ориентирных направлений.

С 1983 по 1989 годы дивизия переходит на новые сокращённые организационно-штатные структуры.

До 1985 года включительно боевые расчёты дивизии проводили учебно-боевые пуски на 4-м ГЦП ежегодно. В течение 1981–1985 годов проведено девять учебно-боевых пусков. Из них семь с оценкой «отлично», один – «хорошо» и один «неудовлетворительно»(1981г.) В истории дивизии это был единственный случай.

За весь период существования дивизии (с июня 1960 года) её боевыми расчётами проведено 74 учебно-боевых пусков, из них с оценкой «отлично» – 42, «хорошо» – 30, «удовлетворительно» – 1, неудовлетворительно» – 1.

Дивизия продолжает нести боевое дежурство установленным порядком, а личный состав дивизии в процессе выполнения всех задач не забывает о её заслугах и традициях и тех, кто их завоёвывал и утверждал.

В июле 1982 года дивизия широко, с привлечением ветеранов, в том числе и 92-го гвардейского миномётного полка, отметила 40-летие со дня формирования 92-го гвардейского миномётного полка. Подготовка к празднованию, проведение праздника сыграли мобилизующую роль в последующие годы жизни и деятельности пяти орденоносного соединения.

В июле 1985 года дивизия подвергается итоговой проверке комиссией Главного командующего РВСН с проведением дивизионного учения. К учению и проверке привлекаются 25 и 323 ракетные полки, 432 и 847 ремонтно-технические базы, узел связи, военная школа младших специалистов и управление дивизии в полном объёме, остальные – частично. Впервые за все годы в боевом применении комплекса Р-12 первый ракетный дивизион (командир дивизиона майор В.С. Андрюшкин) 323 ракетного полка выводится на секретную полевую боевую позицию и успешно решает учебно-боевую задачу. Высоко оценивается полевая выучка личного состава 323 ракетного полка, а дивизия получает оценку «хорошо». Эта проверка подтвердила высокую выучку личного состава всей дивизии и готовность офицерского состава с полной отдачей нестандартно решать поставленные задачи в любых условиях складывающейся обстановки в процессе боевой учёбы и повседневной жизни и деятельности.

1985–1987 г.г. стали морально сложными для офицерского состава дивизии: издавались и отменялись директивы Главного штаба РВСН на на-

чало расформирования полков, подавались и уходили назад платформы для техники и ёмкости под компоненты ракетных топлив и надо было включать командно-политическому составу дополнительные морально-психологические «рычаги» для удержания нормальной моральной атмосферы в служебной обстановке.

С 1987 года начинается постепенное расформирование 24 ракетной дивизии и первыми в 1987 году были расформированы 330 ракетный полк и 912 ремонтно-техническая база, ПДРЦ 323 ракетного полка и отдельный взвод химической защиты дивизии. Проводится большая работа по подготовке и сдаче компонентов ракетного топлива, вооружения и техники, имущества и фондов этих частей и подразделений.

В январе 1988 года начинается расформирование 305 военной школы младших специалистов, а с января по март перевод 25 и 323 ракетных полков на бездивизионную структуру двухбатарейного состава. 432 и 847 ртб переходят на сокращённую оргштатную структуру. К исходу 1988 года 323 ракетный полк и 847 ртб расформировываются и исключаются из состава дивизии с 1 декабря 1988 года.

В течение года дивизия продолжает нести боевое дежурство в сокращённом составе (один ракетный полк и одна ремонтно-техническая база) и с ноября 1989 года снимается с боевого дежурства. Приступают к окончательному расформированию управление дивизии, 25 ракетный полк и 432 ртб, подвижная авторемонтная мастерская, отдельный комendantский взвод и лазарет дивизии. Заканчивается расформирование дивизии к исходу 1990 года.

Период расформирования первого ракетного соединения Ракетных войск был непростым. На плечи руководящего состава дивизии, частей и подразделений лёг большой груз специфических задач, связанных с демонтажом, сливом КРТ, разборкой и подготовкой техники различного назначения к сдаче её на арсеналы и склады, передаче в народное хозяйство техники и фондов боевых стартовых позиций и пристартовых городков в хорошем, пригодном для дальнейшей эксплуатации состоянии. С этой задачей они справились успешно под руководством последнего командира 24 ракетной дивизии генерал-майора Копейкина Александра Николаевича.

Первое ракетное соединение Вооружённых Сил – бригада особого назначения РВГК (22 особого назначения гвардейская Гомельская ордена Ленина, Краснознамённая, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригада РВГК – 72 инженерная бригада РВГК и 24 ракетная дивизия с теми же наградами) – прекратила своё существование.

И очень жаль, что в Ракетных войсках стратегического назначения не нашлось преемницы этого прославленного соединения, которому бы передали Боевое Знамя с почётным наименованием и пятью орденами!

Авторский коллектив в этой книге не ставил перед собой задачу вникнуть глубоко в существо всех проблем, которые сопутствовали формированию соединения на территории Германии, при ее передислокациях и трудностях, с которыми столкнулся личный состав бригады в процессе почти круглосуточной работы в течение нескольких лет на полигоне по закладке фундамента основ эксплуатации и боевого применения нового оружия. Опять же, становление бригады как боевого соединения на территории Новгородской и Калининградской областей и территории Германии требовало от офицерского состава творчества и энтузиазма. Это целая эпопея и как раз об этом на страницах этой книги вспоминают представители различных поколений ракетчиков первого ракетного соединения.

Как говорилось ранее, воспоминания ветеранов различного ранга с высоты своего положения на то время, дополняют скупость хроники соединения (бригады и дивизии) и наполняют её колоритом чувств, переживаний и хорошего юмора в процессе напряжённой учёбы, выполнения учебно-боевых задач, несения повседневной службы и в быту в различные периоды. Хроника сухая, но она основана, ещё раз повторяем, на документах, а в воспоминаниях возможны некоторые «вольности» и ошибки в отношении названий, дат и даже некоторых периодов существования соединения. Да и память, к сожалению, иногда подводит – не судите строго!

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ ДИВИЗИИ КОМАНДИРЫ ДИВИЗИИ:

генерал-майор Холопов Александр Иванович 4.08.1960 – 28.07.1962
генерал-майор Акимов Борис Антонович 25.07.1962 – 16.07.1971
генерал-майор Егоров Виктор Михайлович 16.07.1971-29.08.1975
генерал-майор Поленков Геннадий Михайлович 20.12.1980- 15.12.1986
генерал-майор Копейкин Александр Николаевич 15.12.1986 – 12.1990.

ЗАМЕСТИТЕЛИ КОМАНДИРА ДИВИЗИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ – НАЧАЛЬНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ДИВИЗИИ:

полковник Чевельча Николай Степанович 31.12.1959-8.02.1963
полковник Ломакин Петр Алексеевич 8.02.1963-24.06.1968

полковник Кручинин Владимир Иванович 24.06.1968-30.01.1974
полковник Костин Владимир Александрович 30.01.1974-7.08.1978
полковник Кочетков Александр Филиппович 7.08.1978-25.12.1981
полковник Климчук Василий Тимофеевич 25.12.1981-27.12.1986
полковник Иванов Вячеслав Сергеевич 27.1986-12.1990

ЗАМЕСТИТЕЛИ КОМАНДИРА ДИВИЗИИ:

полковник Шаргородский Василий Фёдорович 5.09.1960 г. – 6.10.1962
полковник Тамарлаков Виктор Константинович 13.10.1962-28.02.1967
инженер-подполковник Горелов Александр Юрьевич 11.04.1967- 22.01.1970
инженер-полковник Карагодин Геннадий Яковлевич 9.02.1970-25.12.1972
подполковник Субботин Владимир Викторович 9.02.1973-1.09.1975
Подполковник Кальван Хуберт Езупович 29.08.1975-3.12.1977
полковник Заровный Владимир Семёнович 12.01.1978-15.07.1984
полковник Копейкин Александр Николаевич 13.09.1984-15.12.1986
полковник Голуб Виктор Иванович 3.12.1986-12.1990

НАЧАЛЬНИКИ ШТАБА ДИВИЗИИ:

полковник Безук Георгий Иванович 20.08.1960-28.07.1970
полковник Романюк Михаил Иванович 21.08.1970-17.11.1976
полковник Муравьёв Владимир Александрович 17.11.1976-16.08.1978
полковник Шелест Борис Андреевич 16.08.1978-19.11.1982
полковник Михайлов Анатолий Павлович 19.11.1982-17.08.1988
подполковник Малафеев Василий Иванович 17.08.1988-28.08.1989

ЗАМЕСТИТЕЛИ КОМАНДИРА ДИВИЗИИ ПО ВООРУЖЕНИЮ:

инженер-полковник Малиновский Георгий Иванович 10.07.1957-20.12.1960
инженер-полковник Иванов Валентин Дмитриевич 6.01.1961-31.03.1965
инженер-полковник Медведев Николай Иванович 23.04.1965-2.11.1974
полковник-инженер Лобода Иван Фёдорович 12.11.1974 – 30.05.1977
полковник Овчинников Леонид Васильевич 7.07.1977-12.1990

ЗАМЕСТИТЕЛИ КОМАНДИРА ДИВИЗИИ ПО ТЫЛУ:

полковник и/с Науменко Павел Федосеевич 2.09.1952 – 20.07.1961
полковник и/с Крючков Василий Михайлович 2.08.1961-1.08.1970
полковник и/с Борисов Николай Александрович 19.08.1970-30.07.1974
полковник и/с Никитин Александр Семёнович 30.07.1974-28.12.1976

полковник Гончарик Михаил Кузьмич 31.12.1976-20.08.1982
полковник Егоров Иван Михайлович 20.08.1982 – 11.10.1989

КОМАНДИРЫ ЧАСТЕЙ

25 ракетный полк

полковник Евсеев Филипп Фёдорович 17.04.1959 – 14.12.1963
полковник Швырёв Анатолий Фёдорович 14.12.1963 – 9.06.1967
полковник Заскалько Николай Павлович 21.08.1967-16.05.1972
полковник Караваев Руфин Сергеевич 167.05.1972 – 25.08.1984
подполковник Попов Михаил Евгеньевич 25.08.1984 – 29.03.1987
подполковник Матюшенко Владимир Викторович 18.03.1987 – 1.10.1988
подполковник Остапенко Анатолий Владимирович 1.10.1988 – 12.1989

97 ракетный полк

полковник Спрысков Борис Михайлович 17.04.1959 – 5.07.1962
полковник Фальков Сергей Корнеевич 5.07.1962 – 24.01.1969

323 ракетный полк

полковник Венидиктов Иван Никифорович 7.08.1959 – 22.11.1961
полковник Иванов Александр Петрович 19.12.1961 – 23.11.1964
полковник Боганский Аркадий Иванович 8.12.1964 – 4.09.1970
полковник Попов Анатолий Алексеевич 11.12.1970 – 25.06.1972
полковник Ахундзянов Урал Ахунович 27.06.1972 – 19.04.1973
подполковник Свиринов Анатолий Алексеевич 23.04.1973 – 25.01.1975
полковник Власов Виктор Константинович 27.01.1975 – 7.10.1983
подполковник Голуб Виктор Иванович 7.10.1983 – 3.12.1986
подполковник Макатерчик Василий Михайлович 3.12.1986 – 12.1988

330 ракетный полк

полковник Артёмов Григорий Афанасьевич 7.08.1959-2.03.1963
полковник Оспин Алексей Алексеевич 2.03.1963-31.08.1970
полковник Чумаков Евгений Аркадьевич 31.08.1970-24.06.1975
полковник Журавлёв Борис Иванович 24.06.1975- 22.09.1977
полковник Журавлёв Юрий Михайлович 22.09.1977-12.06.1981
подполковник Лукинов Леонид Петрович 12.06.1981-15.11.1983
подполковник Иванов Валерий Сергеевич 15.11.1983-26.10.1986
подполковник Яковлев Владимир Александрович 26.10.1986 – 10.1989

324 ракетный полк

полковник Бондаренко Иван Назарович 7.08.1959 – 7.01.1964

308 ракетный полк

полковник Шафаренко Константин Иванович 18.07.1960-3.11.1964

полковник Ананьев Юрий Иванович 11.04.1967-2.11.1973
полковник Кальван Хуберт Езупович 13.11.1973-29.08.1975
подполковник Судак Пётр Николаевич 1.09.1975-16.08.1978
подполковник Леонтьев Василий Петрович 16.08.1978-10.05.1980

432 ремонтно-техническая база

инженер-подполковник Дмитриев Анатолий Алексеевич 30.04.1959-12.07.1962
подполковник Шип Иван Ильич 12.07.1962-24.01.1963
инженер-полковник Березин Абрам Ильич 24.01.1963-24.08.1968
инженер-полковник Кукушкин Виталий Дмитриевич 24.08.1968-21.07.1981
полковник Кучер Василий Васильевич 27.07.1981-8.01.1985
полковник Лагун Валерий Леонидович 8.01.1985-1.10.1988
полковник Михненко Виктор Антонович 14.10.1988-05.1990

349 ремонтно-техническая база

полковник Тamarлаков Виктор Константинович 5.02.1960-13.10.1962
полковник Добрынин Алексей Николаевич 19.11.1962-6.06.1967
инженер-полковник Кукушкин Виталий Дмитриевич 6.06.1967-20.08.1968

847 ремонтно-техническая база

полковник Воробьёв Иван Петрович 13.07.1959-22.09.1962
инженер-полковник Мельничук Андрей Ананьевич 22.09.1962-17.02.1969
полковник-инженер Яшанов Иван Андреевич 22.02.1969-10.02.1977
полковник-инженер Курушин Борис Михайлович 10.02.1977-6.10.1982
полковник Осыко Геннадий Владимирович 6.10.1982-27.08.1983
полковник Рогозин Иван Андреевич 27.08.1983-19.09.1988

912 ремонтно-техническая база

полковник Митин Павел Денисович 21.09.1959 – 3.04.1965
инженер-полковник Шишкин Василий Никифорович 25.04.1965-24.12.1969
инженер-полковник Ступеньков Юрий Ефимович 32.01.1970-27.09.1978
полковник Шоботов Владимир Михайлович 6.10.1978-12.1987

866 ремонтно-техническая база

полковник Деремьян Амаяк Капрелович 1.10.1959-2.09.1968

1504 ремонтно-техническая база

полковник Звиглянич Николай Яковлевич 20.08.1960-11.09.1964
полковник Ушаков Евгений Васильевич 11.09.1964-7.07.1970
полковник-инженер Крымов Юрий Николаевич 7.07.1970-24.12.1974
подполковник-инженер Шабанов Владимир Михайлович 24.12.1974-6.10.1978

СПИСОК ЛЬВА ГАЙДУКОВА

В год 40-летия Ракетных войск стратегического назначения Лев Михайлович Гайдуков побывал в гостях у ракетчиков. Мне довелось его увидеть в кабинете заместителя главнокомандующего РВСН. Слышал восхищённые голоса: «Сам Гайдуков!» «А как бы интервью у него взять?» – размечтался я. «Вряд ли получится, – ответствовали мне, – великий он молчальник».

А был генерал-лейтенант Гайдуков ещё и великим организатором работ по ракетной и космической тематике, инициатором создания Межведомственной комиссии, объединившей все структуры, заинтересованные ракетной тематикой, и начальником легендарного института «Нордхаузен».

Под его руководством советские специалисты изучали ракетную технику в Германии после Второй мировой войны.

В 1945–1946 годах он выполнил работу, имевшую большие и очень важные, утверждают в один голос, предпосылки для будущего советской космонавтики и ракетной мощи страны.

Генерал Гайдуков возглавил позднее многопрофильный институт «Нордхаузен», в котором будущего великого конструктора Королева назначил главным инженером.

Ознакомившись с «партизанской» организацией – институтом «Рабе», которые Черток и Исаев основали в июле 1945 года, он понял, что затеянное великое дело нуждается в поддержке в верхах.

В течение августа и сентября 1945 года Гайдуков, пользуясь личными связями с членами ЦК и заместителями председателя Совета министров Вячеславом Малышевым и Вячеславом Вознесенским, проделал хитроумную работу для того, чтобы быть принятым самим Сталиным. И немислимое свершилось!

Он доложил вождю о планах по восстановлению немецкой ракетной техники и просил Сталина откомандировать в Германию специалистов по ракетной технике, бывших «зеков», работавших тогда в так называемой казанской «шараге».

Так в список Гайдукова включили Королёва, Глушко, Севрука и ещё два десятка «врагов народа».

А если бы не было этого списка, составленного куда как мужественным человеком! Он ведь со своей дерзостью тоже мог удостоиться пресловутой «шарашки».

Если бы не исключительная активность и смелость Гайдукова в принятии решений, возможно, что многие из будущих главных ракетных конструкторов, в том числе Королёв, Глушко, Пилюгин, Мишин, Черток, Воскресенский и не попали бы в число пионеров отечественной космонавтики и ракетостроения.

К этой личности, сыгравшей огромную роль в начале ракетно-космической эры нашего государства, стоит обратиться отдельно, в более широком аспекте.

Подготовил Александр Долинин

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ

ИНЖЕНЕРНЫЕ БРИГАДЫ – КОЛЫБЕЛЬ РВСН

ЯШИН Юрий Алексеевич, генерал армии

*МОНАХОВ Николай Константинович,
полковник в отставке, профессор*

– В конце 1940-х годов в нашей стране были созданы передовые по тому времени образцы ракетного оружия дальнего действия, заложена научно-исследовательская и экспериментальная база для его дальнейшего развития. Одновременно вырабатывались научно обоснованные способы эксплуатации ракетного вооружения и принципы его боевого применения. При этом учитывался опыт использования реактивных установок в годы Великой Отечественной войны, достижения зарубежной научной мысли в области создания и использования перспективных средств вооружённой борьбы, эксплуатационные и боевые возможности имеющихся на вооружении и разрабатываемых отечественных баллистических ракет, итоги опытных учений и учебно-боевых пусков ракет на полигонах, а также теоретические разработки по боевому применению вида оружия.

Летом 1950 года под руководством М.И. Неделина на Государственном полигоне Капустин Яр с бригадой особого назначения было проведено большое тактическое учение, результаты которого легли в основу проекта Наставления артиллерии Советской Армии «Боевое применение бригады особого назначения РВГК, вооружённой ракетами дальнего действия», введённого в 1951 году.

В нём содержался ряд теоретических положений и практических рекомендаций по применению ракетного оружия. Так, бригада особого назначения РВГК, вооружённая ракетами дальнего действия, предназначалась для поражения крупных военных и военно-промышленных объектов, важных административно-политических центров, узлов, коммуникаций и других целей, имеющих стратегическое или оперативное значение.

Значимость нового ракетного оружия подчёркивалась условием его применения – только по решению Ставки Верховного Главнокомандования. На период боевых действий бригада оперативно подчинялась командующему войсками фронта, в полосе которого действовала. Применяться она могла как в полном боевом составе, так и поддивизионно. Предусматривалось размещение бригады на значительном расстоянии от предполагаемого района боевого применения, куда в угрожаемый период она передислоцировалась по железной дороге.

С получением боевых задач готовился позиционный район, занимались боевые позиции и развёртывалась техника. На заключительном этапе осуществлялась непосредственная подготовка ракет и головных частей к боевому применению на технических и стартовых позициях. По расчётам огневая производительность бригады составляла 24-36 ракет в сутки, отдельного дивизиона – 8-12 ракет. Позиционный район выбирали на удалении 30-35 км от линии фронта, и занимал он до 10 км по фронту и 5-8 км в глубину, что в значительной мере обеспечивало скрытность от наземных средств разведки и неуязвимость от воздействия артиллерии противника. Боевой порядок бригады состоял из боевых порядков огневых и технических дивизионов, а также командного пункта бригады. Ракеты, головные части и ракетное топливо поступали централизованно. Всем имуществом обеспечивал фронт.

Самостоятельные действия первых ракетных бригад вне рамок операций фронта не предусматривались, хотя уже тогда во многом закладывались основы для дальнейшего централизованного использования этого уникального оружия. Такое положение объяснялось рядом причин. Это недостаточный опыт применения ракетного оружия дальнего действия, ограниченная дальность пуска (280-300 км), малая мощность тротилового заряда головной части, значительное время развёртывания в боевой порядок и подготовки к пуску, относительно большое рассеивание ракет, что не позволяло планировать к поражению цели площадью менее 8 кв. км. К этому следует добавить определённый стереотип мышления военного руководства того времени, которое и не

пыталось рассмотреть возможность использования нового оружия вне рамок усиления огневой мощи фронтовой операции, не видело перспектив развития ракетных систем. Лишь, начиная с 1955 года, этим делом вплотную стал заниматься только что созданный Штаб реактивных частей во главе с М.И. Никольским. Продолжалось изучение возможностей более эффективного применения ракетных систем дальнего действия, тем более, что на вооружение имеющихся и создаваемых бригад РВГК стала поступать на смену ракете Р-1 новая ракетная система С.П. Королёва Р-2 с дальностью 600 км.

В течение 1953-1955 годов с целью дальнейшего совершенствования способов применения инженерных бригад (так стали называться бригады особого назначения) Генеральный штаб и Штаб реактивных частей провели серию войсковых, опытных и командно-штабных учений и военных игр на картах. Отрабатывались железнодорожные и водные перевозки, марши на большие расстояния, учебно-боевые пуски ракет из заранее не оборудованных районов, днём и ночью, в различных климатических условиях. Кроме того, офицеры Штаба реактивных частей, штабов инженерных бригад и вузов привлекались на учения видов Вооружённых Сил, военных округов, групп войск, флотов, а также на оперативно- стратегические учения, проводимые Генеральным штабом.

Всё это позволило Штабу реактивных частей разработать и в марте 1955 года ввести в действие Наставление по боевому применению инженерной бригады резерва ВГК, вооружённой ракетами Р-1 и Р-2. Наставление внесло значительный вклад в развитие теории боевого применения ракетных частей. В нём были более конкретно сформулированы основные задачи бригады в наступательной и оборонительной операциях. Впервые учитывалась возможность действия бригады в условиях применения противником ядерного оружия. Для этого предусматривались рассредоточение боевого порядка, смена позиций в процессе боевых действий, создание запасного командного пункта.

Наставление обобщило пятилетний опыт учебно-боевых пусков на полигоне и учений непосредственно в бригадах, в том числе с выходом двигателей ракет на предварительную ступень. В развитие положений Наставления Штабом реактивных частей совместно с аппаратом начальника реактивного вооружения создаются инструкции по эксплуатации вооружения, железнодорожным перевозкам, геодезическому и метеорологическому обеспечению и другие документы.

Требования Наставления и инструкций положили в основу замыслов и планов проведения учений и инженерными бригадами. Тематика уче-

ний, проведённых с 1955 по 1958 год, приобрела явно выраженную исследовательскую направленность и была весьма разнообразной. Итоги этих учений позволили по-новому подойти к рассмотрению способов и форм применения бригад и ракетного оружия дальнего действия в целом. Так, впервые встал вопрос о целесообразности введения для ракетных частей степеней боевой готовности. Предлагалось установить три степени боевой готовности с определением для каждой из них времени подготовки к пуску. Эти положения позднее вошли в новое Наставление по боевому применению инженерных бригад. Впервые также по итогам окружных учений зашла речь о нецелесообразности подчинения бригад общевойсковому командованию. Было установлено, что широкий манёвр ракетными ударами при этом необоснованно сужался, а оперативное объединение, в частности танковая армия, не в состоянии прикрыть боевые порядки бригады с воздуха и обеспечить её в инженерном отношении. Учения показали, что бригада способна наносить ракетные удары по объектам стратегического тыла противника, что не входило в компетенцию фронта. Было подтверждено преимущество ракетных частей перед частями дальней авиации в поражении объектов противника по дальности и срокам, их независимости от метеоусловий.

Конец 1950-х годов характеризуется резким повышением боевых возможностей ракетного оружия. На вооружение инженерных бригад, начиная с 1957 года, начинает поступать ракета Р-5М с ядерной головной частью и дальностью действия 1200 км (конструкция С.П. Королёва). Становится очевидной необходимость выработки принципиально новых взглядов на применение ракетно-ядерного оружия сверхдальнего (по тому времени) действия. На основе теоретических разработок и проведённых учений сделали обобщения, касающиеся особенностей развёртывания дивизионов, вооружённых стратегической ракетой, особенно в плане подготовки и доставки головных частей и компонентов ракетного топлива. Установлена возможность осуществления последовательно трёх пусков без смены позиций. Становится очевидной объективная целесообразность применения ракетно-ядерных систем дальнего действия централизованно и только по приказу Верховного Главнокомандования.

1958-1959 годы стали наиболее результативными в деятельности ракетных бригад и Штаба реактивных частей. Формировались части, предназначенные для вооружения перспективными межконтинентальными ракетами, принималась на вооружение новая, принципиально отличавшаяся от кислородно-спиртовых ракет С.П. Королёва ракетная

система Р-12 конструкции М.К. Янгеля с дальностью более 2000 км. Большую роль в развитии теоретических основ боевого применения ракетных систем продолжали играть накопившие практический опыт инженерные бригады РВГК.

Таким образом, к концу 1950-х была накоплена значительная сумма знаний по основам боевого управления ракетно-ядерным оружием дальнего действия и его эксплуатации. Опыт учений показал, что оно резко отличается от всех известных образцов оружия, включая и ракетные системы оперативно-тактического назначения.

Основные выводы из проведённых в конце 1950-х учений нашли отражение в разработанных Штабом реактивных частей в 1959 году Наставления по боевому применению инженерных частей, вооружённых ракетами стратегического назначения Р-12. С принятием на вооружение инженерными бригадами РВГК ракетно-ядерного оружия с дальностью действия свыше 2000 км они стали рассматриваться как одно из основных средств Верховного Главнокомандования в вооружённой борьбе. Вопрос об их оперативном переподчинении командующим фронтами уже официально не ставился. Бригады, вооружённые стратегическими ракетными системами, предназначались для поражения военно-политических и военно-экономических объектов, средств ядерного нападения противника, крупных центров управления, железнодорожных узлов и станций снабжения, складов ядерного оружия, других объектов стратегической значимости, расположенных в глубоком тылу противника. Для выполнения боевых задач предусматривалось занятие бригадой заблаговременно оборудованных боевых позиций или развёртывание в полевом позиционном районе. Стационарные стартовые позиции предназначались для размещения личного состава, наземного оборудования, запасов ракет, головных частей и компонентов ракетного топлива с целью обеспечения постоянной готовности ракетных дивизионов к нанесению ракетно-ядерного удара по заранее запланированным объектам поражения. Ракетные части вплотную подошли к решению задач боевого дежурства как основной формы поддержания боевой готовности. Наставление явилось важным обобщающим документом, подводившим итог первого этапа развития ракетных соединений и систематизировавшим взгляды на их боевое применение. Накопленный до конца 1950-х опыт войсковых учений, боевой подготовки инженерных бригад РВГК, эксплуатации ракетного вооружения в последующем широко использовался при разработке

основ боевого управления нового вида Вооружённых Сил – Ракетных войск стратегического назначения.

Подводя итоги оценки места и роли инженерных бригад РВГК, можно сделать вывод, что они сыграли решающую роль в развитии ракетного оружия в нашей стране, повышении её обороноспособности, явились основной базой создания Ракетных войск стратегического назначения.

ТАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

*ДЯДИН Георгий Васильевич,
полковник в отставке, один из первых офицеров бригады,
участник первого пуска ракеты 18 октября 1947 года*

– После окончания Второй мировой войны по решению Советского правительства начали создавать группы для сбора и изучения документации по военной технике, особенно ракетных систем ЫФАУ-1 и ФАУ-2. В феврале 1946 года создаётся институт «Нордхаузен», в состав которого вошли будущие известные генералы ракетчики Тверецкий А.Ф., Гайдуков Л.М., Смирницкий Н.Н., офицеры Меньшиков В.И., Орлов Н.Н., Дядин Г.В., Киселёв П.И. и другие. В мае 1946 года создали институты «Берлин» (Тюлин П.Н., Бармин В.П., Рязанский М.С.), «Клейдодунген» (Воскресенский Л.А., Курило Е.М., Дыба А.Ф.), «Рабе» (Королев С.П., Пилюгин Н.А., Мишин В.П., Победоносцев Ю.А.), «Гота» (Смаглий Л.В., Подкидышев Г.Ф., Носов А.И.).

Группа института «Нордхаузен», состоящая из офицеров – участников Великой Отечественной войны, воевавших на реактивных установках БМ-8, БМ-13, БМ-31, сразу же после передачи Тюрингии советским войскам выехала в Нордхаузен, Блейхероде, Зондерхаузен и приступила к изучению документов и техники. Одновременно по мере изучения собиралось оборудование с заводов. Трудности прежде всего состояли в том, что большинство патентов, технической документации и опытных образцов ракетной техники были в результате специально проведённой операции «Пейпер Клипс» переправлены в США. Там же оказались и основные немецкие учёные во главе с Вернером фон Брауном. Тяжело давался и перевод немецкой документации.

Группа института «Нордхаузен» в первой половине 1946 года начала эксплуатационно-техническую документацию по ракете ФАУ-2

и проводила тренировки по заправке ракеты водой с имитацией пуска. Был разработан «Х-план» по подготовке и пуску ракеты. В мае 1946 года на базе группы «Нордхаузен» в деревне Берка – под городом Зондерхаузен началось формирование первого ракетного соединения – бригады особого назначения РВК. Командиром бригады назначили генерал-майора артиллерии Александра Фёдоровича Тверецкого.

Бригада включала стартовый дивизион, технический дивизион, батальон обслуживания и батальон охраны.

Стартовый дивизион включал отделения: электроогневое, двигательное, подъёмно-транспортное, заправочное, вспомогательное, геодезическое и наведения.

В состав технического дивизиона входили лаборатории: приборов системы управления, агрегатов двигательной установки и ТНА, расчёта траектории полёта и исходных данных, химических анализов компонентов топлива, радиоприборов и системы телеметрии, кинофототеодолитная.

Батальон обслуживания состоял из отделений: хранения и подвоза горючего (спирта), хранения и подвоза окислителя (жидкий кислород), анализа компонентов топлив, хранения и подвоза компонентов парогазовой установки (перекиси водорода и перманганата натрия).

В батальоне охраны были подразделения охраны: территории, колонн техники на марше, стартовой позиции, стенда и технической позиции.

Одновременно с формированием бригады из специалистов промышленности была создана группа, которой руководил Королёв С.П. Кроме того, для оказания помощи в осуществлении пусков ракет ФАУ-2 организовали группу из оставшихся немецких специалистов.

Личный состав сформированной бригады был готов произвести пуск ракеты ФАУ-2 и продемонстрировал правительственной комиссии, возглавляемой В.М. Рябиковым, генеральную подготовку ракеты к пуску с заправкой водой.

Параллельно с созданием бригады на территории ССР в районе села Капустин Яр Астраханской области формировался Государственный центральный полигон, начальником которого назначили генерал-лейтенанта Вознюка В.И.

15 июня 1947 года получили приказ главного маршала артиллерии Неделина М.И. о передислокации бригады особого назначения из г. Зондерсхаузен (Германия) в село Капустин Яр (СССР). Личный состав и техника бригады двумя специальными поездами с соблюдением строгой секретности передислоцировали на станцию Капустин Яр. В труднейших

условиях голой заволжской степи бригада приступила к размещению и обустройству. Жилья для личного состава, помещений для штабов практически не было. Начальник полигона и местные власти помогли найти помещения, но их оказалось мало. Тут и пригодились кстати бараки, доставленные из Германии по приказу генерала Тверецкого А.Ф..

Семьи размещались в селе Капустин Яр и окружающих на расстоянии до 60 км деревеньках.

В селе Капустин Яр не было ни одного дома, где бы ни проживали семьи офицеров, даже сараи и летние кухни оборудовались под жильё. Семья начальника полигона генерала Вознюка В.И. и командира бригады генерала Тверецкого А.Ф. также проживали в селе. Офицеров-холостяков размещали прямо в степи в палатках. Вода доставлялась из реки Ахтубы, в 5 км от села и в 20-30 км от строящихся площадок. Продукты доставлялись из Сталинграда за 100 км. Для подвоза воды пригодились баки от ракет ФАУ-2, которые укрепляли в кузовах машин.

Сейчас даже трудно представить, как за такой срок построили первый отечественный ракетный полигон. В течение пяти месяцев соорудили и оснастили уникальным оборудованием стенд, монтажно-испытательный корпус, ангары, стартовую позицию, построили помещения для штабов и вычислительного центра.

Большим подспорьем стал спецпоезд, который состоял из железнодорожного установщика ракеты, ёмкости для горючего и окислителя, вагонов лабораторий системы управления, двигательной установки, зарядки батарей, химической лаборатории. Кроме того, в состав поезда входили жилые вагоны для офицеров стартовой и технических команд и вагон-столовая.

Стартовая команда сформировалась из офицеров и солдат бригады и офицеров полигона. По тому же принципу укомплектовали техническую и стартовую команды.

В стартовую команду вошли Трегуб Я.И., Смирницкий Н.Н., Орлов Н.Н./ Киселёв П.И., Дядин Г.В., Карельский Н.В., Кузовкин В.А., Болматов В.А., Зимин Е.И., Башмаков А.А., Анисенко Г.Л., Обухов К.А., Яунта П.П., Эккер Г.Г. и другие. В техническую команду вошли Комиссаров Б.Н., Баврин В.А., Боков В.А., Зайцев Н.Г., Иоффе Г.И., Кастальев В.В., Козляновский Д.Ф., Кладницкий И.И., Меньшиков В.И., Нахамчик А.С., Носов А.И., Путов В.Н. Ханин Б.Г., Шубравий И.И., в стендовую – команду – Сиренко В.А., Орлов Г.А., Краснёнок Н.Н. и другие (полные списки всех команд и расчётов с помощью военно-исторической группы РВСН под редакцией полковника, кандидата исторических наук В.И. Ивкина

и полковника Долинина А.И. в нескольких номерах газеты «Красная звезда» публиковались в канун 45 – летия РВСН – Ред.).

Под руководством Королёва С.П. создали группу контроля, в которую вошли Воскресенский Л.А., Черток Б.Е., Пилюгин Н.А., Рязанский М.С., Исаев А.М., Мишин В.П., Бармин В.П. и другие (будущие генеральные конструкторы по различным направлениям – Ред.). Им помогала немногочисленная группа немецких специалистов, привезённых из Германии.

Для личного состава бригады и полигона это были первые ответственные испытания ракеты. Рано утром летом 1947 года ракета без хвостового отсека была установлена на стенде. Каждая операция исполнялась номерами расчёта, проверялась офицерами и представителями конструктора. Волновались все участники работ. Генерал Тверецкий А.Ф. и начальник стенда Сиренко В.А. переходили от одного рабочего места к другому, давали советы, подбадривали. Началась заправка ракеты компонентами топлива. При заправке жидким кислородом возникла неисправность: торель клапана примёрзла к седлу, и кислород не поступал в бак ракеты, окутанной белым паром. Заправку прекратили, полость клапана продули сжатым воздухом, заправка продолжалась, кислород стал поступать в бак ракеты. Объявили 10-минутную готовность. Площадку покинули расчёты заправки и многочисленные наблюдатели. Объявлена одномоментная готовность, в бункере остались только оператор и электрики. Королёв С.П. подаёт заключительные команды. Яркий всплеск пламени из сопла камеры сгорания, напоминающий артиллерийскую канонаду. Двигатель набирает тягу, стенд вибрирует, ракета дрожит в кардановом кольце.

Подаётся команда: «Главная» – оператор нажимает кнопку. Из сопла вырывается столб огня, достигающий дна оврага, грохот усиливается, напоминая мощную артподготовку. Дрожит земля, вибрирует стенд. Закрадывается мысль – выдержит ли? Но всё идёт нормально, только внизу от отражательного зеркала вырываются куски бетона, горят доски, оставшиеся между железобетонными блоками, а также находящиеся вблизи кусты. Проходит ещё некоторое время, и двигатель с небывалой по тому времени тягой почти в 30 тонн по команде Королёва С.П. отключается. Хлопок – и становится так тихо, что слышно даже учащённое дыхание находящихся в бункере людей. Удовлетворённый работой С.П. Королёв говорит, что подобные испытания возможно было провести ещё в Германии. Офицеры генерала Тверецкого А.Ф. были готовы к этому в мае 1946 года, когда проводили показное занятие для правительственной комиссии, возглавляемой В.М. Рябиковым.

Перед бригадой была поставлена новая важная задача – провести лётные испытания ракеты. Все присутствовавшие на стендовых испытаниях верили в успех. На следующий день техническая команда приступила к проверке ракеты ФАУ-2 на технической позиции. Все приборы тщательно проверялись. Ракета прошла полный цикл испытаний. Все работы велись нашими специалистами Бавриным, Иоффе, Меньшиковым, Носовым, Зайцевым. В роли консультантов выступили немецкие специалисты. На испытаниях присутствовала группа офицеров ГАУ под руководством полковника Мрыкина А.Г. (они впоследствии решали вопросы взаимодействия оборонных предприятий ракетного профиля).

Для проведения лётных испытаний была назначена правительственная комиссия в составе: Устинов Д.Ф., Яковлев Н.Д., Королёв С.П., Исаев А.М., Вознюк В.И.

18 октября 1947 года на стартовой позиции разместились машина подготовки и пуска, бензоагрегат, вспомогательные машины двигателистов и наводчиков, кабельная машина и, наконец, бронемашинка управления и пуска. Был установлен пусковой стол, развёрнута и проверена наземная кабельная сеть.

И вот наступает ответственный момент. Приближается к стартовой позиции колонна с ракетой, на такой маленькой скорости, что стартовики во главе с офицерами Анисенко и Тимошенко идут рядом с машиной. Колонну также сопровождают представители ГАУ и немецкие специалисты. Ракета вручную подводится к пусковому столу, подстыковывается. Начинается медленный подъём её в вертикальное положение. Стрела опускается, на ней приводятся в рабочее положение верхний, средний и нижний мостики. Вновь стрела в вертикальном положении. Начинается работа всех отделений стартовой команды. Важно организовать чёткое взаимодействие расчётов. Основа основ – установка и подключение гироскопов, точная юстировка платы, на которую они устанавливаются. Это очень сложная операция, осуществляемая с верхнего мостика на высоте 14 м. Я был один из немногих специалистов, натренированных для осуществления этой операции, а также установки бортовых батарей, каждая из которых весила 16 кг. Однажды эти операции выполнял вместо меня наш бесстрашный капитан Киселёв П.И. . Но он сорвался с высоты четырёхэтажного дома и погиб. После этого трагического случая номера расчёта боялись работать на верхнем мостике. Мне пришлось полностью их заменять и одновременно готовить специалистов из числа солдат для выполнения этой опасной работы. Я до сих пор

помню их – Горбатенко и Максименко. К смельчакам добавился представитель промышленности Лакузо.

Но вернёмся к подготовке нашей первой ракеты к пуску. После установки giroприборов и бортовых батарей провели автономные проверки приборов и отдельных систем. Они прошли нормально. Приступили к генеральным проверкам, но перед этим пришлось заменить программный токораспределитель. Я вновь работал на верхнем мостике. Генеральные проверки прошли нормально. Перед заправкой собралась государственная комиссия, заслушали доклады Королёва С.П., Вознюка В.И.. Все отметили квалифицированную работу специалистов стартовой команды. Члены государственной комиссии на машинах убыли в укрытие, расположенное в километре от стартовой позиции. Объявляется 30-минутная готовность. Начинается заправка, она проходит без замечаний. Наступает время заключительных операций. Проверяется надёжность всех креплений на борту ракеты. С мостиков спускаются номера расчётов. Медленно опускается стрела установщика, приводятся в походное положение все рабочие площадки, поднимаются домкраты установщика, он отстыковывается от пускового стола и отводится с помощью тягача. Наступает момент эвакуации всей техники. На пусковом столе гордо висит ракета, связанная с наземным электропусковым оборудованием только жгутом кабелей. Электрики отводят кабельную мачту на «пуск», прикрепляют кабели к трубопроводам в кабельных каналах. Я совместно с Обуховым устанавливаю и подключаю зажигательное устройство, проверяю наличие бортового питания. Королёв С.П. после доклада председателю государственной комиссии по телефону объявляет 5-минутную готовность, запускаются три красные ракеты и включается сирена. Королёв подходит к бронемашине управления и пуска, заходит в неё и командует оператору Смирницкому Н.Н. (будущему генералу – Ред.) записать исходные положения датчиков системы телеметрии, установленных на борту ракеты. Наступает самый ответственный момент. Включается предварительная ступень, начинается наддув баков, но далее схема не набирается: не сработало зажигательное устройство. Воскресенский, Обухов и я с определённой долей риска в считанные минуты заменяем «пирозажигалку».

Снова сигнальные ракеты, снова включается сирена. Королёв подает команду «предварительная». Проходят секунды. Нервы у всех на пределе. И вот, наконец, из сопла двигателя вырывается столб огня. Ракета на одну треть окутывается дымом и огнём, завеса увеличивается. «Главная!» – командует Королёв, оператор Смирницкий нажимает соот-

ветствующую кнопку на пульте пуска. И ракета поднимается из бушующего под ней огня и дыма. Сильный грохот, дрожит земля, и видно, как всё быстрее и быстрее с нарастающей скоростью ракета устремляется ввысь! Из всех укрытий выбегают участники пуска, все смотрят вслед уходящей ракете, слышны крики «Ура!» Вот уже и пламени не видно, по инверсионному следу становится ясно, что ракета правильно легла на курс и идёт к цели.

Через некоторое время по телефону сообщили, что запущенная ракета в 9 часов 47 минут 1947 года прибыла в назначенный район. Так открывалась новая ракетно-космическая эра.

Участники пуска и многочисленные наблюдатели, потрясённые необычным зрелищем, ещё долго стояли и смотрели в небо. Стали качать Королёва, Смирницкого! Построили стартовую команду. И Дмитрий Фёдорович Устинов тепло поздравил всех участников пуска.

На месте пуска первой ракеты вблизи второй площадки высится теперь обелиск. На бетонном основании установлена копия той нашей ракеты, на мраморной доске – имена участников исторического пуска. Среди них и офицеры бригады. Я горд тем, что на доске есть и моё имя.

Второй пуск состоялся 20 октября 1947 года. Но он бы неудачный. Всего в 1947 году провели пусков 11, из них половина неудачные, остальные – частично удачные, а один аварийный. Во всех их принимал участие личный состав бригады особого назначения, получивший большой опыт. Порой неудачные пуски дают больше знаний и опыта, чем успешные.

После пусков ракет ФАУ-2 наши конструкторы приступили к созданию отечественной ракеты Р-1, которая мало чем отличалась от немецкой конструкции (по воле И.В. Сталина, но всё же С.П. Королёв уже искал свой почерк – А.Д.).

В 1948-1949 годах проводились лётные испытания и доработки созданной и построенной на наших заводах, из наших материалов ракеты Р-1. Из 9 пусков 7 были успешными, два – аварийными, но без последствий. Пуски потребовали от всего личного состава бригады и полигона напряжения моральных и физических сил. Офицеры месяцами трудились на стартовой и технической позициях. Зато выявили множество недостатков, сделали массу предложений по совершенствованию конструкции ракеты и оборудования. На этом в основном и закончилась насыщенная, славная история участия первой бригады в испытаниях первых ракетных систем. Бригада готовилась к передислокации в село Медведь Новгородской области.

ПЕРВАЯ РАКЕТА

ИВКИН Владимир Иванович, полковник в отставке
ДОЛИНИН Александр Иванович, полковник в отставке

– В руках документы из особой папки с грифом «Совершенно секретно», взятые в Архиве Президента РФ. Стараниями военных историков РВСН эти страницы, адресованные самому Сталину, стали доступны и нам. Среди них докладные записки, постановления Совета Министров СССР о проведении в 1947 году пусков ракеты А-4 (ФАУ-2), краткий технический отчет о «поведении» ракет дальнего действия...

Десятки лет первой ракете, собранной нашими соотечественниками. Да, они изучали отдельные немецкие узлы и детали, многое взяли за основу. Однако не будем забывать, что сделали все своими руками. Вспомним и том, что Вернер фон Браун и сотни высококлассных специалистов всюду трудились в это время на американцев.

...Шесть десятков лет пожелтевшим архивным страницам. Тайное, как его ни секретили, и без этих документов давно стало явным. Поэтому как первые А-4 приземлились не в десятках, не в сотнях метров от места пуска в астраханской степи, а в другой технической эпохе. Слухи и сенсации, сопровождающие эти пуски, порой уводят от истины. Бесстрастные документы и свидетельства очевидцев все-таки точнее и открывают немало неизвестного. Впрочем, судить об этом вам.

До того, как секретные документы попали нам в руки, было несколько встреч с очевидцами исторического события, пионерами-ракетчиками. Многие из них живут в столице, некоторые в подмосковном Одинцове.

Первые свидетельства – от Льва Михайловича Гайдукова, генерал-лейтенанта в отставке, участника войны, бывшего заместителя главнокомандующего РВСН по вооружению. Того самого Гайдукова, который в августе 1945 г. постановлением ГКО был назначен председателем Межведом-

ственной комиссии по реактивной технике. Нашим специалистам под его руководством пришлось заниматься поисками разбросанного по Германии, Австрии и Чехословакии имущества, деталей, технической документации и привлечением к работе немецких специалистов, имевших отношение к ракете А-4.

Лев Михайлович даже среди ракетчиков прослыл «великим молчальником» и лишь в узком кругу специалистов управления вооружения согласился выступить по случаю «круглой даты» своего бывшего департамента.

В 1936 году главное командование германских сухопутных войск задалось целью создать баллистическую ракету с расчетной дальностью полета 275 км и боевым зарядом весом в одну тонну. Такая ракета была разработана в 1942 году. Назвали ее ФАУ-2 (техническое наименование А-4). В этом же году в Пенемюнде вошли в строй сборочные цеха серийного выпуска ракет. После бомбардировки англичан немцы вынуждены были перевести производство в Тюрингию, в район города Нордхаузен. Силами пленных гитлеровцы построили возле него мощный, хорошо оборудованный подземный завод «Миттельверк», рассчитанный на сборку и выпуск около 30 ракет в сутки. Свыше шести тысяч ФАУ-2 удалось изготовить, около трех тысяч – использовать в ходе боевых действий.

После отвода американских войск за демаркационную линию в район «Миттельверка» прибыла первая небольшая группа советских инженеров. «Хозяйство» сборочного завода было разорено. Американцы при отходе из Нордхаузена вывезли все ценные архивы, серийные и опытные образцы, приборы, лабораторное оборудование. «Прихватили» с собой свыше 500 ведущих специалистов во главе с профессором фон Брауном. Все, что эвакуировать не смогли, уничтожили или испортили. Фор у американцев в ракетостроении получалась солидная.

В докладной Сталину в марте 1947 года сообщалось: «Американцы и англичане уже полтора года занимаются развитием реактивной техники и можно предполагать, что ее совершенствование у них пошло дальше результатов, достигнутых немцами к 1945 году». Вождю прислали также американские издания – «Пехотный журнал», «Артиллерийский журнал», «Популярную механику» – со статьями об испытаниях немецких ФАУ-2 в Америке. Говоря о «немецком начале» советских ракет, видимо, не следует забывать об этих фактах.

Но хоть и остались нам «рожки да ножки» от незавершенного производства, сохранившегося на заводе «Миттельверк» в одной из што-

лен подземного завода, с помощью немецких инженеров, техников и мастеров они начали сборку ракет А-4. «Оживили» найденные в лесу под Нордхаузенем поврежденные средства наземного пускового и заправочного оборудования. Полностью восстановили техническую документацию и образцы аппаратуры автономного управления полетом. Заново изготовили 35 комплектов аппаратуры автономного управления, 15 комплектов деталей и узлов для отечественной сборки аппаратуры. Система управления полетом у немцев была наиболее уязвимой и наименее разработанной. Так что наши специалисты проявили во многом известную самостоятельность и новаторство.

В октябре 1946 г. в институте «Нордхаузен» работало уже 700 советских специалистов от 11 министерств. Они стояли у истоков отечественного ракетостроения и новой воинской профессии – ракетчик.

Документы свидетельствуют, что к испытаниям в октябре 1947 года были подготовлены две серии ракет А-4 по десять штук в каждой. Одну, серии «Т», собрали в СССР из деталей, привезенных из Германии, другую – серию «Н», укомплектовали ракетами, собранными там.

По завершению подготовительных работ в период с 15 октября по 13 ноября 1947г. в районе села Капустин Яр Астраханской области на первом отечественном ракетном полигоне состоялись три огневых испытания и одиннадцать пусков ракет.

С раннего утра проверили крепления ракеты на стенде, трижды прогнали всю аппаратуру, измерительные приборы и пульт пуска. Начальник стенда В.Сиренко заметно при этом волновался, хотя все функционировало нормально. Загвоздка возникла у заправщиков И.Белякова и А. Федорова: насосы работали, а окислитель в бак не поступал. Выручил советом главный конструктор наземного оборудования В. Бармин: создайте гидравлический поднапор. Так и сделали, все получилось наилучшим образом. Запустили двигатель ракеты, что и было главным на огневых испытаниях!

Вырывается мощное пламя огня из сопла, гул превращается в грохот. Выдержит ли стенд? Он сильно вибрирует, но стоит прочно, лишь с отражательного зеркала реактивная струя вырывает куски бетона. Горят доски опалубки, охватило огнем деревья и кусты.

– Сергей Павлович, – робко спрашивает Королёва оператор, – не пора ли выключать двигатель?

– Да, да. Выключить двигатель! – дает команду Королёв. – Задумался я...

Хлопок – и все стихло: услышали писк комаров, налетевших в бункер. Через несколько минут, как бы очнувшись, бросились друг к другу с поздравлениями.

А 18 октября состоялся первый «живой» пуск первой ракеты, хоть и воспроизведенной с немецкой, но из отечественных материалов. Несмотря на постановление Совета Министров – не своевольничать – Королёв изменил в ней программу токораспределителя, упразднил прибор аварийного выключения двигателя, заменил два отрывных штекера одним... Немало другого привнес, что напрочь отвергает домыслы о нетворческом заимствовании научно-технического потенциала Германии при разработке первых советских ракет дальнего действия Р-1. Все пуски увенчались успехом.

Опытные пуски ракет дали много ценной информации по ракете А-4 в целом и отдельным деталям, узлам и агрегатам, а также наземному оборудованию, применяемому для ее заправки, по аппаратуре управления и контроля над полетом ракеты. Особую ценность представляли полученные впервые экспериментальные данные по радиолокационным испытаниям. По заданию Физического института Академии наук СССР были успешно проведены эксперименты по исследованию космических лучей в стратосфере.

Испытание стало проверкой уровня профессиональной подготовки советских специалистов и экзаменом проделанной ими с 1945 г. работы по освоению техники реактивного вооружения. Отечественное ракетостроение уже в то время отвечало всем требованиям передовых технологий. Осваивая немецкий опыт, советские ученые не просто по крупицам восстановили наиболее ценные практические идеи и теоретические наработки германского ракетостроения, но и сделали шаг вперед по целому ряду направлений.

Уже в 1948 году поднялись над астраханской степью первые советские ракеты Р-1 с максимальной дальностью полета 270 км, а через три года Днепропетровский автомобильный завод начал их серийный выпуск.

Свыше 200 страниц содержит «Краткий технический отчет о проведении опытных пусков ракет дальнего действия А-4 (ФАУ-2)». Подписан он С.Королёвым, В.Глушко, М.Рязанским, В.Кузнецовым, В. Барминым, А.Соколовым и утвержден председателем комиссии по опытным пускам маршалом артиллерии Н. Яковлевым. В нем есть все: цели и задачи испытаний, отчет о подготовке к испытаниям материальной части и личного состава, дан календарь испытаний (сам по себе это динамичный,

интересный рассказ о напряженной работе). Но нет в нем, естественно, имен людей, которые творили Историю.

Среди участников первого пуска на мемориальной доске значатся фамилии первых ракетчиков – В. Баврина, Я. Березина, В. Бокова, Г. Дядина, Н. Зайцева, Г. Иоффе, А. Кабакова... Десятка три фамилий. Всего же ракету А-4 «обхаживали» свыше 140 офицеров, сержантов и солдат, 70 специалистов промышленности, 13 немецких специалистов... – десятки людей, о многих из которых мы ничего не знали до публикации в «Красной звезде» в своё время.

ПЕРВАЯ РАКЕТА С.П. КОРОЛЁВА

*ЧЕПА Василий Иванович, полковник в отставке,
ветеран Государственного испытательного полигона*

– После проведенных впервые пусков баллистических ракет дальнего действия (БРДД) ФАУ-2 типа А-4 в октябре 1947 года на Государственном центральном полигоне (Капустин Яр), министр вооружений Устинов Д.Ф. и начальник отдела НИИ-88 этого же министерства Королев С.П. были приглашены в Кремль. Королев С. П. доложил о результатах проведенных пусков ракет ФАУ-2, эскизных проработках новой ракеты Р-2. Сталин сдержанно воспринял доклад Королева: «Сначала надо завершить работы по Р-1». – Это было его решение. Оно было продиктовано необходимостью быстрее задействия КБ, НИИ, заводов, выделенных для развертывания в стране новой отрасли промышленности – ракетостроения. Заводы не могли простаивать, пока будут получены положительные результаты испытаний новой ракеты. Поэтому и была принята ракета Р-1 (ФАУ-2 отечественного производства) в качестве первого живого образца, в процессе освоения которой была бы налажена необходимая кооперация разработчиков, отработана технология производства подобного рода изделий. В чем же состояло конструктивное отличие ракеты Р-2 от Р-1? Основное – в отделении головной части

*Ветераны-испытатели ракетной техники
(первый слева В.И. Чепа, рядом с ним Ряжских А.А.,
генерал-полковник, заместитель главнокомандующего РВСН)*

от корпуса в конце активного участка полета, чем решалось множество задач: снижалось требование к прочности корпуса ракеты, так как исключалась необходимость в нем на пассивном участке траектории, где тепловые нагрузки были значительно больше, чем на активном участке; вышеуказанное, в свою очередь, позволяло применять алюминиевые сплавы вместо стали на баке горючего и использовать его несущим - как корпус, а также отказаться от теплозащиты. Это выявило разительные достоинства новой конструктивной схемы: масса незаправленной ракеты Р-2 была только на 350 кг больше массы незаправленной ракеты Р-1, притом стартовый вес первой был на 7 тонн больше, чем достигалась дальность стрельбы 600 км, против 300 у ракеты Р-1.

Компоновка ракеты Р-2 предусматривала расположение приборного отсека непосредственно над хвостовым отсеком, а не возле головной части, как у ракеты Р-1. Это существенно облегчало обслуживание аппаратуры системы управления. Указанные работы были выполнены коллективом ракетчиков С.П. Королева.

Коллективом двигателистов В.П. Глушко была проведена работа по форсированию двигателя РД-100 ракеты Р-1 по тяге на 7 тонн и другие изменения, в результате для ракеты Р-2 был изготовлен новый двигатель РД-101.

Коллектив управленцев Н.А. Пилюгина и М.С. Рязанского разработал новую систему автономного управления ракетой, включая и применение системы боковой радиокоррекции (БРК) в полете. Коллективом автономщиков В. И. Кузнецова были разработаны новые гиросприборы. Изменение габаритов ракеты Р-2 по сравнению с Р-1, новая компоновка приборного отсека потребовали от коллектива В.П. Бармина разработки новой системы наземного оборудования, обеспечивающей мобильность и безотказность действия всех агрегатов. 25 мая 1949 года на полигоне был впервые в СССР проведен вертикальный пуск экспериментальной ракеты Р-1А, с целью отработки для ракеты Р-2 принципов отделения ГЧ: определения характера изменения тяги двигателя после его выключения для выбора момента отделения ГЧ и расчета необходимой отталкивающей ГЧ силы. В ГЧ, кроме того, устанавливались два контейнера с научной аппаратурой для исследования параметров верхних слоев атмосферы и прохождения в них дециметровых и сантиметровых радиоволн. Контейнеры спасались при помощи парашютных систем. Всего было четыре пуска на высоту 110 и 210 км. Это были первые шаги на пути исследования Космоса.

В сентябре 1949 года на стартовую площадку полигона (пл. № 4) была доставлена ракета нового типа Р-2Э (экспериментальная). Это был первый отечественный образец, выполненный по новой конструктивной схеме. За два осенних месяца 1949 года было проведено 5 пусков этой ракеты, которые подтвердили работоспособность систем и агрегатов, надежность конструкции, правильность исходных теоретических предпосылок. В период 1950–1951 годов было проведено 30 летно-конструкторских пусков ракеты Р-2, из которых 24 были удачными. Надежность ракеты составила 80%. 27 ноября 1951 года ракетный комплекс с ракетой Р-2 был принят на вооружение. В 1952 году на полигоне были проведены 14 пусков серийных ракет Р-2, изготовленных на Днепропетровском ракетном заводе (предшественнике Южмаша). Из числа пущенных ракет две ракеты не достигли цели. Надежность серийных ракет составила 86%. Восемь ракет были пущены стартовыми расчетами 22 бригады особого назначения РВГК по плану учебно-боевых пусков. Пуски ракет Р-1А и Р-2, начиная с 1949 года, осуществлялись личным составом 1-го испытательного управления полигона, которое с января 1949 года возглавлял генерал-майор Тверецкий А.Ф. Вместе с ним из 22 бригады особого назначения РВГК в штат полигона пришел ряд опытных ракетчиков-испытателей: Трегуб Я.И., Носов А.И., Костальев В.В., Смирницкий Н.Н., Меньшиков В.И., Баврин В.А., Орлов Н.Н., Обухов К.А., Рождественский А.Т., Дядин Г. В., Пушкин Ф. Е., Эккер Г. Г. и другие.

Руководство всем ходом организации и обеспечения опытно - испытательных работ полигонными службами осуществлялось начальником ГЦП генерал-лейтенантом Вознюком В.И., начальником штаба полигона генерал-майором Павловым А. Ф., офицерами штаба и служб: Аксеновым А.А., Тарасовым Н.И., Грузд Д.А., Крючковым Н.Т., Метелицей Я.С., Приваловым М.М., Мильштеймом Л.Б., Соболев Б.М., Бродским Б.М., Харьковским Д. Г. и другими.

Разработка ракетного комплекса и систем ракеты Р-2, выполненной по новой конструктивной схеме, заложила основу дальнейших ракетных комплексов.

РЯДОМ С ЯДЕРНЫМИ БОЕГОЛОВКАМИ

КУКУШКИН Виталий Дмитриевич, полковник в отставке

- После окончания Артиллерийской академии им. Дзержинского около 100 выпускников спецнабора в 1954 г. было направлено для прохождения службы на полигон Капустин Яр, уже одно это говорит о масштабах испытательных работ, проводимых на полигоне в тот период.

Объём работы был разнообразен и интересен. На испытаниях все время приходила новая техника, её изучали по конструкторской документации, проводили на ней работы при пусках ракет, выявляли конструкторские и технологические недоработки, на совещаниях разного уровня отстаивали свои предложения в спорах с конструкторами из фирмы Сергея Павловича Королёва, писали многочисленные отчёты, учебники для войск по принятой на вооружение технике, обучали и допускали к работе офицеров и расчёты из частей, прибывавших на полигон осваивать новую технику.

Когда проходили испытания с пусками ракет, находились на технической и стартовой площадках неделям, т.к. программы испытаний были объёмными, сроки сжатыми и работа шла практически круглосуточно. Кроме этого возникали и дополнительные задачи. По программе академии медицинских наук пускали собачек вертикальным пуском на высоты большие, чем впоследствии знаменитых Белку и Стрелку с Байконура. Участвовал в восстановлении одной из последних немецких ракет Фау-2 для музея Советской Армии. Испытывали головные части с боевыми радиоактивными веществами, около полугода вместе со специалистами из Арзамаса-16 проводил работы по осуществлению первого пуска ядерного заряда ракетой, затем обеспечивал съёмки секретного фильма для делегатов XIX съезда КПСС по этим работам. Вообще, работали, как говорится, на острие технического прогресса, общались с опытными специалистами с заводов и НИИ, учились у них.

Были неоднократные рабочие встречи с С.П. Королёвым, где он выслушивал мнение инженеров-испытателей. В период испытаний ракеты 8К51 Сергей Павлович почти постоянно находился на полигоне. При обнаружении каких-либо заводских неисправностей доклад об этом шёл по команде своим непосредственным начальникам – начальнику или зам.начальника отдела, а затем непосредственно Королёву. Изучив все обстоятельства той или иной ситуации, лично побеседовав с исполнителем, который обнаружил неисправность, он, как правило, на месте принимал оперативное решение и требовал быстрее его выполнения. Мне так же пришлось несколько раз принимать участие в таких разборах и отвечать на вопросы С.П. Королёва.

Моим непосредственным начальником был начальник первого отдела полковник Носов Александр Иванович (впоследствии генерал-майор, Герой Социалистического Труда, зам начальника полигона Байконур, погиб при катастрофе 24 октября 1960 г. и его зам майор Боков Всеволод Андреевич (был сильно контужен при катастрофе, впоследствии проходил службу в ГУРВО, генерал-майор, Герой Социалистического Труда.

Когда в Гвардейске была получена типографски изданная секретная техническая документация на агрегаты наземного оборудования ракеты 8К51 мне было приятно видеть, что рецензентом на руководство службы по стыковочной машине 8Т311, которую я готовил на полигоне являлся генерал Боков В.А. Память об этих замечательных офицерах – фронтовиках, моих первых непосредственных начальниках, исключительно высокопрофессиональных специалистах, учителях по службе и становлению в жизни у меня сохранилась навечно. Я низко поклонился памяти Александра Ивановича Носова перед обелиском, где высечены имена погибших, когда был на сборах начальников ртб в Байконуре.

Надо отметить, что и в дальнейшем воинская судьба меня баловала. В последующем моими непосредственными начальниками были командиры 24 рд, которые были образцом службы, требовательности, высокой порядочности. Со всеми из них у меня всегда были нормальные, хорошие служебные и человеческие отношения. Таким образом, четверть века мне пришлось нести службу в 72 ибр и 24 рд под руководством таких командиров, как Герой Советского Союза генерал-майор Иванов В.Н., генерал-майор Холопов А.И., генерал-майор Акимов Б.А., генерал-майор Егоров В.М., генерал-майор Субботин В.В., генерал-майор Поленков Г.М.

Мне запомнилось два характерных эпизода периода испытаний ракеты 8К51 на полигоне Капустин Яр, пришедшей на вооружение 72

инженерной бригады в качестве первого носителя ядерного заряда и положившей начало созданию ракетно-ядерного щита нашей Родины.

С какой большой ответственностью Сергей Павлович Королёв относился к делу и как скрупулёзно оценивал возможные последствия, казавшихся, на первый взгляд, незначительных мелочей, говорит такой случай.

На технической площадке в монтажном корпусе шла проверка ракеты 8К51 под заводским номером 001. Впервые появившаяся в индексе ракеты буква "К" означала, что это ракета – носитель ядерного заряда. Работа эта продолжалась в течение нескольких дней, почти круглосуточно. Руководили работами практически конструктора различных систем из КБ Королёва, исполнителями были инженеры отделов второго управления полигона, принимали участие на разных этапах работ и представители завода-изготовителя из Подлипков.

Все параметры проверялись в строгом соответствии с требованиями конструкторской документации, а в случае малейших сомнений перепроверялись. Фактически работа выполнялась одним дружным коллективом, и все понимали важность её, и очень трепетно относились к выполнению своих обязанностей.

И вот, когда всё было проверено, и проходили заключительные операции по закрытию люков и отверстий технологическими заглушками и их опломбирование, один из офицеров исполнителей нашего отдела, устанавливая заглушку на канале выхода мятого парагаза из турбонасосного агрегата, обнаружил, что на этой заглушке отсутствует одна контргайка. Доклад об этом, пройдя по инстанции, дошёл до Сергея Павловича.

Всем было ясно, что если эта злосчастная контргайка, действительно свинтилась и под действием силы тяжести соскользнула по плавно изогнутому каналу и попала на лопатки турбонасосного агрегата, то после старта ракеты турбина пойдёт в разнос и первый пуск завершится крахом. В конечном счёте, и осуществление всего проекта могло оказаться под угрозой.

После тщательного осмотра заглушки и совещания с конструкторами Королев принимает решение установить ракету в вертикальное положение в условиях монтажного корпуса (а его высота позволяла установить эту длинномерную – около 18 метров – конструкцию). Поскольку такая нештатная операция в условиях полигона до этого не выполнялась, то срочно ночью самолётом с Подмосковного завода доставили соответствующую оснастку и с помощью десятитонного мостового крана при-

ступили к установке ракеты на специальную подставку. При подъёме ракеты специальной “уздечкой” ввиду неравномерного распределения сухого веса ракеты – около 5 тонн и сильного эксцентриситета в сторону двигательной установки – создавалась значительная боковая нагрузка на мостовой кран, которым я управлял (кран был в ведении нашей группы). Несмотря на включённые тормоза, колёса тележки скользили по подкрановым рельсовым путям. Пришлось ставить номеров расчёта крана на рельсовые пути, чтобы они монтировками удерживали кран от перемещения. Ввиду большой высоты людей прочно привязывали к конструкциям.

Все непричастные к этому делу были удалены из монтажного корпуса. Вначале осторожно обстукивали корпус в районе турбонасосного агрегата (ТНА) и прислушивались, не начнет ли выпадать эта гайка. Затем вручную за хвостовик провернули ТНА несколько раз, тоже никакого эффекта не обнаружили. И, наконец, подав сжатый воздух на лопатки турбины, раскрутили ТНА до больших оборотов. Всё работало нормально. И всё же во избежание риска, и, несмотря на жёсткие сроки правительственной программы, Сергей Павлович принял решение отправить ракету № 001 на завод для полной разборки двигательной установки, а к первому пуску готовить ракету № 002. Эта ракета после всех проверок по полной программе благополучно стартовала. А 001-я ракета после переборки на заводе пошла также нормально в седьмом пуске. Мы интересовались у товарищей с завода – там тоже этой небольшой гаечки на М8 не обнаружили, следовательно, её там не было и изначально.

В целом программа испытаний первого ракетного носителя ядерного заряда прошла очень успешно. Не было ни одного аварийного пуска, были получены требуемые параметры по дальности (до 1200 км.) и отклонению от точки прицеливания. Только на этой ракете была отработана и принята на вооружение система БРК (боковая радиокоррекция), что потребовало ввести в штат 97 ип (до августа 1961 г. инженерный полк, позднее рп – ракетный полк) подразделение, обслуживающие комплексы БРК, одно из которых находилось в ип Большаково, непосредственно у государственной автомагистрали.

В связи с принятием 21.06.1956 на вооружение ракеты Р5М (8К51), как первого носителя ядерного заряда встал вопрос о создании организационно-штатной структуры, которая смогла бы эксплуатировать (организовывать хранение, проводить соответствующие регламентные работы, транспортировать, готовить к боевому применению) ядерные, а впоследствии и термоядерные боеприпасы.

Сам термин «сборочная бригада» возник в производственных условиях в КБ-11 (ныне Всероссийский Научно-исследовательский институт Экспериментальной Физики ВНИИЭФ Арзамас-16, впоследствии г. Саров) где проектировались, создавались и в дальнейшем серийно производились ядерные боеприпасы. Сборочные бригады находились в ведении МСМ (Министерства среднего машиностроения) и целиком состояли из гражданских высококвалифицированных специалистов.

С одной из таких бригад мне пришлось тесно взаимодействовать на полигоне Капустин Яр в течение всего периода (январь 1955 – февраль 1956) проведения испытаний и приёма на вооружение ракеты Р5М (8К51) и комплекса наземного оборудования.

К концу 1956 на полигонах Капустин Яр и тогда ещё Тюра-Там (ныне Байконур) создаются по одной сборочной бригаде только из офицерского состава. В сборочной бригаде общей численностью около 20 офицеров предусматривалось 5, специализированных по роду деятельности, групп. Для изучения ядерного заряда и правил его эксплуатации обе сборочные бригады направляются на переподготовку в учебный центр 71-го полигона ВВС, расположенный в Крыму (посёлок Багеро-во, в 15 км от г. Керчь). В силу режимных и других обстоятельств подготовка специалистов 3 группы, которую я в то время возглавлял (группа сборки центральной части) проводилась только в Арзамасе-16, куда мы и были направлены для подготовки почти на 4 месяца. Обучение завершалось принятием строжайших теоретических и практических зачётов и экзаменов по устройству и переводу изделий в различные степени готовности.

Эти подготовленные офицерские кадры и стали основой формирования в начале 1957 г. 23 полевой специальной сборочной бригады (пссб), под номером в/ч 25710, первым начальником пссб был назначен подполковник Сасько Прокофий Иванович. Сборочная бригада формировалась окончательно при 72 инженерной бригаде РВГК в с. Медведь Новгородской обл. конкретно для взаимодействия с 650 отдельным инженерным дивизионом, который перевооружался на ракету Р5М (8К51) и впоследствии трансформировался в 97 рп 24 рд, с дислокацией г. Гвардейск, д. Солдатово. В октябре 1958 г. пссб переходит на новые штаты и получает наименование 349 ремонтно-техническая база.

Это был первый опытный и довольно своеобразный штат: начальник пссб – категория инженер-полковник, пять офицерских групп по 3-4 инженера и техника в группе, начальники групп – категория инженер-майор. Техника была представлена стыковочной машиной 8Т311, маши-

ной обогрева ГЧ и примерно полутора десятками бортовых автомобилей и кунгов для размещения громоздкого сборочного стенда, обогреваемой обогревателем воздуха 8Г27 палатки-сборочного зала (8x8 метров с деревянным настилом, с двумя наметами), бензоэлектрического агрегата 8Н01. Погрузочно-разгрузочные работы обеспечивались седельным краном 8Т21, который не входил в ж/д габариты и при перевозке приходилось демонтировать боковые почти двухметровые колёса. Для слаживания постоянных плановых тренировок пссб по сборке, регулировке, проверке параметров и переводу ГЧ в различные степени готовности была поставлена учебная головная часть 4Р и комплект испытательно-стендового оборудования (только для группы сборки центральной части (ЦЧ) было больше 200 наименований оборудования). В учебной ГЧ делящиеся детали из плутония-239 были заменены на детали из урана-238, что обеспечивало сохранность весовых характеристик при проведении учебных сборок ЦЧ, но белые защитные перчатки приходилось менять после каждого занятия, так как они становились чёрными от окислов урана. Взрывчатые вещества в шаровом заряде, капсулах-детонаторах и детонационных узлах (подрывают ГЧ при уходе ракеты с траектории) заменены инертным веществом.

Вот таков был штат (20 офицеров и 20 солдат и сержантов) первой пссб. В виду отсутствия в штате какой-либо штабной единицы, функции штаба возлагались на начальника пссб, и при частых перемещениях в последующем по железным дорогам гербовая печать части была у него в кармане.

В начальный период дислокации в селе Медведь решались задачи по выгораживанию особорежимной территории для размещения автомобильной и специальной техники, бытовые вопросы по размещению личного состава, офицерских семей, снималось жильё в селе, использовались приспособленные помещения аракчеевского поселения, построенного при Николае первом (в плане три трёхэтажных казармы образовывали Н1, т.к. два здания соединялись перемышечкой). Большую помощь в решении этих вопросов оказывал зам командира 72 инж. бригады – главный инженер полковник Малиновский Г.Н. (до назначения на должность начальника пссб п/п-к Сасько П.И. был заместителем у Малиновского). Впоследствии генерал-полковник, Герой Социалистического Труда Малиновский Георгий Николаевич был заместителем ГК РВСН, начальником ГУЭРВО.

Главный штаб реактивных частей держал под контролем деятельность пссб. Зимой 1958 года комиссией ГШРЧ, возглавляемой начальни-

ком штаба генерал-лейтенантом Никольским Н.А. пссб была поднята по тревоге с задачей совершить 20-ти километровый марш и выйти в район, указанный на карте, где развернуть пссб и перевести ГЧ из степени готовности СГ-2 в полную степень боевой готовности (СГ-5). Несмотря на сложные зимние условия эта впервые выполняемая в таких условиях задача была успешно решена.

Летом 1958 г. по распоряжению ГШРЧ пссб в полном составе была направлена в длительную командировку в Белоруссию с целью проверки окончательной слаженности и готовности к работе с боевыми ГЧ в условиях стационарных помещений сборочных бригад на двух базах стратегической авиации, поскольку ядерные заряды авиационных бомб и ГЧ ракет были одного типа. По существу это был зачёт принимаемый специалистами с большим опытом эксплуатации ядерных зарядов и окончательный допуск бригады к работе с боевыми ГЧ. Во время передвижения по ж\д было произведено около 10 погрузок и разгрузок техники пссб на подвижной ж\д состав, такелажные и крепежные работы прочно освоили все солдаты и офицеры без исключения.

После завершения этапа тренировок пссб была направлена на ракетный арсенал Столбцы (в 50 км от Минска), где уже на хранении находилась большая партия ракет 8К51 – первых носителей ядерных боеголовок. Для пссб, временно прикомандированной к арсеналу (начальник арсенала г/м-р Алфёров А.С.), была поставлена задача принять ж/д эшелон с ГЧ 4Р для ракет 8К51 перевести их из степени готовности СГ-2 в СГ=4 и заложить их на хранение. В 1959 г. ещё не разрешалась транспортировка ГЧ, снаряженных делящимися материалами из-за возможности неполного ядерного взрыва при транспортной аварии. Позднее, после экспериментальных исследований этот запрет был снят. К прибытию пссб на арсенал там были завершены большие инженерные работы для приёма ГЧ. Два бывших ракетных хранилища обнесены земляным валом 5-метровой высоты для уменьшения последствий воздействия ударной волны в случае аварийной ситуации, для радиоактивных отходов сооружён бетонный могильник, выгорожена особорежимная зона. Часть подготовительных работ выполнялась силами пссб. За полтора месяца было заложено на хранение несколько десятков ядерных боеголовок. По окончании рабочего дня офицерским составом группы центральной части (ЦЧ), которую я возглавлял, все материалы, загрязненные от контакта с радиоактивными деталями из плутония-239, урана-235, урана-238, (одноразовые хирургические перчатки, хлопчатобумажные

перчатки, тканевые респираторы, обтирочные салфетки), захоронялись в могильник и заливались слоем бетонного раствора.

Работы по закладке на хранение были очень напряженными и ответственными. Контроль за работой осуществлял генерал-майор Юрышев Н.А. из 6 управления. Все работы были выполнены в строгом соответствии с документацией, и об оценке качества выполнения этих работ говорит тот факт, что распоряжением генерала Юрышева нескольким офицерам пссб был предоставлен дополнительный месячный отпуск. Хотя такой меры поощрения в положении о прохождении службы офицерским составом я не встречал. Очевидно, у генерала Юрышева были соответствующие полномочия. Заложенный на хранение боезапас ГЧ был передан штатной сборочной бригаде арсенала, которая в этот период, пройдя обучение в учебном центре, прибыла в Столбцы. По завершению всех работ пссб в очередной раз загрузилось в ж\д эшелон и была направлена в г. Гвардейск Калининградской области, где перешла на новое штатное расписание ремонтно-технической базы (р\тб). За семьями, оставшимися в селе Медведь, был направлен отдельный офицер для оказания им помощи в переезде в город Гвардейск.

Хотелось бы отметить исключительное отношение всего личного состава пссб к выполнению своих служебных обязанностей в сложных условиях в период этой почти трехмесячной командировки в Белоруссию. Это, в первую очередь, офицеры ст. инж/л-т Иванов Г.И., ст. инж/л-т Селезнев Г.И., ст. инж/л-т Федоров, ст. инж/л-т Литвинов И.А., ст. л-т Ломаченков Е.И. и многие другие.

Личный состав и техника прибывшего в г. Гвардейск ракетного дивизиона (два стартовые батареи и одна техническая), командир дивизиона п/п-к Спрысков Б.М. и пссб-начальник п/п-к Сасько П.И., были размещены на территории военного городка по ул. Тельмана.

В апреле 1959 г. был осуществлен переход на новые организационно-штатные структуры, ракетный дивизион трансформировался в 97й рп, пссб в 349ю ремонтно-техническую базу. Был получен боезапас ракет 8К51 и ГЧ 4Р. Они размещались на территории военного городка. Для размещения ГЧ было построено кирпичное хранилище со сборочным залом.

Был небольшой период, когда 97й рп и 349я р\тб временно переподчинялись ракетной бригаде, дислоцированной в г. Таураге (к-р г/м-р Колесов А.А.). Он вместе с первым секретарем ЦК КП Литвы Калнберзиним Я.Э. ознакомился с размещением и условиями хранения боезапаса ГЧ, напоминая ему, что дозиметр у Колесова якобы уже зашкаливает от

высокого уровня радиации. Я их сопровождал как главный инженер ртб. По действующему тогда положению о режиме посещение ртб разрешалось только первому секретарю ЦК республики, на территории которой размещалось ртб.

1 октября 1959г. рп и ртб заступили на боевое дежурство. В начале оно осуществлялось в полевых условиях в районе д. Солдатово с размещением офицеров и солдат в армейских палатках и нахождении боезапаса в г.Гвардейске.

Принципиальной особенностью размещения Гвардейского полка и ртб было то, что они размещались в трех позиционных районах. Первый дивизион в р-не д. Солдатово, второй в р-не д. Григорьевка, а технический дивизион и ртб в составе двух сб.бр. в р-не д. Зорино. Спустя какое-то время стало ясно, что сб.бр. должны быть размещены вместе с ракетным дивизионом. Но дорогостоящие сооружения были построены, и в этих условиях приходилось осуществлять боевую подготовку стыковочных расчетов, отправляя их на 10-15 км в сопровождении охраны на комплексные занятия со стартовыми батареями. Постепенно весь третий позиционный район полностью перешел в ведение ртб. Это было 5 казарм, 5 обвалованных хранилищ для боезапаса ракет и ГЧ и проведения регламентных работ с ГЧ, котельная, стационарная дизельная электростанция, офицерская и солдатская столовые, баня, и 6 км охраняемого периметра с системой инженерных заграждений. При действующих штатах ртб поддерживать все в надлежащем порядке было непростой задачей. В то же время наличие больших площадей позволяло создать хорошую учебно-материальную базу. В каждой сб.бр. были оборудованы классы для личного состава по всем дисциплинам. По погрузочно-разгрузочным операциям и стыковке ГЧ к ракете были созданы автоматизированные макеты. Для дополнительной тренировки стыковочных расчетов построен макет грунтовой тележки с торцом ракеты и реальным кабельным стволом для проверки автоматики. Занятия офицеров сб.бр. проводились в отдельных секретных классах с электрифицированными схемами по каждой специальности. Все это позволяло поддерживать достаточно надежный уровень боевой подготовки сборочных и стыковочных расчетов.

По результатам итоговых проверок комиссиями дивизии, армии, главного РВСН ртб на протяжении многих лет занимала призовые места, награждалась переходящими знаменами главнокомандования РВСН и ракетной армии. Одно из переходящих знамен было оставлено навечно.

В 1950 г. первый в истории и только что сданный строителями ракетный комплекс 97го рп и 349 ртб с ознакомительными целями посетили секретарь ЦК КПСС (очевидно курировавший в то время оборонные вопросы) Л.И.Брежнев и ГК РВСН главный маршал артиллерии М.И.Неделин. По сборочному залу и сооружениям ртб их сопровождал начальник ртб п-к Тамарлаков В.К. и я, как главный инженер и отвечали им на интересующие их вопросы.

Очевидно, ЦК и правительство интересовало – куда и на что пойдут огромные средства, направляемые на создание и развертывание РВСН, и как реально на месте решаются вопросы создания ракетно-ядерного щита нашей Родины.

Порядком и состоянием ртб высокие гости были удовлетворены и поблагодарили за показ специальной техники.

С дальнейшим развитием ракетной техники появлением таких ракет как Р-12, Р-14 и других носителей тактико-технические данные ракеты 8К51 уже не соответствовали новым задачам. Проблемы с окислителем в виде жидкого кислорода и системой БРК, ограничивающей перенацеливание ракеты по азимуту, требовали ее замены. В 1967 г. 97 рп начал перевооружаться на мобильный комплекс Темп-С (Пионер), имевший разделяющуюся на три блока ГЧ. Офицерский состав ртб в полном составе по новому штату прошел переподготовку на новый тип ГЧ в учебном центре 12 ГУМО. Но поскольку этот тип ракет переходил в класс тактических и должен был быть передан в сухопутные войска, то было принято решение о расформировании 97го рп и 349й ртб. Эту задачу пришлось решать уже мне как начальнику ртб.

За 11 лет службы в 349й ртб в должностях начальника группы, главного инженера и начальника ртб я убедился, что подавляющее число офицеров исключительно добросовестно, с высокой ответственностью и инициативой выполняет свой воинский и офицерский долг. Всем им хочется выразить благодарность и большую признательность. Многочему мы учились и брали пример с наших старших товарищей, фронтовиков – начальников ртб, п-ка Сасько П.И., п-ка Тамарлакова В.К., Добрынина А.Н. Большой вклад в сплочение коллектива ртб и укрепление дисциплины внесли политработники-фронтовики п-к Мещеряков В.П., п/п-к Попов И.Н.

Автор заранее приносит извинения читателям этих кратких фрагментов из истории становления и непростого пути первой ртб 24 рд и одной из первых ртб в истории РВСН за возможные неточности в изложении отдельных событий, со времени которых прошло почти 60 лет.

В ЧИСЛЕ ПЕРВЫХ

*МАРКОВСКИЙ Дмитрий Иванович, генерал-майор в отставке,
один из первых офицеров бригады, инженер-баллистик*

- Сначала поясню, почему я оказался среди офицеров-фронтовиков, отобранных для освоения ракетного оружия. Очевидно, прежде всего сказалась моя достаточно фундаментальная для того времени механико-математическая подготовка. В 1938 году я поступил в МГУ имени М.В. Ломоносова, откуда в сентябре 1941 года с четвёртого курса призывали в армию и направили в Военно-воздушную академию имени Н.Е. Жуковского, которую окончил в 1944 году.

Сразу же после окончания Великой Отечественной войны мне выпало счастье быть среди первых в освоении принципиально нового ракетного оружия дальнего действия. Я был направлен в только что созданную в мае 1946 года первую бригаду особого назначения. Начинали практически с нуля. Для изучения документации по немецкому ракетному оружию основная часть офицеров бригады была направлена в специальный институт, расположенный на территории Группы советских войск в Германии, которым руководил подполковник Тюлин Георгий Александрович, впоследствии генерал-лейтенант – первый заместитель министра общего машиностроения. Георгия Александровича я знал ещё по университету. Другие офицеры направлялись для обучения в созданные к этому времени на территории Германии учреждения и лаборатории, занимавшиеся исследованиями немецкого ракетного оружия.

Первая бригада комплектовалась в основном инженерами из различных родов войск. Многие офицеры бригады, окончившие университеты, академии и институты, были знакомы с динамикой тел переменной массы, помнили уравнения Мещерского, Циолковского, знали из теоретической механики, что такое гироскоп. Но этих знаний не доставало для

того, чтобы практически использовать их при испытаниях отдельных узлов, систем и приборов, а тем более для того, чтобы сформировать оптимальные к ним требования. Нам, безусловно, было трудно, но мы в подавляющем большинстве были молоды, не подвержены, как сейчас говорят, инерции мышления и поэтому с увлечением приступили к изучению теоретических основ ракетного дела и новой для всех нас ракетной техники. Работы в области ракетостроения проводились у нас её до войны. Были созданы и нашли боевое применение в войне знаменитые «катюши», имелись неплохие научные труды по реактивному вооружению и движению в целом. Но этого явно не хватало. Пришлось начинать с азов. Моей основной специальностью стали теория и практика полёта ракеты. Единственным средством измерения траектории полёта ракеты в то время были кинотеодолиты. Расчётные формулы, формы бланков расчёта элементов траектории нам достались от немцев. Изучив их, мы в мае 1947 года на территории Группы советских войск в Германии оборудовали один из аэродромов и провели первые практические занятия по измерению траектории летящего объекта. Таким объектом был истребитель. Практические занятия прошли успешно. Кинотеодолитная служба, геодезисты и расчётное бюро приобрели необходимый навык.

Руководил нами, вдохновлял, прививая веру в ракетную технику и перспективы её развития, по-отечески заботился о нас и наших семьях всеми уважаемый и любимый командир бригады, прославленный генерал Великой Отечественной войны Александр Фёдорович Тверецкий, высокообразованный, обаятельный человек, генерал-майор артиллерии. Он сумел заставить нас полюбить ракетную технику так, что и позднее мы даже не помышляли заниматься другим делом. Даже на досуге, в пути, за обедом и где только можно решали мы различные задачи по теории реактивного движения, обсуждали принципы работы различных систем, и, конечно, дискутировали о способах и применениях и эффективности ракетного оружия. Становилось очевидным, что немецкая ракета ФАУ-2 далека от совершенства, а её применение в современной войне, несмотря на высокую по тому времени дальность, малоэффективно. Но начало развитию ракетного оружия дальнего действия положили, и будущее представлялось вполне перспективным.

В августе 1947 года первая бригада особого назначения передислоцировалась на Государственный центральный полигон Капустин Яр, который к нашему приезду был только обозначен. Еще не существовало никаких сооружений, служебных помещений и испытательных корпусов. Жили в палатках, семьи разместили в деревне в 40 км от полигона.

Ездили к ним раз в 2-3 недели, если позволяли дороги и обстановка. Жены понимали наши задачи, мирились с трудностями, растили детей. В стране ещё действовала карточная система. Трудностей хватало, но пришли и успехи. Какое удовлетворение получал каждый из нас, когда создав в короткие сроки необходимую базу, офицеры бригады и полигона совместно с остальным личным составом подразделений 18 октября 1947 года успешно осуществили первый в стране пуск ракеты дальнего действия. При подготовке ракеты к пуску высокое мастерство продемонстрировали стартовая и техническая команды, кинотеодолитная служба и расчётное бюро.

Слова доклада председателя государственной комиссии министра вооружения Устинова Д.Ф. и маршала артиллерии Яковлева Н.Д. правительству об успешном запуске первой в Советском Союзе баллистической ракеты дальнего действия вселили в нас радость и гордость за труд и коллектив, успехи нашей Родины. Следует отметить, что все члены государственной комиссии проявляли исключительный интерес к нашей профессиональной деятельности, а маршал артиллерии Яковлев Николай Дмитриевич часами мог находиться в расчётном бюро, интересоваться графиками полёта и параметрами кинотеодолитных измерений.

В 1948 году значительное число офицеров-инженеров бригады назначили на ответственные должности в управления и службы дивизиона. Я был в их числе. Мы с болью в сердце восприняли разлуку со своими боевыми друзьями, особенно генералом Тверецким А.Ф. Но вскоре, к нашей общей радости, он так же, как и мы, был назначен на Государственный полигон начальником управления. Генерал Гумиров В.М. принял 22 бригаду особого назначения, так стала называться первая бригада, вооружённая ракетами дальнего действия.

Неоценимый вклад в освоение новой техники внесли замечательные офицеры первой бригады Смирницкий Н.Н., Трегуб Я.И., Комиссаров Б.А., Носов А.И., Меньшиков В.А., Киселёв П.Е., Мозжорин Ю.А., Привезенцев С.Н., Обухов К.С., Баврин В.А., Рождественский А.Т., Повалшвейковский М.И., Пудовочкин Е.Д., Кастальев В.В., многие другие.

Десятки лет спустя, будучи на ответственных должностях, ветераны первой бригады, встречаясь при различных обстоятельствах, с восторгом и гордостью вспоминают те незабываемые годы первых стартов. Особенно тепло мы вспоминаем своего первого командира Тверецкого Александра Фёдоровича. Уже немногие пришли проводить его в последний путь 3 января 1993 года. А те, кто пришёл, пожилые мужественные люди, не скрывали слёз большой утраты.

Первая бригада проложила путь к формированию последующих бригад особого назначения и прежде всего 23 бригады, которую возглавлял 33-летний офицер-фронтовик полковник Григорьев Михаил Григорьевич – будущий первый заместитель главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения. Он прибыл в Капустин Яр в начале 1950-х годов и сразу завоевал наши симпатии профессиональными знаниями и командирской выправкой. Генерал Тверецкий А.Ф. в присутствии многих офицеров высказал мнение, что в лице Григорьева М.Г. мы видим будущего командующего РВСН. Проницательный Александр Фёдорович ошибся не намного.

С теплотой и благодарностью вспоминаю начальника ГЦП генерала Вознюка Василия Ивановича. Своей решительностью, требовательностью, заботой о подчинённых, конкретностью и ясностью задач, которые он ставил, Василий Иванович снискал всеобщую любовь и уважение гарнизона. Благодаря прежде всего его заботам в голой степи создан прекрасный жилой городок, сооружены сотни объектов на испытательных площадках. Несмотря на формальное отсутствие у него высшего образования генерал Вознюк В.И. был человеком высокой культуры, начитанным, хорошо разбирающимся в технике. Вознюк и Тверецкий оставили глубокий след в моей жизни.

В 1950 году закончилась моя служба на полигоне. Перевели меня в 4-е Управление Министерства обороны в Москву. Управление в основном решало вопросы развития ракетного вооружения и было тесно связано с деятельностью полигона и бригад особого назначения.

...С создание Ракетных войск стратегического назначения меня перевели в главный штаб РВСН на должность заместителя на должность заместителя начальника отдела оперативного управления. Отдел решал задачи расчёта и обеспечения полётными заданиями ракетных частей и соединений, заступающих на боевое дежурство. Среди них была и 24 ракетная дивизия, принявшая эстафету ракетных дел у дорогой моему сердцу первой ракетной бригады.

СЕЛО МЕДВЕДЬ – РАКЕТНЫЙ «ОСТРОВ»

ЛУЦЕНКО Анатолий Владимирович, полковник в отставке

- Два документа, подписанные Председателем Совета Министров СССР Иосифом Виссарионовичем Сталиным, имеют непосредственное отношение к месту моей службы в Вооруженных Силах СССР и выбору профессии:

1. В соответствии с Постановлением №1017 – 419 от 13 мая 1946 года, посвященному вопросам реактивного вооружения, Министерству вооруженных СССР поручено сформировать в Германии специальную артиллерийскую часть для освоения, подготовки и пуска ракет типа ФАУ-2 и создать Научно-исследовательский реактивный институт ГАУ (будущий НИИ – 4 ААН). Это известные воинские подразделения в Ракетных войсках страны, в которых я имел честь служить с 1954 по 1987 годы;

2. Для подготовки инженеров-ракетчиков Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 170- 80 СС от 21 января 1953 года был проведен спецнабор старшекурсников ведущих вузов страны на военную службу с последующим направлением на учебу в Артиллерийскую инженерную Академию им. Ф. Э. Дзержинского.

Подобная практика привлечения к решению оборонных проблем будущих специалистов, которые готовились для народного хозяйства, проводилась в Союзе, когда страна нуждалась в подготовке военных инженеров для создания новых видов вооружения. Еще в 1929 году в Военно-техническую академию им.Ф.Э. Дзержинского на вновь созданный «танковый» факультет призвали студентов четвертого курса Ленинградского котлотурбинного института, в числе которых находился и мой дядя – Луценко Александр Романович, после окончания академии возглавлявший военную приемку на Харьковском паровозостроительном заводе (ХПЗ) до 1937 года и имевший непосредственное отношение к «рождению» танка Т-34. Вот только не удалось ему увидеть этот танк...

Многих ведущих специалистов – конструкторов на ХПЗ, в Автобронетанковом Управлении Красной Армии не досчитались в 1937 году.

Практически, во многом я «повторил» наиболее благополучные этапы жизненного пути своего дяди: был призван в армию по спецнабору и направлен на учебу в Академию Дзержинского после окончания четвертого курса Харьковского политехнического института им. В.И. Ленина, тоже готовился как специалист по паровым и газовым турбинам.

«Танковая» профессия для нашего энергомашиностроительного факультета являлась «родной» – по окончании курса учебы по линии военной кафедры института приказом Военного Министра СССР А.М. Василевского в феврале 1953 года мне присвоили воинское звание «техник–лейтенант запаса», по специальности «заместитель командира по технической части танковой роты».

Кроме турбинной и танковой специализации у нас с А.Р. Луценко и после окончания академии возникали «странные» совпадения в военно-служебной деятельности – служили в войсках, работали в КБ, трудились главными инженерами и начальниками заводов: он – танкового, я – экспериментального в НИИ- 4 РВСН. Трагические события 1937 года меня не коснулись... Последний раз напомнили о них, когда заполнял анкету при поступлении в академию.

После окончания Дзержинки в 1954 году (а с этим событием нас поздравил Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков), получив назначение в Ленинградский военный округ в 72-ю инженерную ракетную бригаду РВГК на должность начальника электроогневого отделения, убыл с семьей в село Медведь Новгородской области.

Итак, Медведь – легендарное военное поселение. В формировании его необычной истории принимали участие в разные века и годы многие выдающиеся личности государства Российского и Советского Союза – от Александра Невского до Сергея Павловича Королева. Гарнизон неоднократно посещали государственные и военные деятели России, в том числе представители Дома Романовых – императоры Николай Павлович (1834 г.), Александр Николаевич (1860 г.) и Николай II.

Первое упоминание о Медведе можно найти в писцовых книгах Старой Руссы, и относится оно к 1498 году. По тем событиям, что происходили в жизни села, можно изучать историю всей России с ее трагедиями и победами. Она вмещает в себя очень разные стороны жизни: аракчеевский период и создание военных поселений (в волости Медведской были расквартированы первый и второй им. Барклая-де Толли карабинерные полки гренадерской дивизии), подавление бунта и приезд в село царя

Николая первого, русско-японская война и три тысячи японских военнопленных, содержащихся в Медведе (события столетней давности до сих пор вызывают живой интерес в Японии), причастность к революционным событиям 1917 года.

В годы Великой Отечественной войны в селе героически действовала и погибла молодежная подпольная группа Саши Куликова.

К концу зимы сорок второго года подпольная организация в Медведе насчитывала около двух десятков человек. Командиром группы стал Александр Куликов, начальником штаба – Роман Шарков, секретарем – Таисия Куликова. Подпольная группа выпускала листовки и передавала их в лагерь военнопленных, содержащихся на территории военного городка, собирала оружие и оказала существенную помощь в организации побега из плена группе бойцов и командиров. На их счету – поджог склада горючего для немецких танков на Васильевском острове в излучине Мшаги, участие в дерзких и смелых операциях по наведению наших самолетов на объекты противника в районе Медведа.

Но не только военная слава, но и муза не обошла стороной село Медведь. Здесь в 1855 году проходил службу в чине майора выдающийся русский писатель и поэт граф Алексей Константинович Толстой, создавший с братьями А.М. и В.М. Жемчужниковыми образ Козьмы Пруткова и написавший целый ряд прекрасных романсов и песен: “Средь шумного бала”, “Кабы знала я, кабы ведала”, “То было раннею весной”, “Колдунки”. Лирические стихи Толстого отличают тонкое мастерство, а поэтому вполне объясним интерес к его творчеству со стороны Петра Ильича Чайковского, который не понаслышке знал о Медведе, бывал там не раз и даже однажды сыграл в двух любительских пьесах в местном народном театре.

Прежде чем завершить краткое изложение истории Медведа в период Российской Империи, хотелось бы напомнить, что в июне 1906 года сюда сослали батальон лейб-гвардии Преображенского полка, лишившийся своего гвардейского штандарта за «ослушание» приказу царя – батюшки Николая II, своего бывшего командира батальона.

Можно было бы предположить, что история военного поселения померкнет навсегда, но в октябре 1952 года в село Медведь передислоцировали из Капустиного Яра 22-ую особую назначения Гомельскую орден Ленина, Краснознаменную, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригаду особого назначения резерва Верховного Главнокомандования. Командир бригады – Герой Советского Союза

гвардии генерал-майор артиллерии Василий Николаевич Иванов (до 21 июля 1958г.)

С 15 июня 1953 года бригада получила новое наименование – «72-я инженерная ракетная бригада РВГК».

...Часто вспоминаю совместную работу в КБ НИИ-4 с В.Н. Галковским, одним из пионеров ракетной техники, который еще в 1934 году работал с С.П. Королевым и В.П. Глушко. В 1942 году его удостоили Сталинской премии за участие в разработке конструкции и испытаниях «механизированной установки МУ-2» – легендарной «катюши».

В конце 1954 года мне впервые в ходе инспекторской проверки пришлось применить знания ракетной техники, полученные в академии и непосредственно на специальных курсах в части. Не могу утверждать, что наземное оборудование и “схему 5” я знал, как наш командир батареи капитан Василий Трофимович Шаповалов (это самая важная схема для ракетчика, которую он должен знать, как «Отче Наш» при любых ситуациях!), но готовили нас основательно. И поэтому во время проверки стартовой батареи комиссией Штаба реактивных частей чувствовал себя уверенно. Однако, такого большого количества начальства в одном месте мне видеть ранее не приходилось (проверка происходила в высотном испытательном корпусе, который недавно сдали в эксплуатацию). Главный инженер бригады полковник Ханин Борис Григорьевич и инспектор Штаба реактивных частей полковник Зубченко Леонид Герасимович внимательно наблюдали за моими действиями и подаваемыми командами (так мне казалось), контролировали работу у пульта автономных испытаний и у приборного отсека. И вдруг... в зал вошли несколько генералов. Среди вошедших был и Неделин Митрофан Иванович.

Ситуация на стартовой площадке резко изменилась, чувствовалось, что волновались за личный состав батареи не только наше непосредственное командование, но и те, кто нас инспектировал. Я помню, как полковник Зубченко Л. Г. говорил мне: “Товарищ Луценко ! Не волнуйтесь, команды подавайте четко и громко! ”, что я и делал. А потом поступила вводная – в порядке взаимозаменяемости начальнику отделения поменяться местами с оператором. Ну, что же – пришлось выполнять команду, и я занял место оператора. В машине управления находился поверяющий – майор, Герой Советского Союза, который внимательно наблюдал, как я работаю за пультом. У меня, конечно, было мало опыта работы непосредственно оператором, а настройка интегратора на 8Ж38 требует определенных профессиональных навыков. И поверяющий

Личный состав стартовой и технической батарей 1-го дивизиона на Липовой горе

резонно заметил, что я выполняю все действия без ошибок, но достаточного опыта у меня еще нет. В дальнейшем, уже в НИИ-4, мы многократно встречались с «товарищемверяющим» – это был всеми уважаемый Виктор Васильевич Бутылкин, генерал-майор, доктор военных наук; он всегда по дружески относился ко мне, интересовался работами, которые выполнялись в КБ и на экспериментальном заводе для войск.

После завершения проверки М.И. Неделин объявил благодарность личному составу стартовой батареи и, таким образом, я получил первое боевое крещение.

А если учесть, что наша стартовая и техническая батареи первого дивизиона в феврале – марте 1955 года выезжали в Капустин Яр на пуски двух ракет 8Ж38 (Р-2), я довольно быстро приобрел право чувствовать себя «стреляным воробьем».

Пуски прошли благополучно, в этом заслуга и отделения горизонтальных проверок, которым командовал Виктор Мосягин, мой товарищ и будущий соратник по многим интересным работам в НИИ-4.

Пуски ракет всегда волнительное зрелище, они производят сильнейшее впечатление на участника этого события и запоминаются на всю жизнь. Несмотря на то, что это происходило более пятидесяти лет назад и в последующие годы приходилось видеть пуски и межконтиненталь-

ных ракет, но видеть – это уже другое восприятие, иное чувство, нежели непосредственное участие в событии.

26 марта 1955 года принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в соответствии с которым Министерство обороны обязывали передислоцировать в 1955 -1956 гг. 72 ибр на территорию ГДР. Бесспорно, это постановление в своё время сыграло определяющую роль в боевой подготовке бригады и наложило отпечаток на все виды ее деятельности.

В начале мая 1955 года бригада в полном составе передислоцирована в летний лагерь под Лугой. В 1953 году этот лагерь передан бригаде 2- м Ленинградским артиллерийским училищем. В дальнейшем переместился на несколько километров вглубь лесного массива, в район горы Липовая (поэтому лагерь и присвоили наименование «Липовая гора»). Условия пребывания личного состава на этом ракетном «острове» были довольно специфичны: практически, с мая по октябрь мы не видели «гражданских» лиц, за исключением небольшого числа женщин – «декабристок», которые мужественно переносили все сложности быта, находясь в полном отрыве от цивилизации и элементарных удобств.

«Город», в котором жили семейные офицеры, гордо назывался Шанхаем. Представлял он землянки, вырытые на склоне горы в сосновом лесу, на берегу озера с чистой водой. Ну чем не Тарховский санаторий МО под Ленинградом? Вот только комаров тучи и ближайший военторг в Луге, в 20 километрах от лагеря. Но ведь не зря гласит мудрая русская пословица: “С мылом и рай в шалаше”.

Как-то ко мне на пару дней приезжала жена с двухлетним сыном. Витя Мосягин, будущий полковник, кандидат наук и членкор академии космонавтики, уступил нам свой «номер» в таком вот райском шалаше. До сих пор вспоминаем с женой об этом.

Оборудованные стартовая и техническая позиции, штабы, столовая, санчасть – всё рядом. Вот только до ближайшей деревни Пустошка – 12 километров. Очень редко, но иногда мы получали разрешение у командиров туда «сбегать», чтобы отметить какое-нибудь выдающееся событие, например, получение денежной премии за успешно сданную инспекторскую проверку. В то время наши ракеты заправлялись С2Н5.ОН + О2. Конечно, ракетчики тех далеких лет не походили на совершенных трезвенников, но молодые офицеры равнялись на отцов – командиров, в основной массе своей прошедших суровую школу Великой Отечественной войны. Для них основным законом были интересы службы. В офицерской столовой в Медведе существовал большой выбор всевозможных

напитков, но никто не позволял себе отклонений от установленных традиций – только после службы.

Поделюсь секретом – на каждый пуск положено было два 9-ти литровых бачка 97% -го этилового спирта для жидкостного зажигательного устройства и один из бачков (запасной), как говорили, оставался у заводчан «для промывки магистралей». После пуска существовали некоторые традиции, которые никто не имел права нарушать.

Еще существовала традиция посвящения в ракетчики тех, кто принимал участие в первом пуске. Так, во время заправки ракеты окислителем предлагалось на мгновение подставить ладонь под льющую голубую струйку кислорода с трубы перелива на лафете. При этом всегда вспоминался урок химии в школе, когда учительница бросала в емкость с кислородом цветок, и он мгновенно превращался в ледышку.

Запомнился выезд первого дивизиона в район Липовой горы зимой 1955 года: условия крайне неблагоприятные – температура -30 – -35 град., ветер, пронизывающий добротные полушубки насквозь, огромные сугробы дороги. Впереди колонны два тягача АТТ прокладывали путь и выручали застрявшую технику. Наши ракеты прятались в длинных «домиках» из фанеры на тележках. Местное население, конечно же, догадывалось, что за окошками, нарисованными на «домиках», нет ни одной живой души. А вот у ракеты душа есть! Она благосклонна только к тем, кто ее любит и ухаживает за ней не хуже, чем за любимой.

Подобного характера испытания функционирования наземного оборудования и бортовой аппаратуры ракеты в условиях низких температур проводились в бригаде систематически. Еще в январе – феврале 1954 года второй дивизион бригады провел несколько комплексных испытаний при температуре -35, -45 град. в Забайкалье в районе Нерчинска. Командир 2-го дивизиона подполковник Г.И. Устинов доложил о том, что «эти испытания выявили явную непригодность ключевых агрегатов комплексного наземного оборудования и ракеты к боевому применению в экстремальных условиях. Конструкторскому бюро и промышленности было над чем подумать. А дивизион, его стойкие люди с задачей справились».

Сравнивая наши подвижные комплексы с современными, мне лично, кажется, что в тот период офицерам приходилось сложнее. Помню и свою первую зимнюю поездку в бронированной машине управления, когда во время марша предложили покормить личный состав: хлеб пришлось рубить топором, а от глотка крепкого чая потрескались зубы. Но

никто не роптал, переживали за солдат – шоферов, у которых глохли моторы, и устранять неисправности предстояло на сильном морозе.

Около двух недель не снимали шапок с головы, солдаты и офицеры (во всяком случае, начальники отделений и комбат с замполитом) спали в натянутых на лапник палатках.

Тяжело в стужу работать на верхнем мостике ракеты 8А11(Р-1), необходимо выполнить целый комплекс проверок и операций – от установки бортовых батарей, гиросприборов, юстировки гиросплаты до подключения кабеля Б, предназначенного для снятия питания с борта во время «прожига». Закоченевшие руки младшего сержанта Лазарева никак не могли справиться с этой несложной в обычных условиях операцией, и мне пришлось самому подключиться к выполнению задания. После завершения проверки подключения кабеля Б с радостью зашел с докладом в натопленную машину управления, в которой находились главный инженер бригады полковник Андрюков Владимир Иванович, комбат и, конечно, оператор Алексей Пилипенко. Вот когда я ему позавидовал – в машине тепло и уютно, а мне опять предстояло подняться на 12-метровую высоту к приборному отсеку. После этого случая главный инженер всегда благосклонно относился ко мне и довольно часто направлял в другие стартовые батареи для участия в проверках.

После учений хотелось сказать «большое спасибо» главному конструктору ракеты 8Ж38, работа на которой для электроогневого отделения существенно упростилась, особенно в зимний период. Но тогда мы, конечно, не знали, что нужно было благодарить Сергея Павловича Королева и его коллектив, моих будущих земляков, с которыми вот уже 25 лет работает мой сын Владимир.

В октябре 1957 года меня неожиданно вызвали к начальнику штаба бригады полковнику Тюрину Д.А. Никаких подвигов я не совершал, электроогневое отделение на инспекторской проверке получило хорошую оценку, и мои бойцы нигде не «отличились», а поэтому шел совершенно спокойно к большому начальству. Начальник штаба сообщил, что есть приказ о моем переводе на новое место службы, для чего я должен уехать в Москву на Фрунзенскую набережную за назначением. Куда? Не сказал. Вот это была новость! Никогда не думал, что именно так может завершиться служба в Медведе.

«Но прежде, чем уехать на новое место службы,- далее продолжал начальник штаба, – вы должны принять участие в учениях». Такой поворот событий не обескуражил, а только обрадовал.

В соответствии с планом учений 635 отдельный инженерный дивизион должен совершить марш по территории Новгородской и Псковской областей, минуя густонаселенные пункты, выйти в заданный район, и осуществить пуск ракеты 8Ж38 .

Техника тщательно готовилась к маршу, начальникам отделений выдали карты районов учения, проверялось оружие рядового и офицерского состава. Кстати, у офицеров дивизиона личное оружие находилось постоянно при себе. При выездах на полевые учения я часто получал патроны на складе артвооружения дивизиона для тренировок, когда представлялась такая возможность. В наше время пистолет ТТ, с 1955 года ПМ, действительно являлся личным оружием офицера.

Итак, движение осуществлялось только в ночное время, а днем, после сна, занимались боевой подготовкой, никаких лишних перемещений и только в определенном районе. Такая специфика поведения диктовалась тем, что дивизион двигался по местам ожесточенных боев в годы Великой Отечественной войны, и не исключались подрывы. Поэтому впереди колонны шёл саперный инженерный взвод, который выполнял боевую задачу по поиску взрывоопасных предметов и мин. И только после их работы мы ставили технику в указанном районе и тщательно маскировали. Работа саперов бригады являлась крайне опасной, многих из них наградили медалью « За отвагу».

Марш завершился в районе Чудского озера имитацией пуска ракеты – «прожигом».

Конечно, у всех было большое желание посмотреть на знаменитое озеро, на места, где в 1242 году Александр Невский разгромил немецких псов -рыцарей. Символично, что «медведцы» через 714 лет побывали в этих местах и продемонстрировали вероятному противнику новые медведские «топорики».

После завершения учений мне предстояло прибыть в Москву в Штаб реактивных частей за направлением на новое место службы. Конечно, я предполагал, что могу оказаться в любой точке СССР, вплоть до Камчатки, но то, что мне сообщили, превзошло все ожидания – вручили направление в Болшево, под Москвой.

Покидал бригаду с некоторым сожалением, я довольно быстро понял, что служба в 72 ирб – это подарок судьбы. Нашими командирами были высокопрофессиональные специалисты, участники Великой Отечественной войны – В.Т. Шаповалов, И.П. Коваленко, В.И. Андрюков, Г.Н. Малиновский, А.И. Холопов, благодаря которым приобретался опыт

эксплуатации ракетной техники. Он оказался совершенно необходимым с самого начала службы в НИИ-4, в стенах которого за 30 лет я прошел длинный и интересный путь от старшего инженера КБ до начальника Экспериментального завода НИИ-4. Многолетняя служба последовательно в инженерной ракетной части, КБ и на экспериментальном заводе позволили должным образом оценить работу, сочетающую научный поиск ученого, творчество конструктора и рабочего на производстве.

А связь с бригадой не оборвалась навсегда. В 1958 году я прибыл на Липовую гору и доставил из НИИ-4 подвижную контрольно-измерительную лабораторию (КИЛ), разработанную и изготовленную в НИИ-4. Мне поручили принять участие в ее испытаниях, т.к. в разработке ТЗ на создание лаборатории я принимал самое непосредственное участие. Для меня, бывшего начальника электроогневого отделения, создание институтом подвижных комплексов для метрологической службы РВ являлось знаковым. Я еще хорошо помнил приезды метрологов в бригаду, когда с проверочно-пускового оборудования снимались измерительные приборы и доставлялись в штаб бригады для поверки. О какой боевой готовности в это время можно было вести речь!

А в 1960 году я вновь встретился с бригадой и ее командиром А.И. Холоповым, когда прибыл с представителем Главного Штаба РВ в Гвардейск для решения вопросов, связанных с боевым дежурством части.

В 1959-1965г.г. институтом внедрялись в Ракетных войска первые отечественные специализированные ЭВМ – «СПЕЦЭВМА-1» и универсальная ЭВМ типа «КЕДР-М». Макетные и опытные образцы машин изготовляли на экспериментальном заводе по конструкторской документации, выполненной совместными усилиями научных отделов и КБ.

Специализированные ЭВМ предназначались для решения боевых задач подготовки данных для пусков ракет Р-12У, Р-14У, Р-16У, Р-9А, а также для решения задачи топогеодезической привязки стартов и оценки радиационной обстановки.

С помощью этих ЭВМ Ракетные войска в период становления были способны в стационарных и полевых условиях за 30 – 40 сек. подготовить полетное задание на пуски ракет (без применения данных средств эта работа занимала не менее 40 минут).

Хочу назвать еще одну работу, результаты которой были крайне важны и для 24 дивизии.

В начале 1960-х годов на вооружение приняли ракеты-носители с использованием в качестве энергоносителей жидких ракетных компонентов – несимметричного диметилгидразина-НДМГ (горючее) и азотного

тетраоксида (окислитель). В этот период организации – разработчики НДМГ и АТ не обеспечивали войска необходимыми средствами контроля наличия в воздухе утечек этих компонентов, и по заданию Главного Штаба РВСН институту поручалось создать и смонтировать на ряде объектов систему газового контроля, позволявшую оперативно решать контрольные функции. Во взаимодействии научных отделов института, КБ и экспериментального завода оптические системы дистанционного газового контроля «СГК-4» были созданы и специально подготовленными бригадами смонтированы во многих ракетных полках и на полигонах, в том числе и в 24 ракетной дивизии.

В 1962 году при создании автоматизированной системы боевого управления АСБУ «Сигнал» опытные образцы аппаратуры, изготовленные в НИИ-4, проходили испытания на специально созданной линии в 24 ракетной дивизии в г. Гвардейске.

Мною приведен далеко не полный перечень работ, которые выполнялись коллективом НИИ-4 в интересах Ракетных войск и, в частности, для нашей родной бригады, на шестидесятипятилетний юбилей которой в июле 2011 года был приглашен с группой сослуживцев – Виктором Мосягиным, Михаилом Штундюком, Владимиром Галактионовым, Никитой Палло, Иваном Ермолаевым.

На праздновании юбилея присутствовал патриарх российской космонавтики, соратник С.П. Королева и его первый заместитель – Борис Евсеевич Черток.

В своем обращении к командованию РВСН и ветеранам первого ракетного соединения Борис Евсеевич тепло поздравил собравшихся и отметил, что участие в этом мероприятии для него – большая честь.

«Хотя меня иногда и величают патриархом космонавтики,- отметил он,- но космонавтика держится на ракетах. Пока еще человечество не придумало никаких других способов выйти в космос, не применяя ракетного принципа.

Удивительно, но история больших ракет начиналась с малых пороховых ракет, с установок залпового огня, которые мы называли во время войны «катюшами».

И вот здесь я просил бы обратить внимание на великую роль человеческого фактора – инициативу людей, тех, кто держал в своих руках такое оружие как гвардейские минометы в ставке Верховного Главнокомандования. Фактически они увидели перспективу в развитии реактивной техники, что этот принцип приведет к созданию другого класса ракет.

Власиха, 1 июля 2011 года

Человеческий фактор оказался таким серьезным, что они возглавили ракетные полигоны страны.

Вот этот великий человеческий фактор оказался решающим в создании такого грозного оружия, которым владеете вы и вся страна.

А, в конечном счете, решает то, чем природа нас наградила. Она нас наградила разумом. И вот этот ракетный разум должен быть в ваших надежных и твердых руках».

СТАНЦИЯ ЖЕНИХОВ

АГЕЙЧЕНКО Юрий Михайлович, полковник в отставке

- Я родился на станции Ильино Горьковской железной дороги. Это была станция разгрузки-погрузки войск известных Гороховецких лагерей: Мулино, Золино и других. Постоянное движение больших групп войск с детства отложило определённое отношение к армейской службе в моём сознании. А станция прославилась в округе как «станция женихов».

Родители мои были железнодорожными служащими. Их и старшую сестру я рано потерял, оставшись круглым сиротой. В 1951 году, сдав конкурсные экзамены (принимали 36 человек из двухсот), я поступил в 9 класс 2-го Московского артиллерийского подготовительного училища, по окончании которого призвали в армию и направили для поступления в Ростовское высшее инженерное артиллерийское училище.

Офицеры и преподаватели училища заменили мне родителей. Каждый дорог. Начальник училища генерал-майор Н.С.Иванов. Командир нашей 2 батареи подполковник Шаронов Александр Иванович. Он дал мне свои деньги на похороны мамы. Службу завершил он на преподавательской работе в Военно-политической академии имени В.И.Ленина на кафедре оперативно-тактической подготовки РВСН. Офицер-воспитатель взвода майор Ключев Павел Михайлович. Это он написал в моей характеристике: «Скромен до застенчивости». Попробуй их забыть!

Коллектив батареи был исключительно дружным, успешным в учёбе. Многие из моих товарищей в дальнейшем закончили Ростовское училище и достойно служили в войсках.

По моему глубокому убеждению, система подготовительных и авиационных спецучилищ, существовавшая почти десятилетие после

Великой Отечественной войны, помогла многим беспризорникам стать профессиональными военными.

...Накануне 1 сентября 1953 года с соблюдением величайшей секретности нам представили макет баллистической ракеты ФАУ-2. В это время в училище готовили к выпуску по ускоренной программе два первых потока ракетчиков. За второй и третий курс мы освоили ракетную технику тех времён, побывали в Капустинном Яре, Днепропетровске, Харькове.

19 августа 1957 года стало знаменательным. Защитив на отлично диплом инженера-механика, я в этот же день заключил брачный союз с моей самой надёжной спутницей по тернистой жизни военного – НАДЕЖДОЙ!

Из нашего четвёртого выпуска большинство направили в с. Медведь, Капустин Яр, Белоковичи, Плесецк... Меня – в село Медведь, на непонятную должность инженера-расчётчика отделения подготовки данных.

В октябре 1957 года мы с молодой супругой прибыли на станцию Уторгаш в 16 километрах от села Медведь. Был дождливый воскресный день. У переезда одиноко стоял грузовик, водитель которого безуспешно бродил по посёлку в поисках бензина. Когда удача блеснула, мы забрались в кузов и, накрывшись плащ-накидкой, тронулись к месту назначения.

На кпп встретил нас старший лейтенант Журавлёв, которому было приказано отправить нас по дождю и непролазной грязи искать жильё в селе. Насквозь продрогших «куриц» всё-таки пожалели и выделили место в малогабаритной квартире. Самая большая комната её – 15 кв. метров была битком забита лейтенантами – будущими большими начальниками, свободной оставалась неотопливаемая из-за засорения дымохода комнатка с солдатской койкой...

В понедельник меня представили командиру третьего дивизиона подполковнику Спрыскову Борису Михайловичу, начальнику штаба подполковник Евсееву Ф.Ф., изъявшему мой выпускной училищный альбом, начальнику опд капитану Фёдорову Ивану Ильичу.

Дивизион был вооружён самой современной ракетой Р-5М с ядерным зарядом. И штат опд был достаточно солидным: начальник, инженер-расчётчик, инженер-геодезист, три техника-вычислителя (офицеры), 4-6 вычислителей, водитель автобуса. До моего прибытия в наличии был только кроме начальника инженер геодезист старший лейтенант Иванов Сергей Андреевич с солидным опытом работы, сержант Калмычин и рядовой Кнутов, прошедшие краткий курс вычислительных работ на специальных сборах. Следом за мной прибыл техник-лейтенант Рож-

дественский Николай Иванович, выпускник училища, принявший фамилию начальника училища как дань уважения к нему. Этим составом совместно с геовзводом мы и обеспечили геодезическую и баллистическую подготовку к заступлению на боевое дежурство нашего ракетного полка 1 октября 1959 года – в числе первых двух полков такого типа Вооружённых Сил СССР, взяв под прицел пол-Европы.

Ракеты, надо сказать, мы осваивали быстрее, чем решали бытовые вопросы. По собственной инициативе молодые лейтенанты «осваивали» нежилые на то время аракеевские казармы: деваться было некуда. Заместитель командира главный инженер бригады подполковник Георгий Николаевич Малиновский поделился своей скромной квартирой, например, с молодым лейтенантом – геодезистом Сергеем Ивановым, у которого жена была на сносях.

Мы своё первое пристанище в селе нашли в отдалении от «главного проспекта», за болотцем в скромном домике председателя колхоза. Один уголок дома уже был занят лейтенантом В.В. Крембовым, известным мне по МАПУ, во второй уголок втиснулись мы. Каждый вечер к нам собирались все неприкаянные, бездомные защитники Родины для обсуждения проблем мирового масштаба. Хозяину дома поначалу нравились наши бредни, а потом он от них устал...

В начале апреля 1958 года опд, геовзвод, командиры стартовых батарей нашего 650 дивизиона под руководством начальника штаба бригады Д.А.Тюрина убыли в неизвестном (для нас) направлении и разгрузились в г.Гвардейске Калининградской области.

Здесь нас разместили в военной гостинице. В штабе местной мотострелковой дивизии, расположенной в оставленной немцами в отличном военном городке, мы получили свои задачи: выбор и геодезические «привязки» стартовых позиций, расчёт полётных заданий для пуска ракет. Руководил операцией представитель Штаба реактивных частей полковник Пузик Пётр Петрович.

Несколько дней ушло на рекогносцировку местности, в процессе которой принципиально определили районы стартовых позиций и место расположения лагеря опд и геовзвода.

Стартовые позиции выбрали недалеко от города в сосновом лесу по берегу реки Дейма: первая – в районе деревни Солдатово, вторая – несколько севернее...

С позициями подразделений БРК всё было намного сложнее: их требовалось более десятка для каждого старта.

Вычислительные работы велись непрерывно на самой современной для того времени вычислительной технике – арифмометре «железный Феликс», ставшим теперь музейной редкостью. Мы его крутили до заклинивания от перегрева.

Связь с селом в целях конспирации осуществляли редкими нарочными. Так, от него в середине мая узнал о рождении дочери. Роды оказались крайне опасными, ребёнок мог погибнуть – спасла наша милейшая соседка Тамара Плосковская – фельдшер-акушер... Но обо всём этом я узнал много позже, поскольку сам решал государственные задачи.

В июне 1958 года наш 650 оид провёл опытное учение, в ходе которого совершил марш по грунтовой дороге на расстояние 1000 км с развёртыванием в боевой порядок и подготовкой ракеты Р-5М к пуску, а в июле оказался в Гвардейске. Местное население стало свидетелями захватывающего зрелища, это вам не танки!

Летом и зимой 1958 года дивизион обустроивал позиции. Наша полевая и вычислительная работа не уменьшалась.

24 апреля 1959 года на базе 650 отдельного инженерного дивизиона РВГК сформировали 97 инженерный полк. Командиром его стал Борис Михайлович Спрысков. Полк состоял из двух стартовых дивизионов – по 4 пусковые установки ракет Р-5м в каждом. Меня назначили начальником опд первого дивизиона.

Для полка в апреле подготовили полётные задания на три пуска ракет с 8 пусковыми установками. С этой документацией в отдельном купе с охраной отправили меня в Штаб реактивных частей, располагавшийся тогда в академии им. Ф.Э. Дзержинского. Работа над документацией затянулась и 1 Мая 1959 года (день рождения моей дочери к тому же) я встречал в Москве.

1 октября 1959 года наш 97 инженерный полк заступил на боевое дежурство и взял под прицел пол-Европы!

В феврале 1960 года наш полк посетил Председатель Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев. С ним прибыл секретарь ЦК КПСС Д.Ф. Устинов, Министр обороны СССР Р.Я. Малиновский, Главнокомандующий РВСН главный маршал артиллерии М.И. Неделин, главные конструкторы В.П. Бармин, М.К. Янгель и другие. Полк стоял на боевом дежурстве на основных позициях. К этому времени основные сооружения боевых комплексов уже построили. Брежнев и сопровождающие его лица прибыли на бсп 1-го дивизиона. Были заслушаны командир бригады А.И.Холопов, командир полка подполковник Б.М.Спрысков. После этого

показали работу стартовой батареи по подготовке пуска ракеты Р-5М (командир батареи Г.Н. Никольский).

Помню, как к нам в автобус опд вошёл полковник Г.Н.Малиновский и удовлетворённо сказал: «Ну, здесь-то работают одни профессионалы!»

Несколько позже, осенью, на полевых работах меня разыскал старший лейтенант Валентин Шмаров с приказанием срочно прибыть к полковнику Малиновскому. В полевой форме, очистив сапоги от грязи, с испуганными глазами предстал я перед заместителем командира дивизии. А он мне объявил, что я представлен на должность офицера стрельбы в штаб 50-й ракетной армии (в Смоленск). Дивизион, полк, дивизию я покидал с лёгким сердцем: отделение много лет являлось отличным. Чувством глубокой благодарности был преисполнен к Николаю Сергеевичу Вячеславу, Ивану Ильичу Фёдорову, Сергею Андреевичу Иванову, конечно же, солдатам и сержантам.

ЛЮДИ МЕДВЕДСКОЙ БРИГАДЫ

МАЛИНОВСКИЙ Георгий Николаевич, генерал-полковник в отставке

- О чём писать? Думается, мы крайне редко обращаем память к этапу 1946-1959 годов.

Это время настолько сложно и значимо, что пытаться охватить его одним приемом просто невозможно. Для меня лично – это годы учёбы в академии после войны, педагогическая деятельность в стенах Высшей офицерской артиллерийско-технической школы в г. Пензе и служба в первой ракетной бригаде особого назначения.

К периоду службы в этой бригаде я и хочу привлечь внимание читателей.

История создания ракетного оружия, подготовки кадров и ряд других моментов не обойдены вниманием современников, однако роль 1946-1959 годов в разработке основ боевого применения, боевой подготовки и создании системы эксплуатации ракетного вооружения принижена и в какой-то степени искажена.

Мне могут возразить, что бригады, а их стало в конце семь, были вооружены подвижными комплексами средней дальности, а основу в новом виде Вооружённых Сил составили стационарные комплексы с межконтинентальными ракетами. Да, это верно.

Однако опыт бригад (а они в 1958-1959 годах начали «остационариваться») отразился на деятельности кадров старшего звена руководства будущих Ракетных войск, так как многие из офицеров в этот эшелон управления были выдвинуты из бригад. Умелое использование опыта первых ракетных бригад, насыщенного самыми различными оперативными задачами и опытными учениями, позволило грамотно сформировать тактико-технические требования и задания на новые разрабатываемые ракетные комплексы, принципы их боевого применения. В 1950-е годы успешному развитию войск способствовало тесное

взаимодействие Штаба реактивных частей (генерал М.А. Никольский) и аппарата НРВ (генерал А.И. Семёнов) непосредственно с бригадами, постоянное применение всего нового, что способствовало успешному формированию основ оперативного использования ракетных соединений и частей, созданию системы эксплуатации вооружения и системы боевой подготовки. Успешному формированию ракетных соединений и частей, освоению ими ракетного оружия во многом способствовал огромный фронтовой опыт, которым обладали офицеры и генералы этих частей. Практически все командиры, начиная от батарей и выше, были участниками Великой Отечественной войны. Это, прежде всего, опыт ствольной артиллерии и гвардейских миномётных частей.

В дальнейшем Ракетные войска впитали опыт и других видов Вооружённых Сил и родов войск: ВВС, ВМФ, танковых войск. Однако основой оставался опыт артиллеристов. Он складывался веками как результат высокой общей подготовки, сочетал в себе прекрасное знание материальной части артиллерии, правил стрельбы и систематическое проведение артстрелковых тренажей. Не секрет, что авиация передала Ракетным войскам основу организации эксплуатации вооружения (инженерно-авиационная служба), а ВМФ многое дал в вопросах подготовки офицерских кадров.

Сегодня Ракетные войска, переняв опыт боевых товарищей, пришедших из других видов Вооружённых Сил, обладают совершенными системами боевого дежурства, подготовки дежурных смен, эксплуатации ракетного вооружения, комплексных тренажёров, чему не случайно завидуют другие виды Вооружённых сил. Но вернёмся к середине 1950-х годов. В ту пору то, чем мы располагаем сегодня находилось за пределами нашего воображения.

В бригаду я был назначен с должности старшего преподавателя специального цикла Высшей офицерской школы. В ней я последовательно служил на должностях заместителя командира дивизиона по вооружению, начальника отдела специального вооружения бригады, заместителя командира бригады по вооружению.

Командовал бригадой (после генералов А.Ф. Тверецкого и В.М. Гумирова) Герой Советского Союза генерал-майор артиллерии Василий Николаевич Иванов, оставивший у всех нас необыкновенно тёплое чувство благодарности за человечность и умение поддержать подчинённых в трудный час. Не имея высокой общеобразовательной подготовки, командир очень ценил её у своих подчинённых. Обладал даром отличного

хозяйственника, проявлял принципиальность в большом и малом. Благодаря его усилиям коллектив офицеров в бригаде был сплочён, дружен и весьма работоспособен.

Условия службы были непростые. После формирования и работы в условиях полигона Капустин Яр бригаду ввели в состав Ленинградского военного округа, дислоцировалась она в селе Медведь Новгородской области. Село сильно пострадало в годы Великой Отечественной войны и в 50-е полностью ещё не восстановилось. Особенно сказывалась запущенность системы дренажа болотистой местности, восстановление которой ежегодно отнимало не меньше времени, чем очистка парка вооружения и техники от снега. Требовалось также постоянное поддержание дорог в проезжем состоянии для обеспечения выхода бригады по тревоге в любое время года и суток. Базировалась бригада в сооружениях бывшего аракчеевского поселения и достроенных к нему в последующие годы конюшнях конно-артиллерийских частей. Все здания в наше время находились в неудовлетворительном состоянии и частично разрушены войной. Наверное, не случайно Митрофан Иванович Неделин поставил на должность командира перемещаемой в ЛенВО бригады генерал-майора артиллерии В.Н. Иванова, которого он знал по фронту.

Впоследствии, в конце 1950-х годов, бригада расположилась на прекрасных фундаментах зимних квартир и лагеря, оборудованного на Липовой горе Лужского полигона, на которых ранее располагалась артиллерийская бригада, ушедшая в ГДР. Читатель должен понять, что вопросы хозяйственного порядка, строительства хозспособом отрывали от боевой подготовки массу времени и сил, однако со всей ответственностью должен сказать, что решение их, благодаря усилиям руководства бригады, всего офицерского состава, никогда не заслоняло задач боевой готовности. В меру своих сил помогал, и порой очень существенно, военный округ.

Уровень боеготовности мог быть и выше. Конечно, всем нам хотелось иметь его таким, каким достался он к периодам проведения итоговых ежегодных проверок (как ни пытались скрыть от нас сроки проведения их, практически не случилось ни одной внезапной проверки). Но, тем не менее, войска всегда находились в способности развернуться на местности и обеспечить выполнение боевых задач.

В послевоенный период частям Советской Армии, дислоцированным на ранее захваченным немцами землях, приходилось тратить много времени на хозяйственные работы. Всё делалось солдатским трудом. Плохо. Наверное,

то, что сегодня, когда обстановка в стране другая, в структуре войск очень слабы подразделения и части обслуживания, и по традиции ослабевает боевая подготовка из-за отрыва личного состава боевых подразделений и частей на сезонные работы по подготовке фондов к зиме, заготовку овощей, постоянную работу по ремонту казарменных и других помещений, поддержанию в должном порядке территорий, дорог, ограждений. Для этого нужны силы и средства. Однако сегодня идёт сокращение войск и, прежде всего, за счёт тех, кто даёт возможность планомерно крепить боеготовность.

В те годы боеготовность бригады проверялась ежегодно. В 1957 году по ряду причин нас проверяли даже три раза, но ни разу не получили мы плохой оценки. А отличных и хороших оценок в то время не ставили. Помню, в 1959 году в составе Группы советских войск в Германии московская комиссия, оценивая бригаду, «подошла» к хорошей оценке, однако, как метко сказал член этой комиссии полковник Леонид Герасимович Зубченко: «Не будем рисковать».

Хочется сказать о том, что командир бригады генерал-майор В.Н. Иванов много внимания уделял хозяйственной деятельности, не терпел недисциплинированности и лени. Сам был неутомим в работе, часто можно было видеть, как впереди бодро вышагивал Иванов, а за ним едва поспевали проверяющие, искавшие место «приземления», чтобы хоть как-то передохнуть от этого темпа. А командиру хотелось показать как можно больше, ведь всё сделано руками его подчинённых.

Первым заместителем командира являлся Александр Иванович Холопов, блистательно продолживший службу командиром этой же бригады, дивизии, заместителем командиров больших объединений, командующим армией и, наконец, начальником Военного института имени А.Ф. Можайского. В описываемые годы Александр Иванович и командир во многом дополняли друг друга.

Начальником политотдела бригады был полковник Василий Леонтьевич Лесков. Его поддержку и помощь я почувствовал с первого дня. Очень сожалею, что вскоре мы расстались, так как он был переведён в Ростовское училище. В моей длительной службе это был один из лучших политработников. Штабом руководил Дмитрий Александрович Тюрин, человек, знающий своё дело. Запомнился мне очень выгодно отличавший его от многих начальников штабов приём работы. В то время (да и позже) в зданиях штабов было печное отопление. Печи топились с раннего утра, и к началу работы топка, как правило, заканчивалась. Под предлогом «погреть спину» у тёплой печки (камина) заходил в рабочую

комнату начальник штаба и накоротке обменивался информацией, получая от нас те полезные сведения, которые никогда не получит ни один начальник штаба сидя в своём кабинете. Зачастую в это время заходил к нам и «теплолюбивый» командир.

Надо сказать, что контакт руководства с офицерским коллективом складывался весьма разносторонне. По субботам и воскресеньям – посещение кино. Столь же регулярно посещалась баня по субботам. Никаких специальных бань. Столовых и других учреждений в городке для руководства не существовало.

Главным инженером бригады после ухода Бориса Григорьевича Ханина на Украину стал Владимир Иванович Андрюков. Это – практик, знавший дело не понаслышке, прошедший в бригаде все ключевые инженерные должности. Несмотря на большой опыт, Владимир Иванович не позволял себе прийти на комплексное занятие в стартовую батарею, не подготовившись заранее, не «подняв» необходимую техническую литературу.

Его заместитель начальник специального вооружения Прокофий Иванович Сасько, мой самый близкий товарищ в бригаде, неоднократно предупреждал меня, что Владимир Иванович сегодня штудирует то или другое. Для нас это означало, что и нам следует посмотреть эти документы, ибо Андрюков слыл «введливым» до чрезвычайности и не стеснялся задавать вопросы прямо на позиции, у машин, агрегатов, на виду у подчинённых. Не дай Бог, как говорили, не ответить на эти вопросы. А работать надо уметь за любого номера расчёта.

В те годы в бригаде существовала очень полезная должность – заместитель командира бригады по технической части. Машин и тягачей в бригаде – многие сотни. Хозяин этого, Александр Фёдорович Левашов, человек, влюблённый в своё дело, пользовался большим доверием командира, твёрдо поддерживал порядок. Позже приходилось служить во многих местах, и я всегда вспоминал Левашова и его деловую хватку.

Разносторонним и сложнейшим тылом бригады руководил Павел Фёдосеевич Науменко. Имея богатейший опыт, он уверенно вёл работу. Конечно, в то время мы не увлекались отделкой стен в казармах под полированное дерево, но полнота порций в солдатской столовой не вызывала сомнений.

Читатель может возразить, что я, мол, идеализирую сослуживцев, рисуя их в образе каких-то ангелов. Конечно, мы не были ими, у каждого присутствовали свои достоинства и недостатки. Это отмечено в наших аттестациях по службе. Я всегда считал необходимым учиться у

старших товарищей хорошему, а также видеть хорошее в подчинённых, воспитывать добротой. К большому сожалению, в повседневной жизни мы слишком много уделяем внимания плохому, недостаткам. Они должны находиться в поле зрения командиров и начальников, но в разумном соотношении. В противном случае (что сейчас особенно явственно) результативность воспитания резко падает.

Устойчивые положительные результаты в боевой готовности – прямое следствие воспитания и нравственной атмосферы в воинских коллективах. В бригаде, где я имел честь служить, нравственная атмосфера была чистой. Хотя случались и чрезвычайные происшествия, семейные драмы, многое другое – жизнь есть жизнь, и от этого никуда не уйти, однако события подобного рода носили частный характер и не сбивали с нормального ритма жизнь и деятельность бригады. Я объясняю это умением командного состава предвидеть и предотвращать различные нарушения.

Хочу перейти к работе в дивизионе.

Бригада являлась соединением, в состав которого входили три отдельных дивизиона с правами отдельных воинских частей. Каждый дивизион имел в своём составе две стартовые батареи, техническую батарею, батарею заправки и батарею управления. На вооружении дивизионов находились последовательно комплексы с ракетами Р-1, Р-2, Р-5М. Все ракеты разработки КБ С.П. Королёва. Р-5М – с ядерным оснащением. К сожалению, в качестве компонента ракетного топлива использовался этиловый спирт (позже его заменили ГИМ-1 и ГИМ-2), поэтому эксплуатация складывалась сложно и не только по техническим причинам.

Назначение я получил заместителем командира 2-го дивизиона по специальному вооружению к подполковнику Петру Петровичу Уварову. Это тот Уваров, что впоследствии командовал одной из самых больших дивизий в Ракетных войсках, а после перенесённого недуга возглавил кафедру Военно-политической академии.

Пётр Петрович – сибиряк и отличался завидным здоровьем. Когда тяжёлый инфаркт вывел его из строя, Маршал Советского Союза Николай Иванович Крылов – главнокомандующий Ракетными войсками с сожалением сказал: «И такого лося свалило!» Несладкой была служба у Уварова, но в те годы было ещё далеко до инфаркта, и работать командир мог без сна сутками. Отличало его, бывшего артиллериста, стремление отлично знать вооружение. Зачастую он просил: «Погоняй меня по схеме 5», так как считал за обязанность знать устройство комплекса

до контакта на борту и земле. Это, кстати, отличало командиров 1 и 3 дивизионов Бориса Михайловича Спрыскова и Филиппа Фёдоровича Евсеева, с которыми я ближе познакомился, став заместителем командира бригады.

В работе Пётр Петрович меня очень поддерживал. В то же время отличался строгостью, требовательностью, не допускал фамильярности, нетерпимо относился ко всем искажениям русского языка. Был совершенно лишён какой бы то робости при общении с начальниками любых уровней. За эти уроки я ему глубоко обязан.

И ещё об одном важном качестве моего командира: подполковник Уваров знал личный состав дивизиона в лицо. А в дивизионе было только солдат и сержантов около 600 человек. Причём сержантов знал досконально, так, как этого требует устав от командира роты. Это качество командира во многом способствовало поддержанию должного уровня дисциплины в части, сплочению коллектива дивизиона. Вот типичная картина: ночью на марше во время остановки Уваров обходит колонну артиллерийских тягачей с заправщиками и в темноте на расстоянии слышит нецензурные слова. После осмотра машин он безошибочно по фамилии делает замечание солдату. Знает не только в лицо, но и голоса. Коллектив становится сильным воинским подразделением именно тогда, когда военнослужащий обретает в нём имя. Я об этом пишу сегодня для тех, с позволения сказать командиров, которые в полку, где нет и 200 солдат, не знают их в лицо. Не должно быть серой безликой массы. Это люди, и уважение их можно заслужить только трудом и вниманием к ним.

Начальник штаба дивизиона Анатолий Петрович Андреев – ветеран бригады и дивизиона. В роте был вполне самостоятелен и ревнив к любой попытке в чем-либо подменить его. Так как до этого он прошёл школу службы в стартовой батарее, то трений у меня с ним по эксплуатации вооружения не возникало. Вообще должность начальника штаба сложнейшая в войсках, а в условиях, когда значительная часть учебного времени тратится на внеплановые работы, она стала уязвимой при инспектировании. Московские группы проверки знать не хотели, что была зима, и часть времени ушла на расчистку дорог и парков от заносов, их не интересовала ежегодная задача каждому дивизиону построить четырёхкомнатный рубленый дом для офицеров и многое другое. Надо было отчитаться за каждый час боевой подготовки, и не дай Бог, если отделение или батарея получали неудовлетворительную оценку. Тут не помогало ничего, даже то, что часть проверяющих были моими товари-

щами ещё по учёбе в академии. Поэтому работать Андрееву было очень нелегко, он имел репутацию тяжёлого человека, хотя, должен сказать, это был замечательный товарищ. Мы были знакомы семьями, жили рядом и долгие годы поддерживали связь. В период формирования дивизий 2-й дивизион стал базой развёртывания нового полка в Западной Белоруссии, и Анатолий Петрович получил заслуженное повышение – был назначен начальником штаба отдельной воинской части.

Заместителем командира по политчасти в те годы был Иван Яковлевич Кубрак, рано ушедший из жизни. В те годы в ракетных частях политработникам служить было сложно. Если батарея в течение двух недель не проводила хорошо организованной и всесторонне обеспеченной комплексной тренировки (а это полный учебный день), то можно с уверенностью сказать, что уровень её боевой готовности становился очень низким. А ведь чтобы обеспечить качество комплексного занятия, необходимо до него провести целую серию работ и занятий с личным составом и офицерами. В связи с этим зачастую посягали на «святую святых» – занятия по политподготовке, в лучшем случае переносили их на вечерние часы. Командиры и инженеры очень косо смотрели на участие номеров расчётов (и офицеров, и солдат) в художественной самодеятельности, особенно бригадной. Иногда ведь даже заболевание ведущего номера боевого расчёта могло сказаться на результате коллективной работы. Меня сегодня, возможно, многие не поймут – что, мол, за техника такая была у вас на вооружении и как это вы так плохо работали? Да, так было. Релейные сложные системы обеспечивают заданную надёжность при определённой цикличности их задействования. Мы ведь в то время не имели систем герметизации, поддержания определённого температурно-влажностного режима и многого другого, что сейчас очевидно и поэтому обязательно. Дублирование осуществлялось по одному каналу в лучшем случае. Два-три канала – только в системах наведения по дальности. Добавьте к этому почти полное отсутствие комплексных тренажёров, и вы согласитесь, что только регулярные тренировки комплекса с задействованием почти всего дивизиона – единственный способ поддержания боевой готовности. Поэтому на бригадных учениях с маршами командира батарей, дивизионов стремились создать резерв времени на развёртывание и проведение задействования техники в том объёме, который предусматривался контрольным комплексным занятием с оценкой. А ведь за этим следовали повышенный расход моторесурса и понижение надёжности по этим же причинам. Вот какой парадокс был. Поэтому, если политработник с самого начала службы этого не

понимал, а пытался проводить какую-то свою линию, то плохо становилось всем. Надо отдать справедливость Ивану Яковлевичу Кубраку: во 2-м дивизионе было полное единство взглядов на вопросы поддержания и дальнейшего поднятия боевой готовности. И в том, что дивизион первым перевооружился на комплекс Р-5М, есть заслуга и подполковника И.Я. Кубрака, безусловно.

Как человек Иван Яковлевич очень подходил для работы с людьми, будучи очень добрым и совестливым, и в дивизионе его не просто уважали, но и любили.

Читатель меня простит, что я не могу вспомнить каждого офицера в дивизионе, это невозможно. По составу дивизион соответствовал нынешнему стационарному полку межконтинентальных баллистических ракет. Но не упомянуть командиров батарей я не могу. Каждый из них был личностью и достойно занимал свою должность. Командирами стартовых батарей были Григорий Ухаботин и Николай Новиков – грамотные специалисты, влюблённые в своё дело, неважные дипломаты, но с хитринкой. Оба придирчиво оценивали уровень моей подготовки на первых комплексных занятиях, и без излишней скромности скажу, что «экзаменационную баталию» они проиграли. Я ведь последний год перед назначением в часть читал в Высшей офицерской школе курс горизонтальных и вертикальных испытаний (был тогда так странно звучащий сегодня предмет обучения). После этого экзамена мы «прониклись» друг к другу чувством взаимного уважения, которое сохранили на всю жизнь. Ни один из них за период службы на этих должностях дивизион не подвёл, оба достойно прошли учёбу в академиях и служили далее на высоких должностях.

Командиром технической батареи был капитан И.М. Дунин. С ним пришлось «повоевать» и командиру дивизиона, и мне. Однако Иван Михайлович сделал правильные выводы и уверенно вёл свой трудный участок. Батареей заправки и транспортировки ракет командовал майор Черзаров, человек в высшей степени основательный и самостоятельный. Своё дело он знал, и подчинённые ему начальники отделений отличались знанием дела и определённой лихостью.

Особого контроля требовали расчёты заправки спиртом. Справедливости ради следует сказать, что не все меры контроля за сохранением горючего заканчивались в пользу командования. При проведении «прожигов» ракет на комплексных проверках дивизионов в ряде случаев в 11-литровых бочках системы зажигания оказывался не спирт, а ГИМ-2

(это определялось по жёлтому цвету пламени в отличие от голубого у спирта).

Я пишу это, чтобы подчеркнуть и сложность работы командира заправочной батареи, и в целом крайнюю нежелательность иметь где-либо в войсках подобного рода продукты. Беда усугубляется. Появлением очень опасной состязательности – кто кого обманет.

Ведь порой мы были вынуждены содержать сотни тонн ГИМ(а), в основе которого содержался метиловый спирт, в грунтовых ёмкостях. Не всегда помогали наклейки с изображением черепа с костями, и вся разъяснительная работа не давала полного результата. Мы позже столкнулись с опаснейшим продуктом – несимметричным диметигидразином (НДМГ) и вспоминали сравнительную «безобидность» ранее применявшегося горючего. Да и с окислителями во все годы шутить было нельзя, тот же жидкий кислород. В связи с его реакцией мгновенного воспламенения при наличии следов масел и жиров требовалось систематическое обезжиривание всей арматуры тем же спиртом (и ни в коем случае ничем другим). И, несмотря на эти условия, сопоставляя службу тех лет с последующим периодом, можно смело сказать, что мы имели минимальные потери личного состава.

Унаследовав артиллерийскую структуру, дивизионы и бригады имели в своём составе батареи управления. Практически это были роты связи, которые позволяли обеспечивать управление частями во фронтовых операциях, поэтому все функции организации и несения боевого дежурства в ходе учений выполнял личный состав штабов своим оперативным составом, выматываясь при этом до предела.

Командовал батареей Виктор Егоров, хорошо подготовленный связист. Ему помогал и сам командир дивизиона, который из опыта войны лучше всех понимал значимость этого подразделения. К сожалению, и в те годы вопросы содержания вооружения и техники рассматривались в таких подразделениях очень своеобразно: радиостанция была в центре внимания, а источники питания, автомобили и спецтехника уходили на задний план, что приводило иногда к плачевным результатам. Эта однобокость сохранилась кое-где в Ракетных войсках и позже.

Причём решение этого вопроса начальники штабов различных уровней проводят методами, на мой взгляд, совершенно неэффективными, перекладывая эти обязанности с командиров на начальников служб, которые в подразделениях управления и связи не имеют своих специалистов. К чести бригады, командиры всех её подразделений приучались к полному объёму ответственности за состояние вооружения и техники.

Что из себя представлял офицерский состав дивизиона, да и бригады в целом? Техники и операторы являлись выпускниками средних училищ, как правило, артиллерийских. Они проходили переподготовки в течение нескольких месяцев на полигоне Капустин Яр, которая велась по узким специальностям и была весьма фундаментальной. Очень многие офицеры в будущем поступали в академии или в высшие училища и становились инженерами, часто возвращаясь в свои же бригады, но большинство уходило в части МКР, с большой теплотой и благодарностью затем вспоминая свою службу в них. Многие техники, особенно в стартовых, монтажных, заправочных отделениях, становились с получением опыта начальниками этих отделений и даже командирами батарей.

Пишу об этом осторожно, потому что эти годы были временем интенсивного насыщения бригад инженерами и офицерами с высшим военным образованием. Это затронуло и командира бригады, и командиров дивизионов, и начальников электроогневых и двигательных отделений, отделений подготовки ракет на технических позициях и других специалистов. Эта смена прошла в целом достаточно организованно. В старшем звене кандидат на более высокую должность год или чуть более работал заместителем планируемого к замене офицера и обязательно проходил доподготовку на бригадных курсах по общей программе ввода в строй прибывающих в бригаду офицеров. Курсы проходили даже выпускники Ростовского высшего артиллерийского инженерного училища, которое готовило офицеров-ракетчиков.

На должности начальников чисто ракетных отделений назначались или выпускники упомянутого мною училища, или выпускники Военной артиллерийской академии имени Ф.Э.Дзержинского. Выпускники академии были, как правило, из числа бывших студентов, принятых в академию после четырёх лет учёбы в гражданских вузах. Сразу же скажу, что недостатки в объёме подготовки никто не ощущал, однако сказывалось отсутствие опыта военной службы, что на первых порах мешало им наладить правильные взаимоотношения с подчинёнными.

Быстро вставали на ноги ростовчане, хотя и у них были свои проблемы. Значительно сложнее обстояло дело с бывшими студентами и выпускниками военно-морских училищ. Многие из них считали назначения в ракетные соединения недоразумением. Однако и среди «студентов» были люди, ставшие впоследствии видными начальниками в Ракетных войсках. До сих пор помню начальника лучшего электроогневого от-

деления лейтенанта Ю.А. Пичугина, прекрасного специалиста и командира.

Процесс смены формы для выпускников военно-морских училищ стал весьма болезненным, и мы разделяли их чувства. «Ломка» продолжалась два-три года. Благодаря лучшей, чем у сухопутчиков, общей подготовке (не боюсь в этом признаться, ибо в этом глубоко убеждён) они быстро вставали на ноги и успешно служат до сих пор. Сегодня среди генералов-ракетчиков много бывших моряков.

Со временем мы оценили своевременность и необходимость такой «инженеризации» частей. Уже к концу 1950-х годов офицерские коллективы бригад представляли из себя сплав опыта и квалификации с запасом на многие годы.

А ведь судьба распорядилась этим офицерским составом своеобразно. Эти люди обеспечили своими судьбами интенсивное развёртывание группировки межконтинентальных ракет, прослужив на ракетных комплексах первого поколения десятки лет (а ведь дивизии МКР за этот же период сменили по 3-4 типа ракетных систем). В этом, наверное, тоже своеобразии военной службы. Все мы должны не забывать об этом и быть благодарны нашим товарищам в войсках РСД, вооружённых комплексом Р-12, ныне уже несуществующему.

О солдатах и сержантах писать сложнее: основной груз воинской службы ложится на их плечи. Одно можно сказать: послевоенное поколение солдат и сержантов было похоже на своих отцов и старших братьев, победивших в Великой Отечественной войне. Не было случая, чтобы когда-либо при проведении учений, проверок войск солдат подвёл. Но стоит ослабить напряжённость и потерять осмысленность ратного труда, тогда обижайся на самого себя!

Уже позже, командуя дивизией, при постановке полков на боевое дежурство в условиях сибирских морозов в 45-50 градусов Цельсия я лишний раз убедился, что участие военнослужащих в выполнении сложных и ответственных задач предопределяет сплочение воинских коллективов, их организованность и дисциплину.

В описываемый период бригада регулярно сама проводила учения или участвовала в учениях Штаба реактивных частей, а также ЛенВО. Оперативно-тактический фон, как правило, бывал достаточно сложным и требовал большого напряжения от всего личного состава. Тематика учений имела научную, исследовательскую направленность и была весьма разнообразной. Мы совершали длительные марши с переправами, в том числе и паромными, опыт которых нам так пригодился, марши

с исследованием характеристик новых в то время колёсных тяжёлых тягачей. Проводили опытные учения в интересах авиации округа, показавшие необходимость срочной разработки современных технических средств разведки. Исследовали организацию и проведение пусков ракет, в том числе и многократных, с болотистых участков зимой, с покрытием позиций жидким стеклом. Отрабатывали железнодорожные переброски частей, погрузки, выгрузки с возведением временных рамп и многие другие вопросы. Таким образом, служба была интересной, весьма динамичной и поучительной, способствовала быстрому росту оперативной подготовки офицерского состава. В ходе этих учений большое внимание уделялось организации всестороннего обеспечения действий войск. Разработки, как правило, проводились Штабом реактивных частей, где очень большую работу в этом направлении проводили генерал Михаил Александрович Никольский и оперативный состав во главе с Александром Яковлевичем Поповым, Петром Петровичем Пузиком и Александром Филипповичем Пануевым. К детализации этих разработок привлекались штабы бригад и дивизионов, что позволяло оперативно проверять самые новые направления развития молодой ракетной военной науки. Большой вклад в совершенствование боевой подготовки внёс отдел Штаба реактивных частей во главе с Анатолием Николаевичем Назаровым. Офицеры этого отдела почти весь год проводили в войсках и были объективными судьями нам. В отделе выросли замечательные специалисты, заложившие уже тогда основы боевой подготовки будущего вида Вооружённых Сил. Я с удовольствием назвал бы фамилии всех тех, кто работал в то время, но это практически невозможно, да и память человеческая ненадёжна. Упомяну лишь тех, кто мне в то время особенно помогал – Павла Пожидаева, Владимира Фаготова, Ивана Ляшенко, Владимира Соловьёва.

Перестраивалась под руководством аппарата начальника вооружения и система эксплуатации. Однако на практике мы, войсковые эксплуатационники ощутили значительный прогресс в этой области только с приходом Николая Фёдоровича Червякова. Это был достаточно крутой поворот. Николай Фёдорович с первых шагов деятельности пошёл по пути создания специализированных частей, предназначенных для технического обслуживания и регламента вооружения. Это был поворот, полностью оправдавший себя при эксплуатации следующих поколений ракетных комплексов и, прежде всего, комплексов одиночных стартов. Тогда же произошло чёткое разделение функций аппарата боевой подготовки и службы вооружения. Надо честно сказать, что я не полностью

разделял эти взгляды, основываясь на опыте эксплуатации РСД первого поколения, и убедился в своей неправоте значительно позже.

В описываемый период специализированным методом вёлся метрологический надзор, очень хорошо поставленный благодаря усилиям больших специалистов этого дела в центре и прежде всего Василия Павловича Трофименко. Очень хорошо был поставлен ремонт вооружения: малый – в батареях, средний и капитальный – в дивизионных и бригадной мастерских.

Солидно обставлялись сезонные работы на технике, большим знатоком организации которых был бывший танкист Прокофий Иванович Сасько. Начало их было торжественным. На заранее спланированные и хорошо обеспеченные виды технического обслуживания, под оркестр, в парк выходил весь личный состав бригады. Готовилась и оперативно передавалась через громкоговорящие установки необходимая информация и подводились итоги дня. Качество проведённых работ принималось комиссией, назначенной командованием бригады.

Много делалось по организации хранения групповых ЗИПов и расходных материалов. Для меня на всю жизнь запомнилось образцовое содержание складов спецоружия бригады. Заслуга в этом принадлежала замечательному человеку – ветерану бригады, одному из немногих, кто служил во время войны в гвардейском миномётном полку, который стал основой бригады, – старшине сверхсрочной службы В.С. Саварину. Эту культуру содержания ЗИПов мы внедряли в подразделения, которые отвечали за содержание основного вооружения, и прежде всего ракет боезапаса. Эти традиции свято соблюдаются и сегодня в войсках, так же как и вопросы пожарной безопасности, защиты от грызунов и многое другое, что зарождалось в те годы.

Особое место в дивизионе занимали комплексные занятия. Практика показала, как в частях МКР, так и в частях РСД их успех на 80-90 процентов зависел от работы техники, технического состояния учебно-боевых ракет. Обычно эти ракеты в отличие от боевых передавались из подразделения в подразделение, так как на первых порах их не хватало не только на каждую батарею, но и на дивизион. Качественный приём учебной ракеты перед комплексным занятием требовал большого труда. Значение этого этапа было особенно важным перед итоговой проверкой, так как от безотказности системы и агрегатов учебно-боевых ракет, техники зависела оценка батареи, дивизиона. Электропроверки и работа с элементами автоматики двигательной установки на технической позиции позволяли при наличии необходимого времени и хорошей

квалификации офицеров технической батареи иметь достаточно высокие результаты. Мы приучали заместителей командиров стартовых батарей по технической части присутствовать при электропроверках на техпозиции и начинать приём ракеты за сутки до начала комплексных занятий на стартовой позиции.

Очень большое значение имел уровень подготовки командиров батарей и начальников отделений. При этом необходимо было воспитать у них способность технически и методически грамотно оценить своих подчинённых и уметь сделать разбор проведённого занятия. Это крайне важно. Каждый военнослужащий должен был получить оценку. Всеми средствами надо было отметить отличившихся и наказать виновных.

Основными судьями должны быть непосредственные и прямые начальники. Я об этом говорю потому, что после развёртывания Ракетных войск широко внедрялась система создания инструкторских групп. По моему глубокому убеждению, эти группы принесли больше вреда, чем пользы. Они фактически освобождали командиров определённого уровня от необходимости знать своё ракетное дело, ибо за них оценки ставили инструкторы.

Во время службы в ГДР мы вели комплексные занятия только в тёмное время суток. Используя весь накопленный опыт и отработав систему подготовки и проведения этих важнейших занятий, мы добились достаточно устойчивых хороших показателей. Практически темнота перестала быть помехой для получения высокого результата.

Всё о, о чём я рассказал, почти полностью применялось в практической деятельности в частях МКР во всех регионах страны, причём в вариантах МКР с наземным стартом и подвижным способом заправки подобие было полным. Это лишний раз подтверждает высокую преемственность опыта, полученного в бригадах особого назначения.

Лично для меня как инженера, как командира, короткий срок работы в этом замечательном соединении был этапом завершения моего образования и формирования как военного человека и ракетчика.

Годы службы в этой бригаде незабываемы, так же, как и люди, вместе с которыми пришлось нести все тяготы ратного труда.

РАКЕТНАЯ БРИГАДА И ШТАБ РЕАКТИВНЫХ ЧАСТЕЙ

ПАНУЕВ Александр Филиппович, генерал-лейтенант в отставке, начальник организационного отдела Штаба реактивных частей

- Первая ракетная бригада! Когда о ней говорят ракетчики старшего поколения, то видят в ней не просто войсковое соединения. Перед нами встаёт история развития ракетного оружия и Ракетных войск в целом.

Применение боевых ракет началось с самого начала Великой Отечественной войны. Первый залп был произведён под Оршей батареями капитана Флёрова И.А. 14 июля 1941 года. Грозной силой в годы войны стали боевые машины БМ-13 с 130-мм осколочно-фугасным зарядом для поражения живой силы противника БМ-31-12 с 300-мм фугасными снарядами М-30 и М-31 для разрушения оборонительных сооружений. Почти две сотни дивизий, бригад, полков и отдельных дивизионов, вооружённых легендарными «катюшами», громили противника и среди них один из лучших полков – 92 гвардейский миномётный Гомельской ордена Ленина, Краснознамённый, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого полк. Полк участвовал в боях под Сталинградом, в Курской битве, освобождении Белоруссии и завершил боевые действия на территории фашистской Германии.

И вполне закономерным стал переход полка от реактивной артиллерии к новому оружию – баллистическим ракетам. Полк становится бригадой особого назначения и это название вполне оправдано.

Боевые расчёты созданной бригады, командиром которой был назначен генерал-майор артиллерии Тверецкий А.Ф., на Государственном полигоне Капустин Яр проводят пуски сначала ракеты А-4, а затем и отечественных баллистических ракет Р-1 и Р-2. Бригада первой получает и осваивает универсальное оборудование для пусков ракет и их проверок на технической позиции.

С самого начала именно бригада становится центром всех экспериментов. Здесь вырабатывается первоначальный штат для формируемых бригад РВГК, который затем неоднократно корректируется.

На базе бригады в начале и середине 1950-х годов проведён ряд опытных учений.

Летом 1950 года на Государственном полигоне Капустин Яр было проведено большое тактическое учение на тему: «Действие бригады особого назначения в наступательной операции фронта».

В ходе учений отрабатывался комплекс мероприятий по выбору и подготовке позиционного района, его геодезическому и инженерному обеспечению, подготовке ракет к боевому применению на технической и стартовой позициях. На основе результатов этого учения был разработан проект Наставления артиллерии Советской Армии «Боевое применение бригады особого назначения РВГК, вооружённой ракетами дальнего действия». После доработки Наставление было введено в действие приказом Военного министра 25 мая 1951 года.

Зимой 1953 года один из дивизионов после длительного железнодорожного марша в Забайкалье (Нерчинск) в течение 15 суток отрабатывал вопросы надёжности и эффективности работы наземного оборудования в условиях сорокаградусного мороза.

Широкий круг вопросов решался при проведении крупного войскового учения с бригадой зимой 1954 года. Это учение позволило выявить серьёзные недостатки в функционировании наземного оборудования в войсковых условиях, в короткие сроки принять меры к их устранению, а также получить ценный материал для разработки руководящих документов по эксплуатации и боевому применению бригад, вооружённых ракетами первого поколения. В это же время было проведено учение с одним из дивизионов бригады на тему: «Марш дивизиона бригады РВГК по грунтовым и шоссейным дорогам на расстояние 700-900 км». Были проверены эксплуатационные качества всего наземного оборудования при длительном перемещении, возможность перевозок ракет и ракетного топлива, включая жидкий кислород, на значительные расстояния.

В апреле 1954 года на учении в ГСВГ участвовала оперативная группа бригады во главе с генералом Ивановым В.Н. Действия бригады в составе фронта были оценены положительно и дали обобщающий материал по боевому применению ракетных частей на Западном ТВД.

Эти учения подтвердили научную обоснованность положений Наставления и одновременно позволил уточнить боевые возможности ракет Р-1 и Р-2.

Офицеры штаба бригады в составе оперативных групп Штаба реактивных частей осенью 1957 года привлекались на учения Северного и Балтийского флотов, летом 1958 года – на стратегическое учение авиации и Войск ПВО страны. По итогам этих и ряда других учений были сделаны выводы, позволяющие говорить о новых подходах к способам и формам применения бригад и ракетного оружия дальнего действия в целом.

Замысел и план проведения учений с 72-й и другими инженерными бригадами разрабатывался офицерами Управления заместителя командующего артиллерией, а с 1955 года – Штабом реактивных частей. Учениями руководил главный маршал артиллерии М.И. Неделин, генерал-лейтенанты артиллерии М.А. Никольский и П.А. Дегтярёв. В 72-й бригаде были отработаны первые программы боевой подготовки частей, вооружённых ракетами Р-1 и Р-2. Параллельно отрабатывается первое Наставление по подготовке ракет к пуску. В бригаде родилась идея проведения комплексных занятий по подготовке ракет с запуском двигателя на предварительную ступень – наиболее близкая имитация всех работ с ракетой на стартовой позиции. Одновременно вырабатывается отечественный вариант боевой службы с перечнем всех команд и указанием их исполнителей. Именно один из дивизионов первой бригады проводил на Лужском полигоне показательное занятие для командующих артиллерией военных округов в 1954 году. В бригаде развернулась организационная работа по доработке техники. Комплект наземного оборудования был проверен здесь на войсковых испытаниях путём осуществления многокилометрового марша по дорогам Новгородской области. Этими испытаниями руководил М.А. Никольский. В ходе опытных учений, войсковых испытаний и комплексных занятий вскрывались и обобщались конструкторские и производственные недостатки. Шёл поток рекламаций и пожеланий. Ветераны помнят, как первая бригада оборудовала на Липовой горе под Лугой показательный лагерь, который отличался не только образцовым порядком, но и наличием учебной и технической и стартовых позиций, оборудованных в инженерном отношении. Здесь же была создана стартовая полевая позиция на грунте под пусковой стол, укрытия для личного состава и техники. Командир бригады генерал-майор артиллерии Иванов В.Н. умел всё это отлично организовать. Бригада стала кузницей командно-инженерных кадров. Офицеры бригады выдвигались на руководящие должности в формируемые вслед за ней бригады.

М.Г. Григорьева, П.В. Колесникова, Т.Н. Небоженко. С первой бригады началась практика подготовки командиров на должностях дублёров. Бригада первой в конце 1950-х осваивает новые ракетные комплексы Р-5, Р-5М, Р-12, также первой выдвигается подивизионно после освоения ракетной системы Р-5М в районе предполагаемого боевого применения на Западном ТВД, в том числе за рубеж нашей страны.

ХРОНИКА РАКЕТЧИКА БОРИСА СОБОЛЯ

ИКОННИКОВ Николай Васильевич, полковник в отставке

– Попал я в армию случайно. И случай бросил каждого в Кап. Яр, – так поётся в песне о ракетно-космическом полигоне Капустин Яр, образованном в Советском Союзе в мае 1946 года под официальным названием 4 Государственный центральный полигон Министерства обороны, с почтовым ящиком «Москва-400».

В 1946 году полигон обосновался и стал обустроиваться на базе села Капустин Яр, известного ещё до нашествия Наполеона. Описание этого места попало в знаменитую энциклопедию Брокгауза и Ефрона за 1895 год, а также в дореволюционные словари. В одном из них говорится: «Русское поселение на развалинах Сарая [столица Золотой Орды] возникло в начале XIX века, в 1805 году. А именно, когда поселённые выходцы из Воронежской губернии перешли на Ахтубу и, зачисленные в возницы эльтонской соли, водворились на этом месте». Село в дореволюционное время было настолько богатым, что, как видно на фотографии, в центре стояли солидные каменные дома с изысканными архитектурными украшениями.

*В селе тогда в Кап. Яре
Автобус не ходил, не ездили трамваи.
Зато тогда не диво был верблюд,
На встречу ветеранов пусть его пришлют.
Ф.И. Тютчев, дипломат, поэт.*

Так мы, отставники, вспоминали наше прошлое житьё-бытие. Действительно, по традиции встреча ветеранов полигона Капустин Яр в шестидесятые и далее годы проходила в сквере столичного Большо-

*Б.М. Соболев (слева)
«досматривает»
содержимое портфеля
Н.В. Иконникова
на демонстрации.*

*Центр села Капустин Яр,
улица Ленина. Фото 1952 года.*

го Театра. На фотографии 13 мая 1976 года запечатлён Борис Моисеевич Соболев, который на правах начальника «досматривает» содержимое портфеля бывшего подчинённого Николая Иконникова.

Однажды офицеры испытательного управления после работы на шахтном ракетном комплексе возвращались на автобусе в родной городок, носивший проектное название площадка № 10. Путь не близкий, более сорока километров. Ездили мы на технические, стартовые позиции и на мотовозе, и на грузовых машинах, потом на автобусах, и, конечно, на попутном транспорте.

Да, трамвая мы так и не дождались в Кап. Яре. Но по рельсам катались на работу и с работы. Когда полигон встал на ноги, то одним из основных видов транспорта при езде из военного городка на площадки оказался так называемый мотовоз. Что такое мотовоз? Это не что иное, как тепловоз с прицепленными к нему вагонами. В словаре дана такая расшифровка этого технического средства: локомотив с двигателем внутреннего сгорания небольшой мощности, для маневровых и вспомогательных работ на магистральных, подъездных и других железнодорожных путях.

Такой вид транспорта является неотъемлемой достопримечательностью не только полигона в астраханской степи, но и других ракетно-космических полигонов – Тюратама, Плесеца. Каждый рабочий день для тех, кто работал на площадках, за исключением начальства, начи-

нался и заканчивался мотовозом. К моменту моего увольнения в 1975 году площадки располагались за сорок или за пятьдесят километров. До ближайшей площадки, на которой размещена техническая позиция, было всего лишь четырнадцать километров. Случалось, что этот путь преодолевали пешком, не было даже попутных машин. Трудности нас не пугали, мы получили добротную закалку. Автор этих строк, например, перестал играть в волейбол в свои 85 лет.

Народу перевозилось на мотовозе много, поэтому ходил целый состав из десяти вагонов стандартного плацкартного типа. У каждого был вагон, в котором обреталась по интересам своя компания.

Сослуживец Маркс Цыганов, служба которого на полигоне проходила только на дальних площадках, в поэтической форме вспоминал мотовозную эпопею:

*Кто баллистику раскрыл
(сдача кандидатских),
Кто газетою прикрыл
По соседству близких.*

*Кто-то бросил взгляд свой вдаль
У окна вагона.
То ли радость, то ль печаль –
В голове садовой.*

*Смотрит, думает, молчит...
Иль орлов считает,
Иль идея, иль почин, –
Ведь никто не знает.*

*Так-то едем. С пяти утра
Пятьдесят маршрутных.
А оттуда – кто когда,
Даже на попутных.*

Бетонная дорога проходит параллельно железнодорожной колее. Едем мы, едем, и вдруг автобус останавливается в степи по команде нашего старшего офицера Соболя. В чём дело? Борис Моисеевич увидел в кювете тепловоз, опрокинутый с рельсового пути. Мы стали зрителями подготовки возвращения этой машины на железную колею. Процесс

затянулся, и Соболев дал команду ехать без него. Он, как профессионал-железнодорожник, остался по старой памяти руководить подъёмом тягловой силы. Утром мы, не без гордости за нашего начальника, узнали об успешно проведённой операции. Не мог Борис Моисеевич бросить своих бывших подчинённых железнодорожников заниматься этой довольно редкостной аварией без надлежащего опыта. Вот тогда-то некоторые молодые офицеры и узнали, что ракетчик Соболев, прибывший на полигон из Германии в составе сформированной ракетной бригады генерал-майора артиллерии А.Ф. Тверецкого, стал «заведовать» железнодорожным хозяйством. Дело было не простое. На первых порах вся испытательная и проверочная база размещалась в специально оборудованных поездах. Пошло строительство железнодорожных путей на площадку № 2 (техническую позицию) и № 1 (стенд огневых испытаний и проведения имитации пуска ракеты), а затем и на стартовые площадки. Мне довелось по службе работать в архиве полигона, и я был поражён, что рельсы для строительства дорог на полигоне лично выделял не кто-нибудь, а могущественный Лаврентий Берия. На документе стояла его подпись, а на рельсах можно было увидеть клеймо германского концерна Круппа.

Возникали по службе и нештатные операции житейского характера, для решения которых привлекался офицер Соболев. Как правило, выбор исполнителя исходил лично от начальника полигона генерал-полковника Вознюка Василия Ивановича. Он отлично знал способности своих подчинённых и, что называется, буквально дорожил кадрами. Генерал Вознюк боевым офицером прошёл фронт. Он очень хорошо знал жизнь, прекрасно разбирался в людях. Главная черта этого человека, бросившейся в глаза с первого знакомства, это то, что он был отличным психологом. Соврать ему, исказить факты, приукрасить положение дел было практически невозможно. И не потому только, что он обладал информацией, получаемой из различных источников, причём раньше всех, но и потому, что очень хорошо знал подчинённых, сразу жёстко оценивал достоверность доклада. Он знал не только служебные качества офицера, но и его семейную жизнь: дружно ли живёт с женой, не скандалист ли и так далее.

При его начальствовании, а генерал возглавлял полигон с момента образования в течение 27 лет, с 1946 по 1973 год (уникальный случай по длительности на генеральской должности в Вооружённых Силах СССР), большая часть офицерского состава имела солидные сроки пребывания на полигоне. Немало случаев, когда поступивший на полигон новичок в

звании лейтенант становился там же генералом. Это, например, заслуженные офицеры: Степан Царенко, Виктор Желтаков, Евгений Михеев, Геннадий Лексин и другие. Полигон ко всему прочему – это кузница ракетчиков в звании генерал. То, что ветераны полигона являлись признанными профессионалами в своём деле – это очевидно. Стабильность с кадрами обеспечивала высокую степень безаварийной работы на ракетно-космическом полигоне, а случавшиеся редчайшие катастрофы не имели столь трагических последствий, как на космодромах Байконур или Плесецк. Конечно же, офицерский состав тяготился службой вплоть до пенсии в астраханской степи, не имея возможности перевода в солидные города, не говоря про республиканские столицы. Некоторые офицеры считали себя заложниками службы в Кап. Яре. На полигоне в ходу была по этому поводу печальная шутка.

- Какой твой любимый город? – спрашивают у ветерана ракетчика.
- Капустин Яр, – слышит он в ответ.
- А какая твоя любимая песня?
- Прощай, любимый город!

Борис Моисеевич Соболев разделит судьбу ветеранов, прослуживших десятилетия на полигоне. Прибыв из Германии в 1946 году, полковник Соболев через тридцать лет ушёл на пенсию, и перебрался с семьёй в город Железнодорожный. Это место ещё с царских времён известно под названием Обираловка, связанное с разбойным промыслом в XIX веке. Теперь здесь большой подмосковный город, приютивший целый поток отставников из Кап. Яра. Тогда же одиноко стояло станционное здание, кругом шумел глухой лес. Именно на этой станции Лев Толстой описал трагическую гибель Анны Карениной, мятущаяся натура которой не выдержала любовного краха.

В сентябре 1956 года на полигон прибыло правительство страны во главе с лидером Никитой Хрущёвым, в окружении высшего командования Советских Вооружённых Сил, Генерального штаба, военных округов и группировок наших войск за рубежом. Проводился показ могущества ракетного вооружения с пусками ракет, в том числе залпом. Фактически это были первые учения с новым, ещё на стадии формирования, видом Вооружённых Сил страны. Ракетные войска стратегического назначения были созданы год спустя, 17 декабря 1959 года. Как было объявлено, РВСН предназначены в первую очередь для реализации мер ядерного сдерживания при угрозе агрессии и в ходе войны с применением обычных средств поражения и другими не менее важными стратегическими

задачами оборонного характера в соответствии с военной доктриной Советского Союза, а теперь – Российской Федерации.

Никита Сергеевич отказался жить в гостинице на площадке №2, которая фактически была общежитием офицеров, работавших на ближайших площадках. Там приютились маршалы и высший генералитет, которые оказались фактически в условиях коммунальной квартиры с её прелестями. Правда, клопов там не наблюдалось, что могу подтвердить личными впечатлениями. Иногда приходилось там провести ночь, другую, чтобы с раннего утра двигаться вместе с ракетой на стартовую позицию. Однако на этажах круглосуточно дежурили младшие офицеры, выполнявших обязанности своего рода «камердинеров». Они были настолько заинструктированы, что иногда ограничивали свободу даже передвижения генералитета, – случались казусы. Однажды один из маршалов пытался прошмыгнуть с шахматной доской в соседнюю комнату к партнёру, но был остановлен старшим лейтенантом Борей Е., который непроизвольно обратился к человеку в пижаме с грозным вопросом:

– Вы куда?

Пожилой человек хотя и был в пижаме, но на полигон-то прибыл Маршал Советского Союза. Военачальник даже опешил, – не ожидал подобной строгости к сохранению имущества. Однако он не вышел из себя, не стал читать мораль, а только примирительно сказал:

– Сынок, мы поиграем, и я верну доску назад. Ты не волнуйся, я тебя понимаю.

Этих «камердинеров» строжайше инструктировали из видов обеспечения безопасности. Надо было бдительно следить и не допускать вноса, выноса каких-либо предметов, в том числе и для досуга. Поэтому маршал и ограничился клятвенным заверением вернуть шахматы на место. Карьера этого офицера не пострадала, он служил под моим началом на командном пункте полигона, ушёл на пенсию в звании подполковника.

А тогда, во время показа ракетного вооружения мне довелось быть в группе офицеров, дежуривших на случай каких-либо нештатных операций, их последствий на стартовых площадках. Мне предлагали даже вести репортаж по громкой связи для высокого начальства. Однако одним из моих командиров было сделано предупреждение, что Иконников обязательно «будет нести отсебятину», не придерживаясь написанного и утверждённого сценария. Вёл репортаж майор Микенелов, ведущий специалист наземной системы радиоуправления дальностью полёта ракеты.

Первый секретарь ЦК КПСС и Предсовмина Хрущёв обитал в вагоне, оборудованным со всевозможным бытовым комфортом. Возникла проблема водоснабжения этого «жилья». Вода, как мы знаем, нужна не только для омовения, но и для кухни, и для канализации. Важную задачу по её доставке поручили офицеру Соболю, мол, вагон – это твоё хозяйство. Надо заметить, что начальник полигона генерал Вознюк отменно знал своих подчинённых и не раз поручал офицеру Соболю неординарные задания, не сомневаясь в успехе дела. На этот раз дело было настолько важным, что Соболя инструктировал и наставлял начальник всемогущего КГБ, затем начальство пониже, – где и как заправлять воду и какого качества. Специальных цистерн не догадались пригнать из Москвы, поэтому пришлось использовать оборудование ракетного комплекса. Взяли машину поновее, с индексом 8Т311, то есть обмывочно-нейтрализационный агрегат на колёсах (универсальная принадлежность первых ракетных комплексов). Они применялись в качестве пожарных машин при подготовке ракет к пуску, а также для нейтрализации пролитых компонентов топлива. На них стояли мощные насосы, которые в короткое время могли выбросить много воды, да и закачивали ёмкость также быстро.

Соболь был человеком решительным и смелым, он зачастую не оглядывался на начальство, а самостоятельно принимал решения. Не подкачал он и на этот раз. Срок ему был поставлен сверхкороткий, высокий гость собирался отдохнуть с дороги. Поэтому Борис Моисеевич не поехал на насосную станцию в военный городок (туда и обратно – это более тридцати километров), а прибыл на ближайший берег Ахтубы, и закачал воду прямо из реки. Опломбировал ёмкость, как его инструктировали, и под расписку сдал «качественную» воду на нужды руководителя страны. В то время о холере в тех краях слышно ещё не было, поэтому риск был невелик. Всё обошлось благополучно и Соболь, как участник обеспечения такого ответственного мероприятия, получил благодарность. Надо заметить, что водопроводная вода в городке была настолько хлорирована, что её практически невозможно было сразу пить. Более-менее чистая вода появилась только в шестидесятые годы. В это время на площади перед главным штабом стояли автоматы с газированной водой, и поздно вечером в жаркую погоду к ним ходил народ наслаждаться холодной газировкой.

Мне тоже пришлось испытать на себе доброкачественность воды в Ахтубе. Однажды, в шестидесятые годы, летним днём так нажарило, что я зашёл в речку поглубже с чайником в руках, наполнил его до краёв,

чтобы вскипятить на костре. Жажда одолевала, ждать было долго, и я почти весь чайник выпил там же, стоя в воде. Ощутимых последствий отрицательного характера не наблюдалось. Это место называлось Гнилушей, своеобразная заводь и течения там почти не было. В этом можно убедиться, взглянув на фотографию. На Гнилуше автору данного очерка несколько лет в семейной компании довелось рыбачить, и даже сочинить песню:

*Встаём сегодня очень рано,
Быстрее бежим за КПП,
Там на Гнилуше, месте старом
Нас ждёт рыбалка на заре.
Ветераны помнят Ахтубу, Гнилушу,
Костёр, палатку, ночёвку, судаков.
Бросай подальше, дальше закидушку,
Ведь счастье есть,
ведь есть у рыбаков.*

Кстати говоря, забор воды из этой речной идиллии вряд ли мог нанести вред здоровью «нашему дорогому товарищу» Хрущёву. Борис Соболев не зря слыл разумным человеком, он умел расчётливо рисковать.

В 1963 году на полигоне после успешного испытательного пуска из шахты ракеты Р-14У произошла авария с выбросом окислителя – концентрированная азотная кислота. Ядовитая жидкость сжигает органику тела человека, а при вдыхании её пары поражают лёгкие. Страшноватая картина возникает, когда парит окислитель – тяжёлые бурые облачка или струйки паров постепенно оседают. Бывало, воробьи влетали в такое облако и выпадали из него безжизненным комочком. Как будто кто-то сбивал воробушка палкой. Осторожные вороны эти облачка облетали стороной, подозревая опасность.

Вот как описал то событие участник залпового пуска трёх ракет Р-14У полковник Васильев Вячеслав Николаевич. Он в то время в составе боевого расчёта занимался шахтным стартовым оборудованием.

«Осмотрев последний стол [на который ставится ракета] только с уровня 5-го этажа (ниже опускаться не стал, будучи уверенным, что там всё в порядке), я [пишет Васильев] поспешил выбраться наружу. Было жарко, одежда прилипла к телу. Спецкостюм усугублял усталость. Хотелось курить. Я разоблачился и с облегчением направился в курилку. Выкурить успел только половину сигареты, как увидел вдруг повалив-

ший из двух шахт бурый туман. Это значило только одно – концентрированная азотная кислота поступила в эти шахты. И действительно, в шахты попали остатки азотной кислоты из заправочных магистралей через открывшиеся заправочные клапаны. Произошло это по вине малоопытного техника, работавшего на пульте управления заправкой, и недосмотру контролёров: нашего офицера управления и представителя промышленности.

В третьей шахте выброса окислителя не произошло, так как начальник команды этой ШПУ шахту успел обесточить. В каждую из двух пострадавших шахт было выплеснуто кислоты не так уж и много. Но этого количества вполне хватило, чтобы люди погибли от отравления или полученных тяжёлых ожогов».

В то время автоматизация ракетной техники ещё не достигла такого уровня, при котором неверная, нештатная операция была бы заблокирована автоматикой. Система управления просто не реагировала бы на ошибочную команду, хотя бы оператор продолжал манипулировать на пульте.

Далее мемуарист Васильев остановился на организационных вопросах о происшедшей трагической случайности.

«Генерал Вознюк [начальник полигона] расформировал наш отдел. Офицеров распределили группами по другим отделам. Полковник Яцюта [начальник отдела испытаний наземного оборудования. Участник первого пуска ракеты на полигоне в 1947 году] получил перевод в так называемую «Экспедицию» под Загорском Московской области... После Яцюты непродолжительное время нами командовал подполковник Сობоль Борис Моисеевич, ранее возглавлявший железнодорожное хозяйство полигона. Сობоль зарекомендовал себя деловым и энергичным руководителем. Вне службы – простой и доступный для общения человек. Умница, каких поискать. Жаль, что довелось так мало поработать под его командованием. Между прочим, Борис Моисеевич был беспартийным и его назначение на должность начальника отдела – явление из ряда вон выходящее».

От себя добавлю, что мне довелось участвовать в постановке на боевое дежурство на Дальнем Востоке шахтного ракетного комплекса с ракетой Р-12У. Там старшим контролёром расчёта заправочного оборудования был майор, который упустил возможность предотвращения указанной аварии с гибелью людей. На меня он произвёл впечатление своей грамотностью, был уверен в своих действиях при выполнении технологического графика. В его поведении не наблюдалось какой-либо

закомплексованности, связанной с трагической случайностью в Кап. Яре.

Отдел испытаний наземного оборудования, который возглавил наш товарищ Соболев, связан с работой по обеспечению подготовки и пуска ракеты на стартовой позиции. Наземщики, как их величали в обиходе, занимались транспортировкой, всеми видами перегрузок ракеты с одного средства на другое, пристыковкой головной части к корпусу ракеты, установкой на пусковой стол на позиции или в шахте, заправкой компонентами топлива и сжатыми газами, а также наведением ракеты на цель. Естественно, работа наземщиков на стартовой и технической позиции считалась менее престижной, «не интеллигентной», нежели у специалистов, которые трудились на борту ракеты, то есть имели дело с системой управления, двигательной установкой, аппаратурой их настройки и проверки. Именно такой наземщик-испытатель Вячеслав Васильев вспоминал: «Выглядели мы замарашками, так как трудно было не испачкаться, постоянно «общаясь» с агрегатами наземного оборудования, заглядывая во все «дырки» грубого по сравнению с конструкцией ракеты железа. Но таков был наш хлеб, и мы не роптали. Правда, в моральном плане мы были ущемлены: продвижение по службе у наземщиков шло более трудно, чем, например, у электриков [специалистов по системе управлению и электропитанию на борту ракеты и наземного электропускового оборудования], то есть ведущей ракетной профессии. Ведь они были комплексниками, а мы играли как бы вспомогательную роль, правда, без которой невозможно обойтись».

Надо заметить, что Вячеслав Васильев окончил службу в Советской армии полковником, уволившись по возрасту из Генерального штаба. Мне довелось с ним сблизиться, живя в Москве. Он написал свои воспоминания, выразив мне благодарность за редактирование, компьютерный набор и выпуск его записок.

Вячеслав Васильев, вспоминая службу в Кап. Яре, затронул и национальный вопрос, отметив, «что никому в голову не приходило обращать внимание на национальность человека, и в зависимости от этого строить служебные отношения. Ценились, прежде всего, знания и ум человека, его умение работать... На полигоне среди старших наших товарищей по службе было немало евреев. Все прошли фронт в Великую Отечественную войну, имели много боевых наград. Это Иоффе Г.И., Эйбшиц В.М., Розенбаум Л.Г., Соболев Б.М. и другие. Мы их уважали, делом и кровью доказавших свою преданность Родине. А Родина у нас с ними была одна, общая. Все они служили без всяких ущемлений, получали

продвижение по службе и очередное воинское звание. Например, Борис Моисеевич Соболев стал полковником, не будучи членом партии. Что-то я не припоминаю на полигоне других беспартийных полковников. Вениамин Моисеевич Эйбшиц заслуженно получил звание генерал-майора».

Беспартийный Соболев был начальником отдела, офицеры которого почти все были членами КПСС. Несколько странно проходили в нашем отделе партийные собрания, на которые мы, естественно, не могли не пригласить своего начальника. Это партийное мероприятие больше походило на служебное совещание с постановкой задач тогда ещё подполковником Соболевым. Находились юмористы, которые шутили, мол, партийные взносы не платит, а нам даёт указания по партийной линии.

Надо заметить, что каких-либо этнических особенностей у Бориса Моисеевича, совершенно не наблюдалось. Моя семья жила в квартире, рядом со штабом полигона, вместе с закоренелым холостяком Кацом Ароном Марковичем. Среди офицеров и солдат – кто не знал Каца? Известного эскулапа по части дизентерии. Однако он был довольно квалифицированным терапевтом, услугами которого пользовалось высокое командование полигона. Да и нашу малолетнюю дочурку Арон Маркович по-соседки лечил безотказно.

В то время прилипчивая дизентерийная палочка была достоянием почти каждого в астраханской степи. Плоховато тогда было с санитарией в военном городке, к тому же фильтровальная насосной станции забора воды из Ахтубы появилась в конце пятидесятых годов.

Наш сосед устраивал «светские приёмы», на которые сходилось много народу, имевшему один этнический корень. Среди гостей я ни разу за пять лет не встречал моего начальника «обрусевшего» Соболева. Борис Моисеевич был прямой, открытый человек уважительно относившийся что к солдату, что к офицеру. Всегда деятельный, подвижный и остро реагирующий на обстановку, которая, казалось бы, не относится к его служебным обязанностям.

Борис Моисеевич Соболев с самого начала работы полигона обеспечивал испытания и пуски ракет на полигоне по технологической цепочке, связанной с работой железнодорожного хозяйства. Значит, Борис Моисеевич причастен, также как и другие специалисты полигона, ко всей номенклатуре ракетных комплексов, прошедших через полигон. Это первые комплексы с ракетами Р-1 и Р-2, Р-5 и Р-5М (с ядерным зарядом), и далее. Всех не перечислить.

На ракетных комплексах наш начальник отдела Соболев обладал талантом, что называется, расширять узкие места в технологическом

графике проведения испытаний и подготовки оборудования к работе и пуску ракеты. В случае возникновения задержек, появлявшихся всегда не к месту «бобов», то есть отказов и неисправностей оборудования и аппаратуры, Борис Моисеевич ответственность брал на себя, не представляя под удар своих подчинённых. При этом он никогда не искал оправданий и не распекал номера расчёта, допустившего нарушение технической документации. Трудностей в ракетном деле в то время было с избытком, но наш Соболев не был инициатором конфликта, напряжения в работе. Он был на службе и в быту глубоко порядочным человеком, на которого можно было положиться. Борис Моисеевич отличался высокой коммуникабельностью, находил общий язык и с подчинёнными, и с начальством, тем более с представителями промышленности. Последние, представляя продукцию своего предприятия, не всегда были заинтересованы в истинных причинах отказа, поломок ракетной техники и оборудования, но Борис Моисеевич умел без крика и нажима добиться общего понимания проблемы на пользу дела. Он не допускал в своих действиях суеты, немотивированных порывов, хотя отличался подвижностью, не мог сидеть просто так, без дела.

Вообще говоря, офицер Соболев был наделён деловой хваткой и пробивной силой в решении поставленных задач. Перед ним не было такого задания, чтобы он спасовал и не мог его выполнить. Естественно, он пользовался авторитетом и уважением, как начальства, так и подчинённых. В поведении нашего товарища не было позы, горделивости, зазнайства. Всё было естественно, с привлекательной простотой. Его авторитет и уважение стояли высоко. На шутки и подначивание, подзадоривание со стороны сослуживцев Борис Моисеевич реагировал спокойно и с достоинством. Все знали, что Соболев на полигоне с первых дней, и некоторые товарищи обращались к нему, в то время подполковнику, с вопросом:

– Слушай, Борис. Когда тебе присвоят полковника?

Подоплёка такого любопытства была в том, что офицер Советской армии Соболев не был членом партии.

Следовал моментальный ответ, не окрашенный в обидные тона:

– В тот самый момент, когда Главком подпишет приказ, и я стану полковником.

Звучал и другой навязчивый вопрос:

– Борис Моисеевич, ты, когда будешь приобретать машину?

В шестидесятые годы офицеры Кап. Яра бросились покупать тяжёлые мотоциклы, «Москвичи», «Жигули» и даже консервы на колёсах, то есть

«Запорожец». На что следовал невозмутимый ответ о том, что такие деньги он не истратит на такси за всю жизнь, если будет ездить даже каждый день. После чего у любопытствующего терялся интерес продолжать разговор.

С таким начальником было легко работать. Это не значит, что он не требовал технологической и воинской дисциплины. Однажды я, будучи в командировке, самовольно её продлил без служебной надобности. Подполковник Соболев, закрывая мне командировочное предписание, не стал читать мораль и прочее, а просто указал на недопустимость подобного нарушения впредь.

Первый старт баллистической ракеты дальнего действия осуществлён на полигоне Капустин Яр 18 октября 1947 года. Это ракета с индексом А-4 есть немецкий проект ФАУ-2, однако собрана была ракета советскими специалистами с участием опытных немецких ракетчиков.

Для нашей страны самый первый старт ракеты – это историческое событие. Пуск ракеты явился завершающим этапом освоения советскими специалистами практического задела немцев в области реактивной техники. Пусть читатель, озабоченный патриотическим чувством о приоритете Германии в освоении ракетной техники, должен знать, что в Советском Союзе решили сперва воспроизвести немецкий опыт создания ракеты ФАУ-2, а затем уже двигаться дальше. Именно И.В.Сталин дал такую директивную установку для выигрыша времени, чтобы не отбрасывать имевшийся богатый технический, производственный, организационный и технологический зарубежный опыт.

Это событие явилось отправной точкой развёртывания широкомасштабных работ по созданию ракетного вооружения и освоению космического пространства. Первая отечественная ракета Р-1 (копия немецкой ракеты А-4) была изготовлена из отечественных материалов и компонентов на вновь созданной ракетной промышленности в тяжёлое для страны послевоенное время. Первый пуск состоялся 10 октября 1948 года. В 1950 году первый отечественный ракетный комплекс с ракетой Р-1 был принят на вооружение. Ракету характеризуют такие цифры: стартовая масса (вес) составляла 13,4 тонны, максимальная дальность полёта 270 км, максимальная скорость 4860 км в час, в головной части – обычное взрывчатое вещество массой 785 кг. Точность стрельбы была крайне неудовлетворительной: попадание в прямоугольник: по дальности – 20 км, в боковом направлении – 8 км.

Эти исторические пуски первых ракет происходили при участии старшего лейтенанта Бориса Соболева. К сожалению, пока не удалось

разыскать документы, где был бы прописан офицер Соболев в боевом расчёте на подготовку и пуск ракеты А-4. В августе 1946 года на территории Германии было закончено формирование ракетного соединения – бригады особого назначения Резерва Верховного Главного Командования. Борис Соболев в астраханскую степь прибыл в составе именно этой бригады.

На полигоне есть памятное место, где впервые в Советском Союзе были осуществлены пуски первых ракет на так называемом «Интеграле», вблизи площадки №2. На пьедестале (штатный пусковой стол), установлена ракета Р-1. На постаменте закреплена мемориальная доска с именами участников подготовки и проведения первого пуска. Там выбиты имена конструкторов ракетной техники, так сказать первой величины, во главе с Сергеем Павловичем Королёвым, а также высокого военного начальства. Список офицеров участников первого пуска довольно обширен, были неточности, искажения имён. Данную неряшливость исправляли десятилетия спустя. К тому же допущен пропуск имени тех офицеров, кто действительно входил в боевой расчёт по подготовке и пуску той первой ракеты.

В 1965 году установку ракеты Р-1 из серийной партии доверено было произвести Борису Моисеевичу Соболеву и начальнику расчёта капитану Льву Бессалову. Мне представляется, было бы справедливо назвать поименно рядовой и сержантский состав участников первого пуска, – каждый делал своё дело, вошедшее в историю страны. Да и к месту было бы указать тех, кто воздвигал этот монумент.

В 1963 году, когда подполковник Соболев возглавил отдел испытаний наземного оборудования, который участвовал в испытаниях, постановке на боевое дежурство и эксплуатации следующего ракетного вооружения на полигоне Капустин Яр и в других местах, дислокации ракетных частей.

Характеристики ракет	8К63 (Р-12)	8К63 (Р-12) 8К63У(Р-12У)	8К65(Р-14) 8К65У(Р-14У)	8К65(Р-14) 8К65У(Р-14У)
Дальность стрельбы – макс. (км)	2000	2000	4500	4500
Стартовый вес – масса (т)	41,7	41,7	~ 80	~ 80
Длина (м)	22,1	22,1	24,4	24,4
Диаметр – макс. (м)	1,65	1,65	2,4	2,4

Горючее	ТМ-185 и ТГ-02	ТМ-185 и ТГ-02	НДМГ	НДМГ
Окислитель	АК-27И (концентр. HNO ₃)	АК-27И (концентр. HNO ₃)	АК-27И (концентр. HNO ₃)	АК-27И (концентр. HNO ₃)
Головная часть. Заряд	ЯЗ	ЯЗ	ЯЗ	ЯЗ

Пусть читатель не посетует, что здесь допущена натяжка. Как это так, возмутится «заржавленный ракетчик», как говаривал гениальный Королёв? Мол, Соболев, не имел дело с ракетной техникой на технической и стартовой позиции, или на измерительном пункте, или даже в районе боевых полей (место падения конструкции ракеты). Однако подобный «заржавленный ракетчик» совершенно не сомневается, например, в том, что начальник полигона самый что ни на есть Ракетчик с большой буквы. Он, естественно, не всегда был рядом с боевым расчётом при пуске ракет. Да и не надо забывать, ракеты на полигон транспортировались в специальных железнодорожных вагонах, которые подавались в монтажный корпус на площадке №2. Так что Борис Моисеевич, без сомнения, непосредственно работал в рамках штатной должности с оборудованием и ракетами.

1963 год в судьбе ракетчика Соболя стал рубежным. Борис Моисеевич назначается начальником отдела испытаний и ввода в строй шахтных ракетных комплексов Ракетных войск стратегического назначения, дислоцированных на западе, юге и востоке необъятного Советского Союза. Шахтные ракетные комплексы с ракетами Р-12У и Р-14У были приняты на вооружение в январе 1964 года. Так что данный период новой работы офицера Соболя характерен особой напряжённостью. Отдел был также привлечён к работам с оборудованием для тяжёлой межконтинентальной ракеты Р-36 (второе поколение ракет РВСН), которая тогда проходила лётные испытания на Байконуре. Офицеры отдела в сентябре 1965 года были командированы на Байконур, где в течение одного месяца проходили практику и обучение с новой ракетной техникой. Сдав зачёты, получали допуск к самостоятельной работе. Темпы колоссальной работы по созданию нового вооружения были очень высокими и напряжёнными. Специалисты нашего отдела из Байконура сразу же разъехались на новые комплексы. Попали на завершающую стадию строительства с последующей постановкой ракетных частей на боевое дежурство. Это был период массового ввода в строй шахтных ракетных комплексов, так называемого отдельного старта «ОС» с ракетой Р-36.

Командировки затянулись на три года с кратковременными наездами домой в Капустин Яр. Автор данного текста отправился в Казахстан, под Семипалатинск на ракетный комплекс Р-36 при посёлке Жангиз-Тобе. Участвовал в контроле монтажа шахтного стационарного заправочного оборудования, его отладке, обучении личного состава батареи с проведением комплексных занятий и тренировок вплоть до постановки на боевое дежурство.

Отдел подполковника Соболя был укомплектован опытными специалистами инженерами-испытателями полигона. По штатному расписанию отдел входил в службу главного инженера полигона, начальник полковник К.П.Дымов. Фактически группа испытаний Соболя являлась разъездным филиалом одного из подразделений службы главного инженера Ракетных войск, начальник генерал-полковник Н.Ф.Червяков. Эта служба в 1969 году преобразована в Главное управление эксплуатации ракетного вооружения. Естественно, вся работа отдела Соболя планировалась и выполнялась по заданиям из Москвы. Офицеры отдела участвовали также в качестве контролёров-инструкторов при учебно-боевых пусках ракет.

Летом 1964 года на шахтном ракетном комплексе под Махачкалой был проведён один из учебно-боевых пусков ракеты Р-12У. Тогда по плану Генерального штаба проводились пуски ракет в масштабе масштабных учений Ракетных войск стратегического назначения. В боевом расчёте на данном комплексе из нашего отдела находился инженер-капитан Шепталин Валентин Андреевич. Этот ракетчик, за плечами которого было проведено несколько десятков пусков ракет Р-2, Р-5М, Р-12 и Р-14 (наземного и шахтного базирования), как специалист электроогневого отделения, выполнял обязанности контроля работы оператора на пульте пуска ракеты.

У ракетчиков оператора пульта управления пуском ракеты считается специалистом одного из самых ответственных участков работы. Его обязанности достаточно сложны в техническом плане, требуют досконального знания аппаратуры, систем, агрегатов ракетного комплекса, чёткого, до автоматизма владения навыком выполнения команд. Не последнюю роль играет психологическая устойчивость оператора во время работы, в особенности при возникновении стрессовых ситуаций. Опытный ракетчик Шепталин обладал в полной мере всеми этими качествами к тому же, что называется, на зубок знал техническую документацию.

Чёткая, отлаженная работа оператора на пульте управления исключала возникновение необратимых процессов в наземном оборудовании

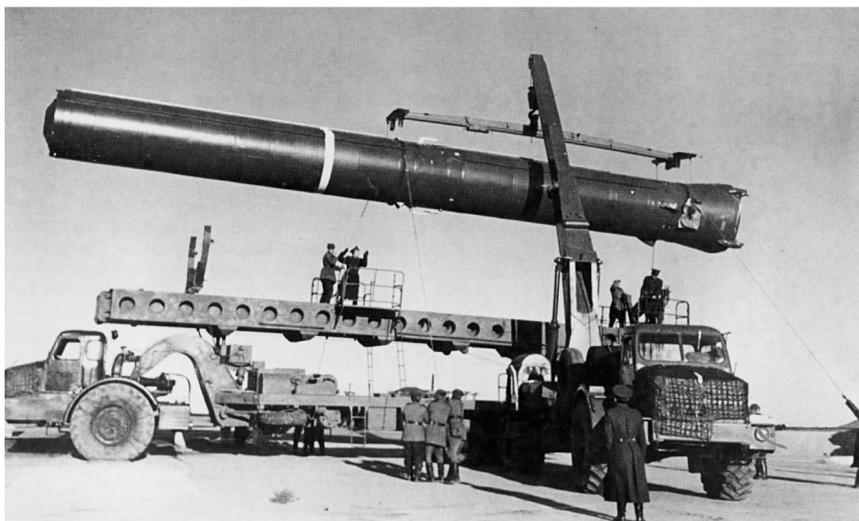
и на борту ракеты, возникновению нештатных операций, возникновению аварийной ситуации. Выше мы уже видели, к каким последствиям привела ошибка оператора в послепусковой период на шахтном ракетном комплексе, когда погибло несколько человек. Как теперь говорят – сработал человеческий фактор.

Валентин Шепталин вспоминал необычный пуск ракеты в горах Дагестана: «Несмотря на большую ответственность задания, работа боевого расчёта прошла без заминки, слаженно, так как это всегда было на полигоне в Капустином Яре. В установленный срок ракета успешно стартовала. Если на полигоне для нас пуски ракет были привычным зрелищем, то здесь всё было как в фантастическом сне. Выход ракеты из шахтной пусковой установки сопровождался необычной тряской земли под ногами, так как шахта была сделана в скальном грунте. Вибрация шла от неё волнами, пока ракета не поднялась вверх. Во время пуска возник такой гул, что заломило в ушах, а горное эхо многократно его усилило и повторило несколько раз.

К нашему огромному удовлетворению мы получили доклад о точном прибытии макета головной части ракеты в заданный квадрат». Так что отдел Соболя участвовал в подготовке и пуске стратегических ракет не только в Капустином Яре.

Подводя итоги службы полковника Б.М.Соболя с 1963 года до выхода в отставку, можно указать его непосредственное участие в монтаже, испытаниях, регламентных работах и постановке на боевое дежурство шахтных комплексов с ракетами Р-12У (индекс 8К63У), Р-14У (индекс 8К65У) и Р-36 (индекс 8К67, по американской классификации – «Сатана»). Ракета Р-36 имела стационарное базирование с шахтной пусковой установкой на отдельном одиночном старте – «ОС». Разумеется, отдел, возглавляемый его начальником Б.М.Сободем, был одним из элементов сложной структурной организации по выполнению указанного комплекса работ по созданию и эксплуатации ракетного вооружения в тот период. Главный конструктор ракетно-космических систем С.П.Королев подчёркивал, что ракетостроение – это дело многотысячного коллектива. Для, так сказать обычных ракетчиков, в том числе служивших на полигоне, не существовало проблемы важности и престижности того или иного участка работы с ракетной техникой. Отношение ракетчика Соболя к своим должностным обязанностям, вне зависимости от рода деятельности, носило черты ответственности, профессионального отношения к делу.

Ракетно-космический полигон Капустин Яр. Фото 1964 года.

Погрузка ракеты Р-14У на установщик.

Загрузка ракеты Р-14У в шахтную пусковую установку.

«РАКЕТНЫЙ ПОХОД» В ГЕРМАНИЮ

ИВКИН Владимир Иванович, полковник в отставке

ДОЛИНИН Александр Иванович, полковник в отставке

– Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 589-365 от 26 марта 1955 года хранилось в Кремлевском архиве – нынешнем архиве Президента РФ. Но еще раньше в одной из доверительных бесед профессор Николай Монахов вскользь как-то обронил: а ведь советские ракеты с ядерными боеголовками размещались в послевоенной Германии. Не удержался от вопросов: как же это случилось и когда? Но Николай Константинович, опытный ракетчик, умеющий держать язык за зубами, тему продолжать тогда не стал. Посчитал, что не пришло время. И до знакомства с постановлением «О мероприятиях по повышению боевой готовности инженерных бригад Резерва Верховного Главнокомандования» нигде не находилось ответа на эти вопросы.

И вот документы: исторические формуляры, упомянутое Постановление, подписанное Н.Хрущевым и Н.Булганиным (был тогда председателем Совета Министров). Постановление лаконично и красноречиво.

«В целях повышения постоянной боевой готовности инженерных бригад Резерва Верховного Главнокомандования Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР постановляют:

обязать Министерство обороны СССР (т. Жуков) осуществить следующие мероприятия.

Передислоцировать в 1955-1956 гг. четыре инженерные бригады Резерва Верховного Главнокомандования в районы, согласно плану их боевого применения: а). 72 инженерную бригаду РВГК – на территорию Германской Демократической Республики, включив ее в состав Группы советских войск в Германии; б). 73 инженерную бригаду РВГК – на территорию Народной Республики Болгарии...

Перевести 72, 73, 77, 85, 90 и 233 инженерные бригады РВГК на штаты военного времени, обеспечив их полное укомплектование личным составом, специальным вооружением и всеми видами техники и имущества до 1 июля 1956 года...»

Упомянутые инженерные соединения, сформированные на базе бригад особого назначения (БОН), стали, по существу, предшественниками РВСН. 72-ая бригада продолжила историю 92-го гвардейского минометного полка и легендарной бригады А. Ф. Тверецкого, родившейся

на земле Германии через год после войны в деревне Берка федеральной земли Тюрингия, в шести километрах восточнее г. Зондерсхаузен. Материальной частью для первых ракетчиков стала немецкая ФАУ-2. Учебной базой – хоть и разрушенные лаборатории, заводы, испытательная станция, специальный поезд и институт «Нордхаузен». А пуски А-4 осуществляли с полигона в Кап. Яре. Поэтому неслучайно именно «немецкой» бригаде выписывался «наряд на службу» в Германии. Было это в марте, а в августе 1955 года на Политбюро постановили: передислокацию за границу 72 и 73 инженерных бригад приостановить до особого распоряжения ЦК КПСС и Правительства. Бригады оставить в прежних пунктах дислокации. 72-я квартировала в то время в селе Медведь Новгородской области. Начатые за границей работы прекратить в связи с изменившейся международной обстановкой.

В Болгарии, судя по документам, работы и не начинались, а вот «германский вариант» был только приостановлен. С середины 1956 года ракетчики бригады начали осваивать ракету Р – 5М конструкции С.П. Королева с ядерной головной частью и дальностью действия 1200 километров. К концу 1958 года все дивизионы научились пускать это «изделие», ознаменовавшее новый этап развития отечественного ракетостроения. Научились они перевозить ракеты по железной дороге. К осуществлению отложенного проекта вернулись, когда в Европе разместились воинские контингенты для ведения «холодной войны» против СССР. Мы могли вывести свои ракеты на дистанцию «пистолетного выстрела» от виска пугающих нас войск. И в ноябре 1958 года 72-я инженерная бригада, командование которой принял полковник А.И.Холопов, начала скрытное передвижение из Новгородской области в направлении Германии. Передислокация длилась по февраль следующего года.

Из воспоминаний очевидцев

Бывший командир технической батареи 1-го дивизиона Н.К.Монахов: «Весной 1958 года дивизион выехал в лагерь на Липовую гору под Лугой. Мы приступили к освоению новой ракетной системы Р-5 М. Это была серьезная и ответственная работа – на вооружение бригады впервые поступила система с ядерной головной частью.

Требовалось освоить ее в короткие сроки. Осенью нас вновь ждал Капустин Яр. Мы прибыли туда сразу после посещения полигона

руководством страны и Вооруженных Сил во главе с Хрущевым. Решался вопрос о создании Ракетных войск стратегического назначения как самостоятельного вида Вооруженных Сил.

Преодолев более двух тысяч километров, осуществив ночную перегрузку техники в новый эшелон, в первый день 1959 года мы прибыли в ГСВГ к новому месту дислокации».

Генерал-майор запаса В.К.Владимирский (служил старшим лейтенантом в ремонтно-технической базе):

«Перед дислокацией наша часть стала именоваться ремонтно-технической базой. На должности начальников сборочных бригад (непосредственно работающих с головными частями ракет – автор.) прибыли выпускники Военной академии имени Ф.Э.Дзержинского, в прошлом офицеры-артиллеристы, участники Великой Отечественной войны. По замыслу командования РТБ должны были вводиться на территорию ГДР в последнюю очередь. Наш черед наступил в апреле. Для большинства из нас это перемещение было первым пересечением Государственной границы СССР.

Новое место дислокации, к нашему удивлению, оказалось хорошо подготовленным. Добротные казармы, штаб, квартиры для офицеров, хотя и по типу общежитий. На Родине жили в худших условиях. Но больше всего нас поразило уже готовое сооружение для хранения головных частей. Строительные работы были выполнены с немецкой аккуратностью».

Генерал-майор в отставке А.А. Дмитриев, лауреат Государственной премии СССР, в Германии командовал ремонтно-технической базой:

«Со стороны командования ГСВГ к нам было проявлено подчеркнутое внимание, оказана необходимая помощь. И в Фюрстенберге, и в Фогельзанге, где размещались подразделения бригады, все было подготовлено для приема. С соблюдением особого режима секретности, в сопровождении усиленной охраны и специалистов 12-го Главного управления Министерства обороны в ночное время был доставлен в ГДР «ядерный» груз. Секретные стартовые позиции выбрали в лесных массивах».

Жизнь ракетчиков за границей входила в свою колею. Приехали семьи, неплохо разместились, с интересом знакомились со страной. Военнослужащие бригады настроились на длительное пребывание в ГДР, но в августе 1959 года поступил приказ убыть к новому месту службы, в Калининградскую область. Всего через каких-то 10 месяцев.

Бывший в ту пору заместителем начальника оперативного отдела Штаба реактивных частей генерал-майор в отставке П.П. Пузик скоротечность «миссии» объясняет двумя причинами: первая – на вооружение ракетных частей стали приниматься Р-12 средней дальности, обеспечивающие выполнение стратегических задач с территории

нашей страны; во-вторых – стали более продуктивными переговоры с американской стороной по вопросам размещения стратегических ракет, их удаления от демаркационной линии, в том числе на Западном театре военных действий.

Так закончилась эта история, десятилетиями не предававшаяся огласке. 72-я инженерная бригада стала прародительницей первой дивизии народившихся в декабре 1959 года Ракетных войск стратегического назначения – гвардейской Гомельской ордена Ленина, Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого.

Ее не стало в наше время с подписанием договора о ракетах средней и меньшей дальности. Жива память о богатой истории соединения, о его беспрецедентном «ракетном походе». И не только.

СЕКРЕТНЫЕ МИССИЯ И КОМИССИЯ

*БОРОДУНОВ Евгений Семёнович,
генерал-майор в отставке*

– Предстояло проверить 72 бригаду РВГК. Миссия бригады являлась секретной, и наша инспекция – тоже.

В состав комиссии входили четыре генерала, 10 полковников из Генерального штаба и 10 лейтенантов, выпускников 1957–1958 г.г. Ростовского ВВКИУ из 80-й инженерной бригады РВГК базирующейся в н.п. Белокоровичи Житомирской области. Конечно, из-за специфики задач особой государственной важности в Ракетных войсках никаких дневников не вёл. Вспоминаю то, что осталось в памяти.

Старших офицеров, нам лейтенантам, никто не представлял, но я запомнил генерал-майора Морозова Михаила Александровича, так как он постоянно ходил за мной три дня при проверке подготовке ракеты к пуску на технической и стартовой позициях и полковника Зубченко Л.Г., с которым пришлось в дальнейшем встречаться, как с членом комиссии главкома РВСН в 163 ракетном полку 50 рд.

Комиссия, её состав и задачи, формировалась под огромным секретом. Нам, лейтенантам Белокоровичской бригады, приказали выехать 5 мая в штаб реактивных частей в г.Москву, который располагался в одном из зданий Академии им. Дзержинского. Сказали, что дальнейшую задачу нам поставят в штабе. По прибытию в штаб РЧ нас разместили в гостинице ЦДСА и рекомендовали, до особого указания, отдыхать и знакомиться с достопримечательностями г. Москвы. Где -то 10-11 мая 1959г. нас вызвали с вещами в штаб РЧ, где изъяли и положили в сейф партийные и комсомольские документы: до возвращения из командировки. Начальник штаба РЧ генерал-лейтенант Никольский Михаил Александрович довел до комиссии задачу. Задача заключалась в следующем: « Комиссия Министра обороны СССР выезжает в ГДР, для проверки боего-

товности, несущей там боевое дежурство на ракетном комплексе 8К51м 72 ИБР РВГК, которой командует полковник Холопов А.И.». Проверку боеготовности бригады рекомендовалось начать с канала для передачи боевого приказа в бригаду, а также способности бригады принять и выполнить боевой приказ приведение бригады в высшие степени боевой готовности. С целью сокрытия стоящей задачи перед нашей комиссией мы должны были провести проверку по общевойсковым предметам одной мотострелковой дивизии, одной танковой дивизии и 72 ИБР РВГК. Проверкой этих соединений по общевойсковым дисциплинам, с подведением итогов, мы занимались где-то дней двадцать.

Основной позиционный район 72 ИБР РВГК располагался в г.Фюрстенберг, а военный городок, казарменная и техническая зоны находились в лесу, недалеко от деревни Химмельпфорт. Штаб бригады располагался в штабе танковой дивизии. Как рассказывали нам офицеры, бригада где-то с февраля 1959 г. несла боевое дежурство на ракетном комплексе 8К51м. Денежное содержание личному составу выдавали в немецких марках, по курсу рубля (в СССР платили по штатному расписанию, в рублях).

Офицеров это радовало: ассортимент промышленных товаров в ГДР был большой, многого в Союзе мы и не видели. За четыре месяца пребывания в ГДР многие офицеры смогли закупить и выслать своим семьям столько промтоваров, сколько было разрешено переправлять в Союз за год.

... Казармы и гаражи для техники были построены ещё до 1940 г., но находились в хорошем эксплуатационном состоянии. Офицерский состав без семей располагался в общежитиях гостиничного типа. Среди офицерского состава было немало выпускников Ростовского и Камышинского училищ. Конечно, многие из офицеров бригады пытались узнать у нас, членов комиссии, реальную цель приезда комиссии. Долго не верили тому, что нас выпускников Ростовского училища, пригласили только с одной целью, для проверки войск по общевойсковым дисциплинам.

Помню как сейчас, разбор проверки по общевойсковым дисциплинам 72 ИБР РВГК, после недельной проверки, начали в 9.00, а закончили в 10.00 утра. Офицеры бригады, наконец – то поверили нам, что кроме этой проверки другой не будет. Разбор проводили наши генералы, а мы лейтенанты к 12.00, ко времени передачи боевого приказа из Генерального штаба, пришли в казармы, в парки, к местам хранения боевой техники. Конечно, после подведения итогов проверки комиссией Министра

обороны по общевойсковым предметам личный состав бригады, длительное время находящийся под напряжением, расслабился. На членов комиссии уже никто не обращал внимания, а некоторые офицеры даже успели отметить окончание проверки за чаркой.

Боевой сигнал из Москвы на приведение бригады в повышенную боевую готовность приняли своевременно. Сбор личного состава прошёл более-менее организованно. С наступлением темноты бригада в полном составе вышла в заранее выбранный в лесу полевой район. Развернули в полевом районе технические и стартовые позиции и организовали дежурство в повышенной боевой готовности. На следующую ночь, по приказу сверху, приступили к подготовке ракет к пуску. Конечно, тогда никаких боевых графиков по подготовке ракеты к пуску не было. Сначала ракеты прошли положенные по эксплуатационной документации проверки на технической позиции и только на следующую ночь ракеты вывезли на стартовые позиции, где подготовка ракет к пуску была доведена до готовности к заправке компонентами ракетного топлива. Мне было поручено проверить работу расчётов автономной и горизонтальной проверки на технической позиции, а в следующую ночь, работу электроогневого отделения одной стартовой батареи. Подготовка ракеты к пуску стартовой батареей, работающей в ГДР, организационно и внешне отличалась от работы боевого расчёта стартовой батареей, работающей в Союзе. В Союзе ночью стартовую позицию отдельные командиры старались осветить фарами машин, ставили прожектора, а офицерский состав был обеспечен большими фонарями, при этом команды командиров и начальников отделений подавались громко, а порой и с громкоговорителем. Здесь же, на стартовой позиции в ГДР, команды подавались тихо, спокойным голосом, а для освещения лица и пультов, почти у всех номеров боевого расчёта были маленькие, чуть меньше спичечной коробки, индивидуальные фонарики. В основном, все офицеры технических и стартовых батарей были хорошо подготовлены, ракетчики со стажем.

Фамилий проверяемых офицеров я не запомнил. Но хорошо запомнил такой курьёзный случай. Как я уже выше писал, что на технической и стартовой позициях постоянно сзади меня находился генерал-майор Морозов М.А. Первая проверка пришлась на оператора машины автономных испытаний (МАИ). Наблюдая из-за моей спины работу оператора, генерал мне говорит: «Я восхищён талантом и способностью данного офицера. Это же надо, много приборов, огромный пульт, масса мигающих транспарантов, а он успевает за всем этим следить. Каким же, высоко

подготовленным должен быть ракетчик! Работает отлично». Спрашивает меня: «Какую оценку ставите вы?». Отвечаю – «Неуд». Генерал разбушевался и уговорил меня поставить оператору оценку «Хорошо».

Вот так прошла вторая, специальная проверка 72-й бригады, которая длилась ещё неделю, а затем и второй разбор итогов, справку для которого писали писали мы, лейтенанты, а зачитывали опять наши генералы. Из воспоминаний об этой командировке осталось два фото. Одно фото на Красной площади, со старшим лейтенантом Зайченко, перед убытием в ГДР, и второе, в ГДР, стою я, на дороге из основной боевой позиции бригады в деревню Химмельпфорт.

С представителями этой бригады мне в августе-сентябре 1959 года пришлось встретиться ещё раз на полигоне Капустин Яр. Наш боевой расчёт 163 ракетного полка 50 ракетной дивизии после сдачи зачётов на допуск к несению боевого дежурства и проведения учебно-боевого пуска ракеты 8К63 второй день в полевом лагере готовил технику к погрузке на ж/д платформы. И смотрим, в районе четвёртой площадки прошёл аварийный пуск ракеты 8К63 с падением и взрывом ракеты. Нам сказали, что это был аварийный пуск, по вине личного состава боевого расчёта из 72 инженерной бригады. Прибыл на полигон наш главком главный маршал артиллерии Неделин М.И. Из нашего 163 ракетного полка на совещание к главкому вызвали меня и ещё четырёх начальников отделений стартовой батареи. На совещании главком сказал: «Боевому расчёту 72 ибр после дополнительной подготовки, в которой будут участвовать и офицеры из 163 рп, будет предоставлена возможность проведения повторного учебно-боевого пуска ракеты 8К63. Ракетчики должны уезжать с полигона с полной уверенностью в вверенную им ракетную технику».

Но это уже другая история.

ЗАСТУПЛЕНИЕ НА БОЕВОЕ ДЕЖУРСТВО

*ДМИТРИЕВ Анатолий Алексеевич, генерал-майор в отставке,
бывший начальник ремонтно-технической базы*

– Навсегда запомнилась встреча с высшими руководителями Вооружённых Сил и РВСН.

В начале 1960 года мне довелось стать участником совещания, которое проводил главный маршал артиллерии Неделин М.И., в Москве, в старинном особняке, расположенном рядом с Генштабом (впоследствии в нём размещался заместитель министра обороны по строительству и расквартированию со своим аппаратом).

На совещание пригласили командиров ракетных соединений и частей «первой очереди», т.е. заступивших или готовящихся заступить на боевое дежурство (хотя этот термин, насколько я помню, тогда ещё широко не применялся).

Появление в кабинете М.И. Неделина – статного, красивого генерала с погонами главного маршала артиллерии, с Золотой Звездой Героя Советского Союза и множеством орденовских планок, произвело на присутствующих сильное впечатление.

На совещание пригласили командиров ракетных соединений и частей «первой очереди», т.е. заступивших или готовящихся заступить на боевое дежурство (хотя этот термин, насколько я помню, тогда ещё широко не применялся).

М.И. Неделин объявил документы Правительства и министра обороны СССР об образовании РВСН, объявил состав нового вида Вооружённых Сил СССР. Представил начальника Главного штаба генерал-лейтенанта М.А. Никольского, начальника 12 ГУМИО генерал-полковника В.А. Болятко. Запомнилась его установка – Главный штаб будет руководить всеми работами по формированию войск и оснащению их ракетным и

специальным вооружением и техникой, приведением в боевую готовность в позиционных районах. Себе он оставлял область, связанную с разработкой и испытаниями новых ракетных комплексов. Это не означало, естественно, его самоустранимости от многочисленных проблем создания и становления войск.

Обратила на себя внимание крайняя жёсткость по соблюдению режима секретности. В связи с этим он поднял одного из заслуженных командиров соединений и нелестно в присутствии всех выговорил за то, что тот пытался делать записи в блокноте. Показал на свой стол, на котором не было ни одной бумажки. Призвал всех следовать его примеру.

Особое внимание было обращено на вопросы ядерной безопасности, необходимость строго соблюдения технологической дисциплины. В связи с этим был показан комплект сов. секретных инструкций по работе с ядерными ГЧ, изданных 12 ГУМО типографским способом в хороших красных обложках, в отличие от документации главных конструкторов, изданной на «синьке».

Другим памятным событием стало посещение 24 рд в середине июля 1960 года министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Малиновским Р.Я. в сопровождении главнокомандующего.

На учебной позиции 25 рп Евсеева Ф.Ф., оборудованной в сосновом бору на берегу Немана, на стартовой позиции организовали показ подготовки к пуску ракеты Р-12.

Мне поручили доложить министру обороны устройство и подготовку к боевому применению ядерной ГЧ к ракете Р-12. Занятия организовали на учебной позиции ртб в специальной палатке – сборочном зале. «Изделие» расстыковали и показали его главные узлы – сферу заряда, аппаратуру автоматики и другие элементы. На схеме дали пояснения по физике ядерного взрыва, механизму ядерной реакции. По ходу моего доклада М.И. Неделин несколько раз, с разрешения министра обороны, останавливал меня и дополнял информацию, показывая основательное знание принципов устройства ядерного оружия.

От личной встречи с Малиновским Р.Я. и общения с ним осталось ощущение внимательного и доброжелательного отношения к войсковым офицерам-ракетчикам, неподдельный интерес к новому оружию. Меня расспросил о семье, квартире. Пригласил после показательных занятий на обед в Советск. Запомнилось его шутовское обещание заехать в гости. Не скрою, наблюдая взаимоотношения министра обороны и главкома, поразились их напряжённости, чего я не ожидал и чего, на мой взгляд,

не должно быть не только на таких высоких государственных должностях, но и на всех других менее высоких уровнях управления. Только откровенные, правдивые и непосредственные отношения между командирами и заместителями, другими подчинёнными позволяет хорошо решать служебные задачи и проблемы, не превращая военную службу в тяжёлую повинность.

Результатом визита министра обороны стало усиленное проведение маскировочных работ: покрывали дёрном бетонные дороги, которые после дождей превращались в месиво; перекрашивали наглядную агитацию на позициях в зелёный цвет. Но как говорили древние мудрецы: «Пройдёт и это...»

Абсурдность такой маскировки стала очевидной с появлением космических средств космической разведки, от которых невозможно скрыть бетонные дороги и колеи по дёрну.

Осталось в памяти проведение в 1961 году в нашей ртб в полевых условиях многосуточного опытного учения под руководством представителей Штаба реактивных частей и 12 ГУМО Фаготова В.И. Богачёва В.И. Цель учения: определение производительности сборочных бригад по подготовке к боевому применению ГЧ к ракетам Р-12. Для этого в часть было доставлено большое число учебных ГЧ. Работы осуществлялись без каких-либо условностей, по непрерывному графику, с проведением полного технологического цикла в соответствии с требованиями ЭТД. Особое внимание уделялось пунктуальному соблюдению мер безопасности по снаряжению ядерного устройства взрывоопасными элементами с высокой иницилирующей способностью.

Проблема производительности сборочных бригад являлась весьма актуальной: подготовка ГЧ задерживала технологию подготовки и пуска ракет. Выводы по результатам учения использовались при разработке новых боевых графиков пуска ракет. А также технологию и нормативов перевода ГЧ в максимальную готовность к боевому применению.

Конец лета 1962 года закончился переводом РВСН в повышенную боевую готовность и операцией «Анадырь» в связи с Карибским кризисом. По боевым сигналам централизованного управления вскрыли боевые пакеты Генерального штаба Вооружённых Сил СССР и приняли к исполнению заложенные в них боевые распоряжения. Командование частей и соединений безотлучно находилось на пунктах управления, офицерский состав перевели на казарменное положение. Ядерные ГЧ извлекли из контейнеров и уложили на сборочные стенды; контрольная

аппаратура и другое специальное оборудование развернули и подготовили к работе...

Были проведены и другие мероприятия, предусмотренные планами приведения войск в повышенную боевую готовность. К счастью, в конце октября – начале ноября 1962 года конфликт урегулировали на советско-американских переговорах в Нью-Йорке. Ракетные войска стратегического назначения заняли исходное положение постоянной боевой готовности, а ракетная дивизия генерал-майора И.Д. Стеценко с ракетным и специальным вооружением в полном составе возвратилась в Советский Союз.

В октябре 1962 года получили приказ главнокомандующего РВСН о моём назначении в Оперативное управление главного штаба РВСН. Открывалась новая страница моей ракетной биографии, связанная с развёртыванием группировки и постановкой на боевое дежурство межконтинентальных ракет, решением других важных задач в масштабе РВСН, работой и постоянным общением с известными начальниками РВСН.

В ГОД ПОЛЁТА ГАГАРИНА. ИСТОРИЯ С ФОТОГРАФИЕЙ

КОВТУН Арнольд Сергеевич, капитан 1 ранга в отставке

- Весной 1961 года я был назначен начальником двигательного отделения седьмой стартовой батареи.

В своем архиве я обнаружил фотографию весны 1961 года. Мои солдатики попросили меня сфотографировать их. Я привёз на боевое дежурство фотоаппарат и две плёнки. В свободное время командир сержант Пьянков В.М. (на фотографии стоит третий справа) построил отделение, и мы организованно вышли за пределы основного позиционного района в лес. Я сфотографировал всех: и по отдельности, и группами... Не

Второе отделение 7-й стартовой батареи 97-го ракетного полка первого ракетного соединения Вооружённых Сил СССР

ДЛЯ СПРАВКИ

Отделение выполняло работы по подготовке двигательной установки ракеты 8К51М к пуску. Проводило предстартовые проверки систем и агрегатов ДУ. Принимало активное участие в заправке спиртом и жидким кислородом вместе с расчетами заправки компонентов топлива специальной батареей подвоза ракетного топлива. Заправляло ракету сжатым воздухом и перекисью водорода. Настраивало по полетному заданию главный редуктор ДУ. Готовило к боевой работе пожарный водообмывщик 8Т34 и машину газового пожаротушения.

В отделении три офицера: начальник, старший техник, техник по заправке. Все эти должности мне довелось исполнять. Три сержанта: командир отделения №1, командир расчета компрессорной станции 8Г33У, командир расчета заправки перекиси водорода. Три ефрейтора: №2 отделения, старший машины газового пожаротушения, старший машины – пожарного водообмывщика.

В отделении числилась следующая техника: машина ЗИП, компрессорная станция 8Г33, пожарный водообмывщик 8Т34, Машина газового пожаротушения все на ЗИЛ158, бортовая машина ГАЗ-53, цистерна для перекиси водорода на одноосном прицепе.

забыл сделать совместную фотографию, которую и привожу здесь. Все получили свои порции фотографий, и остались очень довольны.

Позиционный район располагался в лесу в двадцати километрах от Гвардейска. Увольнения личного состава были очень редки, а ребятам очень хотелось иметь фотографии, чтобы послать их домой. Такие вылазки с фотоаппаратом я повторял потом каждый год.

Согласен, что это было нарушением приказов и распоряжений начальства, но об этом никто никогда не узнал кроме самих участников. Будучи уже в Москве, учась в академии, я случайно встретил Володю Павлинова – нашего батарейного запевалу (на фотографии первый слева во втором ряду), он рассказал, как солдаты дорожили этим богатством. И с каким удовольствием он всегда рассматривает эти фотографии, вспоминая свою службу.

Стартовая батарея состояла из четырех отделений: первое – стартовое, 16 человек (2 офицера); второе – двигательное, 18 человек (3 офицера); третье – электроогневое, 30 человек (5 офицеров); четвертое – радиотехническое БРК (боковой радиокоррекции), 35 человек (8 офицеров). Командир батареи его заместитель, старшина, старшина-автотехник, сержант-медик и писарь. Итого 105 человек.

Перед подачей ракеты на стартовую позицию техническая батарея проводила в своем хранилище комплексные проверки всех агрегатов и узлов ракеты 60 человек (десять офицеров).

Кроме того головную часть нашей ракеты готовили 25 человек (20 офицеров) из специального подразделения. Ракетное топливо достав-

ляли на старт подразделения подвоза и заправки 20 человек (4 офицера) человек. Полетное задание готовило отделение подготовки данных 8 человек (2 офицера). Итого в подготовке к пуску каждой ракеты участвовало примерно 330 человек из них около 50-ти офицеров. Наша ракета была коллективным оружием. А теперь попробуйте прикинуть, сколько человек готовило к старту ракету, которая вывела в космос первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина (свыше трёх тысяч человек – Авт.).

Всё тогда было секретно. Вот пример. Был у меня в те времена знакомый «гражданский» парень Геннадий Петушков. Однажды, когда мы отмечали день рождения у него дома, приехал его отец секретарь райкома КПСС. Иван Петрович присоединился к нам. Вышли втроем покурить, разговорились. Конечно, Иван Петрович знал, что я служу в ракетной части, которая располагалась в его городе, но более он о нашей части ничего не знал, кроме имени и отчестве нашего командира. Так в разговоре он вдруг меня спросил: «Ну, сколько у тебя ракет?» Я понял, что даже секретарь районного комитета КПСС не имел никакого понятия о наших войсках.

МОСКОВСКИЕ ГОСТИ, ИЛИ СОВЕЩАНИЕ СО СВИСТОМ

Военно-политическое руководство страны уделяло особое внимание первому ракетному соединению Советского Союза. В конце февраля 1960 года наш 97-й полк посетил Председатель Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев. С ним прибыли Д.Ф. Устинов – секретарь ЦК КПСС, министр обороны Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, главнокомандующий РВСН главный маршал артиллерии М.И. Неделин, главные конструкторы В.П. Бармин, М.К. Янгель и другие. Всего около сорока человек. Гости прибыли в основной позиционный район первого дивизиона (пос. Солдатово). Наш полк стоял на боевом дежурстве. Были заслушаны доклады командира бригады полковника Холопова Александра Ивановича и командира полка подполковника Спрыскова Бориса Михайловича, после чего было показано комплексное занятие стартовой батареи по подготовке к пуску ракеты Р-5М. Командовать показным занятием доверили ВРИО командиру 2-го дивизиона капитану Никольскому Геннадию Николаевичу самому опытному командиру стартовой батареи в недавнем прошлом. Моему другу Александру Гутникову довелось быть в этом расчете старшим техником стартового отделения.

При появлении гостей Геннадий Николаевич скомандовал «Заводи все, что заводится!». Запустили дизельные двигатели полевых электро-

станций (ЭСД-20), установщика, компрессора (8ГЗ3) и др. Шум, дым! Ракета из горизонтального положения медленно пошла в вертикаль. Непривычно было видеть «гражданских» лиц на стартовой позиции. Они стояли группой в специально отведенном месте. Через некоторое время гости гурьбой пошли на соседний старт. Там они тоже недолго пробыли. Подъехали машины и автобусы. Все заняли свои места, кавалькада покинула дивизион.

Никто не знал, что дальше делать. Наконец Никольский Г.Н. скомандовал: «Отбой!», технику привели в исходное положение. Солдат отравили в казармы, офицеров собрали в учебном корпусе. Заместитель командира полка по тылу подполковник Ермаков в учебном корпусе накрыл стол для гостей. Прошло часа два, за это время солдаты разнюхали ситуацию и смели со стола все до последней крошки. Командир полка, сопровождавший гостей, звонит Ермакову из расположения РТБ. Спрашивает у тебя там все готово? Ермаков потерял дар речи. Только можно догадываться, какой семиэтажный дифирамб выслушал заместитель командира полка по тылу от Бориса Михайловича. Однако минут через пятнадцать стол снова был накрыт. Но кавалькада проскочила мимо и направилась в Калининград.

В Гвардейске Борис Михайлович у светофора вышел. Но его машины рядом не оказалось. Потом много дней спустя одна из жен офицеров рассказывала, как Борис Михайлович в фуражке и португее бежал по улице Тельмана в расположение штаба полка. Через полчаса в дивизионе остались только лейтенанты, которые с большим удовольствием зачистили вторично накрытый стол для гостей.

Сейчас я прекрасно понимаю, чего стоило зам. по тылу подполковнику Ермакову накрыть столы для таких гостей. В те времена обилие фруктов, дорогих конфет и т.п., безусловно, стало приманкой для солдатиков и не только для них. На очередном совещании офицеров полка подполковник Ермаков чуть ли не матом крыл молодых лейтенантов. Зал гудел, свистел... Ни на одном совещании офицеров полка об этом случае больше никогда не упоминалось.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ «АШДВАО»

К 1 мая командир полка полковник Спрысков Борис Михайлович Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Соседний полк в городе Советск в ноябре 1960 года посетил новый главнокомандующий Ракетными войсками маршал Советского Союза К.С. Москаленко. На совещании офицеров выпускник нашего училища Юрий Запорожский «засветил» главному проблему. Солдат служит три года и законно питается в своей столовой. У нас офицеров ни столовой, ни питания нет, берем с собою бутерброды, а нам служить до пенсии двадцать лет.

Кирилл Семенович дает указание своим сопровождающим, подготовить этот вопрос для Верховного Совета СССР. Через месяц в Ракетных войсках приказом министра обороны ввели продовольственную норму для офицеров дежурных смен. Завтрак, обед и ужин. Из денежного содержания стали вычитать пайковые двадцать рублей.

...Знаменский полк нашей дивизии Л.И Брежнев посетил осенью 1962 года. Выпускник нашей батареи генерал Гуськов Александр Михайлович рассказал мне об этом событии. Гости приехали прямо в момент проведения комплексного занятия. Погода была пасмурной, шел дождь. Гости в офицерских плащ-накидках, подарок заместителя командира дивизии по тылу, стояли на безопасном расстоянии.

Стартовый расчет не был предупрежден о визите гостей. Саша был начальником 2-го отделения стартовой батареи, сокращенно НО-2. Кто-то из гостей подошел к самому оживленному месту на старте. Естественно его присутствие затрудняло действия номеров стартового расчета. Старший лейтенант Гуськов Александр Михайлович предупредил гостя: «Вы нарушаете технику безопасности на стартовой позиции». Тот не отреагировал. Тогда Саша сказал гостю, что стоять здесь опасно для жизни и приказал сержанту препроводить гостя в более безопасное место. На разборе Леонид Ильич Брежнев поблагодарил расчет за слаженные действия, особо отметив правильные действия офицера с повязкой НО-2 АШ два О (Н20). Так он назвал начальника второго отделения. Благо не Ц два АШ пять ОАШ (С2Н5ОН).

Л.И. Брежнев спросил: «Н20 присутствует на разборе?» Саша встал и представился. «Какая у вас мечта, старший лейтенант?» «Учиться в артиллерийской академии им. Ф.Э.Дзержинского в столице нашей Родины» – ответил Саша. Так случай помог исполниться мечте моего друга. Старшему лейтенанту Гуськову А.М. пришла разрядка для поступления в Харьковское высшее инженерное училище в 1963 году.

(Глава из повести «Ракеты к пуску готовы»)

В ДВАЖДЫ ГВАРДЕЙСКОЙ

СИЛЬЧЕНКОВ Виктор Максимович, полковник в отставке

– Прежде всего хочется рассказать о людях, с которыми меня свела военная служба, вспомнить тех, кто составлял основу частей и подразделений, с кем вместе делил радости и горести нелегкой офицерской службы.

Эта тема мне наиболее близка потому, что, в конечном счете, успех в любом деле определяют люди, их деловые и личностные качества. А моя должность начальника кадрового органа обязывала хорошо знать людей и после службы в дивизии кадровая стезя стала основной в моей жизни.

В 1964 году после окончания Рижского ВВИКУ я прибыл для прохождения службы в дивизию. Представление о том, в каком славном соединении мне предстоит служить, у меня уже было. В 1962 году будучи слушателем училища я проходил стажировку в 6-ой батарее 25 ракетного полка (г. Советск). Комбата – майора В.А. Постнова и всех офицеров этой замечательной батареи я до сего времени хорошо помню, а с бывшим старшим оператором машины подготовки Борисом Константиновичем Шербаковым встречаемся до сих пор. Поэтому настрой и желание на службу в «дважды гвардейской» дивизии (штаб дивизии располагался в г. Гвардейске) был самым позитивным.

В штабе дивизии я был доброжелательно принят начальником отделения кадров подполковником Пшеничниковым Андреем Федоровичем. Вот так получилось по службе, что он был первым должностным лицом, с которым я встретился в дивизии, который оказал серьезное влияние на мою службу и которого я заменил на посту руководителя кадрового органа впоследствии.

Представившись главному инженеру дивизии В.Д. Иванову, у которого уже находился преподаватель академии ГШ ВС полковник Н.И.

Гутченко я после короткой беседы отправился вместе с ними в Знаменский полк, где мне предстояло служить в стартовой батарее. Как сейчас помню, что на подъезде к п. Знаменск полковник В.Д. Иванов, глядя на меня, с улыбкой произнес: «Подъезжаешь – город Знаменск, перед вами два пути. Первый путь – полковник Артемов, второй путь – майор Кутя». (Г.А. Артемов был первым командиром 330 рп, а Кутя – его замполитом). В.Д. Иванов поинтересовался у меня, а какой у меня оклад по должности? Я, как и большинство офицеров в то время об этом и не думал. Над моим ответом офицеры, конечно, посмеялись.

Доложив о прибытии командиру полка полковнику Алексею Алексеевичу Оспину, я был кратко введен в курс дел полка, решаемых задачах и назначен в 5-ю стартовую батарею. На следующее утро я доложил о прибытии командиру дивизиона подполковнику В.А. Матвееву, затем представлен личному составу и встал в строй своей батарее. Началась моя служба в 24 ракетной дивизии.

Не могу не сказать, что на тот момент 5-я стартовая батарея считалась одной из лучших в полку, имела успешный опыт проведения учебно-боевого пуска ракеты на полигоне Капустин Яр в 1963 году. Это было слаженное боевое подразделение со своими традициями и особенностями. Все офицеры имели среднюю военную подготовку, были исключительно добросовестными и порядочными людьми, хорошо знали и выполняли свое дело.

Командир батареи – майор В.Е. Горницкий.

Начальники отделений: капитаны Г.Л. Галанин, В.Н. Черненко, Ю.Н. Калинин и Б.А. Бровков.

Старшие техники: С.Т. Вороненко, А.С. Волошин, В.П. Грачев.

В 1965 году после выпуска из Вольского училища прибыл В.Е. Чесноков, зарекомендовавший себя очень энергичным, расторопным и толковым оператором.

Очень дружные, жизнерадостные и веселые, постоянно беззлобно подшучивали друг над другом, а капитана В.Н. Черненко в полку знали как человека, умеющего спародировать и «изобразить» любого офицера. Командир полка полковник А.А. Оспин часто просил: «Черненко! Ну, ты покажи, как меня изображаешь?». Служить в такой дружеской атмосфере и с такими офицерами было интересно.

Особо хотел бы отметить, что в батарее важную роль играли сержанты – требовательные, исполнительные, технически подготовленные специалисты, пользовавшиеся высоким авторитетом в подразделениях. Они являлись ближайшими помощниками офицеров в воспитании лич-

ного состава, незаменимыми номерами боевых расчетов. Сержанты 5-ой батареи заслужили того, чтобы сегодня их вспомнить пофамильно. Это сержанты Хряпа, Артемов, Яловенко, Грибов, Куракевич и другие.

До сих пор помню удивительно ревностное отношение к делу второго номера двигательного отделения ефрейтора Александра Саенко. Руководящий состав дивизиона составляли опытные офицеры, имеющие большой опыт командования подразделениями и пользовались высоким авторитетом и уважением.

Командир дивизиона подполковник Вячеслав Алексеевич Матвеев, бывший моряк, эмоциональный и энергичный человек, использовавший в своем лексиконе морскую тематику: камбуз, банка, траверз, галюн, шкентель и другие, «соленые» выражения.

Особым авторитетом в дивизионе пользовался главный инженер старший лейтенант Леонид Васильевич Овчинников. Скромный труженик, имея отличную инженерную подготовку, он умело руководил инженерной службой. Особой заботой его было обеспечение сохранности боезапаса, поддержание температурно-влажностного режима хранения ракет в сооружении № 2. Это являлось и моей ответственностью, как заместителя командира батареи. В каждой батарее были назначены ответственные за контроль параметров в «двойке». В нашей батарее с высокой мерой ответственности эти обязанности исполнял рядовой Богомаз. Вот такие труженики и составляли основу подразделений и частей, да и всех Ракетных войск стратегического назначения в то время.

Дела мои складывались довольно успешно. Было понимание с командованием и поддержка со стороны подчиненных, что потихоньку приносило свои плоды. Освоив свои служебные обязанности, я включился в повседневную службу со всеми ее проявлениями. Появились друзья, очень теплые отношения сложились с соседями по дому – такими же как я офицерами и их семьями. Удавалось весело и интересно отдыхать, радоваться жизни так, как беззаботно это удавалось в молодые годы.

Осенью 1964 года пришел черёд первых серьезных испытаний с начала моей службы в РВСН. Дивизия подлежала проверке комиссии министерства обороны. Насколько это было неординарным событием, свидетельствует тот факт, что для мобилизации личного состава на успешную сдачу проверки перед её началом в дивизию прибыл генерал-полковник В.Ф. Толубко (в то время первый заместитель главкома). Прибыв в наш военный городок, В.Ф. Толубко начал свое выступление перед личным составом 330 полка и ртб в клубе словами: «В министерстве обороны сложилось неправильное представление о Ракетных войсках. Они счи-

тают, что в лесах орудуют бандиты, мародёры и насильники. Мы должны опровергнуть это мнение и доказать, что Ракетные войска живут по уставам, поддерживают постоянную боевую готовность...». Выступал В.Ф. Толубко с присущей ему эмоциональностью и экспрессией, что произвело должное впечатление на участников встречи.

Комиссию возглавлял генерал-полковник танковых войск Г.Н. Орёл, который имел о Ракетных войсках крайне смутное представление. Его крайне поверхностные знания новых видов вооружения проявились особенно выпукло в момент проверки мест хранения боеприпаса, когда перемещаясь между грунтовыми тележками 8Т115, на которых были размещены ракеты в гермоукупорках, генерал недовольно спросил: «Ну, где же ваши ракеты?». Понятно, что о грамотном и всесторонне квалифицированном замере всех слагаемых боевой готовности не могло быть и речи. Поэтому преобладали, в основном, «вкусовые» оценки. Для нашей батареи, да и для всего полка эта проверка закончилась вполне благополучно, а вот в Гусевском полку по итогам работы комиссии со своих должностей были отстранены командир и замполит.

Проверки имеют обыкновение когда-нибудь заканчиваться и, сделав соответствующие выводы, мы продолжали свою службу. Мои батареинные дела занимали все служебное время без остатка, приходилось решать множество вопросов, связанных с техникой, обучением личного состава, несением боевого дежурства, поддержанием в исправности закреплённых зданий и сооружений.

Вспоминается проведение комплексного занятия по теме «Пуск ракеты из повышенной боевой готовности первой степени ночью». Надо сказать, что в тех условиях это было нелегкое многоэтапное дело, требовавшее полного напряжения сил. В отсутствие комбата проведением занятия руководил я в ночь с 30 на 31 июля. Всю ночь беспрестанно лил дождь, и когда дело дошло до снятия штормового крепления, замки не срабатывали, фалы размокли, и с них стекало море воды. Все прошло успешно и утром, проведя заключительные операции, вся промокшая и уставшая батарея прибыла в казарму. Я зашел в канцелярию, а когда вышел то увидел батарею в строю и начальник 4-го отделения капитан Б.А. Бровков от имени всего состава поздравил меня с днём рождения и вручил настольные часы, которые я храню до сих пор. Такие моменты запоминаются на всю жизнь.

Так, в трудах и заботах прошло немало времени, и в конце 1965 года мне была предложена, в порядке продвижения по службе, должность помощника главного инженера полка. Нелегко было расставаться с людь-

ми, к которым прикипел всей душой, но наше дело военное и надлежало быть всегда готовым к перемене характера службы. Быстро состоялся приказ, и я приступил к исполнению новых для меня обязанностей под руководством главного инженера подполковника Евгения Давыдовича Марголина, грамотнейшего инженера, великолепного организатора, уважаемого всем личным составом полка. Служба вооружения полка считалась лучшей в дивизии, что было большой заслугой старшего инженера майора Андрея Петровича Калашника и капитана Владимира Геннадьевича Иконникова. К сожалению, в дальнейшем, талантливый инженер капитан В.Г. Иконников, не имея достаточных волевых качеств, не смог справиться с пагубной привычкой злоупотребления алкоголем.

Очутившись в полковом звене, я понемногу изучил руководящий состав полка, офицеров других подразделений, их способности и деловые качества, что помогало в работе при непосредственном контакте с должностными лицами.

Командир полка полковник Алексей Алексеевич Оспин, простой открытый человек, уважаемый офицер-фронтовик, который уверенно держал в своих руках все нити управления полком.

Заместитель командира – подполковник Дмитрий Семенович Зыков, требовательный, добросовестный и абсолютно честный офицер, беспощадно вел борьбу с нарушителями воинской дисциплины. Справедливо определял меру ответственности каждого нарушителя, при наложении взысканий никогда не опускался до унижения личного достоинства подчиненных. За это его уважали даже злостные нарушители.

Начальник штаба – подполковник Иван Петрович Донской, опытный офицер и вдумчивый начальник. Под его руководством штаб был слаженным и эффективным механизмом. Хорошим помощником И.П. Донского был ЗНШ подполковник Петров, исключительно пунктуальный и щепетильный штабист.

Служба в полковом звене была интересной, расширяла кругозор и знания. Быстро пролетели два года службы в полковом аппарате, и мне была предложена должность инженера-инспектора по котлонадзору и технике безопасности в службе вооружения дивизии. С этого момента я перешел в категорию городского жителя, получив в г. Гвардейске квартиру на улице Садовой.

Мой непосредственный начальник – главный инженер дивизии Николай Иванович Медведев обладал высокой требовательностью к подчиненным и чрезвычайно взрывным характером. Он мог взорваться, пошуметь по самому незначительному поводу. Его любимыми словами

были: «Так, или не так, товарищ дорогой, ядрена мать...». Н.И. Медведев уверенно руководил службой вооружения, добавляя особенный колорит коллективу отличительными чертами своего характера. В службе трудились наиболее грамотные инженеры дивизии, такие как В.И. Грищенко, В.С. Киселев, И.Н. Липкин и другие.

В процессе службы мне пришлось находиться в постоянном контакте с главными инженерами полков Ю.А. Исаичевым, Л.А. Масловым, И.М. Гребёнкиным, В.Д. Котовым, которые составляли «золотой фонд» вооруженцев. Возглавляемые ими службы исправно решали задачи по предназначению. Особенно четко работала служба вооружения Гусевского полка, возглавляемая Иваном Мироновичем Гребёнкиным.

Все шло своим чередом, но спустя совсем небольшое время моей службы в штабе соединения встал вопрос о моем возвращении в полк. Поставил его мой бывший командир полка А.А. Оспин, который хорошо зная меня, хотел вернуть меня в полк на должность командира 6-ой батареи (прежний комбат – майор П.П. Новаев был снят с должности за неудовлетворительное руководство при проведении учебно-боевого пуска на полигоне). Вполне естественно, что после нескольких лет перерыва меня совсем не радовала перспектива возвращения в батарею. В служебной моей деятельности это был бы шаг назад. Планируемое назначение не состоялось потому, что в это же время освобождалась должность старшего помощника начальника оперативного отделения по боевой готовности, и офицеры-операторы, зная меня по совместной службе, предложили мою кандидатуру для рассмотрения к назначению. Вскоре приказом по армии я был назначен на эту должность и приступил к освоению новых обязанностей.

Служба в оперативном отделении значительно отличалась от той, что у меня была раньше. Я окунулся в решение задач, которые надлежало решить срочно или как говорили «со сроком исполнения вчера». Систематически решение поставленных задач перетекало на вечернее и ночное время для того, чтобы успеть к утру быть готовым доложить об их выполнении. В таком режиме зачастую работали машинистки и чертёжное бюро. Служба была очень напряженной, но она позволила мне в полном объеме освоить все нюансы и тонкости штабной работы.

Начальник отделения полковник В.М. Ворожцов имел высокую общевоинскую подготовку, обладал качествами и задатками руководителя высокого уровня.

Его заместитель – подполковник Г.И. Суровцев, имея высочайшую специальную и техническую подготовку, дополнял своего начальника в этом направлении.

Офицеры отделения И.Ф. Морозов, Н.В. Бондаренко, Г.А. Горбачев, Э.П. Кривошеев были ведущими специалистами дивизии по своей специальности, проявляя в работе высокую компетентность. Приходилось много и интенсивно трудиться над разработкой боевых документов, планов, справок-докладов и других многих и многих документов по линии ответственности. В отделении заметно выделялся своим уровнем подготовки И.Ф. Морозов, которому поручали составление докладов и выступлений для руководства дивизии.

Комдив – генерал-майор Б.А. Акимов иногда лично ставил задачи офицерам оперативного отделения на подготовку тезисов выступлений. За качественную подготовку документа командир дивизии не забывал публично поблагодарить исполнителя, что, конечно, не забывалось.

Имея высокую штабную подготовку, Б.А. Акимов был примером для штаба в работе с документами. Его резолюции были лаконичными и конкретными, отточенными по формулировке и не вызывали ни тени сомнения в их исполнении. Он никогда не впадал в уныние и панику, даже в сложных условиях обстановки, всегда поддерживал среди офицеров позитивное настроение и оптимизм.

Сам генерал был страстным охотником и рыболовом, и это дело в дивизии было организовано на самом высоком уровне. Об этом свидетельствует хотя бы то, что офицер, заступивший на боевое дежурство на командном пункте дивизии, должен был быть готовым утром доложить командиру о температуре, волнении моря и ветре в районе Полесска (основном месте его рыбалки). Офицерам, дежурящим на КП соединения, предписывалось звонить командиру во внеслужебное время только в связи с чрезвычайными происшествиями, по медицинским вопросам, а также рыбалке и охоте.

При подготовке докладов по итогам проверок подчиненных частей командир требовал конкретных сведений и недостатков, уделяя особое внимание действиям командиров и начальников, умел препарировать порядок их действий, адресно высказывая свои замечания. Он умел импровизировать и четко выражал свою мысль. Иногда, находясь в зале при проведении очередного разбора и «видя участь» некоторых офицеров, у меня не раз возникала мысль: «И зачем я включил в доклад того или иного командира...».

Так сложилось, что с должности старшего помощника начальника оперативного отделения офицеры, как правило, выдвигались на должности полкового звена. Естественно, что и меня постепенно готовили для назначения в качестве начальника штаба полка.

Не могу не сказать о том, что в это время началась оголтелая кампания по резкому омоложению кадров, были установлены возрастные и образовательные цензы для кандидатов к назначению на вышестоящие должности. Приложили руки к этой вакханалии с кадрами тогдашний министр обороны маршал А.А. Гречко и начальник ГУКа генерал армии И.Н. Шкадов. По их вине тысячи высоко подготовленных офицеров, в том числе фронтовиков, лишились служебной перспективы, а и их знания и опыт оказались потерянными для армии. Эти «меры» буквально погубили многих толковых офицеров, которые в одночасье стали бесперспективными. Показательно, что никто из руководящего состава РВСН не выступил против этих вредных тенденций.

Впоследствии, проходя службу в управлении кадров РВСН, я не раз убеждался в том, что многие руководители высокого ранга за время службы со временем стали прежде всего заботиться о личном благополучии, а не о деле. К слову, один из уважаемых работников УК РВСН полковник Л.Н. Колесников на одном из совещаний очень чётко оценил то, что произошло тогда с офицерскими кадрами словами: «Один человек с большим воображением придумал глупость, а все остальные начальники как попугаи ему поддакивают...». К этим словам мне нечего добавить, кроме того, что открылись шлюзы для дальнейшего продвижения офицерам, главным достоинством которых была только молодость.

При очередном годовом подведении итогов, которое проходило в г. Кармелава (я сопровождал командира с комплектом боевых документов) генерал-майор В.М. Егоров предложил мне должность начальника отделения кадров. Для меня это было большой неожиданностью, так как об этой ипостаси никогда не думал. Мои сомнения развеял заместитель начальника отдела боевой подготовки армии Алексей Павлович Буров, глубоко уважаемый мною человек, с которым мы неоднократно работали в частях армии. Его мнение для меня значило очень много, и с его напутствия я скоро возглавил кадры дивизии. К тому же я неплохо знал офицерский состав и кадры прапорщиков соединения.

Началась новая для меня работа, стали налаживаться контакты с командирами основных частей и подразделений дивизии, планово проходили кадровые назначения и перемещения. В дивизии были довольно

сильные командиры полков и начальники ртб, с которыми у меня установились рабочие контакты.

С удовольствием хочу вспомнить Р.С. Караваева, Ю.И. Ананьева, А.А. Свирина, Б.И. Журавлева, В.Д. Кукушкина, В.М.Шоботова, И.А. Яшанова, Ю.Е. Ступенькова и других.

Исключением был командир Знаменского полка Е.А. Чумаков (он сменил в должности А.А. Оспина). Подтверждение сведений о неадекватном поведении командира 330 рп поступили к нам с Дальнего Востока от его прежнего командира. Обладая скрытным характером, подозрительностью и некоторой таинственностью в манерах поведения Е.А.Чумаков практиковал в отношении подчиненных авторитарный стиль руководства с использованием репрессивных мер. Генерал-майор В.М. Егоров, не без моей подсказки, решительно пресекал попытки командира полка обложить офицеров незаслуженными взысканиями. Пришлось потратить немало усилий, чтобы «сдемпфировать» последствия действий такого командира.

В своей работе я часто взаимодействовал с заместителем командира дивизии полковником Геннадием Яковлевичем Карагодиным, бывшим военным лётчиком, Спокойный, выдержанный, уравновешенный, с чувством юмора, он пользовался заслуженным авторитетом в дивизии, и с ним было легко и приятно работать. Жаль, что Г.Я. Карагодин рано ушел из жизни.

Вместо Г.Я. Карагодина на должность прибыл подполковник В.В. Субботин, пользовавшийся особым благоволением со стороны главкома РВСН В.Ф. Толубко. Благодаря такой протекции В.В. Субботин получил досрочно очередное воинское звание, в дальнейшем был назначен командиром нашей дивизии, получил высокую государственную награду – орден Ленина. Не хочется сегодня полностью характеризовать этого военного деятеля, но я думаю, что не зря комдив В.М. Егоров в свое время говорил о том, что у Субботина единственное положительное качество – это исключительное здоровье. Тут уж не прибавить, не убавить к сказанному.

Помнится, как на совещании командир дивизии ставил задачу В.В. Субботину на проверку боевого расчета силами инструкторской группы и самоуверенный ответ последнего о том, что для проверки и оценки действий личного состава батареи ему никто не нужен. Вот и весь уровень ответственности этого, с позволения сказать, «полководца новой формации».

Начальник штаба дивизии полковник Михаил Иванович Романюк, был энергичным, подтянутым, с образцовой строевой выправкой, офицером, которого несколько тяготила штабная служба. Его коньком были проведение строевых смотров, парадов, прохождений и построений. Он умел проводить эти мероприятия с блеском.

Мне вспоминается, как мы вместе с начальником ВШМС дивизии подполковником М.Н. Яковлевым решили отметить юбилей ветерана дивизии майора В.М. Дорофеева. Как положено, купили подарок, подготовили приказ и грамоту, и осталось только определиться, кто из командования дивизии проведет это мероприятие. Доложив о подготовке мероприятия командиру, я получил указание обратиться к М.И. Романюку. Михаил Иванович, еще не дослушав сути вопроса, уже набирал номер телефона начальника оркестра, а потом отдал всем исчерпывающие указания. В ВШМС на плацу нас уже ждал личный состав в парадной форме с развернутым знаменем. Все было организовано на высшем уровне, но в то же время очень тепло, по-человечески. Офицерам очень понравился ритуал поздравления, а сам В.М. Дорофеев был безмерно счастлив. Такое не забывается.

В 1975 году мне была предложена должность в управлении кадров РВСН, и вскоре состоялся приказ о моем назначении. Расставание было нелёгким, так как я считал очень важным, кто займет должность, от которой зависят судьбы многих офицеров и прапорщиков, которых я знал лично.

В коротком очерке трудно сказать о многих хороших людях дивизии. За рамками очерка остались многие знаменательные события не только в жизни нашего соединения, но и в жизни моей семьи, незримо связанные с Гвардейском. Гвардейск остался в жизни местом рождения моего младшего сына – Виталия, а его уютные улочки и брусчатая мостовая часто с теплотой возникают в памяти.

Я рад, что ветераны дивизии не растворились в повседневных делах, не забыли славную историю нашего героического соединения, которого, к сожалению, уже нет в боевом строю Ракетных войск.

КАК ЭТО БЫЛО

ИВАНЧЕНКО Юрий Васильевич, полковник в отставке

– Гвардейск, бывший Тапиау, по тому времени, был небольшим городком, мало пострадавшим от войны, т.к. его, освобождая от немцев, взяли без боя, и старожилы-фронтовики рассказывали, что, войдя в город, они в квартирах находили на столах горячий, приготовленный к завтраку кофе. Таким стремительным, мощным, а главное неожиданным оказался бросок наших атакующих сил, что немцы с большим трудом успели убежать, побросав всё.

Городок утопал в зелени. Улицы, аккуратным образом вымощенные брусчаткой, поддерживались в идеальном порядке. Кроме того, сплошные потоки дождевой воды смывали всю грязь и пыль. Дожди же здесь являлись явлением частым. Мне и моей супруге Гвардейск нравился, но находиться в нём лично мне приходилось мало, что объяснялось служебными обязанностями (боевое дежурство, командировки, наряды).

Достопримечательностями городка были богатейший книжный магазин, «морской» кооперативный магазин, в котором продавались всякие заграничные товары и продукты. Ещё имелась колония строго режима. Всё это, составляло, так скажем, внешний фон, но служба – есть служба. Отпуск мой закончился. Мне предстояло на довольно длительное время убыть на «точку», т.е. туда, где находились наши боевые, стартовые и технические, позиции. Там мы изучали ракетную технику и несли боевое дежурство.

Вернувшись в Гвардейск, я услышал от своей любимой жены:

– Юра, я так не могу жить. Я, наверное, уеду домой.

– Что ж, уезжай, – ответил я, – только решай окончательно и сразу, дабы людей не смешить.

На следующее утро я вновь отправился на «точку». Описать всё, что я в то время чувствовал, невозможно, поэтому делать этого и не стану.

В городок на этот раз уже не спешил, но ночевать-то где-то надо, и я пришёл на свой чердак, где мы с женой сняли комнатку. Каковы же были мои радость и счастье, когда на нашем чердаке я увидел и обнял свою жёнушку. Она никуда не уехала, и разговор на эту тему больше никогда не возникал между нами.

Вернёмся, однако, в Калининградскую область 1959 года. Служба и наши «посиделки на точках» продолжались. Их неэффективность стала очевидна к концу лета. Ютились мы в палатках без какого-либо намёка на уют. Ракетная техника находилась под открытым небом. Стало ясно, что наскоком настоящего боевого дежурства нам не организовать. Необходимо строительство капитальных комплексов и для личного состава, и для техники.

Для начала отделения боковой радио коррекции (БРК) были отведены с точек в расположение полевой дислокации дивизионов. Задумка состояла в том, что в случае объявления тревоги дивизион БРК совершит марш и успеет занять боевую позицию. Правда, даже нам, молодым лейтенантам, было ясно, что совершение 60-тикилометрового марша колонной специальной техники, составляло определённую сложность, учитывая трудно проходимые лесные дороги, особенно в дождливую погоду, которая имела место почти каждый день. Однако правила игры задавались не нами и даже не нашими непосредственными командирами.

Пятая батарея второго стартового дивизиона, где я служил, имела на редкость уравновешенный коллектив офицеров. Тон задавал комбат капитан Виктор Гранкин. Это был сероглазый, внешне спокойный, улыбочивый человек, но с железной хваткой, особенно, когда дело касалось боеготовности, судеб подчинённых ему людей, службы и быта всего его личного состава. Имел он к тому времени уже основательную житейскую мудрость и обычно всегда находил правильные решения вопросов в очень сложных ситуациях. Его опыт стартовика, прошедшего службу на ракетном полигоне Капустин Яр, был просто бесценным учебным пособием для всех наших офицеров и солдат.

Начальником стартового отделения нашей батареи являлся лейтенант, молодой по званию, но уже опытный специалист-ракетчик, Василий Олесь. Это тот самый Олесь, который затем стал начальником штаба ракетной дивизии в посёлке Ясное (Оренбургская область). Худощавый, поджарый, сероглазый Василий был исключительно остроумным чело-

веком, но и командовать умел умело и грамотно, не сюсюкал с подчинёнными, но об их быте заботился на все, как говорится, сто процентов. Его жёсткой и принципиальной оценки каких-то фактов служебной деятельности побаивались даже наши начальники.

Начальником двигательного отделения был Вениамин Абрамов. В нём просматривалась природная мягкость интеллигентного человека. Правда, он её пытался скрывать, считая покладистость неуместной в довольно-таки суровых, армейских (с ракетным уклоном) условиях жизни. Специалистом он был отменным, имел высшее образование, но вот служба у него как-то не складывалась.

Должность начальника электроогневого отделения занимал старший лейтенант Вячеслав Калинин. Высокий, стройный парень, дамский сердцеед, анекдотчик, душа любого застолья и мастер преферанса, но специальность свою знал прекрасно и службу правил очень хорошо.

Несколько слов о преферансе, об этой не игре, как мы тогда говорили, а науке. По большому счёту РВСН должны поставить памятник тому, кто придумал сие увлекательнейшее времяпрепровождение, если в нём, конечно, отсутствовал элемент обмана и наживы. Преферанс спасал от смертной тоски и глубоких депрессий многие поколения ракетчиков, особенно на самой ранней стадии становления РВСН.

Помню, как урезонивал командир дивизиона подполковник, фронтовик Чуняев замполита капитана Зайцева. В офицерском общежитии, созданного путём разделения сборно-щитовой (как её мы окрестили – сборно-щелевой) казармы на клетушки, слышимость была абсолютной. Замполит стучал в дверь и требовал её открыть. Проходивший мимо общежития подполковник Чуняев одёрнул капитана за руку и сказал:

– Слушай, Зайцев, оставь ты, ради Бога, их в покое.

– Так они, товарищ подполковник, в карты играют и спирт пьют.

– Давай, замполит, – перейдя на шёпот, сказал командир дивизиона, – пойдём ко мне, выпьем немного, посидим...

Середина августа в прибалтийских лесах – это уже настоящая осень, а в 1959 году, вообще, над нами «разверзлись хляби небесные». Непрерывные и холодно-нудные дожди превратили лесные дороги в непроходимые огромные лужи, в наших палатках стояла вода по щиколотку, техника, несмотря на постоянно проводимые парковые дни, потихоньку ржавела. Сидение в лесу постепенно превратилось в самоцель, становясь непонятным всему личному составу. Тонус людей падал. Даже вопросы примитивного быта для солдат и офицеров становились неразрешимыми. О бане не было и речи. Командиры по субботам . загоняли

голых солдат в речку Дейму с кусочком мыла – видимость помывки. Это привело к массовому заболеванию – фурункулёз. Военная дисциплина падала.

Однако, невзирая на «тяготы и лишения военной службы», молодые и отчаянные офицеры находили выход и здесь.

Когда личный состав после отбоя затихал, в наших палатках началось движение. Направление движения лейтенантов имело вектор на Дейму. Это внешне было похоже на всеобщую любовь к ночным купаниям в свинцовых водах прибалтийской реки. Суть же заключалась в том, что, переплыв реку, можно было оказаться в городке, правда, после двухчасового марш-броска. Схема отличалась простотой и находчивостью. На противоположном берегу Деймы (под заветным кустиком) лежали спортивный костюм и кроссовки, а бег по пересечённой местности для офицеров, подготовленных в «кузницах» маршала Жукова, был так же естественным, как обычное дыхание.

Напомню, что по приказу министра обороны Г.К. Жукова существовал обязательный ежедневный, как правило, перед обедом в течение целого часа бег вперемежку с ходьбой для всех военнослужащих (от рядового солдата до командира полка).

Таким образом, ночь распадалась по схеме «туда – там – оттуда» на следующие этапы. Заплыв, марш-бросок, общение с девушкой, женщиной, уж как кому повезёт, затем в обратном направлении марш-бросок, снова заплыв, с таким расчётом, чтобы точно в срок успеть на утренний развод.

Ничего не попишешь: молодость, энергия, желания.

Несколько циклов такого «офицерского многоборья» в течение месяца приводили лейтенанта в состояние душевного равновесия, в сочетании с измотанностью и лёгким головокружением. «Батя», командир дивизиона, конечно, знал об этих супермарафонах, но как офицер-фронтник совершенно отчётливо понимал нужность подобной разрядки, не предпринимая никаких суровых мер, в отличие от штабников, которые сочиняли и присылали нам грозные приказы, указания, директивы, находясь, при этом, заметьте, рядом с любимой женщиной и в тёплых квартирах.

*Дейма – не широкая, не бурная река,
Ежедневный утренний развод,
Но преградой лейтенантам всё ж была.
Он без лейтенантов не пройдёт.*

Смею утверждать, что те самоволки не являлись результатом нашей несознательности, разболтанности или легкомыслия. Они происходили после трезвого анализа боеготовности дивизиона. Если состояние лесных осенних дорог оценивать не по штабной карте, а, исходя из реальной обстановки и возможностей нашей техники, то ГЧ к ракетам могли поступить к нам с баз их хранения в лучшем случае через 12 часов. Обычная же их доставка составляла около 20 часов. За это время из городка можно даже доползти.

Конечно, копился опыт несения боевого дежурства, выявлялись недостатки, проводились уточнения, доработки, но то, что на самых первых порах существования РВСН игнорировался и человек, и его нужды, было очевидным. Впоследствии об этом самом человеческом факторе напишут десятки диссертаций, разработают сотни методик и рекомендаций, но то, что было, то было: «ребёнок», т.е. Ракетные войска стратегического назначения, рождался в полевых условиях, в муках и, к сожалению, повторяя ошибки прошлого.

Первая ошибка – это желание «шило в мешке утаить». Жить и служить ракетчикам приходилось в глухомани, вдали от транспортных и электрических магистралей, без линий связи, а порой и почты. Практически всё приходилось строить в отрыве от мало-мальски нормальной житейской инфраструктуры хотя бы небольшого города или посёлка. Военные городки возводились без соблюдения норм водоснабжения, канализации, снабжения их продуктами питания, промышленными товарами, а также ГСМ. Жизнь в таких городках при совершенно примитивном быте приводила к огромным расходам, отнимала много сил, времени и энергии за счёт, естественно же, снижения уровня боеготовности частей и подразделений.

Вторая ошибка – это стремление прикрыть несовершенство системы боевого управления и плохое состояние дорог подъезда к позиционным районам излишним и просто бессмысленным сидением боевых расчётов на точках, что откровенно смахивало на показуху.

Третья ошибка – это, по моему, главная из всех перечисленных мной заключалась в том, что эти «посиделки» решали лишь политические задачи, от командования почти никак не зависящие. Объяснять же личному составу приходилось, отталкиваясь от концепции самой, что ни на есть реальной боеготовности и ответственности за неё перед страной. Однако люди всё видели и воспринимали конкретную обстановку, и им

подобные объяснения казались некомпетентностью и недальновидностью своего командования. А уж молодые лейтенанты пытались запросто решать свои проблемы, доходя и до обращения непосредственно к министру обороны.

Потом-то и мы начали понимать глубинную подоплеку некоторых решений (например, Карибский кризис 1962 года заставил призадуматься), но откровенную бестолковщину, рождаемую «принципом», чтобы служба мёдом не казалась, я, имеющий 39 лет службы в рядах Вооружённых Сил, да и многие мои сослуживцы, понять не можем.

В конце октября 1959 года, после учений, которые показали, что даже при максимальной самоотверженности и самоотдаче всех боевых расчётов, необустроенность позиционных районов ведёт к задержке выполнения поставленных задач. Тогда дивизионы отвели на «зимние квартиры», а на точках закипело строительство.

В Гвардейске мы заняли половину военного городка бывшего танкового училища Гудериана. Для техники моего отделения, к тому времени меня уже назначили его начальником, выделили отличное хранилище, которое я с рвением и задором принялся приводить в соответствие с уставным порядком. Здесь тоже имели место ряд интересных моментов. Один, для примера, из них.

Новый зампотех с пристрастием меня контролировал, особо придираясь к тому, что пожарный щит с ящиком для песка не очень-то качественно выкрашен в красный цвет. Я и сам это видел, но на вопрос: «Где взять краску?» – следовал ответ: «Достань»!

Однажды, после очередных препирательств, я зашёл в каптёрку, где властвовал старшина Валейчик, и увидел на полке большую банку чешской прекрасной красной эмали. Без разговоров беру банку и, не обращая внимания на возражения старшины, направляюсь к двери. «Это банка зампотеха», – в качестве последнего аргумента выкрикнул Валейчик, но именно этот возглас утвердил меня в мысли, что зампотех капитан Плыкин приготовил её как раз для меня. Короче, через час пожарный щит, ящик для песка, все топоры и багры, лопаты и вёдра блестели красным глянцем. К самому концу паркового дня подошёл зампотех, всё осмотрел и довольным тоном пророкотал:

– Ну, вот нашёл же краску.

Принимая игривый вид, я встал во фронт, громко проорав:

– Так точно! Нашёл в каптёрке у Валейчика!

Зампотех как-то невесело прохрипел:

– Как у Валейчика?

Потупив взгляд, я скромно ответствовал:

– В каптёрке, на полке стояла банка красной эмали, я её и взял...

Зампотех уже совсем сокрушённо почти прошептал:

– Взял, взял. Ну-ка, покажи банку.

Посмотрев на неё, он как-то обречённо махнул рукой и удалился. Позже я узнал, что банка этой краски Вадимом Плыкиным была с трудом добыта для перекраски его собственного мотоцикла. Что поделывать, общественное и служебное, если сие «напрямую» влияло на повышение боеготовности, всегда было выше личного.

Система БРК-2 дорабатывалась в ходе войсковой эксплуатации, а это требовало включения её в настоящий боевой режим. Для технологических и практических целей подобные включения разрешалось проводить в глубине территории страны. Потребовались длинные марши с техникой в Литву, на хутор Редикишке, что под городом Таураге. Получилось так, что первым на марш отправили моё отделение. Никакой опеки, никаких «соплеподтирающих» не было. Я получил задачу, карту, данные для боевой работы, радиосвязи и таблицы переговоров, продовольствие, полевую кухню, а также подвижную радиостанцию с её расчётом, оружие и боеприпасы, сотни других мелочей, подробный инструктаж, и в назначенное время голова, ведомой мной колонны, прошла контрольный пункт. Ответственность запредельная. Очень сложный, многокилометровый марш, точный выход в заданный район, топографическая привязка на местности, боевая работа, жизнь и быт

Тильзитский мост, зима 1959–1960 годов.

подчинённых людей в зимних условиях – всё это на мне и таких же «зелёных» лейтенантах, что лишь осенью этого года прибыли для дальнейшего прохождения службы из авиатехнических, т.е. не профильных, училищ страны.

Марш проходил по историческим местам. Например, Неман и границу Литвы колонна пересекла по мосту в городе Советске (бывший Тильзит). Этот мост был сооружён там, где находился плот, на котором договор о мире между Россией и Францией подписали царь Александр I и император Наполеон I – Тильзитский мир, 25 июня 1807 года.

Конечно, предаваться историческим воспоминаниям нам не приходилось. Более того, не проехали мы и часа по территории Литвы, как у одной из наших машин загрела коробка передач. Колонна остановилась, и водитель неисправной машины Пётр Горелов, осмотрев на лютом морозе с ветром мотор, заключил: «Нужен ремонт». Легко сказать, а как сделать-то? Жуткий холод, время клонится к вечеру, справа и слева от дороги стеной стоит лес. Ситуация! Благо, что есть наблюдательные и находчивые люди. Начальник расчёта лейтенант Рудольф Антошкин доложил, что заметил совсем недалеко ответвление от дороги и, кажется, там светится огонёк какого-то домика. В этом было наше спасение: ремонтировались близ дома лесника, приветливого литовца с рыжей бородой и, на удивление, чистыми голубыми глазами. Он позволил солдатам переночевать в сарае, а офицеров пригласил в дом. С интересом наблюдал хозяин подворья, как я наряжал и инструктировал караул. Подойдя ко мне, он спросил:

– Что, лейтенант, опасаясь?

Пришлось отвечать дипломатично:

– Не очень. Просто действую по Уставу караульной службы.

Лесник, направившись к дому, твёрдо заметил:

– Правильно делаешь.

От лесника по телефону мне удалось дозвониться до дежурного одной из наших частей в Таураге, которому сообщил о задержке в пути, о чём он передал телефонограммой командиру моего полка.

На следующий день мы устранили неисправность и продолжили марш. Задание, хоть и с задержкой, удалось выполнить на «отлично».

После этого с лёгкой руки помощника командира полка по радиотехническим системам майора Милки меня, проложившего путь на хутор Редикишке, стали командировать туда со всеми нашими отделениями, отправлявшимися для работ на излучение. Подобные марши продолжались до конца января 1960 года, а в начале февраля наш дивизион при-

нял участие в учениях с выездом в район боевых позиций. Отделения БРК вышли в район дислокации дивизиона, и пока отрабатывались действия боевых расчётов на технической позиции, находились в составе своих батарей.

Размещение личного состава стартовых батарей на тех учениях было в технических палатках (8Ю12) – огромного брезентового сооружения, где для проведения горизонтальных испытаний размещалась ракета 8К51. Палатка развёртывалась (в длину это составляло, примерно, 24 метра). Вдоль неё по земле прокладывалась труба (диаметр около 25 см), по которой пропускался горячий воздух от специального воздухоподогревателя (8Г27). С обеих сторон от трубы настилалась солома и покрывалась брезентом. Таким вот образом устраивалась спальное помещение. Перед отбоем батарея целиком, вместе с офицерами, заводилась в палатку, и люди устраивались на брезентах, справа и слева от трубы. Сапоги снимались, а портянки развешивались на трубе обогрева. Об ароматах в такой спальне я тактично умолчу, но условия для сна были следующими: если лечь ногами к трубе, то через 2-3 часа волосы на голове примерзают к подушке, а если повернуться головой к трубе, то коченеют ноги, поэтому за ночь приходилось, как по команде, менять свою позицию несколько раз. Мужики делали это с кряхтением и нецензурными словечками, но деваться было некуда. Лечь вдоль трубы не представлялось возможным, т.к. на каждого человека отводилось 45-50 см.

Питались на полевой кухне. Офицеры ели после солдат, что приводило к весьма красноречивым пожеланиям в адрес военторга, тыла и других радетелей за воинский быт.

Однако на этом тяготы и лишения не заканчивались. Когда отделения БРК двинулись, согласно плану учений, на боевые точки, располагавшиеся на расстоянии около 40 км от основной позиции, то кухни за ними не пошли (элементарный просчёт тыловиков). Каюсь, на «точке» я решил одному из офицеров обменять спирт на мёд, чем был скрашен примитивный стол, да и от простуды тот мёд уберёт многих офицеров и солдат.

Служба же моя параллельно развитию и становлению Ракетных войск продолжалась и, как мне представляется, успешно. Начну с малых радостей, но и они в жизни молодого офицера тоже много значат.

По итогам учений моё отделение среди отделений БРК заняло первое место в полку, и меня наградили ценным подарком – будильником.

В конце зимнего периода боевой подготовки 1961 года мне в качестве тоже подарка от имени командования дивизии вручили собрание сочинений А. Серафимовича, которое и поныне хранится в моей домашней библиотеке. Случилось это на втором слёте отличников нашего соединения. Командир дивизии генерал А.И. Холопов проводил тот слёт не казённо, а с некоторыми отступлениями от установленного годами шаблона. После собрания, где были вручены призы, грамоты и ценные подарки, он устроил общий обед для всех участников слёта с шашлыками, ну а выпивку офицеры организовали сами. После обеда мы фотографировались (общий снимок) с командованием дивизии и полков. Во время этого действия у меня произошёл с командиром дивизии генералом А.И. Холоповым небольшой диалог, которому я тогда не придавал никакого значения. Усаживаясь на скамью перед фотографом, генерал вдруг обратил на меня внимание. Поманив меня к себе, он сказал:

– Лейтенант, давай-ка садись рядом. Ты слово держишь, снова твоё отделение отличное.

Тут я, до сих пор не могу понять, почему, осмелел и пробормотал:

– Я-то слово держу, а кое-кто нет.

Командир дивизии, как мне показалось, и ухом не повёл, но уже после фотографирования генерал задержал меня и спросил:

– Кто же слово не держит?

Я выложил ему, что командование полка обещало выделить мне комнату к рождению ребёнка, но «воз и ныне там», а ребёнку скоро будет уже год. Стенания мои Александр Иванович Холопов терпеливо выслушал и сказал:

– Ладно, иди, веселись...

Вот, собственно говоря, и весь диалог.

Вечером в ГДО состоялся вечер-бал нашего полка. Именно здесь, когда большинство офицеров со своими жёнами смотрели фильм, а командование спустилось в буфет «порюмашить» случилось то, что человека, находящегося на военной службе, всегда заставляет вздрогнуть. Между вторым и третьим тостами командир дивизии наклонился к командиру полка Спрыскову Борису Михайловичу и спокойно, полушёпотом, как-то по-домашнему, практически, ему на ухо сказал:

– Товарищ полковник, второму стартовому дивизиону полка – тревога!

Мы выскочили из кинозала кто в парадной форме, кто в гражданских костюмах. Транспорт, предназначавшийся для того, чтобы развести офицеров по домам, помчался во мраке ночи по «точкам».

Я прибыл на позицию, когда расчёты уже заканчивали развёртывание системы, готовя её к боевой работе. Сбрасываю гражданский костюм, ныряю в комбинезон и бегом к машинам. А в голове неотвязная, очень неприятная мысль: «На ведущей главной машине отделения отсутствует первый номер».

Влетаю в эту машину, а у стоек хлопочет её первый номер сержант Борис Мордвинов. Не верю своим глазам, ведь мы только позавчера проводили его в запас, одним из первых, что было сделано в качестве поощрения и в связи с предстоящими экзаменами в Пермский лесной институт. Он ехал в полк вместе со мной: я на слёт, а он за документами на увольнение.

Шепчу, боясь ушей проверяющего, который уже сидит в машине:

– Мордвинов, ты как здесь оказался?

Сержант Мордвинов тоже шёпотом отвечает, продолжая при этом вращать ручки приёмника анализатора спектра:

– Потом, товарищ лейтенант, потом...

Отработало отделение и сдало зачёты по теории на «отлично». Все посредники и проверяющие заполнили ведомости. Вот и поступила команда: «Отбой»!

После свёртывания системы мы во второй раз проводили со службы прекрасного человека сержанта Бориса Мордвинова. Здесь-то он и поведал нам историю своего, собственно-инициативного возвращения в строй боевого расчёта. Когда он получал в штабе документы на увольнение и снимался со всех видов довольствия дивизиона, его земляк, писарь полка, передав письмо, приветы и пожелания домой, вскользь заметил:

– Вовремя сваливаешь. Завтра в ночь ваш дивизион проверять будут.

Мордвинов отправился на автовокзал, но вместо автобуса, идущего на железнодорожный вокзал, сел в рейсовый автобус Калининград-Рига и поехал на «точку». Он хотел в трудную для дивизиона минуту занять место в строю боевого расчёта и вместе со своими сослуживцами отстаивать его честь. По окончании завтрака я на служебном «газончике» отвёз Бориса Мордвинова в райцентр Большаково – это в семи километрах от комплекса БРК, и посадил в поезд, следовавший в Москву.

Примерно, через неделю после этих событий я вместе с женой убыл в свой очередной отпуск, который, как и всякое приятное времяпровождение, закончился быстро. Вернувшись в Гвардейск, мы направились к дому, где снимали комнатку. Подхожу к двери и пытаюсь вставить ключ

в замочную скважину, что у меня никак не получается. Вдруг дверь кто-то открывает изнутри, и появляется лейтенант Платонов. В совершеннейшем изумлении я просипел:

– Ты что здесь делаешь?

Ответ прост, добродушен, но приправленный хитровой улыбкой:

– Живу я тут.

Ошарашенный задаю вопрос, который заставил Платонова хохотать:

– А-а-а... я, где живу?

Закончив смеяться, Платонов всё нам толком объяснил:

– Тебе, Юра, квартиру дали, и мы туда перевезли все ваши вещи. Не теряйте времени, а идите к дежурному по части и возьмите у него ключи от своего нового местожительства.

Так я стал обладателем первой в жизни собственной квартиры. В ней было две комнаты, и находилась она на последнем этаже четырёхэтажного дома. Правда, квартира была сыровата, во время дождей с потолка всё время капала вода, но эти «мелочи» не омрачали нашего счастья. Позднее я узнал, что получением квартиры мы с моей женой были обязаны командиру дивизии генералу А.И. Холопову. Вероятно, что мой диалог с ним на слёте отличников не прошёл даром. Впрочем, в то время квартиры получили ещё несколько наших офицеров.

В своих воспоминаниях я частенько употребляю слово «точка» и даже дал этому понятию некоторое пояснение. Хочу всё-таки немного расширить его. Думается, что для тех, кто не имел в жизни к этому касательства, последующее чтиво будет небезынтересным.

Точка – это целый комплекс специальных сооружений и боевых позиций, который обеспечивал подготовку, организацию и несение боевого дежурства отделений БРК в различных степенях готовности, а в случае ведения боевых действий – применение их по прямому назначению.

Позиция первого пуска совмещалась с жилой и технической зонами и была обнесена забором из колючей проволоки. Техническая зона состояла из обвалованного отапливаемого хранилища для специальной техники, «холодного» хранилища под транспорт общего применения и сооружения для дизельной электростанции и котельной. В жилой зоне размещались сборно-«щелевая» казарма, заглублённый сарайчик, именуемый овощехранилищем, конечно же, был и сортир, сделанный из досок, на три посадочных места.

Боевая позиция – это большое и ровное поле длиной 300 и шириной 100 метров. Вот и всё, что использовалось для жизни, учёбы и ратной службы десятью офицерами и сорока солдатами.

Дежурство со своими стартовыми батареями несли одновременно два отделения БРК. Моё отделение делило эту участь с отделением Масалова, который до поступления в академию параллельно исполнял ещё и должность начальника нашего небольшого гарнизона. Затем эти хлопоты и заботы легли на меня. Более трёх лет службы-жизни на «точке» разделяли со мной офицеры моего отделения: Женя Дорогин, Рудик Антошкин, Саша Поздняков, Виктор Воронков, Толя Глуходедов. Помню я и офицеров «масаловского» отделения: Володю Черкашина, Сашу Венецкого, Витю Гриднева, Диму Силютина и др. Вот на плечи этих молоденьких ребят (было нам тогда по 20-22 года) легла тяжесть, помноженная на ответственность, поддержания в полном боевом порядке первого, несовершенно, первопроходческого, грубого в исполнении и тяжелейшего ракетно-ядерного щита Родины (звучит-то как!). И они, эти, некоторые ещё и не брившиеся лейтенантики, разные по темпераменту, воспитанию, привычкам, отношению к делу были едины в одном и главном: надо держаться, за нами никого нет. В то время, действительно, бригад подобной нашей имелось мало, их число умещались на пальцах одной руки, и были они такими же, как и мы, «сырыми», неумелыми, находившимися на стадии лишь формирования и становления. К их чести следует сказать, что они выстояли, пройдя и неумелое поначалу управление частями высшими командирами, и жуткие условия быта, и переучивание на неизвестные типы ракетного оружия. Они выдержали международную хулу по поводу возведения «великой германской стены», испытания термоядерных зарядов повышенной мощности на разных, только что созданных ракетных полигонах, Карибский кризис...

Жизнь на «точке» складывалась из несения боевого дежурства, караульной службы, учёбы и бесконечного числа бытовых и морально-психологических проблем, которые, как правило, требовали немедленного их разрешения. Если вопросы боевого дежурства и караульной службы выполнялись без какой-то задержки, точно в соответствии с директивами, приказами и уставами, то всё остальное делалось по совместительству, на не очень строгой, почти любительской основе. А вопросы-то, судите сами, были наиважнейшими и, в то же самое время, наитруднейшими в их исполнении. Вот они в порядке простого перечисления: организация питания офицеров и солдат, доставка писем и газет, банно-прачечное обеспечение, воспитательная работа, главным образом, среди солдат, организация досуга и ещё масса дел и забот.

Особую тревогу у нас вызывали полчища крыс. Запасы продуктов, а также кабели и техническое оборудование необходимо было тща-

тельнейшим образом защищать от грызунов. Отравленные приманки, хитроумные ловушки и другие приёмы заставили крыс отступить из технических сооружений, но комнату, отведённую под продуктовый склад, эти наглые твари в покое не оставляли. В этой комнате особо-то ядами не расшвыряешься, а капканы и ловушки давали слабенький эффект. Ефрейтор Пётр Кулак, являвшийся по совместительству завхозом, хранил все продукты в металлических ящиках, но грызуны не покидали комнату. Ефрейтор проконсультировался у местных жителей, и один «шутник» посоветовал ему поймать крысу, облить бензином и отпустить: крыса убежит и уведёт за собой всех остальных. Пётр Кулак так и поступил. Пылающая крыса бросилась наутёк и юркнула под дощатый сортир. Деревянное надворное удобство сгорело всего за несколько минут. В суматохе пожара было не до раздумий, но когда в спокойной обстановке я проиграл в мыслях возможные ситуации, то покрылся холодным потом, ведь мог бы этот живой факел заскочить под казарму...

Делать нечего. Беру малую канистру спирта и на грузовой машине еду на пилораму в лесничество. Там мужики вошли в моё положение и соорудили нам дощаник на пять посадочных мест, который и установили на прежнее место. Ефрейтор Кулак долго переживал свой промах, но всё-таки соорудил ловушку из железной бочки, в которую наливалась вода и устанавливалась опрокидывающая платформа с приманкой. Действовало то устройство очень эффективно: каждое утро в бочке обнаруживали несколько утопленниц.

Серьёзнейшую проблему на «точке» представляли вопросы поддержания сознательной воинской дисциплины, ритма постоянной разумной занятости людей, создания атмосферы общей ответственности за порученное дело. Не работая постоянно над этими вопросами, мы не смогли бы выполнить без чрезвычайных происшествий приказ министра обороны СССР о задержке на неопределённый срок увольнения из армии солдат срочной службы в период Карибского кризиса. Задержка длилась более полугода. Но Бог нас миловал.

Я умышленно заострил вопрос о сознательной воинской дисциплине, т.к. дисциплина любой ценой уже обернулась армии и обществу раковой опухолью «дедовщины».

На «точке» же сознательная воинская дисциплина держится, в основном, на примере командира. Если он просто отбывает номер, чего не скроешь, то рассчитывать на высокую дисциплину подчинённых, мягко говоря, наивно. Если же солдаты увидят и поймут, что командир служит

на совесть, то в этом (лишь в этом!) случае он имеет моральное право требовать такого же отношения к службе и от своих подчинённых, добиваясь положительных результатов. Иначе, не видать удачи.

Естественно, нельзя было перегибать, как говорится, палку. Здесь на первый план выходит принцип внимательного отношения к солдатам. В их среде были, есть и будут абсолютно разные люди: грамотные и не очень-то, инициативные и вялые, работающие и лодыри, сильные духом и слабые... На первых порах слабых мы поддерживали, учили, больше уделяли им внимания, но не жалели только потому, что трудно. Трудно было всем, и если солдат видел, что с ним рядом «в ляжке» и офицер, то жалость была и не нужна. «Сачки» от роду здесь не в счёт. Таким будет плохо при любом командире и законодательстве. Ими будут заниматься другие люди и органы. Об этом нужно вести отдельный разговор, но финал, как правило, плачевный.

Как видите, «точка» – это далеко не рай, но всё же мы как-то любовно говаривали: «Точка» – не дочка. Не скули, не пожалеет».

«ГВАРДЕЙСКИЕ ГВАРДЕЙЦЫ»

ИСАЕВ Виктор Александрович, полковник в отставке

– Многим может показаться, что автор просто соригинальничал, обыграв подобное сочетание слов. Какие, мол, гвардейцы, ведь ни он, ни те, о ком пишу, не принимали участия в боевых действиях Красной Армии периода Великой Отечественной войны. В воспоминаниях речь идёт уже о службе в Советской Армии, которая получила это название только в феврале 1946 года. И, тем не менее, никакой игры в заголовке нет. Дело в том, что соединение – бригада, о службе в которой пойдёт речь, (с 1960 года она стала дивизией) была сформирована летом 1946 года на основе гвардейского Гомельского ордена Ленина, Краснознамённого, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого полка.

Заглянем в Положение о Советской гвардии, от 18 сентября 1941 года, где говорится: «Части, корабли, соединения и объединения Вооружённых Сил СССР за массовый героизм, мужество, высокое воинское мастерство, которые они проявят на фронтах войны за Родину, а также вновь сформированные и укомплектованные новой техникой или личным составом, впредь именовать гвардейскими».

Другими словами, все кто служил и продолжают служить в подобных частях, автоматически являются гвардейцами, с правом ношения нагрудного знака «Гвардия». А так как местом дислокации бригады был определён (с июля 1958 года) город Гвардейск Калининградской области, то отсюда и проистекает совершенно естественно это название.

Из нашего Тамбовского радиотехнического авиационного училища в Гвардейск вместе со мной прибыло, примерно, 15 человек. Среди них И. Адерихин, В. Довжик, Г. Кошкарёв, А. Коваленко, Е. Разинков (в 1993-95 он, будучи генерал-майором, стал порученцем при министре обороны России), В. Желудков и др. Из Камышинского артиллерийского училища – М. Дмитриенко, Ю. Иванченко, В. Будников, А. Гутников,

При въезде в Гвардейск. Гвардейск (Тапица). Одна из улиц города.

А. Черников.... Несколько лейтенантов прибыли из Одесского пехотного училища (В. Левин, Федерчик....). Ранее нас уже прибыли и обосновались в полку В. Шишкин со своими коллегами из Харьковского училища имени Маршала Советского Союза Н.И. Крылова. На пару недель позже нас появилась представительная компания авиаторов из Вольского училища. Из них хорошо помню и знаю Л. Краснова, В. Лободу, А. Шерстобитова. Было ещё несколько десятков офицеров, приехавших из других городов нашей страны.

Всё здесь, в Гвардейске, было интересно: две достаточно полноводные реки – Дейма и Прегель, хорошие мосты через них, при этом, один из них был разводным, в городе дома кирпичные, все крытые черепицей, брусчатые улицы. Имелся в сквере памятник воинам Великой Отечественной войны, на площади стоял костёл, небольшой, но уютный Дом офицеров – пристанище наше на все свободные выходные и праздничные вечера. Очень неплохие две столовые. Кроме того, функционировала ещё одна столовая в гостинице, в которой нас временно поселили по прибытии в Гвардейск.

Хотя по виду города последствия боёв большой войны 1941-1945 годов просматривались, но в сравнении даже с соседними городами: Черняховск, Знаменск, Правдинск, да и самим Калининградом Гвардейск выглядел наиболее уцелевшим.

Штаб полка с хозяйственными подразделениями и казармы отделения БРК-2 (боковая радиокоррекция) находились в военном городке в Гвардейске. Впоследствии в этом городке разместился и штаб дивизии.

В предвоенное время городок предназначался для немецкой воинской части. Все имевшиеся в нём строения отличались фундаментальностью – типичные немецкие казармы с отдельными кубриками для солдат и сержантов, хороший спортивный зал, аккуратный плац (говорили, что он был даже с подогревом), автопарк и др. объекты. Недалеко от территории городка располагались небольшие дома, примерно, на четыре семьи для немецких офицеров.

Так здесь, в Гвардейске, стал я кадровым военным, воином-ракетчиком.

Хочу коротко рассказать, как это случилось, т.е. о трёх-четырёх годах, что предшествовали этому. Начать придётся с Одессы, куда я готовился после окончания техникума без вступительных экзаменов (имел право по результатам учёбы в техникуме) продолжить учение в институт пищевой промышленности. В ходе дипломного проектирования уже собрал все нужные документы, но в городском военкомате мне сообщили, что справку выдать не могут, ибо я в том, 1956 году, должен был идти служить в армию. Там же мне посоветовали подать заявление с желанием поступить в какое-нибудь военное училище. Предложили следующий выбор: Тамбовские артиллерийское, финансовое или пехотное училища, а также Первое Московское Краснознамённое радиотехническое училище ВВС. Выбрал последнее: Москва, авиация.... Однако это оказалось ... Тамбов. Как я уже позднее узнал, что это училище, до войны находившееся в Москве, было в августе 1941 года эвакуировано в г. Сызрань. В Москву оно вернулось в мае 1943 года, а 15 декабря 1947 года его передислоцировали в Тамбов, который, кстати, в то время входил в состав Московского военного округа. Вплоть до 1958 года училище официально так и назвалось, введя меня в заблуждение, Первое Московское авиационное радиотехническое.

В училище мне понравилось буквально всё: внешний вид подтянутых и уверенных в себе курсантов, спортивные площадки, самолёты на полигоне, радиотехническое и другое оборудование, как стоянок самолётов, так и их самих – фронтовых бомбардировщиков ИЛ-28. Были хорошо, удобно, наглядно оборудованы аудитории, казарменные помещения. Везде царили чистота и порядок. Запомнились строгие, но внимательные командиры, среди которых выделялись майор А. Фадеев (командир роты) и старший лейтенант Е. Козюлин (командир взвода).

Июнь 1959 года. Перед выпуском из Тамбовского авиационного радиотехнического училища. Второй слева – В. Довжик, второй справа – В. Исаев. (Сентябрь 1959 года)

Они-то и стали моими первыми командирами. Меня неожиданно зачислили в училище без вступительных экзаменов («помог» красный техникумовский диплом).

Учёба шла направленно, готовили нас к работе на авиационной технике.

Однако после второго курса нашу роту переориентировали на изучение ракетной техники, которую за год до выпуска из училища мы должны были освоить в полном объёме. С того времени, т.е. с 1958 года я уже готовился в ракетчики. Училище я окончил с отличием и рвался, как и все мои друзья, к практической работе на новом и очень грозном виде оружия – ракетах.

Распределение нашей группы в войска неожиданно для нас имело существенную особенность. Получив назначения: «В распоряжение зам. министра обороны» или «в распоряжение главкома», мы фактически не знали места дислокации нашей войсковой части. «Авиаторы» и многие «ракетчики» уже разъехались в отпуска, а мы оставались в ожидании.

Наконец нам выдали предписания на обычном бланке училища «Прибыть в г. Гвардейск Калининградской области в распоряжение под-

*Таким Виктор Исаяев,
выпускник прибыл в Гвардейск.*

полковника Спрыскова Б.М». И всё. Пожили ещё несколько дней в родной казарме училища, но уже в офицерской форме, тщательно изучая географическое положение, административное значение и истории г.Гвардейска и Калининградской области.

Вывод все сделали такой: интересное место.

Разъехались по домам, отдохнули и встретились уже в полку в распоряжении подполковника Б.М. Спрыскова.

Уже 7 ноября 1959 года полк впервые заявил о себе: во главе с майором Милкой офицерская «коробка» чётко прошла строем по площади города Гвардейска на демонстрации трудящихся, а уже через год – собственной колонной отделений БРК-2 во главе со своими начальниками расчётов и отделений. Это было, естественно, не самым главным, ради чего мы сюда прибыли.

В штатном составе наш полк уже находился на дежурстве с 1 октября 1959 года.

Постановке на боевое дежурство предшествовала кропотливая работа. Командованию полка и дивизионов необходимо было организовать буквально всё, от главных вопросов обеспечения боеготовности до «мелочей» быта. Много было неопределённо, непонятно, мне кажется, даже для самих командиров, т.к. на сто процентов всё происходило впервые. Это и понятно – РВСН лишь зарождались. Официально осенью 1959 года их ещё и не было. Постановление Совета Министров СССР № 1384-615, которое предписало выделить Ракетные войска стратегического назначения в самостоятельный вид Вооружённых Сил, было при-

нято лишь 17 декабря того самого, 1959 года. Мы начинали с «чистого» листа. О том, что и как получилось, хотелось бы вспомнить.

Регулярные тренировки расчётов и в дневное, и ночное время суток, а также в любое время года с выездом на полевые позиции, марши колонной спецтехники, теоретическое изучение с практической отработкой инструкций и наставлений по боевой подготовке и т.п. мероприятия были нормой нашей повседневной жизни. Параллельно, в армии без этого не обойтись, караулы, дежурства в солдатских казармах с ночёвкой в них, патрулирование в гарнизоне, т.е. в городе, проведение разноплановых занятий с солдатами и сержантами. Свободного времени практически не оставалось.

В начальный период нашей службы появилась новая форма дежурства – в батареях дивизионов ввели дежурных офицеров. Им в казармах вместе с солдатами поставили обычные кровати и белье. Офицер должен был взять на себя контроль распорядка в батарее после убытия офицеров в конце рабочего дня домой, обеспечить образцовую воинскую дисциплину. Отдыхал он в казарме после отбоя и до подъёма. Понятно, что отдых ночью был неуютным и беспокойным.

В обязанности дежурного офицера входила и организация проведения физзарядки солдат. Эта часть моего дежурства приносила мне удовольствие. В курсантские времена со спортом я дружил.

Дежурные офицеры в целом сыграли роль поддержания воинской дисциплины, но в целом появилась в какой – то мере расслабленность, снижение требовательности и инициативы у младших командиров (сержантов).

Не всё, конечно, проходило гладко. Молодость и неопытность приводили порой к беспечности, лихачеству, потере чувства меры, что приводило, как правило, к малым и большим неприятностям.

Так, из-за несоблюдения элементарных правил передвижения в колонне машин уже в первые дни нашей лейтенантской службы мой сокурсник по Тамбовскому училищу А. Коваленко, прекрасный боксёр, физически крепкий и красивый парень, дружелюбный от природы человек не сумел предотвратить наезд поезда на машину, которая должна была пересечь железнодорожный путь. Водитель, молодой солдат, остановил автомобиль близко к рельсам. Паровоз зацепил бампер машины, в которой Коваленко являлся старшим. В результате наш друг в этом нелепом случае потерял ногу, став в свои двадцать лет инвалидом. Правда, командование дивизии помогло ему стать студентом университета им. М.В. Ломоносова, но ногу-то уже не вернуть.

Конечно, были разборки, наказания, сделаны соответствующие выводы, однако в будущем, похожих, или им подобным случаев избежать не удалось. Во время отдыха на берегу реки Прегель А. Баранов на спор с товарищем решил доказать, что сможет долго продержаться под водой. Результат печален. Он захлебнулся и погиб. Остались лишь горе молодой жены и печаль друзей. Баранов уже имел высшее инженерное образование, у него была хорошая перспектива в продвижении по служебной лестнице...

А. Гурьянов, кстати, друг Баранова, вдали от расположения дивизиона сел за руль служебного автомобиля и повез желающих на вечеринку в близлежащее село. Не справился с управлением, врезался в дерево, погиб. Остались жена и маленький ребёнок.

Такие горькие потери имели место, но это было.

Помню, как мне неожиданно приказали по возвращении из отпуска получить в Калининграде в госпитале и передать тело сержанта, погибшего во время учебной подготовки ракеты к пуску, его родителям. То, что увидел я на их лицах, не желаю никогда и никому увидеть.

А причина была банальной: солдат из расчета решил из благих побуждений сэкономить замасленную ветошь и спрятал её в укромное место – в нишу пускового стола. Остатки окислителя попали на ветошь, что привело к взрыву.

Не доглядели начальники расчетов и младшие командиры.

Дежурство отделений БРК-2 происходило на окраине села Краснянское, в 50-ти километрах от места дислокации дивизиона. Боевая позиция отделений БРК-2 дивизиона аналогична позиции, хорошо описанной в воспоминаниях полковника Ю. Иванченко (второй дивизион полка).

Какой-то период времени позиция без техники охранялась караулом в постоянном составе – сержант и 2 солдата. Службой они были довольны: дежурили без оружия, получали сухой паёк, сами готовили еду, контроль из центра был слабый. Сержант был выбран серьёзный и добросовестный. Он сумел организовать дежурство без происшествий.

На втором этапе дежурства на позиции в ангарах была вся техника для трех отделений. Караул усилили офицером, который сменялся через две недели, вооружение – один «калаш» с двумя снаряженными рожками и у офицера – пистолет Макарова с двумя обоймами. Пищу готовили самостоятельно.

На третьем этапе уже дежурили расчеты отделений БРК-2. Пищу готовили самостоятельно из продуктов, привозимых на все время дежурства.

...Я повествую о своей службе, друзьях и старших по званию товарищах за период продолжительностью в три года (сентябрь 1959 – август 1962 гг). Именно столько времени продолжалась моя служба в 97-ом ракетном полку сначала 72-й инженерной бригады, а затем 24-ой дивизии, в Калининградской области. Затем я поступил в инженерную академию им. А.Ф. Можайского, в изумительнейшем Ленинграде, которую с отличием окончил в 1967 году. Дальше богатая событиями служба, связанная с созданием и испытаниями военно-космических систем и космических аппаратов. Уволился из Вооруженных Сил в 1989 году с должности начальник отдела – заместитель начальника первого управления УНКС.

Что мне дали эти годы, какие события утвердились в памяти?

Первое знакомство с реалиями жизни, принимая непосредственное участие в обеспечении постоянной боевой готовности, с использованием новейшего, грозного, сложного ракетного оружия, произошло у меня в Гвардейске. Там я в тяжелейших бытовых условиях, сообразуясь с особенностями службы и гарнизона, и на «точках» ощутил, почём «фунт лиха», но и одновременно осознал свою ответственность, а также важность задачи по обеспечению безопасности Родины. Именно это и определило образ моей жизни, специфику поведения в тех служебных рамках, в которых приходилось выполнять поставленные командованием задачи. Это состояние ещё больше укоренилось, когда начали формироваться РВСН в качестве отдельного вида Вооружённых Сил страны.

В город Гвардейск я, как уже отмечал выше, прибыл после окончания Тамбовского Краснознамённого авиационного радиотехнического училища.

Там, в Тамбове, под Новый 1959 год, я познакомился со студенткой Тамбовского государственного педагогического института. Это была очень красивая 18-летняя девушка Татьяна Короткова, которая в 1961 году стала моей женой. Расписались мы в ЗАГСе города Гвардейска. Здесь же сыграли свадьбу, на которой присутствовали все мои друзья-сослуживцы, свободные в тот день от дежурства и других служебных дел. Приятно вспомнить тот светлый день.

С Татьяной Ивановной мы прожили вместе, как говорится, душа в душу, вот уже 53 года. Время, действительно, идёт быстро: давно позади уже и золотая свадьба. Сын – подполковник запаса, двойнята внуки –

Моя невеста Таня Короткова

В день свадьбы

оба с высшим образованием. И – наша гордость с женой – правнук Андрей.

В Тамбове я бывал часто. Он мне всегда нравился и остался родным. Почти при каждом посещении города заходил в училище, разговаривал и с командирами, и с преподавателями. Об этом тоже приятно вспоминать.

Вернёмся всё же в 1959 год, в Калининградскую область, г. Гвардейск.

Первый день моего пребывания в дивизионе был посвящён знакомству с казарменным городком, который находится в лесу недалеко от Гвардейска, а в самом городе были «зимние квартиры», командование полка со штабом.

С интересом присматриваюсь к офицерам, прибывшим в полк раньше меня. Среди них некоторые уже имеют звания капитанов и старших лейтенантов. Они станут после формирования боевых расчётов моими непосредственными начальниками, т.е. командирами батарей, начальниками отделений, а те, кто прибыл только сейчас, будут начальниками боевых расчётов по различным специальностям.

Мы в ещё абсолютно новом лейтенантском обмундировании, только что вынутым из чемоданов, и не подогнанным, как у «бывалых», держались особняком, вели себя серьёзно, приглядываясь к «окружающему миру».

Прибывшие ранее (2-3 месяца назад) держались тоже как-то отдельно и всем своим видом показывали «бывалость», вели себя более свободно даже слишком шумно. Они в свою очередь присматривались к нам. Все

офицеры, в отличие от нас, явились в полевой форме, которая, между прочим, на каждом сидело по – особенно в соответствии, вероятно, с характером хозяина: ушитые в голенищах сапоги, вынутые пружины из фуражек, небрежно надета портупея...

Отличия, как говорится, били в глаз, но уже буквально несколько дней спустя наши привычки, интересы, заботы, внешний вид уложились в единый для всех процесс службы со всеми, даже очень мелкими её составляющими.

Жилая зона дивизиона – это огороженная поляна перед лесом, на которой находились несколько одноэтажных щитовых казарм, размещавшийся в сохранившемся кирпичном домике штаб дивизиона, грунтовые спортивные площадки, одна солдатская столовая и «удобства», как говорится, во дворе.

В самом лесу располагалась боевая позиция дивизиона, включавшая в себя пусковые площадки, бетонные ангары и подсобные строения. Всё это было обнесено колючей проволокой и усиленно охранялось.

Ждали приезда командования дивизиона: командира, начальника штаба, замполита и его помощника по комсомолу. С интересом строили догадки, с кем же придётся делить все радости и заботы предстоящей, только начинающейся офицерской службы.

Общего построения не было. Командиры батарей называли фамилии тех из нас, кого именно к ним назначили, и пригласили в ленинские комнаты своих казарм, которые в то время являлись центром сбора и офицеров, и солдат с сержантами. Правда, был ещё один, пожалуй, любимый «центр» – это курилка. Она тоже находилась здесь же, в казарме.

Командир нашей, второй батареи капитан А. Соловьёв, крупный, спортивного вида и энергичный человек уже был к тому моменту времени авторитетным специалистом-ракетчиком. Он сразу вызвал уважительное и серьёзное отношение к себе. Всегда вселял надежду на успех в любом деле, вёл себя строго, но просто и частенько с юмором. Мне комбат понравился с первого знакомства, и это чувство осталось у меня навсегда. Он лично подавал пример ответственного отношения к делу. Я никогда не видел его растерянным, услужливым перед начальством. Он выглядел решительным и уверенным в себе, производя впечатление человека, понимающего, что делает. К сожалению, он не имел высшего образования, но с лихвой пополнял свои знания, как из армейской жизни, так и в ходе обучения на специальных курсах, которые тогда организовывались при военных академиях и высших училищах.

Капитан Соловьёв был настоящим командиром боевой батареи. Я во многом ему благодарен. Расстались мы с ним в 1962 году, когда я отбыл на учёбу в Ленинградскую военно-воздушную академию им. А.Ф. Можайского, которая именно в тот год была передана в РВСН и стала называться Ленинградской военной инженерной Краснознамённой академией.

Несколько слов о командире полка подполковнике Б.М. Спрыскове.

Имея в своём подчинении более сотни офицеров, большое количество сложнейшей техники, решая повседневные проблемы по организации воинской службы, обучения личного состава, вопросы быта и т.п. ему, конечно же, за короткое время невозможно было изучить персонально и досконально всех лейтенантов, прибывших к нему в полк. Однако их общие, основные заботы он знал, и чувствовалось, что он лично решал судьбу каждого офицера полка.

Прямой контакт с Борисом Михайловичем Спрысковым у меня случился уже после нескольких недель службы. Нашему дивизиону объявили учебную тревогу. Прибыли проверяющие из дивизии во главе с её командиром, тогда ещё полковником Холоповым. Спрысков тоже находился в дивизионе. Вопросов было много, особенно по боевой технике расчёта, в котором я был начальником. Речь идёт о главной машине отделения БРК-2.

Здесь ещё раз хочу выразить огромную благодарность преподавателям Тамбовского училища. Они передали нам в кратчайшие сроки (менее года) твёрдые знания по новой для нас ракетной технике, способах её применения и эксплуатации. В присутствии командира полка на этой первой проверке мне поставили оценку «отлично». Так я заработал свой «плюс».

Далее, в целях практической подготовки к постановке полка на боевое дежурство наш дивизион со всей своей техникой бы отправлен на ракетный полигон Капустин Яр, где шла отработка навыков при реальных пусках уже боевых ракет. Это был сложный экзамен. Специально подготовленные, очень опытные офицеры полигона чрезвычайно тщательно проверяли, особенно нас, молодых лейтенантов, по теории, оценивали практические навыки в подготовке ракеты к пуску.

На допуск к боевой работе, как правило, уходило 2-3 месяца (для нашего дивизиона – это январь-март 1960 года). Редко расчёты допускались с «первого захода». Мой расчёт допустили с первой попытки, что стало моим вторым «плюсом».

Всего наш дивизион осуществил три успешных пуска с экспериментальной отработкой способа перенацеливания ракеты наклоном луча системы БРК-2.

За ту работу весь личный состав дивизиона получил благодарность от командования полка.

Поучителен сам переезд дивизиона с техникой по железной дороге. В первый же день нового, 1960 года, т.е. ранним утром первого января нас подняли по тревоге, и весь личный состав дивизиона прибыл в Гвардейск, на его железнодорожный вокзал. Эшелон был готов к погрузке техники, которую размещали и крепили на платформах. Эта процедура заняла целый день.

Был назначен суточный наряд, караул, дежурные по всему эшелону и тепловозу. Начальника состава назначили заранее. Офицеры разместились в купейном вагоне, а солдаты и сержанты – в плацкартных вагонах. Приём пищи производился в вагонах во время движения поезда.

Меня назначили дежурным по тепловозу. С пистолетом и с ТАИ-43 (телефон-вертушка) я должен был находиться в кабине машиниста. Вначале чувствовал неловкость, как бы исполняя роль надсмотрщика за машинистом и его помощником, однако очень скоро все поняли и оценили обстановку, появилось даже чувство уважения друг к другу.

Остановки по пути следования были редкими, непродолжительными и вдали от пассажирских станций: Минск, Тамбов, Саратов. Через трое суток, поздней ночью прибыли в Капустин Яр. Было довольно снежно и холодно, мороз более 20 градусов. Условия, по сравнению с Прибалтикой, отличались кардинально. Там снега практически не бывало, а температура воздуха не опускалась ниже двух-трёх градусов по Цельсию. Мы все лишь в шинелях, хромовых сапогах и без перчаток. Разгрузка в чистом поле на морозе, после чего расстановка техники и организация её охраны, вымотали нас. Ко всему прочему, мы все продрогли, сильно промёрзли ноги и руки.

Командир дивизиона подполковник Лебеде́нко, бывалый фронтовик, принял решение завтракать в столовой на второй площадке, перед едой прямо-таки приказал всем офицерам выпить по сто граммов спирта. Выпили, поели, с трудом добрались до нар и уснули тяжёлым сном. Спали долго, встали с тяжёлой головой, но никто не простыл и не заболел. Вот она, житейская мудрость фронтовика, всеми нами уважаемого командира нашего дивизиона подполковника Лебеде́нко. Он был, конечно, намного старше нас, наверное, старше и командира полка. При суровом внешнем виде, надо думать, война его, фронтового артиллериста, таким

сделала, характер он имел мягкий. Командиром Лебедеенко слыл отменным, но в новую для него технику он не вникал, да и, вообще сторонился её. Как-то однажды попросил меня рассказать ему работу станции системы БРК-2. Слушал внимательно, поблагодарил за рассказ, но думается мне, мало что понял. Затем попросил показать ему ЗИП. Я предложил ему снять с руки дорогие по тем временам наручные часы, т.к. в ЗИПе находится блок с магнетронным передатчиком.. Он отмахнулся, дружелюбно послал меня, как обычно любил это делать, подальше и приказал показать ему ЗИП – часы его ходить перестали. Вот так подполковник Лебедеенко познал особенности и силу магнетронного блока главной машины системы БРК-2.

Повседневные «будни» после поездки на полигон, впрочем, как и до неё представляли собой следующую круговерть. Тренировки расчётов в составе отделений, караульная служба в дивизионе, дежурства по части дивизиона и в комендатуре города, караульная служба в гарнизоне города, патрулирование по Гвардейску. Кроме этого, имелась ещё недельная караульная служба в с. Краснянское (точка БРК-2 в пятидесяти километрах от Гвардейска). Ну и, конечно же, обычная наша ежедневная служба в дивизионе, вмещавшая в себя занятия с личным составом, парко-хозяйственные дни, командирскую подготовку и т.д., и т.п. Оглядываясь назад, не перестаю удивляться, как мы только и успевали всё это выполнять. А ведь успевали!

На совещаниях, которые проводил лично командир полка, всех офицеров ориентировали на службу с несением боевого дежурства. Морально мы были к этому готовы, но как такое осуществить при отсутствии опыта....

Но наступило время «Ч». 1 октября 1959 года, осенний солнечный день. Объявлена «тревога». Сто процентов офицеров прибыли в расположение дивизиона, где его командир обрисовал обстановку и сообщил, что боевое дежурство начинается. Однако нам было очевидно, что к нему не все и не всё готово, особенно в вопросе организации непосредственно несения боевого дежурства и его обеспечения. Я не касаюсь боеготовности техники. Она, конечно, была в состоянии, которое определила техническая документация. Кстати, готова она была раньше, чем решились проблемы быта офицеров, создания рабочих мест для боевых расчётов...

Офицеры первое время жили в кубрике дома, сохранившемся после войны, спали на двухъярусных солдатских кроватях. Горячей воды не было и элементарных душевых кабин – тоже. После боевых дежурств

нас возили в городскую баню – это семь км пути. Отсутствовала офицерская столовая. Кроме ленинских комнат собраться было негде, занятия проводили в том же самом кубрике.

Но постепенно, благодаря инициативе командования, наша жизнь налаживалась. Одну из казарм выделили для офицеров. Её разделили на кубрики, каждый на 3-4 человека. Открылась офицерская столовая, где установили столы на четыре человека. Затем для расчётов, несущих боевое дежурство, ввели специальные норму и рацион питания, как практиковалось это у лётного состава ВВС. Кардинально улучшалось материальное обеспечение боевого дежурства в целом. Периодичность боевых дежурств определялась двумя неделями: две недели безвыездно на точке и две недели – обычная служба.

В свободное время, в период «обычной» службы, а его бывало очень и очень мало, использовалось по вечерам – кино, принудительные репетиции в хоре, в субботу и воскресенье – вечера отдыха в ГДО, где всегда было людно за счёт приезжих из близлежащих населённых пунктов девушек. При Доме офицеров имелся небольшой буфет, в котором можно было перекусить и выпить вина. Кроме этого, практиковались выезды в город Калининград – самостоятельные экскурсии по городу, посещение магазинов, музея янтаря, зоопарка. Осматривали развалины королевского замка, ходили на могилу Канта...

Монотонное протекание службы, неустроенность быта формировали своеобразный образ жизни отдельных, уже сформировавшихся по интересам разных групп офицеров. Некоторые из нас жили в Гвардейске, в офицерском общежитии. Это были те, которые приехали в полк раньше нас. Выглядели они поопытнее по сравнению с нами, имея несколько иные интересы. Они много играли в преферанс в прокуренных комнатах, держались обособленно и во многом составляли «единое братство», например, в отношении личных вещей и взаимоотношений между собой.

Другая группа – это семейные молодые пары, ставшие мужем и женой, как правило, сразу после выпуска из училищ или чуть-чуть позже. Не имея собственного жилья, они скитались по снимаемым комнатухам и углам у местных жителей города и других населённых пунктов, ожидая своей очереди получения хотя бы комнаты в квартире. У некоторых уже появились дети. Вот у них-то забот было гораздо больше. Квартиры же или комнаты для офицеров, хотя и медленно, но появлялись: строились дома. Получение жилья всегда было шумным и весёлым праздником, отмечавшимся большим количеством друзей и товарищей.

Становление полка и дивизионов находилось под пристальным вниманием не только нашего командования (тренировки, проверки, комиссии, и т.д.), но и военно-политического руководства страны. Например, наш полк и дивизион посетили Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов, ставший Главнокомандующим РВСН в 1962 году, и Председатель Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев.

Маршалу С.С. Бирюзову на боевой позиции попался на глаза лейтенант В. Лупандин, общий любимец, юморист. Симпатичный, с красивой светло-рыжей шевелюрой, небольшими бакенбардами, голубыми глазами он имел выразительную внешность. Однако, как назло, а может быть, и на наше общее счастье, он был в потертой шинели и очень неприглядного вида. Маршал задал вопрос: «Почему вы носите такую неопрятную шинель?» На это Лупандин, не задумываясь, ответил: «Товарищ маршал, шинель для нас является единственным обмундированием, которое мы носим и при работе на технике, и в повседневной службе, и при несении караульной службы, вот она и поистёрлась».

Командир полка подтвердил слова лейтенанта. Реакция С.С. Бирюзова была быстрой. Вскоре нам, всем офицерам полка, выдали технические куртки, правда, уже бывшие в употреблении (у меня оказалась куртка с надписью по принадлежности «ефрейтор такой-то», правда на собачьем меху!), но это уже было достижение, а через год-два для офицеров-ракетчиков ввели удобную спецодежду.

В своих воспоминаниях я кратко поведал о некоторых, на мой взгляд, интересных моментах лейтенантской службы в 24-ой рд в 1959-1962 годах.

Надо признаться, что судьба уготовила мне интересную службу того периода. Выше я уже говорил о том, что командование полка и дивизиона меня отмечало в лучшую сторону, что, в конечном итоге, сыграло решающую роль в принятии ими решения отпустить меня на учёбу в высшее военное учебное заведение. Кстати сказать, получить подобное разрешение в те годы было довольно трудно: конкуренция велика, да и, объективно говоря, офицерских кадров не очень-то хватало в ракетных частях.

Факт разрешения мне моего отъезда из полка на сдачу экзаменов в ВВУЗ имел такую предысторию.

На территории жилого городка дивизиона стояло небольшое необжитое кирпичное здание, оставшееся от войны. Учитывая, что я с удовольствием занимался с личным составом спортивными играми (волейбол, баскетбол), мне стали известны желания солдат и сержантов иметь

спортивный зал. Поскольку до училища я окончил техникум, в котором у нас был солидный предмет по проектированию промышленных зданий, я предложил командованию дивизиона сделать проект реконструкции данного здания под небольшой спортзал. Мое предложение было одобрено, и такой проект я сделал с расчетом необходимого объёма строительных материалов. Чертежи, как учили, были представлены в соответствии с ГОСТ, красиво, по всем правилам.

Командование полка поддержало проект, выделило строительные материалы. Зал был построен хозяйственным способом. Солдаты работали на строительстве с большим энтузиазмом. В нём стали тренироваться штангисты, гиревики, гимнасты.

Но... Осенью 1961 года наступил период подачи рапортов на поступление в академии на учебу. Подаю рапорт и я. Докладываю рапорт командиру дивизиона, назначенному на эту должность совсем недавно (он – фронтовик, имел образование не полное, на учёбу вообще отпустил с неохотой). Глядя на рапорт, говорит мне: «Лейтенант, зачем тебе учёба, ты и так достаточно учился – вон какой проект спортивного зала сделал. Подождём». На учебу в академию в 1962 году я уже не попал, а это была моя большая мечта....

31 декабря 1961 года в Доме офицеров, естественно, проводился Новогодний бал. Мне было на нём грустновато, т.к. со мной не было моей молодой жены Татьяны – у неё в институте началась сессия. И она находилась в Тамбове. К тому же, совсем недавно прошло очередное распределение офицеров дивизиона для поступления в академии и высшие военные училища на 1962 год, а я в список из-за проекта спортзала не попал.

Слоняюсь по праздничному залу с грустной миной на лице. Подошёл ко мне командир нашего полка Борис Михайлович Спрысков и поинтересовался, почему я не очень-то весёлый. Пришлось объясниться. Борис Михайлович подозвал к себе секретаря партийной организации нашего дивизиона капитана Аполаева и спросил у него: «Почему лейтенант Исаев не включён в список офицеров, поступающих в ВВУЗ на 1962 год?». Аполаев быстро нашёл с ответом: Виктор Исаев запланирован на повышение в должности, и его отпустим через год. Охарактеризовал при этом меня положительно.

Через два дня командир полка вызвал меня на беседу, в ходе которой он попросил у командования дивизии дополнительное место для меня. «Куда?» – спросил он меня, не кладя трубку. Я назвал Ленинградскую военную академию им. А.Ф. Можайского.

Моя служба в полку продолжилась в той же должности, а в августе 1962 года, успешно сдав вступительные экзамены, я стал слушателем «Можайки».

Академию я окончил с отличием в 1967 году и был направлен в Центр управления ИСЗ и КО (Подмосковье) инженером-испытателем. Затем была служба в ГУКОС МО и Главном управлении вооружения Военно-космических сил стран..

Вся моя служба после окончания академии была связана с созданием военно-космических систем. Этим, занимались в различных местах и мои прежние сослуживцы, т.е. я имею право сказать, что в эти важные дела внесли свой вклад и « гвардейские гвардейцы» – первые ракетчики страны.

Из армейских рядов уволился по возрасту в декабре 1989 года.

Мне непременно хочется отметить интересное для меня совпадение.

В ракетном полку мы несли боевое дежурство и службу на ракетах Р-5М, а во время службы в ГУКОС МО судьба подарила мне счастливую возможность быть знакомым по работе с выдающимся генеральным конструктором Д.И. Козловым. Дважды Герой Социалистического Труда, многократный лауреат различных премий. В молодости он работал в КБ Королева С.П. ведущим конструктором, занимаясь как раз разработкой, созданием и сдачей ракеты Р-5М на вооружение.

Моим прямым начальником длительное время был Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии генерал-лейтенант В.В. Фаворский, который в годы создания Р-5М являлся ведущим инженером в военной приёмке по этой тематике.

Во время службы мне приходилось тесно работать с выдающимися начальниками и учиться у них военному профессионализму: начальник ГУКОС МО (УНКС) генерал-полковник, Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской премии А.А.Максимов; генерал-полковник, лётчик-космонавт, Герой Советского Союза, первый заместитель начальника ГУКОС Г.С. Титов; генерал-лейтенант Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской премии, начальник ГУВ УНКС В.В.Фаворский. Под руководством указанных и других моих прямых начальников накапливался опыт работы по руководству порученными направлениями в создании военных космических систем и космических аппаратов.

В своих воспоминаниях хочу выразить искреннюю благодарность в адрес командира моего родного 97-го ракетного полка 24-ой рд подполковника Бориса Михайловича Спрыскова, командира второй батареи

первого дивизиона капитана А. Соловьёва за внимание к моей судьбе, а также благодарность сослуживцам, оставившим о себе добрую память.

...В 2003 году мы с женой отдыхали в Светлогорском военном санатории, это недалеко от Калининграда. Оттуда до Гвардейска около 70 километров.

Съездил в милый сердцу город Гвардейск. Побывал на территории своего полка, теперь там дислоцируется полк другого назначения. Побывал в квартире, в которой снимал комнату и начал семейную жизнь в ней вместе с женой. Постоял на площади, у Дома офицеров, походил по знакомым улочкам, остановился у ЗАГСа, где мы зарегистрировали брак с моей невестой Таней. С трепетом рассматривал знакомые места, улицы, здания.

Народ в Гвардейске уже совсем другой, ведь прошло-то более сорока лет, но жизнь Гвардейска продолжается!

В юбилейном для нашей 24-ой дивизии 2011 году – исполнилось 65 лет первому ракетному соединению страны – бригаде особого назначения резерва Верховного командования, мы – её ветераны встретились в г. Гвардейске организованно и торжественно в расположении дивизии, тепло и сердечно за праздничным ужином в бывшем танцевальном зале Дома офицеров.

За этот подарок в нашей жизни мы благодарны организатору торжеств, предпоследнему командиру 24 – ой дивизии, уважаемому генерал – майору в отставке Поленкову Геннадию Михайловичу.

После увольнения из армии я продолжал трудиться на руководящих должностях в НИИ, Инжиниринговой компании инновационного направления (первый зам. генерального директора) – безусловно, помог опыт службы под руководством прекрасных командиров – воспитателей в лейтенантские годы и, особенно, опыт в Главном управлении космических средств МО СССР.

Активную работу прекратил в конце 2008 года в возрасте около 73 лет.

В РВСН – БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА

ГУТНИКОВ Александр Алексеевич, полковник в отставке

- С космической скоростью пролетели годы жизни – 55 лет в Ракетных войсках, из них: 36 лет воинской службы в разных войсковых частях, 19 лет гражданской работы в финансово-экономической службе РВСН.

Путь офицера-ракетчика типичный – в «тяготах и лишениях».

Несомненно, что достижению успехов в службе способствовала обстановка, создаваемая все 50 лет моей верной супругой, Флорой Тимоховной, прекрасной души человеком, истинной хранительницей домашнего очага, создательницей семейного климата.

Постоянное формирование подразделений, сокращение и «омолаживание» держали войска в напряжении.

В сентябре 1959 года мы, молодые лейтенанты, после окончания Камышинского артиллерийского технического училища прибыли в 72-ю гвардейскую инженерную бригаду РВГК (г. Гвардейск Калининградской области) и были распределены в разные полки. Меня назначили старшим техником стартового отделения в первый дивизион 97 ракетного полка, на вооружении которого состоял ракетный комплекс Р-5М. БСП с жилыми городками находились в стадии строительства. Мы обрадовались тому, что боевая техника нам была хорошо знакома: боевые комплексы ракеты 8К51, 8К63. Нашими первыми наставниками командирами стали командир бригады полковник Холопов А.И., заместитель командира бригады по вооружению подполковник Малиновский Г.Н., командир ракетного полка полковник Спрысков Б.М..

Учебная теоретическая и практическая подготовка в училище была настолько совершенна, что нам не пришлось проходить дополнительную переподготовку. И сейчас, вспоминая всю воинскую службу, я убежден, что ни одно высшее учебное заведение не смогло дать нам такие знания.

Первые реальные пуски ракет с полигона Капустин Яр убедили нас в надежности боевой техники. Впервые мы принимали участие в отработке новой системы противоракетной обороны, с этой целью нами проводились пуски ракет с полевых позиций н. п. Челкар (Казахстан).

Мы находились у истоков формирования и совершенствования Ракетных войск стратегического назначения. Наш грунтовый ракетный комплекс, конечно, был устаревшим по сравнению с вновь создаваемыми другими типами ракет. Но мы первыми отработывали организацию учебно-боевых пусков, боевого дежурства, системы боевого управления, выбор и выход на полевые боевые стартовые позиции.

Не забываются случаи неправильных действий командиров. Так, в первой батарее после проведения комплексных занятий с заправкой ракет командир батареи, не дождавшись окончания слива компонентов ракетного топлива, отпустил домой отдельных офицеров. Произошёл слив кислорода на пусковое устройство, которое крепилось к фундаменту анкерными болтами, смазанными техническим маслом. Смесь кислорода с маслом вызвала сильный взрыв. Вследствие этого погибли военнослужащие, вывели из строя технику.

В 1966 году 97 ракетный полк был снят с боевого дежурства, в течение полугода прошел переподготовку на ракетный комплекс «Темп-С» на полигоне Капустин Яр и провел несколько учебно-боевых пусков. Одновременно на месте постоянной дислокации провели работы по переоборудованию стационарных хранилищ для размещения самоходных пусковых установок нового ракетного комплекса и боезапаса к ним, по определению основных и полевых позиционных районов. Однако ракетный комплекс «Темп-С» не был принят на вооружение и был передан в Сухопутные войска. Личный состав рп и ртб вывели из состава 24 рд и направили в 19 ракетную дивизию 43 РА (г. Хмельницкий).

Меня назначили на должность заместителя командира батареи первого дивизиона 330 рп (п. Знаменск) ракетного комплекса Р-12. При всех последовательных перемещениях с должности на должность в течение 10 лет я закончил службу начальником штаба полка в 24 ракетной дивизии.

Кадровые органы совместно с командиром дивизии отвечали, что для назначения на должность командира полка я устарел.

Управление кадров РВСН предложили должность начальника отделения 5 управления полигона Плесецк.

Служба на полигоне (1975–1985 годы) дала возможность прочувствовать будни офицера-испытателя нового подвижного боевого комплекса

стратегической твердотопливной ракеты 8Ж42 (ныне доработанный ПГРК «Тополь-М» находится на боевом дежурстве), участие в составе Государственной комиссии при приеме БЖРК (боевого железнодорожного ракетного комплекса) в серийное производство.

Еще интереснее проходила служба в Оперативном управлении Главного штаба РВСН (1985–1988 годы). Под руководством начальника направления на подвижные комплексы генерал-майора Г. И. Казыдуба. Занимались выбором полевых боевых позиционных районов и созданием группировки подвижных ракетных комплексов РСД-10 в ракетных войсках.

Но политическая обстановка в мире потребовала изменений в профиле моей дальнейшей службы.

8 декабря 1987 года в Вашингтоне подписали Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности (РСМД, вступил в силу 1 июня 1988 года), Меморандум об установлении исходных данных, Протокол о процедурах ликвидации и Протокол об инспекциях.

В соответствии с указанными документами стороны обязались не производить, не испытывать и не развешивать баллистические и крылатые ракеты наземного базирования средней (от 1000 до 5500 километров) и меньшей (от 500 до 1000 километров) дальности. Помимо этого, стороны в течение трех лет обязались уничтожить все пусковые установки и ракеты наземного базирования с радиусом действия от 500 до 5500 километров.

К 1991 году ликвидации подлежали советские баллистические ракеты средней дальности (БРСД) типа «Пионер», Р12 и Р14 (по классификации США и НАТО соответственно SS 20, SS 4 и SS 5), крылатые ракеты наземного базирования (КРНБ) РК 55 (SS X 4 Slingshot), а также баллистические ракеты меньшей дальности – ОТР 22 (SS 12M Scaleboard) и ОТР 23 «Ока» (S 23 Spider).

В США предусматривалось ликвидировать БРСД «Першинг 2» (Pershing 2), КРНБ BGM 109G, а также ракеты меньшей дальности (РМД) «Першинг 1А» (Pershing 1A). Согласно Меморандуму о договоренности об исходных данных к Договору, на момент его подписания речь шла о ликвидации 5 типов ракет СССР с общей численностью в 1752 единицы и 3 типов ракет США с общей численностью в 859 единиц.

В РВСН создали комиссию под руководством первого заместителя главнокомандующего генерал-полковника Ю. А. Яшина по формированию Центра управления ликвидацией ракет средней дальности с целью

реализации положений Договора в Ракетных войсках. Центр являлся рабочим органом командования РВСН в этом направлении. Организационно Центр состоял из управления и 6 отделов и предназначался для планирования, организации, координации и контроля работ главных управлений, управлений и служб РВСН и войск, связанных с ликвидацией ракет средней дальности и их пусковых установок (пусковых столов). Я был назначен начальником Центра численностью 120 человек, из них 72 офицера, 1 прапорщик и остальные служащие (бывшие офицеры управлений и служб).

Думаю, не каждый офицер-ракетчик, дённо и ночью заботившийся о повышении боеготовности, имевший не одну сотню часов боевых дежурств, с легким сердцем согласился бы возглавить работу с прямо противоположными, на первый взгляд, целями и делать нечто обратное тому, чем он всю жизнь занимался.

Активное участие в становлении и развитии Центра, ликвидации вооружения, проведении инспекций принимали полковники В. А. Алексеев, В. Н. Бицкий, В. Н. Думчиков, Н. И. Клычников, Н. И. Кушко, А. А. Муращенков, А. Г. Гусаковский, Н. Т. Ольховский, В.Ф. Ромашов и другие.

В течение полугода в войсках были подготовлены БСП РСД для проведения инспекций, в жилых городках оборудованы места размещения и организации питания инспекций США, обучены сопровождающие группы офицеров, подготовлены средства доставки инспекции США.

Отработана технология ликвидации ракет и пусковых установок, устройств. Оборудованы базы ликвидации:

- ракет Р-12 и Р-14 – Лесная (Белорусская ССР);
- пусковых установок РСД10 Сарны (Украинская ССР);
- ракет РСД-20 (методом подрыва) – Капустин Яр.

Для примера привожу хронику интенсивности ликвидации:

– 26.08–29.12.1988 г. методом пуска 72 ракеты РСД-20 из районов Читы и Канска;

– 28.08.1988–12.06.1991 годы подорваны 582 ракеты РСД-10 и смяты 1215 боевых блоков на полигоне Капустин Яр;

– 08.08.1988–28.05.1991 годы ликвидированы 509 пусковых установок РСД-10 и 126 транспортных средств для ракет на базе Сарны;

– 08.08.1988–21.05.1990 годы ликвидированы 155 ракет Р-12 и Р-14, 72 пусковых устройства, 60 корпусов головных частей и 246 единиц вспомогательного оборудования к ним;

– установлены в качестве экспонатов в городах Москва, Киев, Барановичи, Калуга, Капустин Яр, а также в США и на Кубе 7 ракет и 8 пусковых устройств.

Взаимные инспекции проводились и в войсках, и на ракетных заводах не только в СССР и США, но и в ФРГ, Великобритании, Италии, Бельгии и других странах, где находились американские ракетные базы. Инспекторам были предоставлены специальные дипломатические привилегии и иммунитеты. За три года, пока выполнялся договор РСМД, инспекционные группы СССР провели около 250 инспекций ракетных объектов в США и в Европе. Американцы провели на территории СССР почти 530 инспекций.

Недалеко от проходной ракетного завода в Воткинске США построили три двухэтажных дома, каждый назвали по имени одного из президентов США и, сменяясь каждые три месяца, жили там постоянно.

Аналогичная инспекция поначалу была организована и нашей стороной в Солк-Лейк-Сити, на сборочном заводе в городке Магна. Там жили 30 наших инспекторов, также сменяясь вахтовым методом. Контроль осуществлялся так: открывались заводские ворота, выкатывалась ступень ракеты, и наши инспекторы проводили обмеры ее соответствия габаритам ступени «Першинга-2».

Мне неоднократно приходилось в составе советской инспекционной группы дежурить на сборочном заводе в городке Магна, инспектировать ликвидацию ступеней ракеты «Першинг-2» в Пуэбло (США), пусковых установок ракеты «Першинг-2» на авиабазе во Франкфурте-на-Майне (Германия).

Мы находились на постоянном дежурстве и по сигналу из Генерального штаба Вооружённых Сил СССР (ЦУЯО) в течение часа осуществляли сбор инспекционных групп для выезда на аэродром Чкаловск в готовности сопровождать американские инспекционные группы на объекты РВСН.

За время своего существования Центр неоднократно реформировался в связи с уточнением и изменением решаемых задач. В настоящее время Центр обеспечения реализации договоров предназначен для контроля выполнения требований международных договоров, соглашений, приказов и директив министра обороны РФ и командующего РВСН в области сокращения и ограничения вооружений, анализа и координации работ управлений и служб РВСН по реализации договорных обязательств. Основными задачами, решаемыми ЦОРД РВСН, в настоящее время являются: учет наличия и состояния вооружения на объектах РВСН, обеспе-

чение постоянного контроля за его перемещением, переоборудованием и ликвидацией и представление в национальный Центр по уменьшению ядерной опасности докладов для формирования уведомлений государствам-участникам международных договоров и соглашений в области сокращения и ограничения вооружений; подготовка, организация и обеспечение проведения инспекций на объектах РВСН. Наиболее подготовленные специалисты-ракетчики привлекаются Генеральным штабом Вооруженных сил РФ для инспектирования стратегических объектов США.

...Камышинское артиллерийское техническое училище сроднило меня на все годы службы и последующей работы (более 57-и лет) с отдельными бывшими курсантами. С Юрием Дмитриевичем Запорожским, Арнольдом Сергеевичем Ковтуном, Владимиром Андреевичем Власовым, Александром Михайловичем Гуськовым мы дружим семьями. У нас на виду выросли наши дети и внуки, мы по возможности поддерживаем друг друга, даже в этом пенсионном возрасте.

ПОЛЁТ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

ДОЛИНИН Александр Иванович, полковник в отставке, бывший редактор отдела боевой подготовки газеты «Красная звезда», специальный корреспондент по РВСН и Космическим войскам

– Мы летели в Плесецк. На борту самолета находились конструкторы ракетной техники, иностранные специалисты и дипломаты, приглашенные на демонстрационный пуск отечественной конверсионной ракеты – носителя «Старт-1». Генеральный конструктор Юрий Соломонов, по дружбе, пригласил и меня.

Моим соседом оказался генерал армии Яшин. Юрий Алексеевич являлся председателем государственной комиссии по «Старту». Признаться, я испытывал волнение от этого случайного соседства. И то сказать, генерал Яшин был для нас, молодых ракетчиков едва ли не легендой. Я знал его, заочно конечно, сержантом был тогда, он - командующим самой крупной в РВСН Смоленской ракетной армией. «Очная встреча» с бывшим командармом была первой. Но, то обстоятельство, что мы в некоторой степени однополчане, как раз и сблизило нас, генерала армии и меня, тогда подполковника, годящегося ему в сыновья. К слову сказать, у Юрия Алексеевича своих сыновей двое: младший – полковник, кандидат технических наук, старший – тоже ученый, в физико – математической области, работает в Санкт-Петербурге, где родился отец.

С внуками у генерала армии все по-военному четко. Старший отслужил матросом на Северном флоте, вернулся домой старшиной 1-ой статьи. Успешно окончил институт. Младший внук – историк, учится в аспирантуре МГУ. Пример и авторитет отца и деда для младших Яшиных во многом оказался заразительным. Юрий Алексеевич все учебные заведения кончил с отличием, с серебряной и золотыми медалями. Он доктор технических наук, профессор, академик, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный военный специалист, кавалер многих орденов.

Разговор на борту за чашкой чая с медом, который любезно предложила стюардесса, нам был обоюдно приятен. Мы вспомнили с Юрием Алексеевичем о нашей Смоленской армии. Я напомнил ему о Семене Гейченко, о Пушкиногорье, над которым, мало кто знает, стратегические ракетчики взяли шефство, и десятки лет оно несет добро этим святым для русских людей местам.

– Наше знакомство с Гейченко, – рассказал он, – началось летом 1979 года, когда я вступил в командование Смоленской ракетной армией. Первый сбор в этом качестве проводил в Острове Псковской области. Островская дивизия и учебный центр уже как-то помогали Михайловскому. Я подумал, почему бы всему командному составу армии не посетить этот исторический памятник мирового значения. И выделил в регламенте сбора один день на знакомство генералов и офицеров с Пушкиногорьем – Михайловским, Тригорским и Петровским, Святогорским монастырем и могилой Пушкина.

Позвонил Гейченко, он ответил, что готов нас принять. Там, в Михайловском, мы и познакомились – одновременно и с заповедником, и самим Семеном Степановичем Гейченко. Как захватывающе и с какой любовью он рассказывал о Поэте, как великолепно знал нашу литературу, историю страны и армии! Сам 60 книг написал. У Семена Степановича, можно сказать, в самих генах заложена военная косточка. С самого детства он был неравнодушен к армии и, по существу, родился в военной семье. Отец его был вахмистром гвардейского кавалерийского полка, что обслуживал царскую семью, был конюхом великих князей. Семья состояла из девяти человек, ютилась в казарменной комнатухе, и, когда сына надо было определять в гимназию, финансов на это, естественно, не было. Помог случай. Однажды на встрече с императрицей Александрой Федоровной Гейченко – старший решил попросить её определить сына Семена в гимназию бесплатно. Сегодня Александру Федоровну рисуют только в розовых тонах, но тогда она пренебрежительно ответила Степану Гейченко что-то вроде: «Ты – конюх, и сын твой должен конюхом быть, а не гимназистом». На этом разговор и закончился. (Кто бы знал тогда, что сын конюха будет при советской власти восстанавливать и лелеять царские и барские имения). Но о нем узнали офицеры и определили Семена, по нынешним понятиям, сыном полка. На офицерские деньги из казны полка Семен был направлен в гимназию. Окончил ее, в советское время – Ленинградский университет по музейному искусству. И всю жизнь занимался этим. Но так или иначе, был связан с армией. Родившись в прямом смысле в русской армии, он стал солдатом

Великой Отечественной. На Волховском фронте в одном из боев под Новгородом получил тяжелое ранение: взрывом оторвало кисть левой руки. И Гейченко уволили «по чистой». В 1945 году молодого музейного работника нашел Сергей Иванович Вавилов – президент Академии наук СССР и рекомендовал ему поехать в Михайловское для восстановления там Пушкинского заповедника. С вещмешком за плечами и красавицей женой сразу после войны Гейченко и появился в Михайловском, где провел, в сущности, всю последующую жизнь. Начал с того, что вместе с солдатами и офицерами разминировал разрушенный фашистами заповедник (даже могила Пушкина была заминирована).

Тогда же в одну из первых встреч Гейченко предложил командарму: а не взять ли ракетчикам шефство над Пушкинским заповедником? Тут же в течение суток отработали проект договора. И с тех пор, до самого расформирования, Смоленская ракетная армия была шефом Михайловского. И сейчас, оставшийся там Островской учебный центр помогает Пушкиногорью. Ракетчики произвели Гейченко в «почетные солдаты». Так как Семен Степанович был выдающимся пушкинистом и ученым, решили «присвоить» ему звание не рядового, а ефрейтора. Впервые в истории на территории Михайловского было вынесено Боевое Знамя, и под звуки военного оркестра проведена торжественная церемония посвящения Гейченко в гвардейцы-ракетчики. (Мне было велено написать в стихах поздравление ему по этому случаю. Специально в Смоленск приглашали из Шяуляя. – Ред.). Гейченко был частым гостем в воинских подразделениях. Таких встреч были сотни. Туристов, которые приезжали в Пушкинские горы, он называл «паломниками». Среди них были солдаты и офицеры. Когда Семен Степанович просил о помощи в сохранении Михайловского, особенно после страшного смерча 7-8 августа 1987 года, ракетчики помогали, чем могли. Генерал Яшин разыскал необходимые сорта яблонь и других деревьев, чтобы восстановить сад и поваленную аллею Анны Петровны Керн, распорядился отправить саженцы военным «бортом».

Вообще, замечу, Юрий Алексеевич – человек творческий и душа у него поэтическая. Он вот и знаменитому ансамблю песни и пляски «Красная звезда» помогал в становлении, уже будучи первым заместителем главкома. А в том же Плесецке, куда мы летели, он показал себя в свое время неординарным начальником ракетного полигона. Причем проявлялось это во всем. Для города Мирного и полигона он за короткое время сделал так много хорошего, что старожилы просто не узнавали родные места. Водители вспоминали его добрым словом за дороги, все

жители города – за ожившее озеро, которое едва не загубило соседство с автопарком. При нем в городе появились многоэтажные дома.

Президент Академии наук СССР Анатолий Петрович Александров в очередной приезд в Мирный был потрясен увиденным, «северной жемчужиной» назвал он город. По предложению Яшина на полигоне совместно с Академией наук открылись научно – производственные предприятия. Не случайно жители Мирного избрали Юрия Алексеевича почетным гражданином города. Много внимания уделял начальник полигона семьям ракетчиков, их детям. Списанный самолет Ли-2 по его инициативе стал летним детским кинотеатром. В городе жили полнокровной жизнью военно-патриотические лагеря для подростков. «Зарничники» и «орлята» из Мирного побеждали во всех финалах военно-спортивных игр в Архангельской области, а затем и Союза. До сих пор эти традиции продолжают.

Творчество начальника полигона проявлялось и в работе с кадрами, и в организации испытаний ракетной техники, боевых ракетных комплексов и космических систем. В 1975 году он пришел начальником Научно-исследовательского испытательного полигона. Плесецк он знал не понаслышке. Девять лет до этого был заместителем командира части. И вот – новый виток. Пришелся он на испытания нового высокоавтоматизированного ракетно-космического комплекса «Циклон-3» с ракетой-носителем легкого класса. Его назначили председателем Госкомиссии по комплексу. Справился с доселе неизвестной работой новоиспеченный начальник вполне успешно, испытания провели добротнo и приняли комплекс на вооружение. Этапным, не будем бояться громких слов, стало успешное завершение испытаний подвижного твердотопливного ракетного комплекса «Темп- 2С». На заключительной стадии испытаний и при постановке его на дежурство начальник полигона лично вникал в вопросы его применения, решал вопросы строительства пунктов управления, финансирования, обустройства жизни и быта дежурных смен. За работу по принятию комплекса «Темп-2С» и обеспечение программы длительного хранения техники генерал-лейтенанту Яшину тогда присудили Государственную премию СССР.

К концу 70-х годов под непосредственным руководством Юрия Алексеевича на полигоне создали уникальную экспериментальную базу для дальнейшего испытания перспективных ракетно-космических и боевых систем. Не будем преувеличением сказать, что генерал Яшин в те годы положил кирпичик в фундамент и нынешних «Тополей». За годы службы в РВСН генерал Яшин не единожды возглавлял государ-

ственные комиссии по ракетным и ракетно-космическим комплексам – «Циклон-3», «Воевода», «Старт». Каждый из них – уникальное творение человеческого гения. С тревогой и, быть может с завистью, смотрят зарубежные недруги и конкуренты на эти «изделия».

Яшин по духу и в силу предлагаемых службой обстоятельств – испытатель и «стратег». По окончании 2-го Ленинградского артучилища в 1950 году служил командиром взвода тяжелой гаубичной бригады, но уже в декабре был переведен в бригаду особого назначения в Капустин Яр. Так, задолго до образования собственно РВСН, ракеты стали его судьбой на десятки и десятки лет. В Ракетных войсках вырос от техника отделения до первого заместителя главнокомандующего. Командовал испытательной частью, дивизией в Йошкар-Оле, приняв ее в нелегкое время. Он по праву может гордиться своими подчиненными. Становились они большими людьми, авторитетными в стратегических войсках. Леонид Долинов, к примеру, возглавил испытательное управление, стал Героем Социалистического Труда, Анатолий Перминов руководил Плесецким полигоном, возглавлял главный штаб РВСН, командовал вновь созданными Космическими войсками, сейчас – директор Федерального космического агентства России.

В феврале 1989 года Яшин был назначен заместителем министра обороны СССР – председателем Гостехкомиссии СССР, в январе 1992 года стал председателем Государственной технической комиссии при Президенте Российской Федерации. Гостехкомиссия, являясь федеральным органом исполнительной власти, организовывала деятельность государственной системы защиты информации в стране от утечки ее по техническим каналам. В сферу ее деятельности входили также организация и обеспечение противодействия иностранным разведкам. Юрий Алексеевич на этой государственной должности оказался в сложное, смутное время. Царившее в годы перестройки «новое мышление» проблемы защиты государственных интересов сузило настолько, что недавние «супостаты» получили непосредственный доступ практически к любым ранее секретным сведениям. Достаточно сказать, что в тогдашнем Госкомимуществе, проводившем «прихватизацию» предприятий, в том числе оборонно-промышленного комплекса, работали...18 американских советников!

Генерал армии Яшин создал и Союз ветеранов-ракетчиков. Три срока подряд избирался его председателем, сейчас является почетным руководителем этой весьма авторитетной организации, которую возглавляет ныне энергичный, неравнодушный Владимир Александрович Муравьев,

генерал-полковник в отставке, бывший первый заместитель главнокомандующего РВСН.

Триста пусков и запусков на памяти Юрия Алексеевича, со всех четырех отечественных полигонов – Капустина Яра, Байконура, Плесецка, Свободного. Тот, на который мы летели в Плесецк, был очередным. Двухчасовой полет, воспоминания в ходе которого охватили почти всю яркую, насыщенную жизнь генерала-романтика Яшина, помнятся по сей день.

...В 2011 году Юрия Алексеевича не стало, похоронен он на Троекуровском кладбище, где все военачальники – ракетчики. В Плесецке есть улица его имени, открыта мемориальная доска. Совет ветеранов-ракетчиков учредил медаль его имени, которой награждают и бывших его сослуживцев.

ОТ МЛАДШЕГО ВРАЧА ДО ЭПИДЕМИОЛОГА АРМИИ

*БУРАВЛЁВ Михаил Георгиевич,
подполковник медицинской службы в отставке*

*«Уеду в дальние края – на карте не найти,
Судьба военная моя – солдатские пути...»*

– В 1965 году я окончил Витебский государственный медицинский институт по специальности «лечебное дело». В мединституте работала военная кафедра, и после окончания 5 курса все студенты – парни были отправлены в летние лагеря на сборы по военной подготовке, где я впервые надел военную форму и принял военную присягу. После оформления соответствующих документов, всем, кто прошел сборы и принял присягу, приказом Министра обороны СССР присвоили звание младшего лейтенанта медицинской службы запаса.

После шестого курса института ещё не думалось, что придётся носить погоны 26 офицерских календарных лет. Получилось так: председатель Госкомиссии объявил, что среди 300 выпускников ВГМИ тридцать парней отобраны для прохождения службы военными врачами. Среди них и я, как человек подходящий по морально-деловым качествам и физической подготовке для службы в вооруженных силах. В Ракетных войсках стратегического назначения. С одной стороны – лестно, а с другой неожиданно! Родители поздравили и поддержали, когда я объявил им это решение, тем более, что Ракетные войска в то время являлись самыми передовыми, оснащенными самой современной техникой, и служить в них было престижно.

Получив распределение, расписался в приказе о том, что 1 августа 1965 следует прибыть к месту переподготовки в Капустин Яр. Где этот Капустин Яр находится – никто из нас не представлял. Что там нас ожидает – тоже было не ясно, а потому мы ждали с нетерпением 1 августа.

И вот этот день настал! Всего прибыло в Капустин Яр 85 выпускников из разных медицинских вузов нашей огромной страны. Оказалось, что климат там далеко не тот, что в Белоруссии. Непривычной оказалась жара (с августа по сентябрь), которую пришлось переносить в полевой шерстяной форме с португеей, в фуражке и хромовых сапогах!

Начались занятия по «ракетной» медицине, они продолжались два месяца. Нас познакомили с устройством ракеты, компонентами ракетного топлива. Подробно изучали физико-химические свойства и токсикологическую характеристику поражений компонентами ракетных топлив, особенности клинической картины поражений, оказание неотложной, первой врачебной и квалифицированной медицинской помощи и основные принципы лечения пораженных. Тщательно изучали медицинскую сортировку и объем терапевтической помощи в медицинских пунктах воинских частей и госпиталях соединений. «Штудировали» вопросы диспансеризации военнослужащих и военно – врачебной экспертизы. К концу нашего обучения в Капустин Яр прилетел начальник медицинской службы Ракетных войск генерал – майор медицинской службы Архипов Пётр Иванович. Под его руководством нас распределили с учётом пожеланий по воинским частям. Я выбрал Прибалтику, получил приказ о назначении в город Гвардейск Калининградской области в войсковую часть 41203 (97 ракетный полк) 24 ракетной дивизии.

По прибытии в Гвардейск, где прослужил с некоторым перерывом 13 лет, был назначен в поселок Солдатово на должность младшего врача медпункта. Мой первый непосредственный начальник старший врач полка майор медицинской службы Коноплёв Валентин Игнатьевич стал и моим первым наставником, с ним всегда можно было решить все возникающие вопросы, касающиеся службы и не только.

Поселок Солдатово находился неподалеку от города в живописнейшем месте – чистый сосновый лес, поляны, усыпанные весной ландышами, птичий гомон и мой медпункт, в котором вместе с Валентином Игнатьевичем перепланировали помещения, достроили с помощью бойцов вместительную столовую взамен маленькой тесной комнаты, где обедали находящиеся на лечении солдаты. Перед медицинским пунктом построили фонтан, в центре которого находилась медицинская эмблема. Некоторое время спустя наш медицинский пункт признали лучшим в смоленской армии и на его базе в 1966 году провели общермейский сбор медицинской службы.

С самого начала службы судьба свела меня с замечательными офицерами нашей части. Это – молодые лейтенанты Хаткевич Леонид Тимо-

феевич, Головнев Федор Стефанович, Коновалов Анатолий Кузьмич, Сень Леонид Алексеевич, Закопаев Анатолий Петрович. Оказалось, что эта дружба – на многие годы, мы и сейчас поддерживаем отношения, хотя жизнь разбросала нас не только по разным городам, но и по в разным (странно звучит!) государствам. А тогда мы проживали в общежитии на улице Тельмана, бегали по утрам на школьном стадионе, занимались гиревым спортом, играли в настольный теннис, а я еще и купался в реке Дейме до самых заморозков.

Гвардейск для нас стал родным городом еще и потому, что четверо из шестерых ребят там влюбились. И женились.

В ноябре 1966 года наша часть была снята с боевого дежурства, мы перешли на новые штаты. Наш дивизион направили на двухмесячную переподготовку в Капустин Яр, где личный состав изучал новый комплекс ТЕМП-3. В мою задачу входило медицинское обеспечение военнослужащих, врачебное дежурство в медицинском пункте площадки.

Весной 1967 года поступил приказ главкома РВСН о проведении пусков ракет 8К-51, которыми ранее был оснащен наш полк. Командованием дивизии была сформирована стартовая батарея под командованием майора О. Голубихина. Под руководством командира войсковой части 41203 полковника Фалькова Сергея Корнеевича мы выехали в Капустин Яр для проведения 17 пусков ракет.

Первые месяц-полтора не было для пусков ракет благоприятной погоды, так называемого «окна», и мы провели за этот период только 4-5 пусков. Но впоследствии, когда установилась ясная безоблачная погода, приняли решение о проведении двух пусков ракет в день. Надо отметить, что проведение каждого пуска требовало от всего личного состава больших физических и моральных затрат, поскольку компоненты ракетного топлива приходилось доставлять со складов, которые располагались за 40-50 километров от пусковой площадки, и все это происходило при жаре 35-40 градусов по Цельсию. Рано утром на спецмашинах личный состав отправлялся на склады, а получив компоненты ракетного топлива, доставлял его к месту заправки и пуска. После проведения пуска, опять ехали на склады и получали компоненты для второго пуска, и второй пуск осуществляли уже вечером. Я, как врач, обязан был сопровождать колонну на санитарной машине со всеми медицинскими укладками, чтобы обеспечить оказание первой врачебной помощи в случае необходимости.

Пуски прошли без происшествий – они стали для нас обычной работой. Мы возвратились к месту дислокации в Гвардейск.

Летом того же года формируется на базе 24 рд управление 1357 автомобильного батальона для выполнения правительственного задания по уборке урожая. Командиром батальона был назначен полковник Добрынин Алексей Николаевич, а я – старшим врачом батальона. Личный состав автомобильного батальона вначале работал в Ставропольском крае по уборке зерновых, а затем был передислоцирован в Курганскую область и, наконец, в Воронежскую область для перевозки сахарной свеклы.

За успешное выполнение правительственного задания по перевозке сельскохозяйственных продуктов урожая 1967 года многие военнослужащие были награждены почетной грамотой обкомов КПСС и ВЛКСМ Ставропольского края, Курганской области и Воронежской.

Особенно мне запомнилась переброска из Курганской области в Воронежскую. В дождливый осенний промозглый вечер автоколонна прибыла на железнодорожную станцию, чтобы погрузить наши автомобили на платформы. Поскольку погрузка невозможна в темное время суток, водителям дали команду разойтись по своим машинам и дожидаться рассвета. Заводить двигатели строго запретили. Однако солдаты нарушили приказ, многие из них включили двигатели, чтобы согреться, и незаметно для себя уснули в кабинах. Мы с командованием взвода стали обходить машину за машиной и человек 5-7 обнаружили в бессознательном состоянии. Дело в том, что при работающем двигателе и нахождении водителя в кабине автомобиля, происходит отравление угарным газом. Пришлось срочно выносить потерявших сознание водителей из кабин и оказывать первую медицинскую помощь. На этот раз обошлось без чрезвычайных происшествий.

Восьмого ноября мы возвратились в Калининградскую область и разгрузились в Черняховске, а затем своим ходом вернулись к месту постоянной дислокации в Гвардейск.

В мае 1968 года 97 ракетный полк выводится из состава дивизии, переформируется и передается в распоряжение командира 19 ракетной дивизии с передислокацией в город Хмельницкий на Украине. Я был назначен на должность начальника медицинского пункта ремонтно-технической базы войсковой части 33776 в город Советск Калининградской области, приступив к исполнению служебных обязанностей в августе того же года. Командиром этой части был в то время инженер-подполковник Кукушкин Виталий Дмитриевич.

Во время выхода в полевой район зимой 1969 года произошло ЧП. При возвращении с учений один автомобиль сломался. Для его ремонта

нужно было использовать передвижную мастерскую. Когда открыли дверь мастерской, то внутри обнаружили пятерых солдат в бессознательном состоянии, которые тайком забрались в кунг, расстелив на полу матрацы, чтобы ехать «с удобствами». В кунге стоял запах ацетилена, он исходил из бочки с карбидом кальция, в которую попал снег. Ацетилен выделился при реакции карбида кальция с водой. Вдыхание ацетилена и мелкодисперсной пыли карбида кальция и привело к отравлению и потере сознания бойцов. Солдат нужно было срочно спасать. Со мной на учениях был мой фельдшер сержант сверхсрочной службы Петренко Владимир Михайлович. Быстро вытащили пострадавших на воздух и стали приводить их в чувство. Трех солдат мы быстро привели в сознание, так как они пострадали меньше, поскольку располагались близко к двери, где была некоторая вентиляция кунга. Но двоих военнослужащих, которые оставались без сознания, приняли решение транспортировать в дивизионный лазарет в Гвардейск. До лазарета оставалось километров 80, это примерно полтора часа пути, на протяжении которых мы с Петренко осуществляли находящимся без сознания солдатам вентиляцию легких путем искусственного дыхания и непрямого массажа сердца. В лазарете врачи были готовы к приему пострадавших. Однако, несмотря на все усилия и проводимые мероприятия, одного солдата спасти не удалось. Он скончался от отека легких. Для всех нас – специалистов и для командования это стало большой трагедией.

В июне 1970 года я был направлен на курсы усовершенствования офицеров медицинской службы в Капустин Яр. Занятия проходили в плановом порядке. Мы изучали вопросы улучшения санитарно-гигиенического состояния частей и соединений и профилактики острых кишечных заболеваний, дальнейшего улучшения организации и качества питания личного состава, медицинского обеспечения офицерского состава, санитарно-противоэпидемический режим в лечебных учреждениях.

Но внезапно в конце июля руководство курсов собрало нас на служебное совещание и довело директиву Центрального военно-медицинского управления о том, что в середине июля 1970 года в городе Батуми выявлены больные холерой, один человек умер. Затем случаи заболеваний холерой зарегистрировали в Астрахани, Одессе, Керчи, Нахичевани.

Холера – древнейшая болезнь человека, которая в средние века распространялась во многих странах мира и уносила миллионы человеческих жизней. Всего в мире с 1816 по 1960 годы было зарегистрировано шесть пандемий холеры. Возбудителем является холерный вибрион.

Через несколько дней руководство курсов опять собрало нас и объявило, что в стране создана Всесоюзная чрезвычайная противоэпидемическая комиссия. На одном из заседаний её приняли принято решение отозвать из отпусков всех медицинских работников для проведения противоэпидемических мероприятий, оказанию помощи по выявлению больных с острыми кишечными заболеваниями. Поэтому наши занятия временно прекратили, и нас привлекли к обследованию прибывающих из отпусков и командировок в гарнизон Капустин Яр военнослужащих и членов их семей. Гарнизон является режимным объектом, все прибывающие проходят через контрольно – пропускные пункты, поэтому они организованно доставлялись к нам на беседу и обследование в специально оборудованные для этого помещения. С каждым поступающим приходилось очень тщательно и тактично разбираться, так как они все находились в стрессовом состоянии. Всех поступающих регистрировали в специально заведенных журналах с обязательным указанием места проживания. Проводился подробный сбор анамнеза: откуда прибыл, какое общее самочувствие, частота и характер стула. Проводились общий осмотр, измерение артериального давления, температуры тела, осмотр кожных покровов, слизистых оболочек глаз, зева. Обязательно проводилась пальпация лимфатических узлов, селезенки, печени, кишечника. При появлении жалоб уточнялось наличие симптомов заболевания и дата их возникновения. В день приходилось принимать до 50-60 человек.

Сотни человек прошли обсервацию, были обследованы, привиты холерной вакциной, многие получили лечение антибиотиками. Мы приняли самое активное и непосредственное участие в работе по недопущению возникновения заболевания холерой в гарнизоне Капустин Яр.

На юге в том году созрел небывалый урожай бахчевых культур и помидор. Отправленные баржи, нагруженные арбузами, дынями, помидорами в городах назначения не принимались и не разгружались, так как местные органы боялись распространения холеры. Очевидцы рассказывали, как в Москву пришла огромная баржа, груженная помидорами, а Моссовет дал команду груз не принимать. На солнце помидоры «лопались» и содержимое стекало в Москву реку, вода в которой от этого становилась красной. Помидоры Москва так и не приняла, а Астраханская область терпела колоссальные убытки. Спустя некоторое время учеными было установлено, что арбузы и помидоры при нахождении на солнце не менее 6-8 часов являются не опасными для человека, так

как холерный вибрион при этом погибает. Впоследствии было принято решение о реализации сельхозпродуктов через торговую сеть.

Сроки нашей командировки подходили к концу. Но, прежде чем нам возвратиться к местам службы, нам самим пришлось пройти обсервацию и двукратное бактериологическое обследование на носительство холерного вибриона. Всем нам выдали справки о том, что мы прошли обследование и нам поставлен диагноз «здоров». Затем нашу группу врачей под вооруженной охраной доставили к проходящему поезду Астрахань – Москва, на котором мы и покинули Капустин Яр. При следовании в поезде неоднократно проводились опросы пассажиров о самочувствии, состоянии здоровья, проверки документов военными патрулями и милицией. Мы предъявляли наши справки, и к нам вопросов не было. По прибытии в город Советск я доложил командованию (по телефону) о прибытии из командировки и еще пять суток находился дома на карантине. Для врачей тоже не делалось исключения.

В сентябре 1972 года я был назначен на должность дивизионного эпидемиолога войсковой части 14237, а в 1973 году прошел пятимесячное обучение на академических курсах Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова в городе Ленинграде по специальности «военная эпидемиология». Таким образом, эпидемиология стала моей основной военно-врачебной профессией. Насколько была востребована моя специальность, я убеждался неоднократно на протяжении всей моей службы в армии.

В 1975 году формируется от смоленской 50-й ракетной армии управление оперативной группы ОГ-7 «Урожай-1» для выполнения правительственного задания по перевозке сельскохозяйственных продуктов. Командиром ОГ-7 назначили заместителя командира поставской дивизии полковника Чернова, меня – старшим врачом. В состав оперативной группы входили 1357, 1358, 1361, 1943 автомобильные батальоны. От нашего соединения была сформирована автомобильная рота, которая входила в штат 1357 автомобильного батальона, я с ней выехал к месту размещения батальонов. Все батальоны были расположены в Пензенской области, а управление оперативной группы в городе Пенза. По прибытии к месту дислокации состоялась встреча с руководством Пензенского обкома КПСС и председателем исполкома областного Совета депутатов трудящихся. Нам предоставили гостиницу для размещения офицеров, благоустроенные помещения для личного состава и место для стоянки техники оперативной группы. Также было предоставлено место в аэропорту для размещения вертолета, который придавался опе-

ративной группе. На начальном этапе мы контролировали прибытие эшелонов с техникой и людьми, разгрузкой эшелонов и переезд к месту их размещения и работы.

В областном отделе здравоохранения мы обсудили вопросы оказания медицинской помощи военнослужащим, получили информацию о расположении лечебных учреждений и их штатной численности. Главным врачам поликлиник и лечебных учреждений дали указания по оказанию любой медицинской помощи военнослужащим. У главного санитарного врача области я получил сведения об эпидемиологической обстановке в области, особенно в местах расположения наших подразделений. А также я встретился с командованием пензенского военного госпиталя и согласовал все организационные вопросы.

В самом начале нашего пребывания поступил доклад от врача 1357 ОАБ, что в роте зарегистрированы случаи острых кишечных заболеваний, с подозрением на дизентерию. Я выехал в роту, провел эпидемиологическое расследование и установил, что первым заболевшим стал сверхсрочнослужащий, начальник столовой, который во время остановки эшелона на одной из станций купил на перроне вокзала свежие огурцы.

Поскольку заболел работник пищеблока, начинать работу по уборке урожая не представлялось возможным, так как вся рота оказалась в зоне риска по острым кишечным инфекциям. Всего в роте было выявлено и госпитализировано в инфекционное отделение больницы 26 военнослужащих с диагнозом – острая дизентерия, тип Флекснера. Массового заражения роты не произошло, так как вовремя провели все необходимые мероприятия. Эпидемический очаг считается ликвидированным, когда последний больной госпитализирован, получены отрицательные результаты на носительство возбудителей инфекции, в очаге осуществлены меры заключительной дезинфекции, и по истечении срока инкубации не возникло новых заболеваний. На это понадобилось 15 дней. И только после этого рота приступила к перевозке сельскохозяйственных грузов.

Учитывая происшедшее усилили меры по контролю за санитарно-гигиеническим состоянием мест питания личного состава, обеспечением доброкачественной питьевой водой, усилили санитарно – просветительную работу. И на протяжении пяти месяцев работы в Пензенской области вспышек острых кишечных инфекций в автомобильных батальонах зарегистрировано не было.

... Дальнейшая моя служба проходила с 1976 по 1981 год в читинской армии, в пгт Оловянная-4 начальником подвижного санитарно-эпидемиологического отряда. А последним местом службы стал медицинский отдел 50-й ракетной армии в Смоленске в должности главного эпидемиолога армии.

БУДНИ КОМАНДИРСКИЕ. СТРОГО ПО МЕТОДИКЕ

*ВЛАСОВ Виктор Константинович,
полковник в отставке, командир 323 гвардейского
Краснознамённого Демидовского ракетного полка в 1975-1983 г.г.*

- В полк я приехал к вечеру 21 февраля 1975г. На приём должности мне отвели 6 суток. Конечно, я заранее продумал и спланировал технологию и процесс приёма должности, ознакомления с полком с учётом имеющегося опыта. По итогам 1974 учебного года полк был отличным.

22 февраля с подъёма ознакомился с выполнением распорядка дня и утренних мероприятий личным составом полка и дивизиона, где дислоцировались штабы полка и 2 дивизиона, РТБ и 2 бригады, узел связи полка, группа регламента и 2 бригада РТБ. Бросилось в глаза несоответствие выполнение распорядка дня уставным требованиям.

Днём заслушал начальников служб полка о состоянии дел в подчинённых службах, а также командиров дивизионов по вопросам боевой готовности, подготовке стартовых батарей и подразделений, затем заслушал и побеседовал с каждым заместителем командира полка.

Первым был на беседе заместитель по ракетному вооружению подполковник И.М. Гребёнкин. Я хорошо его знал с 1961 г. по совместной службе в 42 рп, затем мы были одновременно заместителями командира полка по РВ в одной армии. Знал как грамотного, исключительно добросовестного и добропорядочного, старшего по возрасту человека и доверял ему, поэтому его оценка и личное мнение о состоянии дел в полку были для меня важны. Более того, я попросил дать характеристику с его стороны каждому заместителю командира, командирам дивизионов, начальникам служб полка и основным должностным лицам подразделений полка и дивизионов, ибо он служил в полку уже около 10 лет.

Вечером был представлен офицерам, прапорщикам и личного состава полка и 2 дивизиона на совместном торжественном собрании в клубе в честь годовщины СА и ВМФ СССР.

В течение 23–27 февраля ознакомился с расположением, размещением, обустройством, состоянием дел, заслушивал соответствующих должностных лиц.

24 февраля в полк прибыл командир дивизии генерал-майор Егоров В.М., который охарактеризовал заместителей командира полка, командиров дивизионов, отдельных командиров батарей, состояние боеготовности полка, указал на имеющиеся недостатки, поставил ближайшие и перспективные задачи по поддержанию боевой готовности полка.

28 февраля подписал акт приёма полка, издал приказ о вступлении в должность и доложил командиру дивизии.

Впечатление о состоянии дел в полку сложилось не однозначное. На мой взгляд, был он далеко не отличным. В течение марта с инструкторской группой полка лично проверил все стартовые батареи. В целом остался доволен их подготовкой, однако ни один боевой расчёт, оцениваемый отлично, не подтвердил этой оценки.

За это же время представился должностным лицам дивизии, гарнизона, познакомился с представителями городской и районной властей, должностными лицами воинских подразделений гарнизона, КЭЧ, подшефных колхозов и предприятий города Гусева и обсудил с ними вопросы взаимодействия.

Благоприятное впечатление сложилось об офицерском коллективе полка в целом, а также о заместителях – зам. командира полка подполковнике Четырко Г.А., зам. по политчасти подполковнике Астафьеве В. Г., нач. штаба подполковнике Гриненко В.И., зам. по тылу подполковнику Шмелёве Г. Б., командире 2 дивизиона подполковнике Моисееве Л. М.. В процессе углубленного изучения положения дел в полку наметился ряд вопросов, которые требовали решения.

В мае полк подвергся внезапной проверке комиссией во главе с главнокомандующим РВСН генералом армии Толубко В.Ф. В комиссии были зам. главнокомандующего по боевой подготовке генерал-полковник Мелёхин А.Д., член военного совета РВСН генерал-полковник Горчаков П.А., начальники управлений и служб РВСН.

Две батареи из числа отличных, как и полк в целом, не подтвердили звание, были оценены на «хорошо». Главнокомандующий лично ознакомился с боевой позицией 2 дивизиона и в клубе дивизиона провёл разбор

с руководящим офицерским составом дивизии, указал на выявленные недостатки (в целом по дивизии), поставил задачи по их устранению.

К началу декабря 1975г. были сделаны пристройки и переоборудованы казармы 1, 4, РЭЗМ-1, ЭРР-1, ЭРР-2, РЭЗМ-2, группы регламента, и отделение подвоза переведено во 2 дивизион. Во второй половине 1976г. на базе полка (в основном 2 дивизиона) в масштабе 50 ракетной армии были проведены учебно-методические сборы помощников командиров полков и дивизионов по инженерно-технической службе (пом. командира полка по ИТС майор Рубанченко В.П.).

В течение 1975-1977г.г. были дооборудованы все деревянные казармы полка, построены навесы для техники, сооружена пристройка к столовой 2 дивизиона с обеденным залом для прапорщиков, приём пищи был организован в одну смену. ББО перевели во 2 дивизион. Строевые плацы в дивизионах привели в соответствие с требованиями руководящих документов, образовали нештатный духовой оркестр в полку, дооборудованы спортивные площадки и стадионы, заасфальтированы дороги к 7 и 8 батареям, построены навесы для компрессоров 8ГЗЗ в районе стартовых позиций, а также для некоторых машин ЗИП отделений батарей (по возможности свободы территорий). Кроме того, в течение до 1979 года был построен спортзал во 2 дивизионе площадью 25х12м высотой 6м., оборудован учебный корпус УС (из сборно-щитовой казармы), заасфальтирована дорога к ремонтному зданию группы регламента, навесы для техники ББО, переоборудован 1 этаж казармы на зимних квартирах (освободившийся после перемещения отделения подвоза во 2 дивизион) под семейное общежитие офицеров и прапорщиков.

Переоборудовали склады имущества инженерной и химической служб, а также службы КЭС, дооборудовали парки для автотранспорта, перевозящего офицеров и прапорщиков, на зимних квартирах, оборудовали склад техники НЗ в одном из свободных сооружений №2 во 2 дивизионе (с обратной стороны сооружения) и многое другое. Заканчивая тему строительства и дооборудования сооружений, скажу, что полк стал инициатором в масштабе 50 армии в решении ещё одной бытовой проблемы. Очень холодная зима 1979-1980 гг. показала, что сборно-щитовые казармы (их срок эксплуатации доходил уже за 20 лет) не обеспечивают поддержание теплового режима в казармах, учебных корпусах. Было принято решение для утепления обложить кирпичом щитовые казармы, что позволило в итоге поддерживать температуру в них в пределах необходимой. В течение 1980-1981 годов все сборно-

щитовые казармы были обложены кирпичом. Этот почин поддержали во всех частях армии.

При решении вышеизложенных вопросов, конечно, самым трудным было материально-техническое обеспечение строительства и переоборудования (дооборудования) казарм, учебных корпусов, всевозможных построек.

Самым большим подспорьем было наличие и большое развитие подсобного хозяйства (свинарников) в дивизионах, налаженная система экономии чёрного хлеба и сельхозпродуктов, что позволяло иметь необходимые средства на статью «вид1», а также рациональное использование денежных средств по бюджетным статьям и пополняемых материальных средств, ЗИП, расходных материалов служб полка. Этому способствовали и деловые связи и с местными органами и подшефными организациями, а также с военным лесничеством. Хочу отметить, что начиная с 1976 г. по 1983г. подсобное хозяйство обеспечивало экономию более 3-х месячной нормы мяса и полугодовой нормы чёрного хлеба, а также экономию продуктов и овощей за счёт надлежащего обеспечения хранения и заработанных при заготовке таковых в колхозе, обеспечивающем поставку их по договору. Этому способствовали добросовестность, инициатива и ответственность в первую очередь прапорщиков тыла Спириденкова П., Сивака В., Шаронова А., Петрова В., Вороно М.и др., ответственных за получение, хранение овощей, продуктов, имущества, и внедрение контейнерного способа хранения, хранения на стеллажах овощей. Как пример отмечаю, что на праздники, вплоть до 8марта, личному составу выдавались дополнительно, кроме масла, печенья, конфет, и яблоки, заготавливаемые в подшефном колхозе. Или, например, выделение по приказу командира дивизии 30 т картофеля 330 рп г.Знаменск в марте месяце 1979 г. из текущих запасов полка. Ещё один пример. Прапорщик Сивак В. на каждый парково-хозяйственный день требовал (доходя до командира полка) выделения личного состава для переборки, отсортировки картофеля и овощей, что способствовало не только сохранности, но и экономии их.

Выполнение всех этих задач, конечно же, никоим образом не нарушало решения главной: несения боевого дежурства в постоянной боевой готовности...

Решение всех задач, стоящих перед полком, немисливо было без исключительно слаженного, высоко профессионального, ответственного, подготовленного коллектива офицеров, прапорщиков, рабочих и служащих, партийно-политического аппарата, партийных и комсомольских

организаций, суда чести офицеров, совета прапорщиков, профсоюзного комитета, женсовета, которым я искренне поныне благодарен за помощь и поддержку. Всё это в комплексе позволяло полку в течение 1975-1983 годов быть в числе передовых в армии, не опускаться ниже 5 места по итогам каждого года, все итоговые проверки комиссий ГК РВ, во главе с зам. главнокомандующего РВСН Григорьевым М.М. в 1977 г., зам. начальника Боевой подготовки РВСН генерал-майора Орехова Л.В. – дважды, в последующие годы и других должностных лиц Ракетных войск – трижды, зам. командующего армией по боевой подготовке генерал-майора Лапшина А.С., успешно сдавать с оценкой «хорошо». Полк награждался за успехи в боевой и политической подготовке переходящим Красным знаменем военного совета армии, Калининградского обкома КПСС и облисполкома.

Неоднократно полк посещали командующие армией генерал-полковники Герчик К. В., Яшин Ю.А., зам. командующего армией генералы Неделин В.С., Прокопеня В.А., члены военного совета армии генералы Хренов С.М., Куринный И.И.

В 1977 г. под руководством зам. по тылу РВСН генерал-лейтенанта Сулацкова Ф.С. на базе полка были проведены сборы с зам. командующих армиями и командиров дивизий по тылу с проведением опытно-тылового полкового учения с выводом и вывозом КРТ и ГСМ в полевой район и обеспечением снабжения ими подразделений полка в полевых условиях.

Большое усердие проявили начальники служб тыла капитаны Егоров, Горн, Чернобаев. Впервые было практически опробовано хранение ГСМ в прорезиненных тканевых резервуарах и оборудование капониров, укрытий для техники и указанных резервуаров в полевых условиях с элементами маскировки и скрытности, порядка их переброски в поле, а также организация хранения и пополнения, расходования тыловых запасов в складах на местах постоянной дислокации полка и дивизионов и взаимодействие со службами тыла округа по этим вопросам.

В 1980 г. полк был представлен от РВСН на конкурс министерства обороны СССР по физической подготовке и спортивно-массовой работе и успешно справился с поставленной задачей, особо активен в этом был начальник физподготовки полка ст. лейтенант Тихонов М.

Коротко остановлюсь на особенностях методики, организации и методах, приёмах решения задач полком в основных сферах повседневной деятельности.

В поддержании боевой готовности, выучки и учёбы, к примеру. Было внедрено ежемесячное подведение итогов с офицерским составом полка с определением нерешённых вопросов, причин их невыполнения и постановкой задач на следующий месяц. Итоговый документ готовил зам. нач. штаба (майор Рыков А.Я., затем майор Резник А.С. – исключительно добросовестные, опытные, грамотные штабные офицеры). Я письменно определял перечень нерешённых и решённых задач, оценки подразделениям с определением лучших и отстающих подразделений, расчётов, персонально офицеров, прапорщиков и др. и задачи на следующий месяц (период), а также вопросы согласования заместителями, командирами дивизионов, начальников служб полка для отражения в итоговом документе. При подведении итогов за квартал, полугодие, год (при необходимости и за месяц) поощрялись лучшие офицеры, зачитывался приказ командира и доводились требования текущих приказов и директив вышестоящего командования. Периодически проверялось комиссией полка проведение еженедельных подведений итогов в подразделениях, а также доведение до личного состава требований директив.

Проводили плановые и внезапные учения (проверки) дивизионов и стартовых батарей с обязательным разбором со всеми должностными лицами итогов и выявленных недостатков и сроков их устранения.

Обязательно проверялись инструкторской группой полка не менее одной стартовой батареи в месяц в каждом дивизионе (зачётное занятие). Этому вопросу мной уделялось особое внимание, т.к. начиная с 1997 г. после убытия заместителя подполковника Четырко Г.А. назначенный майор Жульков В.И. полтора года не мог освоить работу стартовой батареи для её проверки. Вплоть до сдачи полк, должность заместителя оставалась вакантной.

...С середины 1970-х остро встал вопрос об укомплектовании офицерским составом, некомплект доходил до 75-80%, поэтому в полку была развёрнута работа с офицерами двухгодичниками по оставлению достойных в кадрах, подготовке прапорщиков к сдаче экзаменов экстернами в военных училищах для получения офицерских званий. Так, были оставлены в кадрах призванные на два года офицеры запаса лейтенанты Шестаков, Лад, Перфилов и др., окончили экстерном училища и стали офицерами прапорщики Этлин В.Н., Порицкий А.В., Сурин Е., которые зарекомендовали себя только с положительной стороны и добились в дальнейшем как продвижения по службе, так и высоких офицерских званий. По этому вопросу я в управлении армии делился опытом работы в 1981 г. Для указанных офицеров оборудовали семейное общежитие,

которое на первых порах решало жилищную проблему, а к 1982г. был сдан 100-квартирный дом в г. Гусеве.

Конечно же, в работе по поддержанию и укреплению дисциплины я опирался на партийно-политический, комсомольский, профсоюзный аппарат, возглавляемые в разное время заместителями по политчасти Астафьевым В.Г., Батановым Г.Н., Махнёвым А. В., секретарями парткома части Лаптевым М. И., Рубченко Ф.И., Захаровым Ю.В., секретарями комитета комсомола Грачёвым Ю.А., Порицким А.В., председателем профкома Зайцевой, на партийные и комсомольские бюро дивизионов, первичные партийные и комсомольские организации, а также на активистов и примерных офицеров, прапорщиков, старшин, сержантов, солдат, рабочих и служащих части. Большую помощь в этой работе оказывал и женсовет части. Взаимодействие с активом в вопросах участия в самодеятельности, организации выездов членов семей по местам боевой славы в области, в Брестскую крепость, отдыха детей в пионерлагерях, участия в общегородских и областных спортивных соревнованиях и конкурсах...

Без указания должностей и званий вспомню тех, кто на протяжении исполнения мною должности командира полка являлись надёжной опорой, в чём исключительно им благодарен. Это – Азаренко А., Питенков Г.М., Давыдовский, Цветков, Химкин, Лис Б.Е., Мирошниченко Е., Филенко, Киселёв К.Ф., Кузнецов В.Ф., Макаров В. В., Мацов О., Павленко, Бельмогаев, Витковский Е., Федотов А., Осыка Б. А., Гуськов Б.Е., Старовойтов, Яковлев В.П., Фролов, Толкачёв Э., Щербаков В В., Панков, Лещинский, Оникиенко О. Г., Моисеев Л.М., Федотов, Андросенко В.В., Ишмуратов Ф, Х., Дергунов, Алёшин, Мурахтанов А., Рисман, Кочергин, Панов, Зубков П.М., Алексеев, Андрюшкин В.С., Стрыгин А.Ф., Иванов В., Тимофеев, Мамонтов В.В., Ильин В.В., Картмазов, Архипов, Шахов....

ВОСПОМИНАНИЯ КОМАНДИРА 24 РАКЕТНОЙ ДИВИЗИИ

*ПОЛЕНКОВ Геннадий Михайлович, генерал-майор в отставке,
руководитель ветеранской организации дивизии*

– В 1980 году, будучи заместителем командира Шяуляйской дивизии, я командовал оперативной группой № 2 от Ракетных войск на уборке урожая в Новосибирской области. Урожай в области удался, но условия, в которых пришлось работать труженикам сельского хозяйства и нам, военным, оказывая помощь в вывозе зерна и других сельхозпродуктов, были весьма сложными. К тому же шли проливные дожди, поля и дороги развезло, техника стояла, уборка никак не могла набрать нужных темпов, план не выполнялся.

В соответствии с полученными установками от руководства объединения нам категорически запретили возить какие-либо другие грузы, кроме сельхозпродуктов, хотя в этом нуждались совхозы и колхозы, обслуживаемые оперативной группой.

Прямо скажем, мы встретили в этом вопросе непонимание со стороны руководителей области, районов и хозяйств, так как работы для автотранспорта и наших рук было более чем достаточно.

В этот трудный период в начале августа мне позвонили из Главного штаба РВСН и сообщили, что в нашу оперативную группу собирается

приехать главнокомандующий РВСН В.Ф. Толубко, который в это время находился в Барнауле.

Штаб оперативной группы дислоцировался в посёлке Краснозерское, а четыре её автобатальона поротно и повзводно были разбросаны по всей Новосибирской области. Для встречи главнокомандующего к нам прибыл первый заместитель облисполкома Новосибирской области с сопровождающими лицами. Главком прилетел на вертолёт, мы его встретили на аэродроме, и сразу же выехали в штаб оперативной группы для заслушивания. Для того, чтобы принять вертолёт в сложившихся погодных условиях, пришлось готовить специальную площадку насыпного типа – ушло 25 самосвалов щебня. И ещё маленький штрих. Я приготовил для Главкома и сопровождающих его лиц резиновые сапоги, но он от них отмахнулся и тут же поплатился – набрал воды в свой туфель, но не подали виду.

В.Ф. Толубко был одет в гражданскую одежду, выглядел уставшим, но усталости не поддавался. Он внимательно заслушал заместителей начальника опергруппы и меня о выполнении поставленных задач. Заслушивание проходило по-военному – по картам, подготовленным нами для каждого, в том числе и представителей области. Я докладывал по электрифицированной карте Новосибирской области, на которой были нанесены все места размещения подразделений автобатальонов и маршруты движения автотранспорта. Докладывать Главнокомандующему мне пришлось впервые. Я подготовился тщательно, докладывал последовательно и подробно о состоянии автотранспорта и проводимых работах, о моральном настрое людей, обустройстве и обеспечении, а также о тех условиях, в которых работали подразделения оперативной группы. Главком остался доволен докладами и сказал, что намерен ознакомиться на местах с состоянием дел. Поставил мне задачу спланировать эту работу на два полных дня. Мы составили план работы на карте, с которым он согласился, и с утра следующего дня приступили к работе. Встречаясь с личным составом подразделений, руководителями районов и хозяйств, Главнокомандующий убедился в достоверности моего доклада по всем направлениям.

На аэродроме в Новосибирске у трапа самолёта перед убытием его в Москву у нас состоялся разговор, который позволил мне с учётом сложившихся условий развернуть широкую работу по оказанию всесторонней помощи сельскому хозяйству Новосибирской области, используя все возможности автотранспорта и рук личного состава. Таким подходом к делу остались довольны все местные руководители.

Главком приказал мне докладывать о выполнении задач еженедельно по субботам, независимо от того, где он будет находиться. Я докладывал систематически, как приказано, тем более, что было о чём докладывать: работа шла успешно, личный состав оперативной группы решал все поставленные задачи с большим энтузиазмом.

Три дня с В.Ф. Толубко, проведённые в основном в полёте в вертолёте, в общении с людьми, позволили мне увидеть его как человека и организатора широко масштаба, заботливого, чуткого, в то же время требовательного и жёсткого, но главное всё же – не предвзятого, способного вникать и понимать все нюансы обстановки.

Именно эта встреча, на мой взгляд, сыграла определенную роль в моей дальнейшей службе. Главком оценил наш нелёгкий труд, ту организацию, которую он увидел на местах, а впоследствии и успешное выполнение поставленных задач. Это послужило одним из факторов моего назначения на должность командира 24 ракетной дивизии. Где-то в конце октября, когда работы уже шли к завершению, по окончании моего очередного доклада Главком поблагодарил меня и весь личный состав оперативной группы, сообщил, что есть мнение руководства Ракетных войск (так он выразился) предложить мне должность командира передового соединения. Если честно, то в то время я и не знал, какое же соединение является передовым, но подобного вопроса не задал. «Вы справитесь?» – спросил главком, и я ответил традиционно, что приложу все силы, опыт, знания, свои возможности и не подведу. «Хорошо», – сказал он. И на этом закончился наш последний разговор.

По окончании работ и отправке всех эшелонов оперативной группы к местам постоянной дислокации я был вызван в Главный штаб РВСН и представлен В.Ф. Толубко. Беседа проходила вдвоем и длилась больше часа. Она проходила в хорошей, доверительной обстановке и была напутствием на мою дальнейшую службу в должности командира первого ракетного соединения Ракетных войск стратегического назначения.

В декабре состоялся приказ, и 20 декабря 1980 года я вступил в должность. Представил меня личному составу дивизии командующий армии Ю.А. Яшин. Перед отъездом из дивизии командующий спросил меня, есть ли какие вопросы. Ответив «да», я доложил, что не был в очередном отпуске, не говоря уж о представляемом за уборку урожая, и попросил хотя бы часть отпуска после вступления в должность и ознакомления с дивизией. Он ответил мне вопросом: «Тебе важнее отпуск или дивизия?». На этом вопрос об отпуске был исчерпан, а мне было не привыкать. Так я вступил в командование 24 ракетной дивизией, приняв её от

генерала В.В. Субботина, назначенного заместителем командующего 50 ракетной армии по боевой подготовке.

В первую неделю своего командования я познакомился с управлением дивизии, заслушал заместителей и начальников служб о состоянии дел, методах их работы, познакомился с историческим формуляром дивизии, спланировал свою ближайшую работу в частях дивизии. В эти же дни я был представлен руководству Калининградской области и познакомился с руководством района. Свою первую работу в частях я спланировал таким образом, чтобы с перерывом в одни сутки поработать в каждом полку в течение трёх суток, в течение одних суток – в ремонтно-технических базах, узде связи и военной школе младших специалистов. Я хотел увидеть весь уклад жизни и учёбы, боевого дежурства и обеспечения, днём и ночью, увидеть систему работы командиров по выполнению расписания занятий и распорядка дня. В процессе работы побеседовал со всеми командирами подразделений, частью офицеров, встретился с личным составом дивизионов и сборочных бригад на месте выполнения задач и в вечернее время, осмотрел все объекты и сооружения. При этом я поставил перед собой задачу: всё увидеть, оценить, сделать для себя первоначальные выводы, но нигде и никому не делать замечаний, не говоря уж о каких-то резкостях. Я понимал, что за всем везде стоят люди со своими характерами, способностями, стремлениями и возможностями, и прежде чем что-то критиковать, надо было этих людей узнать. Всегда считал и считаю: исходными данными для себя и своей работы могут быть только те, которые получишь в результате более глубокого изучения людей и их системы работы, а для этого надо время, больше общения со всеми категориями личного состава и, прежде всего, с офицерами. Необходимо увидеть часть, подразделение, воинский коллектив в различных условиях обстановки, в процессе боевой учёбы, охватив все аспекты хотя бы типового характера.

Если говорить, не кривя душой, то полностью обстановку, которая сложилась в дивизии, я почувствовал где-то через полгода, а значит и командовать начал со знанием дела. Само собой разумеется, я увидел определённые недостатки, не всё было выдающимся и передовым, во многих вопросах дела обстояли хуже, чем я ожидал, и чем они были в Шяуляйской дивизии, где я был заместителем командира дивизии. Особенно это просматривалось в организации боевой подготовки, в конкретной подготовке боевых расчётов и в состоянии учебно-материальной базы. Всё познается в сравнении, если, конечно, есть с чем сравнивать, а у меня кое-какой опыт уже был. В процессе своей службы я

заканчивал командование подразделениями и полком трёхдивизионного состава отличными, получив их в наследство посредственными, неудовлетворительными (дивизион) и последними в дивизии (полк). В этом же случае ситуация была неординарной – я принял под командование передовое соединение Ракетных войск, а это, в свою очередь, накладывало особую ответственность и заставляло искать новые пути и способы работы, чтобы удержать это высокое звание. Самым неожиданным для меня на начальном пути командования и общения с офицерами, особенно низового, батареинового звена, была их уверенность в том, (наверное, в некотором роде привычка), что всё равно поставят высокую оценку как передовым, так зачем «лезть из шкуры». Именно в этом я и увидел свою главную задачу, своё главное звено в работе. Необходимо было, прежде всего, обеспечить качество боевой учёбы, справедливость оценок, но при этом ни в коей мере не сваливать промахи, недостатки, провалы на прошлое время, а считать их своими собственными.

Заместители командира дивизии были опытными офицерами, пользовались авторитетом в частях соединения у всего личного состава. Полковники Заровный Владимир Семёнович, Шелест Борис Андреевич, Кочетков Александр Филиппович, Овчинников Леонид Васильевич, Гончарик Михаил Кузьмич были профессионалами своего дела и руководителями высокого класса, хорошо восприняли меня и мы работали с ними в полном взаимопонимании. Однако, в их суждениях и подходах просматривалось некоторое иждивенчество, порождённое определёнными послаблениями в оценке состояния дел в дивизии в прошлые годы. Ни в коей мере не умаляя достоинств и качеств заместителей командира дивизии, особое уважение в течение всей службы в дивизии я испытывал к заместителю командира дивизии полковнику Овчинникову Л.В. (к сожалению, рано ушедшему из жизни). Это был очень грамотный инженер, профессионал-ракетчик, требовательный к себе, командирам частей, подразделений и офицерам служб вооружения всех звеньев, очень последовательный, методичный, на первый взгляд, инфантильный, но на самом деле энергичный организатор. Причём, учитывая тот факт, что заместитель командира дивизии, как правило, находился на уборке урожая, я привлекал Леонида Васильевича на учениях с дивизией в качестве начальника подвижного запасного командного пункта и он успешно с этим справлялся. Подвижный пункт управления дивизии под его руководством всегда отличался в лучшую сторону и получал хорошую оценку. Главный свой вопрос – поддержание вооружения и техники в готовности к боевому применению – он тоже решал всегда

успешно, благодаря созданной им системе работы. За весь период моего командования дивизией не было ни одного провала или крупных неприятностей, связанных с эксплуатацией ракетного вооружения. Он возглавлял этот ответственный участок боевой готовности в течение 13 лет до конца её расформирования.

Командиры полков и ремонтно-технических баз были опытными организаторами и специалистами, способными решать поставленные задачи. Командир 25 рп полковник Караваев Руфим Сергеевич. уже более восьми лет командовал полком, но уставшим от этой ноши не выглядел, хорошо знал подчинённых, полностью владел обстановкой, умел работать с людьми и поднять их в критические моменты на выполнение любой задачи. Но в повседневной работе он недостаточно уделял внимания боевой подготовке, был склонен к натаскиванию перед проверками, что не давало возможности стабилизировать уровень подготовки боевых расчётов. Система работы командира полка по укреплению воинской дисциплины давала серьёзные сбои.

Командир 323 рп Власов Виктор Константинович являл собой пример руководителя, чётко видящего все стороны жизни и боевой учёбы, но сосредотачивающего усилия на главных вопросах – боевом дежурстве, боевой выгучке расчётов управления и пуска, эксплуатации вооружения и техники, оставляя остальные вопросы на решение заместителей и командиров подразделений. Высокопрофессиональный офицер, отлично знающий ракетный комплекс, выдержанный и культурный, он командовал полком уже шесть лет.

Командир 330 рп Журавлёв Юрий Михайлович командовал полком три с лишним года, много внимания в работе уделял поддержанию жизни и деятельности полка в рамках Устава, совершенствованию объектов полка и приведению их в образцовое состояние, твёрдо знающий свои обязанности, требовательный, подвижный и энергичный.

Все начальники ремонтно-технических баз были с большим жизненным и служебным опытом, специалистами высокого класса, способными с высоким качеством решать весь круг задач боевой готовности, боевого дежурства, жизни и быта личного состава. Это полковники Кукушкин Виталий Дмитриевич, Курушин Борис Михайлович, Шоботов Владимир Михайлович, Мне также понравились своим подходом к выполнению задач и состоянием своих объектов начальник узла связи дивизии подполковник Константинов Юрий Иванович и начальник военной школы младших специалистов Ломакин В.Ф.

Все командиры дивизионов были ответственными офицерами, и я впоследствии не раз в этом убеждался. Многие из них были выдвинуты на вышестоящие должности или на учёбу в академию. В 330-ем рп 1-й ракетный дивизион возглавлял майор Богомазов В.А., 2-й ракетный дивизион – майор Шамыгин Е.П., в 25 рп 1-м дивизионом командовал подполковник Дюкарев А.В., 2-м – майор Распопов В.Н., в 323 рп 1-м дивизионом командовал майор Белоносов Л.М., 2-м – подполковник Моисеев Л.М.

Конечно, нельзя, хотя бы кратко, остановиться на той большой работе всего офицерского состава дивизии, которая способствовала успешному решению задач по поддержанию боевой готовности – работе по формированию воинских коллективов и высокой морально-нравственной атмосферы в них, что, в свою очередь, способствовало поддержанию крепкой воинской дисциплины. Но основными организаторами на этой важнейшей стезе являлся партийно-политический аппарат, возглавляемый политическим отделом дивизии, партийные и комсомольские её организации. И основа этой работы в частях – полках и ртб, в вшмс. узле связи и подразделениях. Хочу со всей ответственностью сказать, что эти участки возглавляли преданные этому делу и ответственные политработники. Я всегда уважал этот труд и активно в нём участвовал. Как и все офицеры они менялись, оставляя глубокий след и память о себе в воинских коллективах – это Климчук В.Т., Журавлёв В.М., Батанов Г.Н., Махнёв А.В., Архипов В.Б., Перцев Н.Н., Рудышин И.А. и многие другие.

Трудно давать оценку людям, особенно по прошествии почти двух десятков лет, тем более, как бы я объективно не подходил к этой оценке, она будет всё-таки субъективной. Когда оглядываешься назад и стараешься подвести итоги определённого периода своей службы, дать оценку своей работе, своим поступкам, то чаще всего в памяти встают наиболее яркие эпизоды, страницы, лица людей и их отношение к делу, к своему окружению. Казалось бы, немного времени прошло, но моя память детально всё воспроизвести не может, а хотелось бы больше говорить о тех командирах, офицерах, кто своим круглосуточным трудом поддерживал воинский порядок и дисциплину, крепил боевую готовность, нёс боевое дежурство. Отдавая все силы и умение при подготовке и проведении тактико-специальных учений и занятий, особенно связанных с выходом на учебные полевые позиции, они учили своих подчинённых тому, что необходимо на войне.

За шесть лет командования дивизией у меня были разные периоды – радостные и грустные, светлые и чёрные, были очень тяжёлые, которые

я всегда связывал со своими личными промахами и очень переживал. Но, пожалуй, не было в службе лёгких периодов. Больше всего я работал на пределе своих сил и возможностей при подготовке и проведении тактико-специальных учений с полками и ртб, а также при подготовке дивизии к итоговым проверкам с проведением учения с дивизией. Я особенно чувствовал, знал и любил этот воинский труд, который приносил определённое удовлетворение.

В 1981 году дивизия в плановом порядке должна была подвергаться итоговой проверке комиссией Главного командующего РВСН, поэтому вся боевая подготовка и работа командиров и штабов была направлена на подготовку к ней. Кто не хочет успешно отчитаться перед столь высокой комиссией и показать всё то, на что способны, чего достигли, чему научились? Отчитаться, а значит, и показать эффективность всей своей системы работы по поддержанию боевой готовности. Я всегда опасался натаскивания и поэтому старался решать эти вопросы, опираясь на типовые начала повседневной жизни частей и подразделений. Особое внимание в процессе боевой учёбы я уделял маршевой подготовке стартовых батарей в составе колонны дивизиона, подготовке подвижных пунктов управления к управлению на марше, при развёртывании наземного оборудования на полевых позициях и занятии установленной степени боевой готовности личным составом, вооружением и техникой.

Много было трудностей в поддержании автомобильной техники в боеготовом состоянии, учитывая её долгий период эксплуатации и дефицит запасных частей, особенно это касалось дизельных машин – Кразов и МАЗов. Большую работу в этом вопросе проводил начальник автомобильной службы дивизии подполковник Ткаченко Анатолий Афанасьевич. Им была продумана система целевых осмотров, целевых ремонтов при парм дивизии и атрм полков. К летнему периоду 1981 года дивизия была подготовлена. Основное внимание уделялось подготовке боевых расчётов без увольняемых в запас солдат и сержантов, вводу в строй молодого пополнения и надёжному закреплению полученных в первом полугодии навыков сержантов, допущенных к работе за офицеров. Были проведены рекогносцировки полевых боевых и учебных полевых позиций и маршрутов выдвижения к ним, отработаны вопросы развёртывания комендантской службы, организации связи на марше, уделено внимание к скрытному выдвижению с привлечением взаимодействующих частей других видов Вооружённых Сил.

Однако у меня вызывал беспокойство тот факт, что 330 рп принял новый командир Лукинов Леонид Петрович, у которого не было достаточ-

ного опыта в управлении полком. Поэтому основные усилия управления дивизии и свои я направил на этот полк и к итоговой проверке, к исходу июля, появилась уверенность в том, что и командир, и полк с поставленными задачами справятся. Комиссию Главнокомандующего РВСН в дивизии возглавлял заместитель начальника Боевой подготовки Ракетных войск генерал-майор Орехов Л.В. Он создал в процессе работы деловую и требовательную обстановку, которая способствовала успешному раскрытию в полном объёме полученных знаний и умений частями и подразделениями. Действия дивизии на учении оценили хорошей оценкой и мы чувствовали большое удовлетворение, прежде всего, от той большой работы, которая предшествовала проверке. Всё же, как я и опасался, в полку подполковника Лукинова Л.П. один боевой расчёт получил неудовлетворительную оценку по причине несоблюдения технологии сборки СП-6 на учебной полевой боевой позиции, а управление полка за учение оценили на удовлетворительно. Но в целом дивизия выдержала ещё один экзамен. Учение выявило и недостатки частей и подразделений, над которыми надо было работать, разложив всё по полочкам после глубокого анализа. С другой стороны, у меня появилось больше уверенности в системе личной работы, системе работы управления дивизии в поддержании боевой готовности и организации боевой учёбы.

За шесть лет моего командования произошло много событий в жизни дивизии, сменились заместители командира дивизии, офицеры управления, командиры частей и подразделений. Приходилось вновь и вновь заниматься вопросами их становления и утверждения в должности. Подполковник Лукинов Л.П., к сожалению, не справился с полком, оказываемая ему постоянная помощь с моей стороны и со стороны офицеров управления дивизии оказалась нерезультативной. Полк потерял прежние позиции, завоёванные под руководством предыдущих командиров. Чтобы окончательно не развалить воинский коллектив, мною было принято решение о ходатайстве по снятию его с должности. В принципе, Леонид Петрович был порядочным человеком, высококультурным, сдержанным, неплохим специалистом, но, видимо, полк ему был не по плечу. В феврале 1983 года его сменил подполковник Иванов Валерий Сергеевич, который смог удержать и развить достижения полка, сплотить воинский коллектив и направить его усилия на решение поставленных задач. Хочу отметить, что в процессе руководства полком ему дважды пришлось столкнуться с неординарной ситуацией, когда приходила, а впоследствии отменялась директива о снятии полка с боевого дежурства, даже приходили железнодорожные цистерны на стан-

цию примыкания под компоненты ракетных топлив. Вроде бы ничего особенного – ведь отменили своевременно! Но не все понимают, сколько стоило труда и усилий командиру полка, чтобы не дать разложиться коллективу полка, удержать и стабилизировать морально-психологический настрой офицеров и прапорщиков, поддерживая на должном уровне боевую готовность и систему боевого дежурства. Подполковник Иванов В.С. уверенно справлялся с этими и другими вопросами, завоевал авторитет у подчинённых, прочно утверждался в должности командира полка.

В этом же году на смену полковнику Власову В.К. пришёл заместитель командира 25 рп подполковник Голуб Виктор Иванович, который быстро освоил должность и стал достойной заменой ушедшему опытному командиру. В период руководства полком за достигнутые успехи он был награждён орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3 степени, а полк – переходящим Красным Знаменем Калининградского обкома партии и облисполкома как передовая часть. В 1985 году во время учения с дивизией под руководством генерал-майора Архипова В.В., полк успешно вышел на полевые боевые позиции (не подготовленные), своевременно занял установленную степень боевой готовности и на следующее утро при облёте занятых позиций вертолёт его не смогли без подсказки обнаружить. Это при том количестве техники и личного состава, которые там находились в замаскированном состоянии! Это был большой успех и, конечно, за ним стоял громадный труд командира и возглавляемого им коллектива.

В качестве отступления для перехода к описанию следующего эпизода в жизни дивизии. Калининградская область имеет свои специфические особенности. Они состоят в том, что основная часть её находится всего около одного метра выше уровня моря, поэтому со стороны моря и Куршского залива она отгорожена дамбами и системами, регулирующим уровень воды в реках Преголя и Дейма, с целью предотвращения затопления. В связи с этим все основные дороги – насыпные и высокие, а по сторонам этих нешироких дорог высажены липы, которым около века и более. С одной стороны, они служат поддержанию дорог в хорошем состоянии, как насосы – испарители, а с другой – опасными препятствиями на пути движения автомобилей. Почти все они неоднократно изранены ударами о них машин. Особенно опасны эти дороги для движения воинских колонн, тем более ночью.

Осенью 1984 года при проведении учения с дивизией во время итоговой проверки комиссией командующего армии дивизионы 323 рп и

330 рп выполняли учебные задачи с учебных полевых позиций. Учение подходило к завершению, оставалось в ночь свернуть наземное оборудование и совершить манёвр по смене полевых позиций. И тут небольшой ветер перешёл в штормовой, а затем внезапно начался ураган. Для Калининградской области такой переход является характерным и сопровождается массовым повалом деревьев. Надо было принимать решение – оставаться в полевых условиях, выбрав соответствующие места с минимумом деревьев, или совершать марш в места постоянной дислокации. Я принял решение возвращаться. Было отдано письменное распоряжение на манёвр с учётом складывающейся обстановки, при этом особый упор делался на инженерное обеспечение и меры безопасности. На учебных полевых позициях начали падать вывернутые с корнями деревья. Командиры полков подполковники Голуб В.И. и Иванов В.С. оперативно выдвинули колонны пунктов управления полков и дивизионов, колонны дивизионов на маршрут манёвра. Вот здесь впервые проверили в реальных условиях отряды обеспечения боевых действий. На пути движения 2-го дивизиона 330 рп (командир майор Шамыгин Евгений Павлович) упало 21 дерево, толщина которых в комле доходила до метра, а высота основных стволов перекрывала дорогу. Все они по мере продвижения колонн были убраны с дороги группой разграждения отряда обеспечения боевых действий, личным составом батарей с помощью бензопил и путепрокладчиков.

Мы с руководителем учения генерал-майором Жуковым Ю.А. следовали в составе колонн дивизиона майора Шамыгина Е.П. с момента их выдвигения и были удовлетворены действиями личного состава, командира дивизиона и командира полка подполковника Иванова В.С..

Полки успешно и даже с перекрытием нормативов завершили манёвр и прибыли на БСП без поломок и потерь. Особенно было приятно, что ни одна машина не отказала. Впоследствии генерал-майор Жуков Ю.А. выразил благодарность всему личному составу за верные действия и дал высокую оценку выучке подразделений.

Можно привести массу примеров самоотверженной службы офицерского состава в подготовке частей и подразделений к выполнению задач по предназначению. Спасибо всем, кто вместе со мной служил в первом соединении Ракетных войск и внёс частичку ратного труда в общее дело обороноспособности страны и пусть меня простят те, кого я не смог упомянуть в этих воспоминаниях.

НАСТОЯЩИЙ АРТИЛЛЕРИСТ

ШПИТАЛЬНЫЙ Александр Аркадьевич, подполковник в отставке

– Воспоминания о курсантских годах остались самые хорошие. В нашей 6-й батарее (состояла она из трёх взводов: 1, 2 и 3-го курса) сложились нормальные отношения между старшими и младшими курсами, командование батареи к курсантам относилось как к равноправным военнослужащим, всегда напоминая, что скоро они тоже станут офицерами и им придётся командовать личным составом. Ну, а кумиром был командир батареи капитан Духота, как по внешнему виду, выправке, так и по отличным показателям в артстрелковой и стрелковой подготовке. Из командиров нашего взвода выделялся старший лейтенант Нарольский, который командовал взводом 3-го курса.

Надо отметить, что в наборе 1954 года было много эстонцев. Только в нашем взводе их было пятеро: Линг, Метт, Маанди, Уус и Киудмаа. Естественно, они общались со своими из других подразделений. Но за всё время учёбы в училище не случилось ни одного конфликта на национальной почве. Сержант Киудмаа впоследствии командовал артиллерийским полком в г. Калининграде, а потом был назначен военным комиссаром Эстонской ССР.

Хочется отметить и преподавательский состав. Конечно, в первую очередь, это майор Богопольский – преподаватель артстрелковой подготовки и теории стрельбы. Майор Рылов – преподаватель артиллерийской инструментальной разведки. Майор Таманцев – преподаватель топографии. Подполковник Моровиков – преподаватель ОМЛ (большой оригинал). Подполковник Рубцов – преподаватель тактической подготовки. Это он постоянно повторял, что мы не просто артиллеристы, которые умеют стрелять, но и те, кто поддерживает пехоту и обеспечивает ей успешное выполнение боевых задач.

Курсанты – это не студенты, а солдатская служба – это атрибут курсанта. Наряды, караульная служба (как внутренняя, так и гарнизонная), участие в парадах. Я участвовал в восьми парадах на Дворцовой площади, а подготовка к ним была весьма изнурительной. Курсанты принимали участие в борьбе с наводнениями – в основном перетаскивали имущество из подтопленных подвалов. Гарнизонные караулы выделялись на гарнизонную гауптвахту. Запомнилось это тем, что там служили двое старшин. Никто не знал их фамилии, но клички у них были «Бармалей» и «Карабас», а знамениты они были тем, что держали на гауптвахте Валерия Павловича Чкалова.

Окончив училище по первому разряду, я имел право выбора места службы. Сейчас не вспомню, какие были предложения, но я выбрал Южно-Уральский военный округ и в октябре прибыл в штаб округа, который размещался в г. Чкаловске (ныне г. Оренбург). Там предложили на выбор: артиллерия мотострелкового полка в г. Уфе или артиллерийский полк в г. Белебее. Конечно, служить в Уфе, столице Башкирии, тем более, что там жила моя старшая сестра, вроде заманчиво. Но мне, «настоящему артиллеристу», заменить чёрный околыш моей фуражки на красный... (хоть пехота – это царица полей, но ведь артиллерия – это бог войны) Итак – Белебей, небольшой, в основном деревянный городок в 12 километрах от железной дороги, один-единственный ДОС (Дом офицерского состава), в котором живут семейные военнослужащие, а молодёжь – по съёмным квартирам. Вот и мы с товарищем устроились на квартире. Хозяйка квартиры, милая пожилая женщина, кормила и поила нас. От неё мы узнали, что эту же комнатку снимали два офицера артиллерийского полка, который до нас стоял в Белебее и был передислоцирован в Тоцкое.

Представившись командиру полка, получаю назначение командиром 2-го огневого взвода батареи гаубиц 122 мм. Ознакомившись с обстановкой, выясняем, что командир полка, подполковник Афанасьев, ещё недавно был командиром дивизиона. Дивизион участвовал в общевойсковых стрелковых состязаниях на Лужском полигоне. Дивизион успешно выполнял стрельбу, дошёл до финала. На последнюю стрельбу подполковник Афанасьев получил задачу на центральном командном пункте – уничтожить дот, и указали цель на местности. Но на Лужском полигоне таких дотов множество, и когда подполковник Афанасьев бегом прибыл на свой НП, он нанёс на карту не тот дот. Он своевременно подготовил данные по цели, снаряды точно накрыли дот. Поэтому получилось большое отклонение от указанной цели. Только поэтому

дивизион занял второе место. После этих состязаний подполковника Афанасьева назначили командиром полка. Полк относился к командиру с большим уважением, что передавалось нам, молодым лейтенантам. Мастера своего дела всегда вызывают уважение.

Полк состоял из трёх дивизионов: пушечного (пушки 85 мм), гаубичного (гаубицы 122 мм) и БМ-13 («Катюша»). Но 3-й дивизион был кадрированным, т.е. офицерский состав был по штату, а личного состава, кроме водителей, не было. В полку было два замполита: майор Музыченко и подполковник Сорока. Лейтенантов было только четыре – те, что выпустились в 1957 году. В основном – старшие лейтенанты в возрасте до 35 лет. Из командиров батарей – капитаны (40 лет и более). Капитан Гайламазян был капитаном-командиром батареи ещё на войне и только при нас был назначен адъютантом старшим дивизиона (начальником штаба) и получил звание майора. Несмотря на большую разницу в возрасте, нас встретили как равных и по службе, и в быту.

Через два месяца меня назначают командиром учебного взвода полковой школы младших специалистов. С начальником школы подполковником Бордюжа у меня сложились непростые отношения. Пожалуй, это был единственный случай в моей службе. Это не значит, что дальше служба шла как по накатанной колее. Были ухабы, ошибки, были нештатные ситуации. Но все вопросы решались корректно.

В декабре 1958 года меня вызвал замполит полка, подполковник Сорока, и предложил должность секретаря комсомольской организации полка. Я согласился. Работать было интересно и комфортно. У меня сложились очень хорошие отношения с замполитом дивизиона капитаном Киреевым, с начальником клуба старшим лейтенантом Солодовниковым и с начальником физической подготовки полка капитаном Диконенко. Все протокольные мероприятия проводились регулярно и по злободневным вопросам, в чём большую помощь оказывал капитан Киреев. Этот человек, мне кажется, был рождён замполитом. Пожилой (для меня), лет 40, он никогда не повышал голос, всегда говорил спокойно, никогда не говорил лозунгами. Но он знал подноготную всех солдат, их семейное положение. Поэтому при возникновении инцидентов или случаев нарушения воинской дисциплины он никогда не начинал разговор с обвинений, а всегда пытался найти причину случившегося и так подводил провинившегося к тому, что он сам оценивал свой проступок. И если после этого разбора следовало наказание, то это было не наказание за проступок, а как искупление своей вины.

Поскольку Белебей – это небольшой городок и в нём, кроме кинотеатра и Дома культуры, других развлекательных учреждений не было, поэтому вопросы культурно-массовой работы мы решали сами. У нас была неплохая самодеятельность: был небольшой инструментальный оркестр, отличный баянист рядовой Евгений Кирин, солист рядовой Голтуренко и небольшая танцевальная группа, руководителем которой был рядовой Бахров, солдат несколько разгильдяистый, но когда он исполнял присядку или нижнюю разножку, то публика была в восторге. Был драматический кружок, в котором участвовали офицеры и члены их семей. Выступали со спектаклями в местном Доме культуры. Я в школе занимался фехтованием и вместе с капитаном Диконенко организовал фехтовальный кружок. И когда команда фехтовальщиков нашего полка появилась на первенстве Башкирии по фехтованию в Уфе, все были изрядно удивлены. Никогда Белебей не выставлял команды фехтовальщиков.

В 1958 году Южно-Уральский военный округ был преобразован в корпус и введён в состав Приволжского военного округа.

Полк жил размеренной жизнью. Каждый раз по понедельникам после утреннего построения весь офицерский состав направлялся на мини-атюр-полигон, и командир полка проводил тренажи по артстрелковой подготовке.

Ежегодно после 9 мая полк выезжал на Тоцкий полигон, возвращались в сентябре месяце. В поле отрабатывались тактические задачи с боевой стрельбой. В 1958 году я выезжал в качестве командира 2-го огневого взвода, но произошли какие-то кадровые перемещения, и меня назначили командиром 1-го огневого взвода – старшим офицером батареи. Поэтому выход в позиционный район, установка орудий, привязка к местности, построение веера, установка точек наводки (дневной и ночной), отрывка ровиков для боеприпасов и организация охраны входили в мои обязанности. Было непросто: я впервые выполнял все эти мероприятия, но посредник посчитал, что я справился с поставленной задачей. Работа старшего офицера батареи осложнялась тем, что вводились новые правила стрельбы. Основным отличием было то, что изменялись обязательные артиллерийские «вилки» (большая – 800 м, малая – 400 м). А можно было вести пристрелку, корректируя стрельбу на любые расстояния в метрах. Из-за этого было несколько курьёзных случаев.

Кроме выполнения задач боевой подготовки на полигоне, проводились и различные состязания. Все офицеры-артиллеристы имели удо-

стоверения водителей, поэтому часто практиковались соревнования, кто проедет большее расстояние с одним стаканом бензина в баке.

А вот выезд на Тоцкий полигон в 1959 году закончился неожиданно. В конце июля пришла команда срочно грузиться и возвращаться в Белебей. Далее события развивались ещё удивительнее. Прибыв на станцию разгрузки (в 12 километрах от Белебея), командир полка получает приказ всех водителей срочно доставить в Белебей. После прибытия в Белебей они были сразу же отправлены на целину. Поэтому орудия после разгрузки доставляли офицеры в качестве водителей автомобилей. После полной разгрузки эшелона и прибытия в расположение мы узнали, что корпус (в том числе и наш полк) подлежит расформированию. В полк приехали «покупатели», и офицеров по очереди вызывали на беседу. Взводные выходили после беседы, пожимали плечами и говорили, что они назначаются старшими техниками и переводятся в часть в Хмельницк. Поскольку понятие «старший техник» в артиллерии не существует, то было не понятно, в каких частях они будут служить. Подошла и моя очередь. Мне сказали, что я направляюсь в г. Гвардейск в в/ч 41203 секретарём комсомольской организации полка. Но что такое Гвардейск и где он? Только один майор Гавлин, начальник разведки полка, сказал, что он знает, где Гвардейск, и указал его на карте. Приезжаю в Гвардейск, в комендагуре узнаю адрес части. И 20 сентября 1959 года прохожу проходную в в/ч 41203, представляюсь командиру полка подполковнику Спрыскову Борису Михайловичу. Только тут узнаю, что я попал в ракетную часть. Представляюсь замполиту полка подполковнику Мельникову. Проводят в кабинет, где будет моё рабочее место. В этом же кабинете секретарь парткома – подполковник Матросов. Подполковник Мельников отправляет меня в Знаменск (там тогда находился штаб дивизии) к начальнику политотдела дивизии. Не без приключений попадаю в Знаменск, представляюсь начальнику политотдела. Беседа длилась около получаса. Начальник политотдела расспросил меня о моей предыдущей службе. Коротко его проинформировал о том, чем занимался в Белебеевском полку. Беседа закончилась фразой: «Ну что ж, вы мне подходите. Приступайте к работе». Я был несколько в недоумении, ведь приказ о моём назначении был из Москвы. И только через 18 лет я понял смысл фразы «Приступайте к работе». Оказывается, по сведениям начальника политотдела, я должен был ехать в Укмерге (там располагался ракетный полк, который относился тогда к нашей дивизии) секретарём на дивизион, а в Гвардейск должен был прибыть секретарь комсомольской организации мотострелкового полка, кото-

рый располагался в Алкино (под Уфой). Мы с ним не раз встречались в Уфе на различных мероприятиях. И только тогда, когда он пришёл в нашу дивизию на должность помощника начальника политотдела по комсомольской работе (в это время я уже служил в штабе дивизии), всё разъяснилось. Итак, я секретарь комсомольской организации ракетного полка, не знающий ни устройства ракеты, ни технологии подготовки её к пуску. Как же мне разговаривать с людьми?

В полку было очень много молодых офицеров. Жили в общежитии, по 5-6 человек в комнате. Естественно, все они были разные по характеру, по-разному относились к службе. Но когда ложились спать, они начинали наизусть проигрывать одиннадцатилистовку, и если один ошибался, то остальные ехидничали. Они были специалистами и гордились этим. При разборе комплексных занятий даже терминология для меня была непонятна, не говоря уже о смысле выполняемых операций. И мне пришлось расспрашивать офицеров об устройстве ракеты, о технологии подготовки ракеты к пуску, об агрегатах и приборах, которые использовались при работе. И уже месяца через два у меня исчезло чувство дискомфорта.

К нам приезжали политработники из Москвы. Это были офицеры уже в годах, некоторые были участниками войны. Проверяли, как проводятся мероприятия, листали протоколы собраний и часто упрекали в том, что на комсомольских собраниях не присутствуют офицеры. Начинаем доказывать, что это не так. Вот, в протоколах указано, что присутствуют начальники отделений. Возражают: «Ну, начальники отделений – это же сержанты, а где офицеры?» Приходилось объяснять, что начальник отделения – это капитан. А я уже был избавлен от подобных ситуаций.

В феврале месяце 1960 года проводилась дивизионная комсомольская конференция. На конференции присутствовали начальник штаба подполковник Безук, главный инженер подполковник Малиновский и только что прибывший новый начальник политотдела подполковник Чевельча. Меня избрали председателем. Разговор в основном шёл о ходе формирования новых полков, их комплектации и обучении личного состава. Но после конференции начальник политотдела подполковник Чевельча обвинил меня в нарушении демократии, так как при голосовании резолюции конференции я не спросил, кто воздержался.

В феврале 1960 года в полку была большая комиссия из Москвы: председатель Верховного Совета СССР Брежнев Л.И., секретарь ЦК КПСС Устинов Д.Ф., министр обороны маршал Советского Союза Малиновский Р.Я., главнокомандующий РВСН главный маршал артиллерии Неделин М.И., главные

конструкторы Бармин П.П. и Янгель М.К. и ещё ряд специалистов – всего около 40 человек. Для них было проведено комплексное занятие. Батареей командовал капитан Никольский Г.Н. Всё это ещё раз подчёркивало, какую важную роль для страны играет новый вид вооружённых сил – РВСН, и какая огромная ответственность ложится на личный состав нашего полка. Серьёзную угрозу, которую представляли ракетные войска для Запада, наглядно подтвердил тот факт, что, когда в ноябре 1961 года командиру полка подполковнику Спрыскову было присвоено звание полковника, шведское радио объявило: «Поздравляем командира ракетной базы Спрыскова Бориса Михайловича с присвоением чина полковника».

В сложных условиях, когда постоянно приходилось осваивать технику, когда ещё не было нормальных бытовых условий для личного состава, всё же находилось время и для спорта, и для художественной самодеятельности. Конечно, это и волейбол, и футбол, был организован фехтовальный кружок в полку, и мы участвовали в дивизионных соревнованиях по фехтованию. Сборная команда выезжала в Ригу на окружные соревнования. Не забывалась и лёгкая атлетика. Я стал чемпионом дивизии по спортивной ходьбе на 10 км, но только потому, что мой визави сошёл с дистанции на пятом километре.

Но вот где-то в начале февраля 1961 года меня вызывает подполковник Мельников и говорит, что начальника клуба, капитана Лебедева, переводят в другую часть, и мне предлагают должность начальника клуба. Я согласился. Надо отметить, что капитан Лебедев до этого служил в полку в г. Белебее, который потом был передислоцирован в Тоцкое. Получилось, что я не только по службе иду по его следам, но и получил его квартиру. До этого мы с женой жили на частной квартире. С должностью начальника клуба я освоился довольно быстро. В мои обязанности входило пропаганда и агитация, почтовое обслуживание полка, демонстрация кинофильмов и художественная самодеятельность. В отношении пропаганды и агитации всё обстояло великолепно. Пропагандист полка капитан Майборода Фёдор Данилович – человек эрудированный, с хорошо поставленной речью. К лекциям и докладам он готовился, исходя из аудитории, перед которой он должен был выступать. Лекции всегда были очень содержательны, присутствовал и юмор, и иногда излишняя резкость. За эту резкость его даже вызывали на армейскую парткомиссию.

А вот с демонстрацией кинофильмов вначале были определённые трудности. Дело в том, что в части не было клуба. В качестве клуба

использовалось одно большое помещение на третьем этаже казармы. Поэтому фильмы демонстрировались несколько раз поочерёдно. Но каждый хотел попасть в зал пораньше, поэтому зал набивался битком, и из-за этого иногда возникали эксцессы. Но потом решили наш великолепный спортзал дооборудовать: поставить сцену и кинобудку. Для обсуждения этого вопроса собрали заинтересованных офицеров. Обсуждение вёл начальник штаба подполковник Фальков Сергей Корнеевич. При обсуждении оборудования сцены я сказал, что нужно предусмотреть уборные, на что подполковник Фальков сказал, что уборные там не предусмотрены и нет канализации. Пришлось объяснять, что это гримуборные, в которых артисты готовятся к выступлению. После этого переоборудования проблемы с демонстрацией кинофильмов исчезли.

Много времени уделялось художественной самодеятельности. Поскольку штаб полка и штаб дивизии уже располагались в одном городке, то объединились ресурсы дивизии и полка. Так, в дивизии был хороший оркестр под управлением капитана Уракова. Старшина Садчиков Андрей Григорьевич великолепно руководил женским хором и ставил смешанный хор: женский, мужской и детский. Поскольку в Гвардейске дислоцировался мотострелковый полк и у них тоже был духовой оркестр (дирижёр – старший лейтенант Гектор Канаян), то всегда присутствовала состязательность. Был и разговорный жанр, были и скетчи. Армейская комиссия, которая проводила конкурсный отбор, высоко оценила исполнение нашего хора. Женский хор у нас получался «смешанный», так как участвовали члены семей офицеров полка и штаба дивизии. В хоре участвовала и жена командира дивизии, поэтому на репетиции заглядывал и командир дивизии полковник Холопов Александр Иванович. Однажды в его присутствии женщины подняли вопрос о единой форме для хора. Вопрос о необходимости единой формы для хора был решён, и меня командировали в Ригу за покупкой материала для платьев. Со мной была делегирована участница хора в качестве консультанта. Пройдясь по магазинам, представительница хора в магазине военторга увидела желаемый материал, но отрез был меньше, чем требовалось. Походив ещё, мы нашли в другом магазине такой же материал и в нужном количестве. Просим вернуть покупку, достаём деньги и просим счёт. Но нам заявляют: «Мы счетов не даём». Я пытаюсь доказать, что я лицо официальное, деньги не мои личные, и мне для отчёта нужен счёт. В ответ: «Мы организациям не продаём». Спрашиваю, кто же может решить этот вопрос. Отвечают: «Директор магазина». Иду к директору, но и там всё однозначно – организациям не продаём и счетов не выписыв-

ваем. Интересно, кто же может решить этот вопрос. Отвечают: «Министерство». Я пошёл в министерство. К министру меня не допустили, но к замминистра я попал. Несмотря на всё моё красноречие и ссылки на то, что я государственный человек, ответ был один – организациям не продаём, счетов не выписываем. Возвращаюсь в свой родной военторг, объясняю ситуацию. Директор военторга пошёл навстречу. Предлагает: мы покупаем их отрез, докупаем остальное в магазине, а он выписывает счёт на весь приобретённый материал. Оказывается, «не всё ладно в Датском королевстве». Но теперь наш женский хор выступал в красивых белых шёлковых платях.

В сентябре 1961 года замполит полка подполковник Мельников говорит, что меня вызывает начальник политотдела полковник Чевельча. Иду в штаб дивизии, докладываю о прибытии. Начальник политотдела говорит, что в дивизию прибыл офицер, закончивший Львовское политическое училище. И поскольку я не профессионал, то должен уступить место профессионалу. Естественно, возникает вопрос: а куда меня? Ответ: выбирай любое место. Решаю – РТБ. Когда будет приказ? Ответ: завтра. На следующий день я был в РТБ.

Таких новичков в РТБ было около десятка, публика разношёрстная: артиллеристы, связисты, техники и т.д. Собирают нас в класс, и начинается учёба. В течение двух недель мы изучаем головную часть в том объёме, который был нам положен. После этого назначаюсь на должность замначальника 3 группы – начальника расчёта стыковки. Теперь я несу боевое дежурство, на комплексных занятиях 1-й стартовой батареи стыкую головную часть. А так – обыкновенная служба: обучение и тренировка расчёта, уход за техникой, внутренняя служба. А боевое дежурство – по неделе через неделю. Начальником РТБ был полковник Тamarлаков, начальником штаба – подполковник Добрынин, главным инженером – капитан Кукушкин. Года через три полковника Тamarлакова сменил подполковник Добрынин Алексей Николаевич. Вот о нём хочется сказать подробнее. Родился он в 1922 году, прошёл войну, закончил её командиром батареи, окончил академию имени Фрунзе, диплом защищал по Тильзитско-Гумбиненской операции. Когда он командовал РТБ, в части была очень благожелательная и комфортная обстановка (за глаза называли «хутор Добрынина»). Ему сейчас 93 года, но когда ему звонят офицеры, он их тут же называет по имени и отчеству. Конечно, немного прихварывает, но голос по телефону бодрый. Удивительный командир и человек, к солдатам относился как к своим сыновьям. Были

случаи, когда он давал солдатам краткосрочный отпуск для поездки на свадьбу друга.

Однажды на утреннем построении был зачитан приказ по армии, и в подписях прозвучало: «Начальник штаба полковник Герчик». Фамилия редкая, значит, тот же самый полковник Герчик, который был у нас в 1 ЛАУ начальником учебного отдела. Только теперь стало понятно, почему никто в училище не знал, куда он был переведён.

В части здорово был развит спорт. Нештатным начальником физической подготовки был старший лейтенант Бублик. Регулярно состязались бригады между собой по волейболу, баскетболу, хоккею (зимой заливали каток на плацу), а однажды перед Днём Победы полковник Добрынин остановил автомобили, перевозившие офицеров из Гвардейска (а это около 20 километров), за 3 километра до части и устроил кросс. Сам бежал впереди.

Однажды в декабре 1965 года офицеры, свободные от боевого дежурства, уезжали в Гвардейск на КУНГе (автобусов ещё у нас не было). Лавки в КУНГе расположены вдоль боковых стенок. Водителем был рядовой Жежерун, старшим машины – подполковник Прихненко. Подъезжая к Гвардейску, на изгибе дороги, водитель прижался ближе к центру (разметки на дороге не было), так как дорога была обсажена деревьями, и КУНГ мог зацепить ветки. Навстречу шла машина с траллом, на который был погружен бульдозер. Нож бульдозера выступал за габариты платформы. Этот край ножа врезался в КУНГ сразу за кабиной и пропорол стенку КУНГа до конца. Смял сидевших на лавке по левому борту так, что эта масса людей выдавила заднюю дверь и люди попадали на дорогу. В итоге погибло 3 человека: капитан Пушечников, старшина Артемьев и старшина Пехотный. Старший лейтенант Линник и капитан Николаев трое суток были без сознания, остальные отделались лёгкими травмами.

В середине 1966 года наш полк и РТБ должны были перевооружить и передислоцировать в Хмельницк. Меня вызвал главный инженер дивизии полковник Медведев и сказал, что если я не хочу переезжать в Хмельницк, то можно остаться в дивизионной ВШМС на должности командира взвода – преподавателя. Я согласился. Девять лет я прослужил в этой должности, трое моих выпускников впоследствии поступили в военные училища и проходили службу в нашей дивизии. В 1975 году заочно окончил академию имени Дзержинского.

В конце 1975 года я был переведён в штаб дивизии на должность помощника начальника оперативного отдела. Начальником оперативного

отдела был полковник Худяков, замначальника – подполковник Эрлих, офицеры отдела: майор Сергеев, майор Горбачёв, майор Кондрашов, майор Кислый, майор Бондаренко. Весь отдел работал уже не один год вместе, только я новичок. Отделу вменялось в обязанности планирование боевой подготовки на год на основании руководящих документов, доведение до полков необходимых для оставления годовых планов сведений, проверка наличия планов в полках и их выполнение, выезды в полки для проведения проверок стартовых батарей. Кроме этого, офицеры периодически несли боевое дежурство.

Однажды я разговорился с начальником командного пункта дивизии подполковником Плотинским, и он спросил, не хочу ли я перейти на командный пункт оперативным дежурным. Поскольку я уже 13 лет хожу в капитанах, а должность майорская, то предложение меня заинтересовало. Я спросил, согласится ли командование дивизии, на что он мне ответил, что этот вопрос уже решил. Я стал оперативным дежурным на командном пункте. Когда я в первый раз пришёл на командный пункт, все почему-то были сильно взволнованы. Оказывается, в дивизии был начальник Генерального штаба генерал армии Куликов. Он заехал в первый дивизион Знаменского полка. По поводу этого визита ходило много слухов. Всё сводилось к тому, что начальник Генерального штаба не представлял себе технологию подготовки к пуску наших ракет. Многие слухи трудно проверить, но один реальный факт подтверждается свидетелем – капитаном Горобцом Б.Ф. Он был в дежурной смене полка от РТБ (позывной 833-й). Его вызвали на командный пункт полка, где уже находился начальник Генерального штаба, сказали, что получен сигнал и он должен вскрыть пакет. Начальник Генштаба потребовал выдать четыре боевых головных части на стартовые позиции. Ссылаясь на инструкцию, капитан Горобец говорил, что выдача головных частей возможна только с письменного приказа начальника Генштаба. Начальник настаивал. В это время на командный пункт полка прибыл начальник РТБ полковник Ступеньков. Он приказал капитану Горобцу выйти из командного пункта, а сам попытался убедить высокого начальника в том, что без письменного приказа боевые головные части нельзя выдавать. Позже полковник Ступеньков объявил капитану Горобцу благодарность и сказал, что было бы с ними обоими, если бы они выдали боевую головную часть. Даже на этом примере видно, что далеко не всегда большой воинский начальник имеет полное представление о том, что находится в его компетенции.

На командном пункте я прослужил 8 лет. Несение боевого дежурства, день отдыха после дежурства, день подготовки к очередному заступлению, выезды с проверками командных пунктов полков и дивизионов, работа с документами – и всё это в течение восьми лет. В 1985 году я, прослужив 30 лет, был уволен из состава Вооружённых Сил в запас.

ПЯТЬ ВЗЫСКАНИЙ ЗА НЕДЕЛЮ

*ШПИТАЛЬНЫЙ Александр Аркадьевич,
подполковник в отставке, дежурный офицер штаба дивизии*

- В нашем 97 ракетном полку (командир подполковник Борис Михайлович Спрысков) случилось чрезвычайное происшествие.

В марте 1961 года в первом дивизионе (командир подполковник Лебеденко, инженер майор Васильев) в первой батарее (командир майор Соловьёв, начальник отделения заправки капитан Сергачёв, начальник расчёта старший лейтенант Герасимов) проводили комплексное занятие с заправкой. Особенностью заправки ракеты 8К51 была та, что в качестве окислителя использовался жидкий кислород с температурой -173 градуса.

Даже при транспортировке его в цистернах-термосах происходило постоянное испарение его, излишки давления сбрасывались через дренажные клапана. И стартовая позиция постоянно была затянута беловатым туманом, а ракета окутана им до половины.

После выполнения всех операций по подготовке ракеты к пуску командир батареи нажал на кнопку «Пуск». Офицеров собрали на разбор занятия, а расчёт приступил к «отбойным» операциям.

Слили горючее и окислитель-кислород. После слива открыли главный кислородный клапан на продувку. Поскольку ракета находилась в тумане, не сразу поняли, что через клапан идут не пары, а кислород.

Младший сержант Соколов подбежал к ПЩС (стартовому пневмоцирку) и подал давление, чтобы закрыть кислородный клапан. Но за это время много кислорода вылилось на пусковой стол и под него. А под ним лежали промасленные детали и ветошь – произошёл сильный взрыв! Ракета устояла, только накренилась. А сержант погиб.

Московская комиссия заключила: неправильно рассчитали количество испарившегося кислорода. Осенью этот расчёт был на полигоне в Кап.Яре, но там температура воздуха выше, испарения кислорода больше... А расчёт воспользовался теми же температурными данными.

Главный инженер полка получил за неделю пять взысканий. А человека-то не вернёшь.

Так мы учились пускать ракеты. Инструкции по пуску их порой писались кровью.

РАКЕТНЫЙ ПОЛК. СОВЕТСК

ЕРЕМЕЕВ Анатолий Анатольевич, полковник запаса

- Фирменный скорый поезд «Янтарь» Москва – Калининград через город Советск не проходит. Советск находится в стороне от московской железной дороги на Калининград. Я вышел на железнодорожном вокзале города Черняховска. Пересел в рейсовый автобус и через час пути был в Советске. Мне нужна была войсковая часть 43190.

Как оказалось, в самом городе находились только жилые дома ракетчиков и, так называемые, «зимние квартиры» – этаж казармы для водителей, автопарк и вещевой склад, расположенные на территории одной из воинских частей танковой дивизии. Сам ракетный полк двух дивизионного состава находился в лесу, в 25-35 километрах от города, в районе треугольника – Славск, Большаково и Гастеллово.

Советск, расположенный на берегу реки Неман, мне не понравился. Мрачным зимним днём старые немецкие серые здания выглядели хмуро и неприветливо. Улицы были покрыты неровной от долговременного использования, давно неремонтируемой шлифованной временем брусчаткой, положенной немцами еще при довоенной Восточной Пруссии. Вдоль улиц безжизненно торчали основательные металлические опоры старых трамвайных путей, без электрических проводов. Когда-то цветущий довоенный немецкий город Тильзит считался вторым по размерам, численности населения, красоте и значимости, после столицы Восточной Пруссии – города Кенигсберга. По итогам окончания Второй мировой войны территория Восточной Пруссии отошла к СССР. Кенигсберг переименовали в Калининград, а Тильзит в город Советск.

У меня сложилось такое впечатление, что с победного 1945 года, кроме военных хрущёвок ракетчиков, построенных в 60-е годы, в городе ничего не строилось. А все ранее добротное построенное немцами для

себя, с годами разваливалось. Не придавал красоты городу и сохранению его экологии старый целлюлозо – бумажный комбинат (ЦБК), сливающий прямо в реку оранжевые пенящиеся химические стоки, резко пахнущие кислотой даже в центре города.

Вместе с тем, в Советске был свой драматический театр – тоже достижение Восточной Пруссии (к слову сказать, здесь окончила школу заслуженная артистка России Светлана Светличная – почётный гражданин города). Добротный каменный немецкий разводной мост с тяжелой готической аркой о двух куполах, соединяющий два берега реки Неман – Калининградскую область и Литву, был и остается визитной карточкой современного города Советска. Кстати, река Неман, протекая по трем бывшим союзным республикам – России, Белоруссии и Литве, называется по-разному. Если посмотреть карту, то на территории России река называется Неман. В Белоруссии она уже Нёман. А по Литве протекает она же, но с названием Нямунас.

Двигаясь пешком от центра города в сторону жилого района, сплошь состоящего из военных городков воинских частей, я увидел длинную цепь старых немецких казарм по обеим сторонам широкой улицы, часто прерываемую воротами КПП с красными звездами. Старые толстостенные кирпичные казармы бывшей танковой дивизии генерал-полковника танковых войск вермахта Гудериана, когда-то с отапливаемыми танковыми боксами, представляли собой мощные укрепленные фортификационные сооружения.

Меня удивило, что в помещениях казарм не было ни одного острого угла. Выступы оконных и дверных проёмов в целях безопасности были закруглённые. Слуховые окна на крышах выполнены в форме бойниц. С точки зрения фортификационного оборудования и готовности приграничного с СССР города к ведению боевых действий, немцами все было продумано до мелочей. Асфальт для танковых гусениц не годился. Вот, оказалось, причина тому, что широкие городские улицы, предусмотренные для свободного передвижения танковых колонн, повсеместно были уложены брусчаткой. Не зря эти строения в послевоенное время были отданы под танковые части советской 40-й общевойсковой армии.

Достигнув бесконечных казарменных строений городков воинских частей танкистов, наконец, я нашел ту, где на третьем этаже располагались «зимние квартиры» ракетчиков. Было видно, что наведением элементарного порядка здесь давно не занимались. Такое впечатление, что немцы оставили свою казарму, а наши их заняли в далеком 45-м году и больше никогда не красили, не ремонтировали, и даже не убирались в

них. После чистоты и образцового порядка на армейском узле связи, мне показалось, что я попал в пещерный век к немывтым туземцам.

Солдаты-водители транспортных машин, перевозящих ракетчиков на службу и со службы, поставив свои ЗИЛы с КУНГами в холодный парк, предварительно слив воду из радиаторов машин, бесцельно слонялись в замусоленном исподнем и разномастных свитерах – «вшивниках» по тускло освещённому коридору, из кубрика в кубрик. Некоторые лежали в обмундировании на неряшливо заправленных солдатских одноярусных кроватях. Кто-то брэнчал на гитаре. Четверо резались в карты. Для полной картины им не хватало только бутылки водки со стаканами и закуской на грязном табурете. При виде офицера, ни один не шелохнулся. Здесь были свои законы и своя жизнь.

Дежурный по «зимним квартирам», в лице прапорщика, сутки отбывал номер, не обращая особого внимания на вокруг происходящее. Читая газеты и журналы при свете тусклой настольной лампы, он мимоходом делал отметки в журнале о прибытии транспорта и собирал у водителей путевые листы. Его главная задача была вечером собрать, провести вечернюю поверку и уложить спать этот автомобильный «хозсброд». А утром, любой ценой, залив радиаторы водой, завести и вытолкать из парка машины, забирающие в Немане и на Театральной площади Советска на службу офицеров, прапорщиков и гражданский персонал ракетного полка.

В прокуренной комнате дежурного на столе находились телефоны городской АТС и дальней связи. Я связался с заместителем командира полка по политической части подполковником Архиповым Виталием Борисовичем, доложил о своём прибытии и уточнил, что мне делать дальше. Он распорядился ожидать его приезда здесь же, у дежурного по зимним квартирам.

В беседе с прапорщиком-дежурным, рассказавшим мне о части, прошло около трёх часов. Наконец на пороге появился замполит полка. Я представился ему по уставу, и мы прошли в отдельную комнату, где минут тридцать беседовали. Был вечер 30 декабря 1984 года. Виталий Борисович посетовал, зачем я прибыл под Новый год, провёл бы праздник с семьёй и приехал. Я доложил, что так и хотел поступить. Но в политотделе армии мне было предписано, как можно скорее прибыть к новому месту службы, так как меня здесь «очень ждут». Вот я и прибыл.

Замполит предложил мне два варианта. Или, переночевав на зимних квартирах, 31 декабря утром первым транспортом убыть в полк и в одиночестве встречать Новый год в комнате офицерской гостиницы

для дежурных смен. Или, не теряя времени, обратно на поезд и домой в Гусино, к семье. А утром 2 января, уже наступившего 1985 года, прибыть в Советск на зимние квартиры, сесть в УАЗ замполита, заехать за ним домой, а там уже на представление в полк.

Остановились на втором варианте. Поздравив друг друга с наступающим Новым 1985 годом, замполит завез меня на автовокзал и убыл домой, а я рванул обратно на железнодорожный вокзал в Черняховск.

Встретив с семьей и друзьями Новогодний праздник, 2 января утром, как было решено, я сел в УАЗ замполита Архипова В.Б. и поехал за ним к его дому на улицу Парковая. Садясь в машину, поздоровавшись, Виталий Борисович сказал, что только что ему на квартиру позвонил начальник политотдела дивизии полковник Климчук Василий Трофимович и сказал, что ждет нас обоих в штабе нашего ракетного полка, в кабинете замполита. И добавил, что начпо явно не в духе, не зря он приехал за сто верст из Гвардейска в такую рань, видимо будет какой-то разнос. В конечном счете, так и получилось.

Прибыли в часть и сразу в штаб. Первым в свой кабинет зашел Виталий Борисович. Я остался в коридоре. За дверью слышался напряженный диалог, переходящий в крик, исходящий от одного человека. Затем в кабинет был вызван командир полка подполковник Попов Михаил Евгеньевич, которому я даже не успел представиться. На мои попытки это сделать в коридоре штаба, он махнул рукой и зашел в кабинет замполита. Снова за дверью разговор на повышенных тонах. Предчувствую что-то недоброе, но не понимаю, в чем причина ярости начальника политотдела по отношению к первым должностным лицам части.

Оказалось, что причиной всему был я, прибывший на должность пропагандиста. Прибывший, но назначенный без личного «добра» на это перемещение самого полковника Климчука В.Т.! В его планах была другая кандидатура на эту майорскую должность – инструктор политотдела дивизии по культурно-массовой работе капитан Гугнин Владимир Борисович, выпускник Львовского ВВПУ 1977 года. Старшекурсника Володю Гугнина я знал еще по училищу. А тут политотдел армии назначил меня. Этих кадровых тонкостей я не знал и стал невольным заложником создавшейся ситуации.

Полковник Климчук В.Т. «закусил удила». Обиженный и уязвленный, он не хотел сдаваться, прекрасно понимая, что приказ командующего армии генерал-полковника Котловцева Н.Н. ему не отменить. Это он потребовал, чтобы я в канун Нового года срочно прибыл в часть. А когда ему доложили, что я, с разрешения замполита части, уехал на Новый

год обратно домой, он взбеленился и с нетерпением ждал утра первого рабочего дня 1985 года, чтобы, предварительно «проехать на танке» по командиру и замполиту полка, а потом «порвать меня».

Наконец дошла очередь до меня. Ничего не зная и не понимая, я открыл дверь в кабинет с табличкой «Подполковник Архипов В.Б». За рабочим столом хозяина кабинета сидел полковник. Я его никогда не видел. И он видел меня впервые, но всем своим видом показывал, что любить меня не собирается. Рядом с ним сидел секретарь партийной комиссии дивизии подполковник Журавлёв В.М..

«Почему уехал домой, а не убыл в часть встречать Новый год с личным составом?» – был первый вопрос начальника.

С его слов, я «поступил не по – офицерски, так как перешел дорогу в службе хорошему офицеру». Далее выслушал свою участь на перспективу, не сулящую ничего доброго.

Разнеся все и вся в пух и прах, выпустив пар, перед уездом из части, полковник Климчук В.Т. поставил мне лично заведомо трудновыполнимую по срокам задачу: «За полгода переоборудовать и привести к новым требованиям все пятнадцать ленинских комнат части, восстановить сгоревший и залитый при пожаре музей Боевой славы полка, и переделать всю уличную наглядную агитацию на территории части. Готовность музея – к 9 мая, к 40-летию Великой Победы. Ленкомнат – к началу летнего периода обучения, к 1 июня. Наглядную агитацию в обоих дивизионах – к началу нового учебного года, то есть к 1 декабря». И добавил: «Не выполнишь, сниму с должности!».

Начало моей службы в прославленном первом ракетном гвардейском, пяти орденоносном соединении страны, мягко говоря, было весьма грустным.

Командиром Гвардейской 24-й ракетной дивизии был генерал-майор Поленков Геннадий Михайлович, бывший заместитель командира Шяуляйской ракетной дивизии, где мой отец был секретарем партийной комиссии при политотделе соединения. Генерал Поленков Г.М. – человек высокой офицерской чести, порядочности, мастер ракетного дела и трудоголик до мозга костей. Он был строг, как и полагается командиру, но справедлив и человечен. Когда я его впервые увидел, то в голове промелькнула первая мысль – ба, да это же живой А.В.Суворов, только в форме советского генерала!

Геннадий Михайлович сухощав, невысокого роста, седовласый, подтянутый и энергичный, с характером холерика. Он своим личным примером и требовательностью учил личный состав вверенной ему про-

славленной ракетной дивизии, как в суворовской «Науке побеждать» тому, «что необходимо на войне». Для меня, старшего лейтенанта, он был величиной недосыгаемой. В дивизии его уважали и побаивались.

Его заместитель по политической части полковник Климчук В.Т. оказался человеком иным и своё слово, о предвзятом отношении ко мне, сдержал сполна. За два года службы при нем и очередное воинское звание «капитан», хоть на две недели, но им было задержано из-за незавершенной одной из пятнадцати ленинских комнат – группы регламента полка. По его личной инициативе меня вызывали на заслушивание в партийную комиссию при политотделе дивизии, которая завершилась утверждением членами парткомиссии моего отчета и решением распространить мой опыт по алгоритму работы пропагандиста полка. Воздержался только один начальник политотдела. Даже, уходя в 1986 году начальником политотдела в Харьковское высшее военное командно-инженерное ракетное училище на место увольняющегося в запас полковника Малахова А.Г., он отклонил мой рапорт о поступлении в академию, подписанный всеми должностными лицами части и одобренный партийной организацией полка.

Советский 25-й ракетный полк, пока его в течение десяти лет подряд возглавлял орденосец и уважаемый в дивизии командир полка полковник Караваяев Руфим Сергеевич, был в прямом смысле «отличным ракетным полком» и числился долгое время в передовиках не только в дивизии, но и в Смоленской ракетной армии. Последние годы его успехи по инерции завывались и держались только на личном авторитете всеми уважаемого командира полка.

В августе 1984 года, дослужившись до предельного возраста, полковник Караваяев Р.С. с почетом уволился в запас на заслуженный отдых. На его место назначили бывшего двухгодичника, выпускника Казанского авиационного института подполковника Попова Михаила Евгеньевича. В одночасье, бывший лучший 25-й ракетный полк рухнул до состояния самого отстающего и неблагополучного в дивизии. Это к слову о роли личности в истории.

Не успел в полк прибыть новый командир, как следом за ним, в конце августа 1984 года, на должность замполита части назначают выпускника ВПА имени В.И.Ленина подполковника Архипова Виталия Борисовича. Через четыре месяца после нового замполита полка присылают нового пропагандиста части старшего лейтенанта Еремеева А.А.

Бывший пропагандист, 44-летний майор Беляев Адольф Константинович, назначенный на должность секретаря парткома части, не мог

смириться, что его место занял «зеленый» и «присланный сверху» 26-летний «старлей». Не восприняв меня, он всячески старался вставить шпильки. Первым делом он бесцеремонно выселил меня из кабинета, где секретарь парткома и пропагандист традиционно всегда работали вместе. О помощи на первых порах со стороны старшего товарища, имеющего большой опыт работы на должности пропагандиста, и речи не шло. Наоборот. Любой мой незначительный промах на поприще начинающего пропагандиста, им сразу же докладывался по телефону лично начальнику политотдела дивизии полковнику Климчуку В.Т.

Через год, получив на вилочной должности воинское звание «подполковник», в 45 лет Беляев А.К. уволился по возрасту. С его увольнением сразу прекратились и все мои беды. А там и Климчук В.Т. перевелся на новое место службы.

Коллектив политработников Советского полка, возглавляемый достойным офицером, умным и грамотным человеком, которым являлся подполковник Архипов Виталий Борисович, был сплоченным, дружным и работоспособным.

Из соседнего Гусевского ракетного полка секретарем парткома пришел энергичный, хитрый, вездесущий, великовозрастной старший лейтенант Порицкий Анатолий Васильевич. Выходец из прапорщиков, комсомольских работников. Он долгое время служил под началом замполита Гусевского полка майора Батанова Геннадия Николаевича, будущего председателя Пенсионного фонда РФ.

Секретарем комитета ВЛКСМ части из местного РТБ перешел старший лейтенант Машин Александр Сергеевич. Его родной старший брат в это время был начальником сборочной бригады в РТБ.

Начальником клуба полка был назначен выпускник 1984 года выпуска Львовского ВВПУ, добрейший человек и большой специалист по добыче лещей холодного копчения литовец лейтенант Бубялис Ромуальдас Игнович. Я его знал еще по училищу младшекурсником. Не было такого случая, чтобы Роман, в совершенстве знающий свой родной литовский язык, не смог достать и не привезти на своей кинопередвижке АКД-64 из Литвы требуемые для политико-воспитательной работы, но в то время дефицитные материалы – полировку, ДВП, ДСП, водоземельсионную краску, рулоны красного ситца...

Замполитом 1-го дивизиона был майор Енгальчев Александр Константинович, позже убывший на повышение по службе в ракетную дивизию в Жангизтобе, что в Казахстане. Его заменил майор Гонюков Юрий Леонидович.

Секретарем партбюро дивизиона с комитета комсомола полка был назначен старший лейтенант Лукинов Сергей Петрович, мой добрый товарищ по службе в полку. Мы дружили семьями, бывая друг у друга в гостях. В редкие выходные, с женами Ириной и Еленой и маленькими сыновьями-одногодками Андрюшкой и Олежкой, пешком переходили по мосту через широкий Неман из серого Советска, попадая сразу в ухоженный литовский поселок Панемуне.

Здесь находилась чистенькая, недорогая и уютная, в литовском стиле, шашлычная. Там за 1 рубль 02 копейки за порцию подавали продолговатую тарелку из нержавеющей стали, на которой лежал аппетитный шашлык на длинном шампуре, отварной рис, свежий репчатый лук кольцами, нарезанный маринованный огурчик и вкусный кетчуп-приправа. За шашлыком под рюмочку литовской крепкой настойки-медовухи и чашечкой кофе мы мирно общались и отдыхали. Завершил службу Сергей подполковником на полигоне в Капустинном Яре. Сегодня проживает в городе Краснодаре.

Замполитом 2-го дивизиона был майор Васильчиков Александр Васильевич. Секретарем партбюро дивизиона капитан Беликов Федор Михайлович. Потом Федор поступил в Академию Советской Армии, перейдя в структуру КГБ.

Вот та команда единомышленников и соратников, друзей и товарищей, офицеров – политработников, с кем я прослужил в полку с 1984 по 1988 годы.

Только добрые слова могу сказать и об офицерах-политработниках политического отдела дивизии. А именно, о подполковнике Заволодько Александре Владимировиче – заместителе начальника политотдела, секретаре партийной комиссии дивизии подполковнике Журавлёве В.М., старшем инструкторе по организационно-партийной работе капитане Рудышине Иване Андреевиче, майоре Лосике Николае Николаевиче – начальнике университета марксизма-ленинизма и, особенно, о пропагандисте дивизии майоре Андрееве Валерии Александровиче. Валерий Александрович для меня стал таким же добрым старшим товарищем и наставником пропагандисткой работы, как Вековешников А.В. в Валгской дивизии на армейской культуре.

Полгода до получения жилья я прожил в лесу, в расположении полка, в офицерском общежитии, изредка выезжая навестить семью в Гусино. В одной комнате со мной проживал начальник связи полка майор Проскуряков, сослуживец отца по Шяуляю, прибывший дослужить год до увольнения в запас из убывшего в Барнаул Добельского ракетного полка.

Чуть позже, в гостинице поселился и жил в командирском номере новый заместитель командира полка подполковник Яковенко Владимир Николаевич, прибывший из 7-й ракетной дивизии, из Бологое-4 Тверской области. С ним мы нашли общий язык и вечера проводили вместе, оставаясь один ответственным по части, а другой ответственным политработником. К сожалению, Владимир Николаевич и года не пробыл на должности в Советском полку, как убыл назад в Бологое, на должность заместителя командира ракетного полка ОС по боевому управлению.

На его место, на должность заместителя командира полка, прибыл подполковник Горельченков Михаил Михайлович, с которым у меня сразу наладились самые добрые служебные взаимоотношения.

Без семьи, круглосуточно проживая в части, времени для работы и ознакомления с жизнью и боевой деятельностью полка было больше, чем достаточно. Сначала разобрался со штатом ракетного полка и организацией политической подготовки офицеров, прапорщиков и солдат. Организовал проведение обучающих семинаров с агитаторами, редакторами стенных газет и боевых листов подразделений.

Познакомился со всеми командирами боевых и обеспечивающих подразделений. Совместно начали переоформление ленинских комнат. Одновременно занялся уличной наглядной агитацией. Все в соответствии с новыми требованиями нового начальника политуправления РВСН генерал-полковника Родина Виктора Семеновича, прибывшего в РВСН из Сухопутных войск.

До его назначения, в ракетных частях на всю ширину строевого плаца, были красочно оформленные лозунги-призывы, исполненные аршинными буквами: «Сначала думай о Родине, а потом о себе!». В ходе ознакомительной поездки по войскам, посетив первую ракетную часть, Виктор Семенович принял этот лозунг, как лично касающийся своей фамилии Родин, устроил разнос и запретил его в Ракетных войсках. Пошли срочные указания-телеграммы, убрать этот текст из ленинских комнат и уличной наглядной агитации. Пришлось и нам в полку переделывать только что добротнo и эстетически привлекательно оформленные стенды и щиты. Теперь на плацу лозунг был другой: «Честь твоего полка – твоя честь!».

Музей боевой славы части занимал половину сборно-щитовой казармы РЭЗМ 1-го дивизиона. Возгорание его, по причине замыкания электропроводки, было не очень существенным. Но экспозиционные залы сильно пострадали от воды при тушении пожара. Все стенды и экспонаты были покрыты пятнами зеленой плесени, потолок и стены

закопчены от гари. Требовались полный косметический ремонт залов и реставрация всех музейных экспонатов, с заменой фотографий.

В конечном счете, и с этой задачей справились. На День Победы по залам музея я уже проводил экскурсию для дорогих гостей – фронтовиков, ветеранов 92-го Гвардейского минометного полка легендарных «Катюш», на базе которого в 1946 году было сформировано первое ракетное соединение, а в 1959 году наша 24-я ракетная дивизия. По преемственности дивизии передано наименование «Гомельская гвардейская» и пять орденов – Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого.

Если в ракетных дивизионах, на узле связи, группе регламента были штатные замполиты, то в батареях боевого обеспечения (ББО) и роте тыла таковых не предусмотрено. Внештатным замполитом ББО, где командирами батареи были капитан Агапов А., а потом его сменил молодой и энергичный старший лейтенант Лобач Владимир Павлович, назначался пропагандист части. Это обстоятельство накладывало дополнительные обязанности на мою голову и ответственность за политико-воспитательную работу с личным составом этого подразделения полкового подчинения.

Служить в управлении ракетного полка и не заступать на боевое дежурство, было не к лицу офицеру-политработнику. И я начал готовиться к сдаче экзамена на допуск к самостоятельному несению боевого дежурства на КП полка. Мне, как выпускнику военно-политического училища, изучавшего общевойсковую тактику, ракетная наука, которую мои сослуживцы изучали в ракетных военных училищах в течение пяти лет, давалась тяжело. Но, все же я сдал на допуск и стал заступать на боевое дежурство вместе с опытными офицерами ракетчиками. Трое – четверо суток в составе дежурной смены командного пункта ракетного полка.

Вскоре пришел приказ вышестоящего командования, что в суточный наряд дежурными по полку назначать офицеров управления полка только с должностной категорией не ниже «майорской». В состав таких дежурных по части включили и меня, отменив несение боевого дежурства на КП полка.

Дежурство по управлению давало возможность живому общению с личным составом, позволяло в вечернее время провести политико-воспитательные мероприятия в подопечной ББО и контролировать работу созданной команды художников – оформителей, восстанавливающей под моим руководством музей Боевой славы полка.

За мое дежурство всякое было. Был случай, когда обходя казарменные помещения при проверке несения службы суточным нарядом в ночное время, спас личный состав подопечной ББО от большой беды. В нарушение Устава уснул дежурный по роте. Его негативному примеру последовали оба его дневальных, оба земляка – чеченца, оставивших в бытовке включенный электрочайник. Вода выкипела, чайник, стоящий на гладильном столике, обшитом солдатским одеялом, начал плавиться, а материал тлеть. Казарму заволокло дымом – а дежурное освещение выключено, в расположении темно, все безмятежно спят.

Приди дежурный по полку на минут десять-пятнадцать позже, полыхала бы казарма вместе с людьми. Любой ракетчик знает, что сборно-щитовая казарма, хоть и обложена с наружи белым кирпичом, горит, как спичка, и за десять минут сгорает до основания.

Был и курьезный случай. Ночью позвонил дежурный по роте тыла и транспортировки полка и доложил, что спящего бойца за обе губы укусила крыса. Казарма располагалась рядом со штабом полка. Через пару минут я был в расположении роты, вызвав санинструктора из медпункта части.

Солдат из хозяйственного взвода поплатился из-за своей элементарной жадности. Он получил посылку, а салом не стал делиться с друзьями. После отбоя зашел за угол казармы, наелся до отвала, остаток сала завернул в носовой платок, положив его в карман форменных штанов. И улегся спать, даже не вытерев свои сальные губы.

В ночной тишине крыса прогрызла его брюки, уничтожила сало, прогрызла другую дыру для своего выхода и напрямиком на знакомый запах к сальным губам молодца, в которые и вонзила свои острые зубы.

Эти серые вредители, как с ними не боролись, изрядно досаждали ракетному населению части, особенно там, где съестное плохо лежало. Так однажды попал на личный материальный ущерб командир эксплуатационно-ремонтной роты 1-го дивизиона (ЭРР-1), капитан, уже забыл фамилию, с постоянно красным лицом здорового некурящего и непьющего человека возрастом за сорок лет, за что имел прозвище в полку «Ванька-красный командир».

По вторникам и пятницам в «солдатском магазине-чайной» продуктами отоваривались офицеры и прапорщики полка и дивизионов. Командир ЭРР-1 тоже прикупил колбаски двух видов и поставил свой знаменитый рыжий кожаный портфель в канцелярии на подоконник у приоткрытой форточки, чтобы продукты не испортились до вечернего отъезда домой. Сам пошел по делам служебным. Командиров ЭРР, отве-

чающих за жизнеобеспечение дивизионов, мы в шутку называли «Королями света, дерьма и пара».

Вечером он схватил свой рыжий кожаный портфель и бегом, в отъезжающий КУНГ, битком забитый служивым людом. И только в городе он обратил внимание, что его портфель слегка полегчал. С одной стороны зияла входная дыра, прогрызенная крысой, с другой такая же выходная. Колбасу съели без капитана.

Говоря об офицерском составе части, надо отметить, что вся тяжесть боевой работы стартовых батарей ложилась на плечи начальников отделений и расчетов. На этих должностях стояли «сорокапятилетние капитаны» возрастом ближе к сорока и старше, со знаками среднего военного училища на кителях. За свою многолетнюю службу боевую работу и ракетную технику они знали назубок. Это были настоящие мастера ракетного дела и уважаемые в части офицеры. Но для них эти должности были тупиковыми. В лучшем случае, по увольнению в запас, особо достойным присваивали воинское звание «майор» и провожали на пенсию в звании старшего офицера.

Дело в том, что в 1980-е годы в армии и на флоте, в том числе и в РВСН, проводилась политика омоложения кадров, и на должности командиров стартовых батарей назначали молодых и перспективных старших лейтенантов, а иногда и лейтенантов. Начальники отделений и расчетов по возрасту и опыту боевой работы им в отцы годились, но во всем помогли становлению «зеленых» комбатов.

Многие из командиров батарей Советского полка дослужились до полковников и проходили службу в Центральном аппарате РВСН, 4-м ЦНИИ МО РФ. Примером тому комбат 2-й стартовой батареи старший лейтенант Зубович Сергей Леонидович, завершивший службу полковником, начальником отдела в Управлении боевой подготовки Ракетных войск. Сегодня Сергей Леонидович проживает во Власихе и является членом совета ветеранов 24-й ракетной дивизии.

В июне 1985 года мне выделили временную квартиру в старом жилом фонде, в немецком доме 1923 года постройки, в 9 километрах за городом Советск, в городе Неман. В Немане (до 1945 года город Рагнит) до 1980 года стоял Неманский 308-й ракетный полк, и с его уходом, весь жилой фонд был передан Советскому ракетному полку. Получив жилье, я, не задерживаясь, перевез семью из Гусино в Неман.

Дом был двухэтажный, в два подъезда, на четыре квартиры. Мы жили на втором этаже. Две небольших комнаты, кухня с водяным котелком на угле для местного отопления квартиры. В квартире был и туалет с

сохранившимся немецким металлическим унитазом, покрытым когда-то белой глазурной эмалью, со сливным бачком. Крыша дома высокая, покатая. Под ней просторный сухой чердак для хранения вещей и сушки белья. В подвале окно и отсек для загрузки и хранения угля. Вдоль стен сухого подвального помещения располагались стеллажи для хранения продуктов и заготовок на зиму. Все по-немецки четко и доброту. Построено с головой и руками.

За домом располагался большой старый сад с фруктовыми деревьями и огородными грядками. Старики-старожилы, занявшие в 1945 году жилые дома в городе, рассказывали, что немцы, оставляя город, забрав документы и самое ценное, оставили не тронутым все свое нажитое. Новые хозяева-победители въезжали в оставленные дома и квартиры, обставленные немецкой мебелью и сервизами, с запасами топлива, продуктов, копчениями и соленьями.

В конце июля 1985 года, с двухнедельной задержкой, «благодаря» Климчуку В.Т., мне все же было присвоено очередное воинское звание «капитан». На другой день я убыл на трехмесячные курсы повышения квалификации в город Киев. Там, рядом с бульваром Леси Украинки, возле Киевского суворовского военного училища, располагались 10-е Центральные курсы усовершенствования политсостава, находящиеся в непосредственном подчинении ГлавПУРа СА и ВМФ. За три месяца мне предстояло пройти курс, сдать экзамены и получить корочки свидетельства по специальности «пропагандист». Семью на время учебы отправил к родителям жены во Львов.

Киев – это не Советск и не Неман. Условия для учебы, быта и культурного отдыха были созданы исключительно благоприятные. Из окна номера современного жилого корпуса общежития гостиничного типа, на возвышенности, утопая в зелени деревьев, величаво стояла огромная скульптура Родины-Матери с мечом в руке. У ее подножия протекал широкий Днепр с мостом имени Е.О. Патона, автора и инженера проекта.

Если не выходить в город, то все три месяца можно было прожить на курсах, не одевая кителя. Все здания учебных корпусов, зрительного зала, столовой, магазина, кафе, административного здания и т.д., соединялись между собой широкими застекленными светлыми переходами.

Учебный материал на курсах преподавали интересно, много взял для себя нового, приобрел современную литературу, необходимую для успешной работы пропагандиста. Там же встретил несколько преподавателей нашего Львовского ВВПУ. Теперь они преподавали в Киеве.

После обеда два часа самоподготовки и свободное время, с выходом в город. За три месяца учебы с ребятами из нашей группы объездили весь город, посмотрели все основные музеи, городские достопримечательности и исторические памятники. Побывали в Печерской лавре и ее знаменитых пещерах с мощами святых.

Раз в месяц на три-четыре дня ездил во Львов, повидать жену с сыном. Конечно, сильно скучал, ежедневно ходил на переговорный пункт, чтобы позвонить Ирине по междугороднему телефону-автомату. Пятнадцатикопеечные монетки летели, как поется в песне: «тают в кошелечке медные кружочки». Но семья все же дороже.

Время учебы пролетело быстро и эффективно. Нужно было обратно возвращаться в полк. Забрав из Львова семью, в начале декабря мы вернулись в Неман.

Семья была устроена. Я пропадал сутками на службе. Уезжал в 6 утра. Возвращался к часам десяти-одиннадцати вечера, к ночному выпуску информационной программы «Время». Как мы шутили: «Успеть бы на выпуск новостей для стратегических ракетчиков».

Были случаи, что и просыпал на службу. Полковой или дивизионный транспорт уходил строго по времени. Меня всегда удивляло, что машины РТБ никогда запоздавших «полковых» не подбирали, хотя шли полупустые. Приходилось ловить такси. И за свои кровные рубли катить на службу за 35 километров. Я был не первый. Таксисты маршрут в Славский лес знали хорошо. Доезжал по шоссе до поворота в лес, где начиналась подъездная, без асфальтового покрытия, дорога к расположению части. По ней пешком еще три километра. К кпп гражданскому транспорту подъезжать категорически запрещалось.

В декабре 1986 года в Смоленске проходили очередные ежегодные сборы пропагандистов полков и дивизий 50-й ракетной армии. Во главе со старшим, пропагандистом дивизии майором Андреевым Валерием Александровичем, мы в составе Гвардейской делегации прибыли на сборы и поселились в гостинице «Смоленск».

Учебно-методические сборы всегда начинались с доклада ЧВС генерал-майора Березова В.П. об итогах работы за прошедший период. Его боялись. Все «бляки» в дивизиях и полках по воинской дисциплине, преступлениям и происшествиям, боевой готовности, состоянию ракетного вооружения, политической подготовки и прочее, упоминались в докладе, так, как – будто в них виноваты только пропагандисты.

При негативном упоминании части, пропагандист этого полка или дивизии обязательно вставал, представлялся и выслушивал в свой

адрес тираду нелесных слов. И чем чаще ты вставал, тем суровее становились угрозы о не радостной личной кадровой перспективе. Этот процесс мы называли «выдергивание гвоздей из стула попой». В этот раз наша делегация, в том числе и я, «надергали гвоздей» с большой строительный ящик.

Настроение у всех было удрученное, до поезда оставалось четыре часа, и мы решили по традиции поужинать в ресторане «Днепр», где нас всегда хорошо принимали, даже если на входных дверях висела табличка «Мест нет». Швейцар в ливрее и эполетах приветливо встречал нас и пропускал собратьев по форменной одежде. Военных в Смоленске всегда уважали.

Но в этот раз наше настроение еще больше испортилось. В стране началась горбачевско – лигачевская кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Все можно было ожидать, но не до такой степени, как получилось.

Мы зашли в фойе ресторана, сняли шинели и фуражки, сдали в гардероб, получив жетоны-номерки. Рядом суетятся, поправляясь и причесываясь, наряженные гражданские лица. И тут сверху спускается администратор ресторана и прямо с середины лестницы, как оратор на митинговой трибуне, громко объявляет: «Товарищи офицеры! Военных в форме приказано в ресторан не пускать!». Это была пощечина и плевков в адрес служивых людей...

Возмущаясь, не солоно хлебавши, в конец с испорченным настроением, голодные и злые мы были вынуждены покинуть заведение. В вечернем кафе, недалеко от привокзальной площади, повторилось то же самое. Только швейцар нас вообще во входную дверь не пустил, прикрываясь запретительным приказом начальника Смоленского гарнизона.

Транспортная проблема с перевозкой офицеров на службу, как и в других однотипных полках ракетного комплекса 8К63, в полку стояла очень остро. Автобус Курганского автозавода, покрашенный почему-то в рыжий цвет, на всю часть был один. А так как он возил больше женщин на службу и работу, его прозвали «женовозом». Этот выдавший виды агрегат ровно в 18 часов убывал из части. Вечернее построение всего личного состава управления полка и 1-го дивизиона проводилось в 18.30, но, как правило, работа продолжалась до 20 часов и позже. Редко, когда все батареи успевали к этому времени закончить решение учебно-боевых задач. Из-за одной батареи переносили отъезд офицерам и прапорщикам всего дивизиона. Автоматически «для контроля» командир полка, как в наказание, оставлял и офицеров управления. Транспортные

машины для перевозки личного состава ждали по два, три часа ждали команды, разрешающей отъезд домой.

Для офицеров и прапорщиков управления полка и дивизионов основным транспортным средством были грузовые ЗИЛ-157, с установленными на их шасси неотапливаемыми КУНГами, прозванные ракетчиками «мормонами». В КУНГ с тремя рядами лавок, рассчитанных на 21 посадочное место, набивалось почти в два раза больше пассажиров. В зимние морозные дни, прибывая на конечную остановку в Нема, с потолка КУНГа капал конденсат от надышавшей массы проехавших в нем людей. Простояв морозную ночь в парке на зимних квартирах, этот же КУНГ в 6 утра приезжал за нами. Его салон напоминал заиндевевшую морозильную камеру холодильника, обвешанную сосульками замерзшего конденсата.

Машины были старыми и часто ломались. Бывало, что 35 километров мы ехали по два, а то и три часа. То колесо отвалится, то масло в мосту замерзнет и его заклинит, и нас, как в ореховой скорлупе, мотает по зимнему узкому шоссе, шлепая по старым стволам придорожных лип, до хруста фанерной обшивки. Новенькие комфортабельные, теплые автобусы ПАЗ на армейском узле связи, возившие нас на службу, остались только в светлых воспоминаниях. Здесь была другая жизнь и другие, суровые условия на уровне 1960-х годов. Отец так добирался на службу. Теперь, на двадцать пять лет позже, также добирался и я.

Немного стало легче, когда в часть прибыли четыре новеньких высокооборотистых ЗИЛ-131. Доставка людей стала быстрее и без поломок. Но комфорта не добавилось, так как на новые машины просто переставили старые КУНГи с ЗИЛ-157.

Начальником автомобильной службы полка был капитан Венгеренко Владимир Николаевич, человек шустрый и веселый. Он закончил службу полковником, начальником автослужбы северного полигона, в Плесецке. Владимир наладил связи с автобусным парком города Советска и по бартеру, за колеса от заправочных емкостей, выслужившие срок службы, заполучил списываемый автобус ЛАЗ-695. Автобус остался в парке гражданской автобазы для восстановления, замены деталей и узлов и покраски. Мы с нетерпением ждали, когда же по-человечески будем ездить на службу и возвращаться домой в салоне теплого автобуса.

Прошло месяца три, как по полку пошел слух, что сегодня после обеда прибудет долгожданный автобус. К вечеру его оформят, присвоив военные регистрационные номера, и домой поедет на нем. В приподня-

том настроении офицеры обсуждали эту тему за обедом в офицерской столовой.

И вот час настал. Как при встрече первого космонавта Земли Ю.А.Гагарина, мы выстроились по обе стороны центральной аллеи полка, чтобы встретить железного виновника торжества. Вдалеке, на прямой видимости, открылись ворота КПП части, и в них въехал блестящий от свежей белой краски ЛАЗ. За рулем автобуса гордо восседал командир автозвода старший прапорщик Дзирвитис. Рядом с ним, на кресле старшего машины, сидел довольный такой встречей герой дня капитан Володя Венгеренко. Все захлопали от радости и провожали умиленным взглядом, уходящий в автопарк долгожданный автобус.

Центральная дорога части, проходящая между штабом, гостиницей, клубом, спортзалом, музеем и казармами, была заасфальтирована. А примыкающие, перпендикулярные пути, уложены бетонными плитами, с глубокими от времени и эксплуатации выбоинами. Свернув у казармы ББО с асфальта, автобус трянуло на первой же колдобине так, что работающий двигатель, дымясь, на глазах у всех, кто видел, вывалился на дорогу. Вентилятор воздушного охлаждения по инерции вращался. Это был облом. Праздничное настроение моментально пропало.

Через неделю автобус отремонтировали, укрепив раму под двигателем, и выпустили на маршрут. Всем хотелось проехать цивилизованно. Поэтому, кроме 65 посадочных мест, плотно занимались и стоячие места в проходе салона. В конечном итоге, не поездив и месяца, наш ЛАЗ переломился пополам на неровной лесной дороге, в километре от КПП. Его ржавый остов так и лежал на обочине поворота, когда в январе 1988 года я убывал из полка к новому месту службы.

Проявляя заботу о личном составе, в КУНГах одно время решили поставить печки-буржуйки. Сварили и установили, вроде бы соблюдая меры безопасности. На таком КУНГе мы, как делегаты партийной конференции ракетного соединения от Советского полка, поехали в штаб дивизии, в город Гвардейск.

От Советска до Гвардейска около девяноста километров пути в сторону Калининграда. Затопили печурку, едем, играем в домино, тепло, сняли шинели. Проходит время, слышим прерывистые сигналы догнавшего нас междугороднего автобуса «Икарус», следовавшего по маршруту Рига – Калининград. Выглянули в окошко, а там водитель автобуса машет, требует остановиться. Дали сигнал водителю и старшему машины подполковнику Архипову В.Б., чтобы остановились. Выходим и видим, что крыша нашего КУНГа горит ясным пламенем. В месте соединения

вытяжной трубы печки с потолком деревянного кузова загорелись обшивка и утеплитель.

Пошли в ход наши наглаженные шинели. Общими усилиями затушили огонь и больше буржуйку не растапливали. После аналогичных случаев в других полках, командование дивизии запретило эксплуатацию нештатных отопительных агрегатов на транспортных машинах, перевозящих людей.

Боевая техника ракетного полка за тридцать лет эксплуатации устарела как морально, так и физически. Люди изнашиваются и стареют, что уж говорить о металле. Когда-то мощные грузовики КраЗ-214, являющиеся тягачами для транспортировки ракет и многотонных цистерн с ракетным горючим, от старости чадили черно-сизым дымом, тяжело, на издыхании, волоча за собой штатный груз. Из выхлопных труб вылетали искры несгоревшей солярки. Они еле-еле выполняли свое прямое предназначение. На итоговые проверки комиссией Главкомандующего РВСН, из Белокоровичей Винницкой 43-й ракетной армии пригоняли более новые и мощные машины типа КраЗ-255. Потом снова угоняли обратно.

Надо отдать должное личному составу полков РСД Р-12, умудряющихся выполнять поставленные учебно-боевые задачи на этой гряде автомобильного хлама и лома.

Мне запомнился мой первый выход полка на учения в полевой район в феврале 1985 года.

На время совершения марша замполит полка подполковник Архипов В.Б. лично распределял всех политработников на самые сложные места, в колонну передвигающейся в ЗПП автомобильной техники подразделений. Меня он определил старшим машины подвижного командного пункта полка (ПКП).

Огромный КУНГ – штаб для полевых условий, установленный на длинном шасси дизельного древнего трехосного грузовика Ярославского автомобильного завода, был в сносном состоянии. А вот сам автомобиль с деревянной кабиной, с трудом заведенным двигателем, без освещения и габаритных огней, а также без работающей печки обогрева кабины и стекол, представлял собой монстра-дракона, извергающего густой солярочный дым, которому предстояло начать нелегкий путь по ночной зимней дороге.

Лобовые стекла, равно как и дверные, изнутри были покрыты морозными замысловатыми расписными узорами, и дороги через них совершенно видно не было. Боковые окна дверок мы опустили, чтобы

видеть обочину. Я выполнял задачу обогревателя пятнышка лобового водительского стекла, чтобы боец хоть одним глазом видел, куда ведет эту махину. До Славска мы ехали при свете фар задней машины и моего батарейного фонарика, ориентируясь на габаритные огни впереди идущей машины.

В Славске к нам на помощь на ПКТ приехал начальник штаба полка подполковник Глебченков Олег Александрович. Огромный инженерно-дорожный колесный трактор, имея фары с обеих сторон, освещал путь и себе и нам. Так и доползли до полевого района, причем без дорожно-транспортных происшествий. Штаб был развернут, подключен к электропитанию, боевой расчет занял свои посты и трое суток воевал, в соответствии с планом проводимых учений. Обратный путь был легче, так как возвращались днем, когда освещение фарами не требуется.

Нашего начальника штаба подполковника Глебченкова О.А. в полку любили и уважали. Грамотный, эрудированный, доброжелательный человек, не лишенный чувства юмора. Высококласный офицер-ракетчик, радеющий за дело и за людей, выполняющих нелегкий ратный труд. Он никогда не нагнетал нервозности в воинских коллективах. Всегда спокойно и взвешенно принимал решения и требовал их исполнения в установленный срок. С ним было легко служить. Мне нравилось оставаться на выходные дежурным политработником, когда Олег Александрович был командиром дежурных сил или ответственным командиром по полку. Организовав утренние спортивно-массовые мероприятия, после обеда он давал личному составу возможность отдохнуть, не обременяя служебными и хозяйственными задачами.

Мне запомнилось его предложение посмотреть чудо природы. В полутора километрах от позиционного района полка, в лесу, проходил рукотворный канал, построенный еще немцами. После общего построения и проверки личного состава, мы отправили подразделения с ответственными офицерами в клуб на просмотр кинофильма. Сами сели в УАЗ начальника штаба и выехали за КПП.

Через километр свернули направо, на лесную песчаную дорогу. Стоял очень теплый весенний день конца апреля. Мы подъехали к мосту через довольно широкий, не меньше десяти метров, канал. Железобетонный мост с массивными металлическими поручнями был уложен такой же брусчаткой, как на улицах Советска. Опять же, даже в лесу, предусмотрительные немцы строили переправы через водные преграды, чтобы могли пройти танковые колонны.

Но несказанно удивило больше второе. Справа и слева от моста, на всю длину видимости канала, поверхность воды бурлила и кипела. Это нерестился лещ! Такого скопления крупной рыбы, собравшейся в одном месте, я никогда в жизни не видел. Трясь друг о друга, шумно выворачиваясь своими широкими серебристо-бронзовыми боками, шлепаясь о воду, они поднимали множество брызг и взбивали пену. Брызги воды переливались в лучах яркого весеннего солнца всеми цветами радуги, будто разноцветные алмазы. По берегам черемуха оделась в свежие изумрудные листочки. И все это бурление происходило в лесной тишине, вдали от человеческой суеты и шума цивилизации. От такой красоты невозможно было оторвать глаз. Это была сказка наяву.

Правда, эту идиллию вскоре нарушили браконьеры-заготовители, приехавшие на мотоцикле с коляской, в которой стояла двухсотлитровая бочка. Они бесцеремонно взяли в руки большие подсачки и начали без особого труда черпать крупную нерестящуюся рыбу, вываливая ее в привезенную бочку.

Летом 1986 года мне распределили служебную двухкомнатную благоустроенную квартиру на четвертом этаже, в микрорайоне жилых домов бывшего Неманского ракетного полка с названием «Новые дома», на окраине Немана. Планировка квартиры была точной копией квартиры в Гусино. За выходные сделали небольшой косметический ремонт и через пару дней переехали из старого немецкого дома на улице Первомайской в более новое жилье. Мебель расставили по образцу и подобию Гусинской квартиры. К большой нашей радости, проблема с заготовкой угля и топкой котелка для обогрева квартиры, сама собой отпала. Да и добираться до дома стало ближе. Рейсовый автобус, курсирующий между Советском и Неманом, останавливался напротив наших домов. Зато появилась новая проблема, в виде несметного количества мелких квартирных комаров, успешно плодящихся в теплом подвале многоэтажного дома, полностью залитого фекалиями. Круглый год эти вредные гнусы не давали нам покоя.

Мы ждали второго ребенка. Ирине тяжело было рано вставать и пешком отводить Андрюху в детский сад на другой конец города, где находилась конечная остановка нашего служебного транспорта. Поэтому в мои обязанности входила доставка сына в сад. В 6 утра мы с Андрюшкой выходили у домов на остановку, ждали свой КУНГ и доезжали до детского сада. До его открытия оставалось сорок минут. Поэтому приходилось оставлять сына гулять одного на игровой площадке детского сада, под

присмотром женщины-сторожа. Сам возвращался обратно к машине и уезжал на службу. И так ежедневно, кроме выходных дней.

...Прошло десять лет с 1976 года, как я закончил учебу в Добельской средней школе №2. На выпускном вечере в школе мы договорились встретиться классом через десять лет. Намеченный срок пролетел незаметно. И вот из Добельской средней школы в часть пришло мне приглашение на эту встречу. И жена, и командование полка отнеслись с пониманием, дав возможность съездить в Латвию и повидать своих одноклассников.

Организаторами встречи стали ребята, оставшиеся жить в Добеле и в Риге. Во главе с Лютовой Натальей, одноклассники – добельчане хорошо организовали встречу. Оповестили директора и учителей школы о проводимом мероприятии, пригласив их. Заказали банкетный зал и гостиницу для иногородних выпускников.

Почти весь наш 10-й «В» класс собрался в школе, во главе с бывшей классной руководительницей Сеглиня Эльзой Матисовной. На встречу с нами Эльза Матисовна пригласила свой нынешний подопечный 10-й «В» класс, чтобы они послушали, каких высот в жизни достигли ее старшие питомцы за десять после школьных лет.

Было вечернее время, но многие учителя тоже пришли на нашу встречу. Каждому из нас было предоставлено слово для короткого рассказа о себе. В завершении торжественной части встречи мы посмотрели узкоплечный документальный фильм, снятый и смонтированный Сергеем Соколовым десять лет тому назад. Фильм о наших учебных буднях, коллективных культпоходах и поездках на уборку урожая овощей в колхозы Добельского района. Посмеялись над собой от души.

Наши воспоминания и дружеское общение плавно перетекли в банкетный зал уютного латышского ресторана в лесопарке «Кастермеж». К сожалению, время меня поджимало. До конца банкета и на второй день встречи я остаться не мог. Дома ждала беременная жена. А в Шяуляе, по дороге домой, надо было забрать сына Андриюшку, находившегося у моих родителей. Поэтому я тепло попрощался с учительницей и своими одноклассниками, а Иван Ляскуткин, уже главный агроном колхоза-миллионера «Накотне», любезно доставил меня на своей новенькой «Ладе» на станцию города Добеле. Микроавтобусом до Елгавы, поездом до Шяуляя, и снова автобусом до Советска. К вечеру мы с сыном вернулись домой в Неман.

1987 год был годом нескольких знаменательных событий.

1 июня 1987 года, в День защиты детей, у нас родился второй сын – Сергей. Не знаю, чем это объяснить, но я был уверен, что у меня будет два сына. Имя первому – Андрюха, давал я. А второго – Сережкой, нарекла жена Ирина.

Народная мудрость гласит: «Один сын-это пол сына. А два сына-это сын». У моего тестя Юрия Николаевича две дочери. Вышли они замуж, взяли фамилии мужей и все. Прекрасная русская фамилия Наумов с его уходом в роду прекратила своё развитие. Два сына Еремеевых, к моей радости и удовлетворению, являются продолжателями фамилии и рода Еремеевых.

1987 год стал началом конца 24-й ракетной дивизии.

Ему предшествовал советско-американский договор о ликвидации сторонами своих ракет средней и меньшей дальности (РСМД), подписанный в декабре 1987 года.

Согласно этому документу, Советский Союз должен был ликвидировать все свои РСД-10 «Пионер» (методом подрыва на полигоне Капустин Яр и методом пуска 72 ракет с позиционных районов Читинской 53-й ракетной армии). Ракетовозы – МАЗы подлежали конверсии в народное хозяйство на базе ликвидации в Сарнах, на Украине.

Кроме того, предстояло ликвидировать все имеющиеся ракеты средней дальности типа Р-12 и Р-14. Уничтожение их, корпусов головных частей, пусковых столов и установщиков МАЗов методом резки предусматривалось на базе ликвидации «Лесная», в Белоруссии.

24-я Гвардейская ракетная дивизия, тридцать лет державшая своими Р-12 на прицеле и в страхе одну из европейских стран, попадала под действие этого договора. Все уже знали, что скоро наше прославленное первое ракетное соединение прекратит свое существование. В конечном итоге, весь боезапас ракет соединения и их установщики с пусковыми столами были отправлены на уничтожение на Базу ликвидации «Лесная». А 31 мая 1990 года дивизию расформировали. Боевое Знамя передали в Центральный музей Вооруженных Сил СССР. К великому сожалению, почетные наименования и ордена, богатые боевые традиции так и не были переданы по преемственности вновь формируемому ракетному полку или соединению.

В марте 1987 года снят с должности командира полка и отправлен с понижением на должность начальника штаба РТБ в город Таураге, в соседнюю Кармелавскую ракетную дивизию, подполковник Попов Михаил Евгеньевич. За время своего командования он не стал «службой царю и отцом солдатам». Авторитетом ни у командования, ни у подчиненных он

не пользовался. Офицеры полка его недолюбливали за высокомерное и пренебрежительное отношение к людям. Узнав о его переводе, шутили, что Попов М.Е. направлен на работу с меньшим объемом, но с большим окладом.

Дело в том, что военнослужащие, проходящие службу в ракетно-технической базе (РТБ), выполняли специфические задачи, работая с ядерными головными частями (ГЧ). Живя на территории ракетного полка, они ни за какие хозяйственно-бытовые вопросы не отвечали. Зато получали денежное довольствие с существенными надбавками, намного больше, чем боевые ракетчики полка и дивизионов. Их в ракетных полках называли «головастиками».

На территории ракетного полка РТБ было государством в государстве, а ее военнослужащие представляли особую белую касту. За их вечное недовольство и требование каких-то льгот, мы в полку их прозвали – девять «Ж»: Живу, Жируя, Жалуясь. Жадно Жду Жалование, Желая Желтые Жигули.

В такое же, только соседнее государство – Таурагское РТБ, с понижением в должности, был отправлен подполковник Попов М.Е.

На его место прибыл подполковник Матюшенко Владимир Викторович. После бывшего командира, это был настоящий офицер-ракетчик, большой и громогласный, специалист по острому словцу с использованием не всегда парламентской лексики. По характеру – Чапай с шашкой. Но беззлобный и незлопамятный человек.

Прослужив год под началом нового начальника политотдела дивизии подполковника Иванова В.С., мне подписали документы, дающие право на поступление в 1988 году в Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. Я прошел военно-врачебную комиссию и начал подготовку к вступительным экзаменам.

Командир дивизии генерал-майор Поленков Геннадий Михайлович ушел на повышение в Центральный аппарат РВСН, начальником службы РЭБ РВСН. На его место назначен полковник Копейкин Александр Николаевич, заместитель командира дивизии. Я Александра Николаевича знал еще подполковником, командиром ракетного полка в Валгской ракетной дивизии. В Гвардейске звание генерал-майора он получил на двух оставшихся стартовых батареях Советского ракетного полка. На его долю выпало завершение расформирования нашей прославленной дивизии.

Перед закрытием дивизии главное командование РВСН приняло решение провести учения с выходом в реальный, до этого засекреченный,

район боевой стартовой позиции полка, куда никогда в учебных целях в полку не выходили. Как оказалось, она находилась в лесу, прямо на выезде из города Советска.

Была поздняя осень 1987 года. В этот полевой выход замполит подполковник Архипов В.Б. направил меня в 4-е, то есть заправочное отделение, стартовой батареи комбата старшего лейтенанта Михаила Дирина. Мне достался КраЗ-214 с прицепленной к нему бочкой Т-112, заправленной горючим ракетного топлива.

Я прибыл на стартовую позицию. Вся техника уже ушла. В последнюю очередь строилась колонна заправщиков всех батарей 1-го дивизиона. Выходы в полевой район осуществлялся только в темное время суток.

На месте пускового стола ракеты горел тепловой имитатор, выставленный для запутывания космической разведки противника. Тут же, при свете луны, стоял КраЗ с огромной бочкой, урча работающим двигателем. Вокруг ни души. Я два раза обошел длинный автопоезд. Никого. Посветил фонариком на кабину, водителя не видно. И только когда поднялся на подножку грузовика и открыл дверь, за рулем увидел маленького роста солдата-водителя, с измазанными машинным маслом руками и таким же лицом. Ему бы в танкисты, а его посадили за руль огромного грузовика-тягача.

Первое короткое знакомство определило, что передо мной солдат первого года службы, рядовой Миша Лунгу из Молдавии, и то, что он впервые поведет этот автопоезд. Мне такая информация оптимизма не прибавила, но боевую задачу нужно было выполнять. И мы медленно тронулись к формировавшейся колонне заправщиков.

Инженер дивизиона по заправочным отделениям старший лейтенант Володя Марышов построил на инструктаж водителей и старших машин. Доложив, что он едет в колонне первым, обратил наше внимание на установленную скорость движения и поддержание безопасной дистанции между автомобилями в колонне. А еще предупредил о правилах проезда мостов и уклонов при транспортировке тяжелых цистерн. Довел маршрут движения до ЗПР. И мы, тяжелогруженной колонной, двинулись в путь.

Это был тот полевой выход, когда полк занял свои учебно-боевые позиции на несколько часов позже, чем требовалось по боевому расписанию, и получил «неуд».

Было около трех часов ночи. Из выхлопной трубы впереди идущего КраЗа от напряжения и старости на метров пять вылетали снопы искр несгоревшего дизельного топлива. Вдруг он остановился, встали и мы.

Я вышел в ночную тьму и обошел остановившийся транспорт. Никого впереди не было видно. В свете карманного фонарика передо мной появилась бочка с окислителем Т-131, без горящих габаритов и без тягача. Но слышно, как впереди, где-то слева на обочине урчат два КраЗа.

Оказалось, что первая машина старшего лейтенанта Марышова, спускаясь с горбатого мостика, нарушив его же инструктаж и, получив под зад напиравшей на КраЗ тяжелой бочкой, слетела в кювет, к счастью, между придорожных деревьев.

Второй, идущий за ним тягач, отцепив и бросив посреди ночной дороги свою цистерну, на которую мы чуть не напоролись во тьме, поехал выручать из кювета первого. Процедура нелегкая и долгая. Ночь, вроде бы и движение по шоссе редкое, но колонну гражданских машин с обеих сторон насобирали солидную.

Кто и как выбирал этот район БСП, не знаю. Но на себе убедился, что свернуть с шоссе на лесную дорогу под углом в 35-40 градусов к нему, да еще и в песчаную горку, развернуться и въехать негабаритным тяжелым автопоездам с ракетами на транспортных тележках и бочками с ракетным топливом сходу практически невозможно.

Тягачи КраЗы, буксуя в каше из мокрого снега и песка, ревели двигателями, буксуя в этом месиве, и останавливались на пригорке перед лесом, не в силах самостоятельно продолжать движение с грузом. Приходилось цугом цеплять один-два других тягача и по одной бочке затаскивать в лес, на ровное место. Единственный, кому не понадобилась помощь, чудом, самостоятельно взобравшийся с бочкой в полевой район был КраЗ рядового Михаила Лунгу, впервые севшего за руль этого автомобиля!

В начале января 1988 года в полк приехала армейская комиссия по решению кадровых вопросов и дальнейшей судьбы офицеров и прапорщиков при расформировании полка.

Несколько позже в часть прибыл начальник политотдела дивизии полковник Иванов Вячеслав Сергеевич. К нему на беседу пригласили секретаря парткома полка старшего лейтенанта Порицкого А.В., меня и командира БВО, старшего лейтенанта Лобача В.П. Нам троим поступило предложение убыть к новому месту службы, в Белоруссию, под город Барановичи, для выполнения задач по реализации советско-американского договора о РСМД. Там формировалась База ликвидации ракет Р-12 и Р-14 «Лесная». Время на раздумье и на совет с семьями даны одни сутки.

На следующий день, прибыв на службу, мы дали согласие на свой перевод. Уже к обеду того же дня нам было предписано убыть в штаб ар-

мии в город Смоленск на инструктаж лично к начальнику политотдела 50-й ракетной армии – члену Военного Совета генерал-майору Березову В.П.

События развивались скоротечно. Четырехлетняя служба в полку завершилась. Наскоро собрав свои вещи из служебных кабинетов, тепло попрощались с замполитом полка подполковником Виталием Борисовичем Архиповым, офицерами управления полка и убыли из части. В километре от КПП, в кювете на повороте лесной дороги, уныло доживал свой железный век ржавый остов автобуса ЛАЗ-695, с которым питалось столько добрых надежд ракетных пассажиров.

Времени оставалось немного. Выручил начальник клуба старший лейтенант Роман Бубялис. Он на своей походной автокинопередвижке АКД-64 домчал нас до Советска и Немана, чтобы собрать дома необходимые вещи, попрощаться с семьями и убыть к поезду Калининград-Москва, на вокзал города Черняховска. Впереди новое место службы, новые задачи, новый воинский коллектив. Такова наша офицерская судьба и профессия «Родину защищать».

ИЗ ЖИЗНИ ЛАЗАРЕТА

*АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Владимир Григорьевич,
полковник медицинской службы, кандидат медицинских наук*

- В марте 1975 года заканчивалась моя учеба в 42-й интернатуре медицинского состава РВСН на подтверждение квалификации дивизионного токсиколога-радиолога. Оставалась неделя до выпускного экзамена, мы – слушатели интернатуры, занимались в спецотделении 25 Центрального госпиталя РВСН, и вдруг, на обходе больных, меня отозвал в коридор начальник интернатуры полковник м/с Калмыков Ю.Н. и сказал, что завтра, в 9.00, меня ждет у себя в кабинете 3-его служебного здания главный токсиколог-радиолог РВСН полковник м/с Резник В.И.

Мне объяснили, куда идти, как попасть в здание, но цель вызова не была ясна. Полночи я не спал, все думал, что бы это могло означать. На должности токсиколога-радиолога дивизии я всего два года, никаких подвигов не совершил, ничем себя не проявил, служил как все. Значит, вызов к главному – это не по службе в Гвардейске. Сразу думаешь о плохом. Просто на днях была большая гулянка с употреблением немалого количества алкоголя по поводу дня рождения одного из коллег. Но об этом никто посторонний не должен бы знать. Это тоже отпадало. Словом – будь, что будет. Нагладил брюки, начистил ботинки, и в 8.50 стоял в коридоре у двери кабинета главного. Постучал, вошел. Резник В.И. дружелюбно улыбнулся, предложил сесть. Настало некоторое молчание, я достал тетрадь для записей, но он сказал, что записывать ничего не надо, а вот запомнить все хорошенько – это обязательно. И началось самое интересное. Оказывается, что на базе нашей 24 дивизии, впервые в РВСН, будет проведено войсковое учение с преодолением личным составом местности, зараженной сильнейшим отравляющим веществом – заринном. Как, с настоящим заринном, и где это будет, прямо в дивизии, что

ли? Нет, на окружном полигоне под г. Добровольском Калининградской области в августе этого года. Главный все мне детально пояснил, рассказал, т.е. поставил задачу, сказав, что оставшуюся неделю надо позаниматься в библиотеке интернатуры, проконсультироваться у ведущих специалистов медслужбы Ракетных войск и центрального госпиталя, а также у начальника отдела обитаемости объектов РВ профессора Пухова В.А. (одного из моих будущих начальников). Вся подготовка должна проводиться без огласки, по сути дела – секретно, т.к. в дивизии пока никто ничего не знал.

Прибыв на службу в лазарет, я немедленно обсудил этот вопрос с начальником лазарета Ризаевым М.К. и начальником терапевтического отделения Брацуном В.М. К обеду, наметив канву доклада, пошел к начмеду дивизии Искре В.Д., который с недоумением и явным недоверием выслушал меня и сказал, что только что убыли в Смоленск проверяющие из 50 армии и никаких намеков на какое-то прохождение личного состава через полосу, зараженную заринном, не было в помине. Поэтому идите, работайте, чепухой не занимайтесь, а выполняйте служебные обязанности полнее и почётче. Следует отметить, что прежний начмед – Копилёв В.М., был великий человек, любил службу и нас к этому приучал, любил людей, был очень заботлив. Ему не приходилось командовать нами, врачами соединения, т.к. его слова, просьбы, пожелания для всех нас были законом и неукоснительно исполнялись. С новым начмедом все было наоборот.

Мы тесно объединились с Брацуном В.М., с которым кроме служебных отношений, нас связывала настоящая мужская дружба, и решили действовать самостоятельно. Благо то, что начальник лазарета Ризаев М.К. отнесся к нашим планам благосклонно и давал машину для поездок. Мы начали с гарнизонного госпиталя Гвардейска, поехали к руководству и узнали, что в Прибалтийском военном округе такие учения с применением ОВ – это обыденная регулярная вещь. Все лето на Добровольском полигоне рвут фугас с заринном и войска округа успешно преодолевают загрязненную местность. Детали надо выяснять в медсанбатах, которые принимали участия в подобных учениях. Их было несколько. Главным консультантом у нас оказался медсанбат, дислоцированный в г. Долго-руково. Нам доброжелательно, четко и ясно разъяснили, что и как делалось, где надо развернуть посты, приемно-сортировочное отделение, обмывочно-дезагазационный пункт (пункт специальной обработки), терапию, хирургию, кухню-столовую, продсклад, вещевого склад, ту-

алет, умывальники и другие необходимые объекты, а также полковой медицинский пункт.

(Полковой медицинский пункт был развернут как отдельный медицинское подразделение со свойственными ему сложными задачами). Полковой медицинский пункт под руководством начальника медпункта 1 дивизиона Советского полка Расчеславского Б.Ю. отлично справился со всеми вводными по ходу учения. На разборе учения главный поблагодарил Б.Ю. Расчеславского за знания, профессиональные навыки, находчивость и смекалку, сказав, что этот энергичный лейтенант достоин служить на высоких медицинских должностях. И он не ошибся. Полковник м/с Расчеславский Б.Ю. закончил службу в должности заместителя начальника медицинской службы РВСН).

Оказалось, что у окружных специалистов медслужбы годами отработано всё до мелочей. Вот тогда, вооружившись многочисленными консультациями и советами бывалых, мы начали планомерно (но быстро) готовиться. Наша бригада – терапевт Брацун В.М., начальник аптеки Гришук С.С., лор-врач Ривкин С.Н. задействовали все свои деловые связи и контакты с близлежащими госпиталями и медсанбатами. Мы взяли у них под честное слово палатки УСБ, УСТ, полы к ним из хорошо подогнанных досок, полевую мебель, разные указатели, плакаты, информационные щиты, радиоаппаратуру, инструкции и другую документацию. В нашей дивизии к нам отнеслись с большим пониманием. Главный инженер дивизии Овчинников Л.В. выделил нам дизельную электростанцию ЭСД-20. Начальник связи Зайцев провел с нами занятия по эксплуатации электростанции на базе двигателя Л-12, министанций 2-СДВ-2, которые отдал в наше распоряжение. Один из важнейших вопросов – электроснабжение в полевых условиях, был решен полностью. Кроме этого связисты обеспечили нас полевыми телефонами ТА-57, так что и связью мы были обеспечены в полном объеме. При необходимости можно было позвонить и на «Пролив». Мы запасли необходимое количество баллонов с кислородом, закисью азота. Начальник аптеки Гришук С.С. сумел в короткое время оснастить нас необходимым количеством носилок, санитарных лямок, перевязочным материалом, различными приспособлениями, стойками, держателями, необходимыми для полноценной работы в полевых условиях. Словом, мы были морально и материально готовы, хотя сомнения и переживания мучили нас.

В июне к нам в дивизию приехал главный токсиколог–радиолог Резник В.И., старший инспектор медслужбы РВ Шагаев В.П., начальник 42 интернатуры Калмыков Ю.Н. и другие специалисты. На следующее утро

назначено совещание в медслужбе дивизии с участием высоких должностных лиц из нашего штаба. Совещание открыл начальник штаба дивизии Романюк М.И., который кратко изложил суть дела и дал слово Резнику В.И. Главный не спеша, негромко, четко, ясно и понятно стал ставить задачи, где, как и что развернуть на местности (карта местности весела на доске).

Закончив выступление Резник В.И., спросил, есть ли вопросы. Наступила тревожная тишина, все молчали. По статусу должен сказать что-то начмед дивизии, но он молчал, уткнувшись в тетрадь. Тогда В.М. Брацун сильно пихнул меня своим кулачищем в бок, что означало – давай наш план, т.к. он почти не совпадал с тем, что рекомендовал главный. Я поднял руку, попросил слово и вышел к доске. К ужасу начмеда В.М. Брацун тоже встал, вышел к доске и стал развешивать наши документы – план-схему размещения лазарета на конкретной местности (с привязкой к карте), справочные таблицы, материалы. Резник В.И. с интересом поглядывал на это действие, слушал и что-то записывал в блокнот. Я достаточно полно (может даже излишне) изложил наш план, вдаваясь в мелкие детали, благо, что временем ограничен не был, наконец, доклад закончен. Снова наступила тишина, никаких вопросов. Начмед дивизии зловеще смотрит на меня и испепеляет взглядом. Но, главный встал, объявил перерыв на 30 минут, а мне приказал следовать за ним со всеми бумагами. Зайдя в кабинет начмеда, он удобно устроившись в кресло, дружелюбно рассмеявшись, и как-то по-домашнему спросил: «Откуда дровишки?» Я ему честно, без утайки рассказал о наших злоключениях, как мы ездили по всем медсанбатам, которые когда-либо принимали участие в подобных учениях, побывали и на территории Добровольского полигона, что не очень-то законно. Рассказал, что втайне от начмеда побывали даже в Каунасском госпитале и медсанбате г. Таураге. Если в госпитали и медсанбаты можно прямо нагрянуть без согласования, а вот на полигон просто не попадешь. Но главный все понял. Словом, учли самое подходящее для нас, отсюда и наш план, «наглядная агитация» и материальное оснащение. Главный неторопливо поправил кончиком карандаша усы и отпустил меня восвояси.

Уже через несколько минут совещание возобновилось. Оно было кратким, не более пяти минут. Главный сказал, что меняет свое решение и принимает наш план в целом с его обязательными поправками. Пожелав удачи, он попрощался с нами до августа и отбыл в Москву.

Мы были «на коне». Начмед с нами не обмолвился словом и не общался, но это уже никого не тревожило. Впереди было развертывание лазарета. Нас ждал Добровольский полигон.

Наступил август, и мы прибыли на полигон. Развернувшись по схеме, разместив посты, наладив работу обмывочного пункта, кухни – столовой, продсклада. Был даже холодильник «Speide-8», хороший литовский холодильник. Я точно знаю, что он еще потом лет 20 работал без ремонта.

Мы знали, что по опыту окружных учений ни одного случая поражения заринном не было, т.к. все было продумано до мелочей, к тому же по большому секрету нам сказали, что местные саперы и химики знают свое дело хорошо. Фугас зарывают поглубже, а дегазирующие вещества закладывают побольше. Но была одна беда, были и жертвы. Это тепловой удар, перегревание личного состава, который в средствах химической защиты, в полном комплекте, в машинах часами сидели, ожидая команды «Вперед». Ждать на солнце, без тени, долго. Очень тяжело. Всем было тяжело, и командованию, и солдатам. Мы были наготове, но жизнью – то не рисковали. Но тяжесть на душе была общая, все были в напряжении, никто не шутил. Офицеров и солдат, готовых к маршу, мы периодически обливали водой. Это смягчало напряжение.

Но вот, команда, и они пошли, и успешно преодолели зараженную полосу. Это был единый порыв, мы гордились нашими солдатами и были очень рады, когда они выполнили боевую задачу. Часть личного состава, проходившего сквозь зарин, была «условно пораженной» и направлена в лазарет. Тут уж у нас камень с души упал, мы знали и понимали, что нам делать. Мы дружно рассортировали «пораженных», провели их обработку, помывку, переодели и отправили в отделение хирургии, терапии, согласно условному диагнозу, накормили досыта и уложили спать.

В то же время главный в окружении эскорта, были все начальники медслужб объединений и полигонов, токсикологи-радиологи объединений, медслужба 50 армии и 24 дивизии – в полном составе, стал обходить наше военно-полевое – медицинское хозяйство. Как с электроэнергией? А вот, пожалуйста, ЭСД-20, станция на 30 кВт, хватит электроэнергии с избытком. Вводная – 2СД-20 вышла из строя. А мы говорим, а у нас Л-12, 2-СД-2 тоже электричества с избытком. Тогда так, у вас кончилось горючее, что будете делать? Отвечаем – для освещения есть электрофонарики, для кипячения шприцев и инструментария – примус. Если и эта техника откажет, то на это у нас есть лампы «Летучая мышь» и

керосиновые лампы с отражателем. Закончится керосин – будем пользоваться стеариновыми свечами. Если и их не хватит, то введем «стратегический» резерв. Какой? А вот, военная хитрость – ведро с сухими березовыми лучинами, стоявшими в хирургическом отделении. Рядом лежали коробки со спичками.

Главный вдруг выпрямился, строго взглянул на нас, спросил, кто придумал лучины? Я ответил, что есть сестра приемного отделения, Анна Аксеновна, старейшая работница, на фронте была операционной сестрой и однажды, в критической ситуации со светом, она жгла лучины, а хирурги продолжали оперировать. Главный сказал, что хочет её видеть. Анну Аксеновну вытолкнули из толпы медиков. Она всегда была остра на язык, никого и ничего не боялась, а её – то больные боялись, но больше уважали. Резник В.И. посмотрел на неё долгим взглядом, и тут мы увидели, как в его глазах сверкнула слезинка. Это было так необычно. Большой начальник, высокий, статный, просто красивый мужик, всегда сдержанный – и вдруг такое. Он подошел к Анне Аксеновне, приобнял её, потом неожиданно сделал шаг назад и поцеловал ей руку.

Глядя ей в глаза он сказал, что у него в жизни, в 1945 году, в Австрии, было то же самое. Он был хирургом медсанбата. Вспомнил, как за стенкой палатки шел бой. Слышен был мат – перемат. Бой был с власовцами, а они дрались как звери, их в плен не брали. Василий Иванович потянулся к пистолету, но старший хирург сказал: «Оставь. Это не твое оружие. Наш с тобой бой – здесь, вот наш долг, на столе лежит, да ещё ждут нас, а за стенкой пусть воюют. Если нас убьют, то это значит, что мы погибли в честном бою». И вот, операционная сестра жгла лучины, а операции не останавливали ни на минуту. Но закончился бой, пришел рассвет, и дело было сделано.

...Главный замолчал. Стояла тишина, какая-то необыкновенная. А потом, не сговариваясь, все стали дружно аплодировать. Кто-то крикнул: «Троекратно, два коротких, один длинный – ура-а-а-а!!!»

Это было редкое чувство единения коллектива, как-то уже не различались врачи, медсестры и присутствовавшее высокое начальство. Это был единый порыв. Мы тоже сделали дело, и сделали его хорошо. Забыть этого нельзя.

Далее было тоже интересно. Всех проверяющих мы отправили на помывку, горячей воды было вдоволь. Всех снабдили индивидуальными полотенцами, мылом, мочалкой и тапочками. А затем – праздничный обед, точнее – ранний ужин. Меню было такое: уха тройная, великолепная, благо речка рядом, сети заранее приготовлены, поставлены.

Рыба на столе вареная, жареная. На второе – тушеная зайчатина с жареными шампиньонами. Зайцев настроил в невероятном количестве начальник лазарета Ризаев М.К., который был заядлым рыболовом и охотником. Он хотел подстрелить козочек, но они от шума ушли подальше, чему я был рад несказанно, т. к. они людей не боялись и подпускали близко, и я очень не хотел, чтобы их убили. Ну, а зайцы – это нормально. Рыбы, грибов, дичи – море, т. к. территория полигона закрытая, строго охраняемая, отсюда и изобилие.

Конечно, на столе не было никакого вина и никакой водки. Это было бы неправильно, а вот спирта медицинского было столько, сколько нужно. Все удалось на славу. Вечер закончился, все легли спать, в палатках все было приготовлено, даже печки-буржуйки, на всякий случай.

На утро главный вызвал меня и сказал, что я его правильно понял тогда, весной, в 3-ем здании, и вот теперь мне предлагается написать рапорт на командный факультет Военно-медицинской академии им. С.М.Кирова. Я помялся, ответил, что очень благодарен, но у меня все хорошо. Родился второй сын, всего-то 6 месяцев, хорошая квартира, в Калининграде близкие родственники, а самое главное – в других городах области много моих друзей однокурсников – астраханцев. Да и не хотелось покидать эти красивейшие места, к тому же после окончания Академии придется ехать в Сибирь или Забайкалье, а у меня молодая красивая жена, жаль её.

Резник В.И. спросил, а что, она не поедет что ли с вами в дальние края? Поедет, говорю, в любое место, она «декабристка», но не хотелось бы. Главный сказал, что я неправ и попросил позвать Брацуна В.М., который тоже отказался от Академии, объяснив своё видение дальнейшей службы. Главный пожал нам руки, пожелал удачи и сказал, что удивлен нашим отказом.

Но что делать, мы вернулись на базу, в родную дивизию. Разобрались с имуществом, всё привели в исходное состояние. Я уехал в отпуск в Астрахань, домой, к родителям. Вернувшись из отпуска, узнал, что меня ожидает Москва. Главный взял меня своим помощником. А вскоре и Брацун В.М. был переведен в знаменитый санаторий «Фрунзенское», который он потом и возглавил. Главный нас не забыл, но иногда сердито ворчал: вот отказались от Академии, а могли бы быть большими начальниками.

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ДИВИЗИИ

КОПЕЙКИН Александр Николаевич, генерал-майор, командир дивизии

– Стояли погожие осенние дни 1984 года. Сентябрь в Прибалтике и примыкающей Калининградской области, как правило, прекрасен. Ласкающее утреннее солнце, зелень ухоженного военного городка, строгий западный стиль зданий, чисто выметенная брусчатка на дороге, ведущей к штабу, встретили меня, только что назначенного заместителя командира ракетной дивизии.

Мне повезло. Знакомство с соединением я начал с людей. В этот день состоялась встреча командования с ветеранами прославленной 24 ракетной дивизии. Я увидел, с каким трепетом встречали участники торжеств Боевое Знамя прославленной дивизии с пятью орденами! А следом вынесли Вымпел министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть». Уже тогда я понял, как свято чтут здесь войсковые традиции.

Несколько позже я вплотную познакомился с ветеранами ракетной дивизии – участниками встречи, с кем мне довелось служить и решать необычные вопросы службы и судьбы соединения. Они и сейчас в моей памяти: полковник Овчинников Л.В., Егоров И.М., Шоботов В.М., Кучер В.В., подполковники Шпитальный А.А., Шеленков Л.Н., Буданов А.А., Рыков Л.Я., Бородавко А.П., Поляк А.Э., Валейчик И.С., Белоусов И.Д., Кононович Э.И. Да разве всех перечислишь!

На встрече ветеранов делился опытом майор Бобровский В.И. Он был участником семи учебно-боевых пусков ракет на Государственном полигоне.

От лейтенанта до полковника прошёл службу в дивизии Овчинников Леонид Васильевич, стал заместителем командира дивизии по вооружению Его знали все в Ракетных войсках, и не раз были заманчивые предложения с повышением. Однако он остался верен родной дивизии. Судьба распорядилась так, что нам с ним довелось последними подписывать документы о расформировании легендарной части. Он ушёл в запас, так и не изменив родной дивизии. Но это было значительно позже.

...Мне предстояло включиться в новую должность. Трудным это процесс не показался. Благодаря тому, что рядом были опытные командиры: трудолюбивый и настойчивый, не жалевший себя командир дивизии Поленков Г.М.; авторитетный ветеран – заместитель командира по вооружению уже упоминаемый Овчинников Л.В., умелый организатор воспитательной работы – начальник политотдела Климчук В.Т., знавший своё дело начальник штаба Михайлов А.П., заместитель командира дивизии по тылу Егоров И.М., многие другие. Много хорошего я увидел в работе командиров частей полковников Иванова В.С., Голуба В.И., Шоботова В.М., подполковника Чеснокова В.Н..

Работая в частях и подразделениях, я убедился, что неслучайно в выступлениях многих участников той памятной встречи ветеранов звучала острая озабоченность состоянием боевой готовности техники, сооружений. Всё старело на глазах. И только опыт, житейская мудрость, инженерная смекалка, а порою самоотверженность позволяли быть ракетным полкам в боевой готовности.

1959–1960 гг. – это время формирования дивизии на базе 72 инженерной бригады РВГК. Именно с тех пор стояли многие сооружения, работали стартовые ракетные комплексы Р-12 в Знаменском, Гусевском и Советском полках. В дивизии осталось только три ракетных полка, ртб, узел связи, вшмс, подразделения обеспечения. Но и это нелегко было поддерживать в боевой готовности. Новой техники почти не было. Она в те годы шла на формирование новейших соединений Ракетных войск.

Особенно остро стоял вопрос с поддержанием в исправности Кра-Зов-214. На автотехнику не хватало запчастей, деталей, устарел весь металл. Только чудеса и изворотливость позволяли обеспечить выходы в поле во время учений, да и то, откровенно говоря, с переменным успехом.

В феврале 1987 года дивизия, а я уже два месяца был её командиром, подверглась последней в её боевой истории итоговой проверке Главнокомандующего РВСН.

Небольшой мороз, принизывающий до костей ветер с Балтийского моря, слякоть сопровождали выходы Гусевского и Советского полков на полевые позиции. Надо отдать должное мужеству личного состава этих частей во главе с командирами полковником Голубом В.И. и подполковником Поповым М.Е.. В этих условиях они показали мастерство, накопленные навыки в процессе тактико-специальных занятий и учений.

Ракетный полк полковника Голуба все задачи выполнил успешно. А вот в полку подполковника Попова 2-я батарея превысила время выхода почти на два часа из-за вышедшего из строя КраЗА. Больно переживали все мы этот срыв.

Как всегда высокую оценку получили связисты узла связи дивизии (командир подполковник Буданов А.А.). Все виды связи работали устойчиво как на стационаре, так и в полевых условиях. В этом немалая заслуга начальника связи дивизии подполковник Жигалова А.Ф.

Первая стартовая батарея Советского полка (командир батареи капитан Голубицкий И.Э.) и вторая батарея этого полка (командир майор Жестов В.А.) подтвердили звание отличных.

В ходе итоговой проверки главнокомандующий РВСН генерал армии Максимов Ю.П. посетил все части и сделал вывод, о котором нам стало известно гораздо позже. А пока на подведении итогов из его уст прозвучало кратко, что «24 ракетная дивизия поставленные задачи выполнить способна».

Прошёл ещё один год. Мы проводили на заслуженный отдых 79 офицеров и прапорщиков. Стали заметно меньше пополняться кадры, не поступала новая техника. И вот получена первая директива о расформировании Знаменского полка, командиром которого был полковник Иванов В.С. Командование и личный состав дивизии ещё надеялись, что дивизию сохранят, но этого не произошло.

Никогда не думал я ранее, что придётся заниматься расформированием первого ракетного соединения нашей страны. Вот здесь-то опыта у нас не было. Мы знали, как поддерживать боевую готовность, как ставить на боевое дежурство технику, а учебников по ликвидации у нас не было. Всё было с чистого листа.

Как ни тяжело было, но конкретные задачи каждой службе были поставлены в приказе по части. Чтобы ничего не упустить, составили план-график работ по ликвидации ракетной операционной базы. Моим

заместителем по расформированию первого полка стал Овчинников Л.В.. Комиссии определили срок в полгода. Бесконечные звонки, бессонные ночи, погрузки, отправки, акты на списания заполнили всё служебное время. Часть техники передавалась в воинские части дивизии, немалая доля – в народное хозяйство. Каждый день прибывали и убывали «покупатели».

Тяжело было ракетчикам расставаться с ракетами, пусковыми установками при отправке их на базы ликвидации.

В это же время накапливался совершенно новый опыт работы в воспитательной работе с людьми. С этой задачей успешно справился начальник политического отдела дивизии подполковник Иванов В.С. и его заместитель подполковник Перцев Н.Н. (закончивший службу в центральном аппарате РВСН и к, сожалению, рано ушедший из жизни – А.Д.).

Конечно, мы стремились сохранить кадры, укомплектовали оставшиеся части, которые несли боевое дежурство.

Нелегко было осознавать и то, что наши действия по ликвидации стартов и сооружений находятся под контролем иностранного государства. Инспекционные группы США посетили все точки, подлежащие ликвидации. Их встреча и сопровождение приносили немало хлопот и нервозности. В те годы мы к этому не привыкли.

Затем процесс ликвидации волной прошёл по всем оставшимся частям и подразделениям дивизии. Без преувеличения скажу, что день и ночь работали кадровики во главе с майором Полянцевым В.П., писались представления на сотни офицеров и прапорщиков.

Вспоминается, как в октябре 1989 года мы провели офицерское собрание соединения, чтобы обговорить с офицерами стоящие задачи, в какой-то степени успокоить их. Завели мы тогда, в начале расформирования, разговор о том, что наиболее добросовестные офицеры должны быть определены на соответствующие должности по их заслугам. Наши мы поддержку и понимание.

Ликвидация заключалась не только в разборке, снятии с дежурства и транспортировке. Параллельно шла вторая, не менее важная задача – передача в хорошем состоянии военных городков, площадок новым воинским частям и в народное хозяйство, местным властям Калининградской области.

В октябре 1989 года заместитель главнокомандующего РВСН по тылу генерал-полковник Шиловский В.П. посетил сдаваемые объекты, отметил, что они к зиме подготовлены лучше, чем в ряде городков других

соединений, которые продолжали нести боевое дежурство. А передавать наши площадки приходилось полностью – вплоть до лампочек и плафонов.

О темпах сдачи объектов в народное хозяйство говорит такой пример: за первые 10 дней октября 1989 года сдали мы 4 военных городка Гусевского и Знаменского ракетных полков.

В июне 1990 года, как и было определено директивой ГШ ВС, расформирование дивизии завершилось.

Огромную роль по своевременному решению всех задач расформирования частей сыграли службы дивизии под руководством Овчинникова Л.В., Полянцева В.П., Резникова В.В., Давыдова В.М., Шамыгина Е.П., Чернова П.П., многих других.

Сложность представляло то, что нам необходимо было согласовывать действия и задачи различных организаций области, Прибалтийского военного округа, калининградского отделения железной дороги.

Заслуга офицеров управления дивизии как раз и заключалась в том, что мы нашли свой метод и стиль деятельности, которые позволили успешно выполнить непростые задачи.

В память о ставшей мне родной 24 гвардейской ракетной дивизии у меня стоят часы. Они отсчитывали последние секунды несения боевого дежурства, жизни и деятельности дивизии. Более 30 лет личный состав дивизии нёс боевое дежурство.

...Май 1990 года. Страна торжественно отмечала 45-летие Великой Победы. А наше празднование совпало с прощанием с Боевым Знаменем. Не скрывая слёз, преклонив колено, мы целовали красное полотнище с пятью орденами. Мы до конца были верны историческому прошлому 92 гмп, 22бон, 72 иб и 24 рд.

...В жаркий летний день, сев в поезд с семьёй, я в 12-й раз в своей военной жизни отправился к новому месту службы. За окном мелькали знакомые города – Гвардейск, Знаменск, Гусев, чуть в стороне – Советск, Неман, Таураге, которые навсегда вошли в историю как места дислокации первой ракетной дивизии Советского Союза.

САМОЕ ПАМЯТНОЕ

РАСЧЕСЛАВСКИЙ БОРИС ЮРЬЕВИЧ,

полковник медицинской службы

в отставке, заслуженный врач Российской Федерации

- Я проходил службу на различных должностях в воинских частях, военно-медицинских учреждениях и органах управления медицинской службы РВСН: начальник медицинского пункта войсковой части 43190, начальник токсико-радиологического отделения войсковой части 14153, начальник отделения – токсиколога-радиолога войсковой части 30047, начальник токсико-радиологического отдела войсковой части 29572, главный радиолог-токсиколог ракетной армии,, начальник радиационно-токсикологического отдела 117 Центральной санитарно-эпидемиологической лаборатории, главный токсиколог-главный радиолог медицинской службы РВСН, заместитель начальника медицинской службы РВСН.

Разработал и активно способствовал внедрению системы медицинского обеспечения боевого дежурства ракетного соединения с самоходными пусковыми установками. В последующем эта система была внедрена в ракетных армиях и позволила значительно уменьшить число догоспитальных дефектов медицинской помощи, улучшить качество медицинского контроля и санитарного надзора за жизнедеятельностью личного состава дежурных сил и избежать вспышек инфекционных заболеваний в позиционных районах ракетных полков.

В 1987 принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в должности главного радиолога-токсиколога Читинской армии, осуществляя санитарно-эпидемиологический надзор за выполнением санитарно-эпидемиологических правил и нормативов

в области радиационной безопасности при проведении радиационной разведки и дезактивационных работ на ЧАЭС и в 30-ти километровой зоне, что позволило не допустить случаев радиационных поражений и переоблучений личного состава.

Организовывал медицинское обеспечение работ при постановке новых ракетных комплексов на боевое дежурство, принимая личное участие в обеспечении особо опасных работ с компонентами ракетных топлив и источниками ионизирующего излучения.

За заслуги в охране здоровья военнослужащих, разработку и внедрение новых подходов в организации медицинского обеспечения Ракетных войск и многолетний добросовестный труд удостоен почетного звания «Заслуженный врач Российской Федерации».

ПОЛЯНЦЕВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ,

полковник в отставке

– Я родился в с.Дарственном, Курчумского района, Восточно-Казахстанской области. Среднюю школу окончил с серебряной медалью. В 1973г. окончил Казанский авиационный институт по специальности производство летательных аппаратов с присвоением квалификации инженер-механик. Военное образование получил на военной кафедре института. После завершения учебы призвали в Вооруженные Силы на два года на должность инженера стартового отделения в Юрью Кировской области.

По увольнению в запас с апреля 1975г. по апрель 1977г. работал на Смоленском авиационном заводе в агрегатно-сборочном цехе: инженером-технологом, старшим инженером-технологом, начальником технологического бюро, заместителем начальника цеха по подготовке производства.

В апреле 1977г. призван в кадры Вооруженных Сил и стал начальником отделения (г. Пружаны Брестской обл.). С марта 1979 г. служил

в том же полку на должности помощника начальника штаба полка по мобработе и кадрам. В августе 1981г. назначен помощником начальника отделения кадров 24 рд. В августе 1982г. принял должность офицера отдела кадров ракетной армии (Смоленск). В ноябре 1986г. вернулся в Гвардейск начальником отделения кадров 24 рд.

В сентябре 1989г. получил назначение на должность начальника отделения кадров 43 ОНИС (отдельная научно-испытательная станция) в/ч 25522 г. Ключи Камчатской области, в июле 1994 г. – старшего офицера 2 отдела Управления кадров РВСН.

В декабре 1998г. уволен в запас по сокращению штатов. Награжден девятью медалями, в том числе медалью «За боевые заслуги», памятным знаком «За боевое дежурство в РВСН».

Принимал участие в несении боевого дежурства на командных пунктах БСП, дивизиона, полка, дивизии, ракетной армии. После увольнения в запас продолжал работать на различных должностях. В настоящее время работаю ведущим инженером-исследователем в Российской корпорации ракетно-космического приборостроения и информационных систем. младший – подполковник на военной службе.

ЗУБОВИЧ СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

полковник в отставке

- Я окончил среднюю школу в 1977 г. в п. Туховичи Ляховичского района Брестской области. В сентябре поступил на горно-механический факультет Белорусского ордена Трудового Красного Знамени политехнического института по специальности – инженер-механик, который закончил в 1982 г. Военное образование получил на военной кафедре института. По окончании института присвоили воинское звание «лейтенант», воинская специальность – «командир взвода средних танков».

В мае 1984 г. призвали в ряды Вооруженных Сил СССР и направили в Гвардейск Калининградской области. В штабе ракетной дивизии полу-

чил направление в г. Гусев Калининградской области , начальником двигательного отделения 1-й стартовой батареи 1-го ракетного дивизиона 323 ракетного полка.

В ракетном полку на высоком уровне была организована работа с кадрами и особенно с молодыми офицерами. Я неоднократно вызывался на «кадровый день» для заслушивания по состоянию дел. Поскольку я принял отличное отделение, и в течение года отделение подтвердило свое звание, на очередном «кадровом дне» было принято решение назначить меня на должность начальника двигательного отделения, но во 2-ю батарею 2-го дивизиона для проверки моих командирских способностей. После очередного подведения итогов мне предложили должность командира стартовой батареи (г. Советск Калининградской области), куда я и направился в 1986 году. Командиром 2-й стартовой батареи 25 ракетного полка продолжал служить до расформирования полка.

Проходя службу на различных командных должностях других воинских коллективов, я часто вспоминал свою батарею. Опыт накопили хороший, он пригодился впоследствии. Штатные сокращения личного состава поднимали значение каждого номера расчета при выполнении учебно-боевых задач. Каждый военнослужащий имел несколько смежных специальностей, не менее двух солдат (сержантов) в каждом отделении имели допуск к работе за офицера (начальника отделения), все начальники отделений работали за командира батареи. Батарея выглядела единым монолитом, способным решать успешно любые задачи. В должности командира батареи в 1990 году был награжден медалью «За боевые заслуги».

После расформирования полка в 1990 году был направлен в 39 гвардейскую ракетную Глуховскую ордена Ленина Краснознаменная орден Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизию. Проходил службу в должности заместителя командира дивизиона по боевому управлению, начальника штаба дивизиона, заместителя начальника штаба полка, начальника отделения боевой подготовки дивизии.

В ноябре 2002 года назначили на должность старшего офицера 2-го отдела управления боевой подготовки РВСН. В декабре 2009 года уволился по организационно-штатным мероприятиям с должности начальника группы 2 отдела управления боевой подготовки РВСН.

Жена – Зубович Татьяна Владимировна – капитан, службу проходила также в РВСН, все тяготы и лишения делили пополам, сын Андрей – молодой специалист, инженер.

ДЁМИН ИОСИФ ТЕРЕНТЬЕВИЧ,

прапорщик в отставке

– Довелось мне быть наводчиком 122-мм орудия бригады резерва Верховного Главнокомандования.

Бригада располагалась в небольшом городке. Это было в 1945 году, сразу после нашей Победы. В один из осенних дней, после вечерней проверки старшина зачитал фамилии отдельной команды, которая предназначалась для выполнения секретного государственного задания. Что за задание – нам не сказали.

По «тревоге» подняли нас, распределили по машинам – по два человека в каждую. Машины ЗИС-5 и «студебеккеры» покрыты брезентом. Колонна прибыла на место, огражденное тремя рядами колючей проволоки, две вышки по краям. Мы расположились в бараках, в которых жили рабочие, которые трудились на подземных пороховых заводах.

В один из дней, вечером, появилась большая группа офицеров госбезопасности. Нам зачитали приказ. Мы с товарищем оказались в группе, которой командовали старший лейтенант и переводчик. Офицер сообщил, что мы будем выполнять секретную государственную задачу. В 4 часа утра дежурный по отряду объявил «тревогу». Офицер, переводчик и мы с товарищем сели в машину и поехали в неизвестном нам направлении. Въехали в небольшой городок, остановились около дома, офицер с переводчиком пошли к дому, был слышен женский голос «найн». Переводчик сел в машину и сказал, надо ехать назад: немец жил здесь, а сейчас его уже нет. Подъехали к заводу, офицеру сообщили новый адрес того немецкого инженера, которого мы должны были взять.

Подъехав к зданию, где жил немец, мы забрали его в машину. Он был в возрасте. Высок, худощав, с собой имел только большой портфель с бумагами. Мы снова поехали к заводу, затем направились в Берлин. Семья немца жила там на окраине.

Офицер, переводчик и немец вошли в дом. Немец что-то сообщил жене, она заплакала. Офицер разъяснил немцам: берите с собой всё необходимое, в их распоряжение выделили полвагона. Мы погрузили вещи в машину, затем поехали на станцию, разгрузили вещи в вагон. А семьи немцев поехали в пассажирском вагоне.

Так мы поняли, что отправляли немецких инженеров в Советский Союз. Это были немецкие специалисты, связанных с производством ФАУ.

КОРНИЛОВ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

*полковник в отставке, заместитель начальника
политического отдела 50-й ракетной армии*

– Родом я из Курской области, из деревни Пожедаевка. После войны пошёл в школу. Окончил 10 классов и по направлению райвоенкомата поступил в Тамбовское артиллерийско-техническое училище. По выпуску распределили в Каменец – Подольский Хмельницкой области. Стал я старшим техником отделения хранения на военной базе.

На снимке: Смоленский Дом офицеров. Встреча с армейскими поэтами. Слева направо – почётный гражданин Смоленска, поэт Юрий Васильевич Пашков, Александр Долинин, Анатолий Васильевич Корнилов, Юрий Грачёв

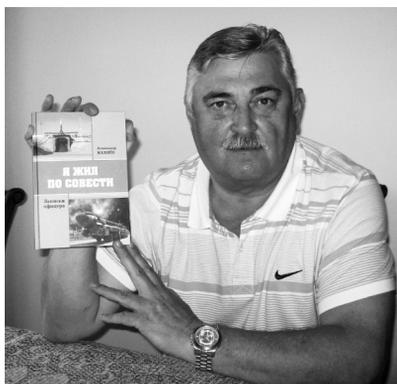
В год полёта Юрия Гагарина в космос поступил в Ленинградскую военную артиллерийскую академию. Получил специальность военного инженера-электромеханика. По окончании попал в Неман на должность старшего инженера-заместителя командира батареи. Был командиром батареи, вывел её в отличные.

С этой должности выдвинули меня на должность заместителя командира дивизиона по политической части. Так я стал «инженером человеческих душ» в Знаменске. Потом избрали секретарём парткома ракетного полка, далее – политотдел дивизии: старший инструктор по организационно-партийной работе, секретарь партийной комиссии 24 рд. Считаю своими наставниками подполковника В.С. Стрельцова, полковника В.И. Кручинина, В.А. Костина, А.Ф. Кочеткова.

А затем ждал меня Смоленск, где на улице Реввоенсовета располагался штаб 50-й ракетной армии. Был старшим инструктором по пропаганде и агитации политотдела армии, лектором. Закончил службу начальником отдела пропаганды и агитации – заместителем начальника политотдела армии. Такой вот армейский путь: от техника до политотдела самой мощной ракетной армии в то время. Но нам, гвардейцам, похоже, всё по плечу.

Я ЖИЛ ПО СОВЕСТИ

МАХНЁВ Александр Владимирович, полковник в отставке

ГУСЕВСКИЙ РАКЕТНЫЙ ПОЛК

В город Гусев я приехал один. Надо было войти в курс дел, обустроиться и уж, затем везти семью.

Городок мне понравился. Много зелени. Старые дома, построенные еще при немцах, выгодно контрастировали с хрущевскими пятиэтажками.

Неплохо выглядела центральная улица.

Вот, пожалуй, и все впечатления. Город как город.

Значительно более интересно смотрелись окрестности. Дороги хорошо асфальтированы, конечно, с оговоркой, для того времени. Узкие, одна полоса – в одну и одна – в другую стороны. Ближе к дороге – деревья, их кроны порой закрывают дорогу. Поля с ярко зеленой травой. Территория в основном равнинная. Много пастбищ. Много хуторов, заброшенных и заросших.

Полк был двухдивизионного состава, техника и оружие те же что и в Виннице. Структура размещения полка немного отличалась, но и пару дней вполне достаточно, чтобы ее в подробности узнать.

Представился командиру полка. Был представлен офицерам управления полка. Познакомился с партполитаппаратом полка, моими коллегами и подчиненными.

Надо сказать, знакомство с полком состоялось в период подведения итогов армейской проверки. Командование убывало на подведение итогов в штаб дивизии. Поехал на мероприятие и я.

Разбор для нашего полка был благоприятным. Работа боевых расчетов пуска, в целом полка в ходе учений, оценивалась на твердую хорошую оценку. Это было приятно. Значит традиции в полку хорошие. Приятно.

Командир дивизии представил меня и моих коллег. А прибыло в дивизию служить еще двое выпускников академии имени Ленина. В Советский полк Леня Лаптев, в Знаменский полк Коля Перцев. Значит, живем, есть с кем при случае консультироваться, да и просто поговорить по душам.

В должности я менял Батанова Геннадия Николаевича. Он назначался заместителем начальника политотдела дивизии в город Поставы. Уходил из полка Гена с большим сожалением. Более четырех лет в должности замполита, это очень большой срок. Да и удалось ему в полку сделать многое, это я понял уже с первых дней своей работы.

КОМАНДИР, КОЛЛЕГИ ПО СЛУЖБЕ

Командовал полком полковник Власов Виктор Константинович. На тот период в полку он был уже около семи лет. В нашей ракетной армии с таким опытом управления полком командиров были единицы. Опытный, грамотный специалист, твердый и даже жесткий с подчиненными, умный, думающий: все эти эпитеты можно спокойно отнести, без тени сомнения, к Виктору Константиновичу. Этот человек был рожден с армейской жилкой и чрезвычайно высоким чувством ответственности за свой труд.

Пульс полка он видел, ощущал ежесекундно. Управлял полком умело, четко.

Я с интересом, а порой и удивлением смотрел на его работу.

Развод офицеров управления полка, постановка задач на день. Командир уезжает на комплексное занятие в первый дивизион. К семнадцати часам возвращается. Разбор занятий в дивизионе с начальниками служб. Работа с документами. Беседа с начальником штаба. В девятнадцать убывает домой. В ночь вызывает машину, заезжает за тремя офицерами инструкторской группы полка и едет во второй дивизион. По тревоге поднимает восьмую батарею. К трем часам ночи дает команду «Отбой тревоги». Убывает домой. В восемь утра опять в полку.

Это не мой литературный вымысел, это запись первых впечатлений о полковой жизни в 1982 году, сохранившаяся у меня.

Власов В.К. понимал свою главную задачу – обеспечить высокий уровень боевой готовности полка и лично занимался боевой выучкой

подразделений полка. Более двух лет мы работали вместе, и не было ни одной проверки комиссиями дивизии или армии, когда боевые расчеты получали бы двойки. Это личная заслуга командира.

Конечно, с таким командиром работалось прекрасно.

Вообще весь командный состав, командиры дивизионов, подразделений подобраны были грамотно, работали слажено и уверенно.

Неплохо выглядели замполиты дивизионов.

В первом был Иван Рудышин. Выходец из солдатской среды Иван Андреевич прекрасно знал и понимал дух казармы, много и кропотливо занимался воспитанием подчиненных. Я весь период службы в полку с Иваном был совершенно спокоен, прежде всего, за состояние дисциплины, ну а командир дивизиона неплохо занимался боевой учебой.

Во втором дивизионе замполитствовал Виктор Козак. Он так же был надежен в труде. Подчиненные его понимали и уважали.

Кстати оба, и Рудышин и Козак, позднее с моей подачи ушли на повышение. Иван Андреевич в политотдел дивизии, а Козак в академию имени В.И. Ленина. Мой принцип, совпадал с принципом командира полка: «Трудишься нормально, расти дальше, тормозить не стану».

В течение года после прибытия в полк, я думаю, мне удалось не упустить все то, позитивное, что было создано моими предшественниками. Сам я уверенно сдал на допуск к несению боевого дежурства. Взаимоотношения с командиром полка, его заместителями были вполне рабочими. Партполитаппарат полка трудился неплохо. В дивизии ко мне отношение комдива, начальника политотдела, начальников служб, офицеров политотдела были уважительные.

СЕМЬЯ ОБУСТРОЕНА

Наладился быт семьи. Сначала мы поселились в однокомнатной квартире, а после убытия семьи Геннадия Батанова переехали в трехкомнатную квартиру в горкомовском доме. Это была первая большая квартира, полученная мною. Радости не было границ. Своя спальная комната, приличная кухня, гостиная, комната для дочери. Все есть, просто прелесть. Правда, дома бывать удавалось редко.

Познакомился с местной властью, первым секретарем горкома партии и председателем горисполкома. Избрали меня депутатом горсовета. Все это передавалось в те годы по должности. Наверное, и правильно, сила у полка, и людская, и техническая была очень приличной, и если что, власти к нам бежали, больше некуда было.

В нашем доме жила семья первого секретаря горкома комсомола, Вихровы Сергей и Галина. По возрасту они чуть моложе нас с Татьяной, но все же почти ровесники. Мы с ними сдружились, нередко вместе отмечали праздники, дни рождения, а то и просто отдыхали в выходные.

Татьяна трудилась в детском садике воспитателем, в этом же саду устроена была и Женя.

1982 ГОД. В ТРЕВОЖНОМ ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН

Наступил ноябрь 1982 года.

Десятого числа умер Генеральный секретарь ЦК КПСС, Леонид Ильич Брежнев.

Так началась пятилетка пышных похорон, как потом назовут этот период.

Как тогда мы оценивали все, что было в стране?

Прежде всего, оценивали с позиций задач стоящих перед нами. А задача очень проста: надо обеспечить высокий уровень боевой готовности и крепкую дисциплину, над этим и трудились.

У меня лично не было столько свободного времени, как у младшего научного сотрудника НИИ Березовского, чтобы думать, как на костях мощной державы можно озолотиться в будущем.

Конечно, не все мне лично нравилось. Но сомнений в том, что КПСС верно идет сама и народ ведет по правильному пути, у меня не было ни капли. Я всё, от погон до нормальных условий жизни семьи, заработал своим трудом. И это было вполне достижимо. Мне было непросто, однако в свои тридцать два года я самостоятельно, без блата и помощи достиг то, к чему многие шли десятилетиями, это, во-первых. А во-вторых, по радио, телевидению, в газетах мы все читали, слышали и видели облик человека труда, достижения страны в различных областях и отраслях. Какие могли быть сомнения в правильности выбранного пути?

И как было не поверить словам Брежнева, сказанным им в семидесятых годах, о том, что на каждый год мирного созидательного труда государства приходится полтора года войн и восстановления разрушенного хозяйства страны. Рост страны был ощутимо виден по космосу, по науке, по искусству, по товарам в магазинах. Тогда еще все было, не так уж много в ассортименте, но было.

А как мы могли увидеть стагнацию промышленности, этот застой в экономическом развитии, смертельную вредность нефтяной иглы, этот идеологический тупик? Как?

Мы что, знали о золоте партии, или о бриллиантах Галины Брежневой? Да откуда! Мы вкалывали, понимая, что надо трудиться, дальше будет лучше. Вот и все.

Вместе с тем, на своем, полковом уровне мы видели некоторые негативные изменения в армейской среде.

Прежде всего, среди офицеров.

В Ракетные войска стратегического назначения начала поступать новая техника, самоходные пусковые установки, боевые железнодорожные комплексы, перевооружалась шахтные ПУ. Дивизии, оснащенные оружием, прошедшим уже через свои гарантийные ресурсы, ставились в очередь на перевооружение. Естественно, лучшие кадры, училищная молодежь направлялась на новые комплексы.

У нас увольнялись офицеры по выслуге, возрасту, а замены из военных ВУЗов не было. Началась компания по оставлению на службе двухгодичников, т.е. офицеров запаса, призванных на два года службы. В отдельных случаях на должности офицеров назначались прапорщики.

Ну что же, будем учить молодежь.

Примерно в 1982-1984 годах мы увидели изменения в среде военнотружущих срочной службы. Помню, впервые к нам в полк прибыли из донецкой области настоящие наркоманы. Никогда не забуду фамилию Прокушев. Этот солдат столько концертов нам преподнес, сколько за все предыдущие годы мы с командиром не видели. За полгода за ним числилось более десятка побегов из части. В конце концов, он, что хотел то получил, сел в тюрьму, но и мы получили серьезный нагоняй от руководства армии. Палочная система оценки состояния дисциплины работала четко.

Мы стали пачками получать призывников из неблагополучных семей, молодых людей, не владеющих русским языком, крайне слабых физически.

Отсюда получила свое начало неуставщина. Как еще воспитать неумеху? Естественно, пинком в зад или по шее надежнее, чем обучать и воспитывать. Первые синяки у молодых солдат старослужащие и сержанты объясняли только благим стремлением заставить подтянуться отстающих. К большому сожалению, некоторые молодые офицеры предпочитали закрывать на это глаза. Так удобнее, причем для всех. Выучка не снижается и послушание молодых на уровне.

Начались проблемы на национальной почве. Всеми правдами и неправдами выходцы с востока и юга прорывались на теплые, насиженные места, в хлеборезки, на кухню поварами, в каптерки, на склады

кладовщиками. Открыто стали группироваться кавказцы, все чаще их можно было видеть среди зачинщиков драк и потасовок. И вновь, не все представляли опасность этого явления, да и все это делалось, порой, с молчаливого согласия офицеров.

И опять во всем этом мы не видели, да и не могли видеть гниение политической системы. Нас настраивали на то, что это временные трудности, надо больше и лучше работать, и мы вкалывали.

Старела не только боевая техника, но и здания, строения, инженерная инфраструктура. Ежегодно на их поддержание в нормальном состоянии выделялись деньги, поставлялись какие-то запасные части, но этого было явно мало.

Каждый гарнизон ракетного полка – это отдельный город со своими проблемами. Вспоминаю наши котельные. Спустя почти четверть века эксплуатации они оказались капитально изношены, теплотрассы прожгавели. Приводить их в порядок мы могли только своими силами. В период подготовки к зиме, порой, командир полка начинал рабочий день с котельной, да и комдив, командующий армией не брезговали в этот период побывать на котельной. Разборы полетов после таких экскурсий были очень жесткие и нелюбезные.

Причем, это была повсеместная тенденция, а не только у нас.

Сейчас, вспоминая, просто все это анализировать, прошли десятилетия. Задним умом рецепт можно выписать прекрасный, но толку от этого?

Мы тогда все эти негативные тенденции и изменения только начинали ощущать на собственной шкуре, конечно, пытались их осмыслить, как-то повлиять. Однако этот снежный ком лишь потихоньку нарастал и нарастал. Обвал должен был произойти. Не через год, но через десяток лет уж точно.

Ну а пока служим.

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ПОЛКУ

В 1982-83 годах произошло обновление политсостава полка. На повышение ушли замполиты дивизионов и узла связи. По возрасту уволился в запас секретарь парткома, ушел комсомолец, пришел новый пропагандист полка. Приходилось много времени тратить на обучение подчиненных, но это было приятное занятие, особенно когда видишь, что человек старается тебя понять.

В чем был смысл работы политработников полка? Прежде всего, надо представить себе, что весь наш труд носил системный характер, задачи

каждого были прописаны в руководящих документах. Каждый отвечал за свое и занимался своим звеном в этой достаточно стройной цепочке, и, надо сказать, при ответственном отношении к делу, результаты всегда были хорошие.

Возьмем систему политической учебы. Есть программы, учебники, назначены руководители групп. Раз в полгода с ними проводятся подробные занятия по методике обучения подчиненных, на группы выделяются наглядные пособия. Группы разбиты по категориям: офицеры, прапорщики, сержанты и солдаты. Если в группе все отлажено, все в норме, слушатели грамотны, разговорчивы и с удовольствием занимаются.

Парторганизация полка также имела свою структуру и отлаженный механизм работы. Секретари вникали во все процессы жизни и боевой учебы, на заседания комитета и бюро выносились весомые и серьезные вопросы. Боевитый партком был очень солидной помощью командиру. Секретарями подбирали наиболее авторитетных и серьезных офицеров. Такими в полку были сначала Феликс Рубченко, позднее Юра Захаров.

Полковой комсомол был объединен комитетом комсомола. Здесь также было все практически отлажено и отработано. Трудился на этой должности у нас Толя Порицкий. Сам выходец из солдатской среды, он хорошо представлял себе армейскую жизнь, умел разговорить солдат, расшевелить любое болото. Я был доволен его работой.

Пропагандист полка, начальник клуба также были достаточно подготовленные и грамотные офицеры.

Так вот, всей этой отлаженной и вполне гармоничной системой необходимо было управлять. Причем, учитывать, при этом, качественные изменения в людской среде, технике, ситуацию в стране, мировые события.

Для этой цели и поставлен замполит полка. Как он управляет всеми нитями партийно- политической работы, таковы и ее результаты.

Работать было интересно, тем более что всегда видны результаты.

Взять, к примеру, полковые учения. Это квинтэссенция всего процесса боевой учебы. Представьте себе выход полка в полевой район для подготовки и проведения учебно-боевого пуска ракет. Если я буду перечислять количество задействованной техники и людей в учениях, это вряд ли покажет всю мощь ракетного полка. А приведу вот такое сравнение.

Полевые позиции полка находились на границе с Польшей, в двух-трех километрах от КСП, это, примерно, в двадцать километрах от по-

зиционного района полка. Так вот, когда первая батарея втягивалась в полевой район, из полка выходила последняя колонна техники.

Представляете себе эту махину на узких дорогах Прибалтики?

Здесь, в поле, когда идет процесс развертывания оборудования, устройства старта, подготовки и учебного пуска ракет, четко видны результаты всей предшествующей работы, в том числе и политической. Как люди настроены, как они трудятся, есть ли блеск в глазах, как переносят те самые тяготы, и лишения военной службы о которых им говорили в классах?

Работая в полку, я убедился, насколько тонкое это дело, воспитание людей.

Вот два подразделения, одинаковые по составу и укомплектованности, условия жизни, учебы одинаковые, все вроде бы стандартно. А результаты разнятся. Начинаешь вникать и разбираться в ситуации там, где похуже дела, и сразу видно, где комбат не дорабатывает, почему офицеры разобщены, сержанты слабо трудятся и так далее. Но увидеть – это одно, надо разобраться, почему так происходит, и своевременно помочь. Вот в этом и есть вся тонкость воспитательного процесса.

И мне кажется, нам с командиром полка эта работа вполне успешно удавалась.

Конечно, все было. Были и двойки на наших собственных полковых проверках боевой готовности, были и происшествия, и преступления в полку. Люди есть люди, от этого никуда не уйдешь. Но в своей основе результаты в полку были неплохие, обстановка вполне зрелая и рабочая.

ДВАЖДЫ В АВАРИЯХ. КАК ЭТО БЫЛО

1982 и 1983 годы были не только годами испытаний моего духа, но и тела, в прямом смысле этого слова. Летом 1982 года я на служебной машине попадаю в серьезную автомобильную аварию.

Дело было так.

Надо было выезжать на сессию Гусевского горисполкома. Моя машина была неисправна, командир дал свою. Где-то на полпути в город в наш УАЗик врезается легковая машина соседней части. Все остались живы, однако, я получил серьезные травмы, срочно необходима была госпитализация. В медсанчасть местной общевойсковой дивизии меня подвез председатель колхоза, мой знакомый и также депутат горсовета Аркадий Шаров. Естественно на сессию я не попал, а Шаров опоздал.

Войдя в зал заседаний, Аркадий подошел к столу президиума. Работой сессии руководил мой сосед по дому, Первый секретарь горкома

партии Карпов. Далее, все шло как в той песне: «Все хорошо прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо...»

Услышав, что Махнев разбился на машине, Владимир Иванович немедленно отправился звонить жене. Жена решила успокоить мою супругу, и сказав ей, что я разбился, принялась утешать Татьяну. Та, естественно, в истерике. Хорошо, командир, сам толком еще не поняв, что случилось, успокоил жену. Таня приехала в санчасть. Я уже лежу в санитарке, готовый к транспортировке в госпиталь, в Черняховск. Жена рыдает, боится заглянуть в окошко машины, а я вижу ее светлые волосы и не пойму, почему она не смотрит. Пришлось матюгнуться. Все. Мгновенно вижу зареванное лицо. Да жив я, жив. Поехали скорее в госпиталь.

Недели через три я вернулся и приступил к работе.

Однако судьбой было предсказано, еще раз угодить в аварию.

Ровно через полгода, на той же дороге, с разницей в километр по месту, на машине мой газончик врезается в дерево. Все опять живы, но у меня переломано бедро в верхней части.

Попутная колхозная машина отвозит меня в город в медсанчасть. Но я, наученный горьким опытом предыдущей аварии, сумел передать жене, что я жив, хотя немного поцарапался.

«Царапины» эти, я лечил в госпиталях в Черняховске и Калининграде в общей сложности около полугода.

Обязанности замполита с меня никто не снимал, и мне приходилось, и по телефону, а после госпиталя с палочкой хромя, лично, разбираться с различными проблемами, число которых не убывало к этому времени.

РОДИЛАСЬ ДОЧЬ ЛЕНА

5 июля 1983 года в нашей семье произошло радостное и долгожданное событие. Таня родила дочь. Назвали мы ее Еленой. Прекрасное, звучное имя.

К сожалению, Таня вынашивала ребеночка в период, когда я лежал в госпитале. Досталось ей немало, на руках старшая дочь, беременность, работа, да и ко мне в Калининград в госпиталь практически еженедельно приходилось ездить. Но она с честью всё выдержала, я с большой любовью и благодарностью отношусь к ней за это.

Вообще в карьере мужа, практически каждого мужчины, всегда ведущая роль принадлежит женщине. Да, моя служба в те годы определяла будущее моей семьи, Таня это прекрасно понимала и терпела все сложности нашей жизни. Мы жили в военных городках, теснились в необ-

устроенном жилье, знали, что я должен быть на службе практически постоянно, но ни разу ответом на очередное перемещение по службе, не было: «нет». Как правило, она говорила: «Делай, как знаешь». В этом была высшая степень доверия мне, мужу. Думаю, я это доверие оправдал в полной мере. Ну а то, что в 1991 году мы, политработники, перестали быть нужными государству, и нас как щенков выбросили за армейский забор, я уж не виноват, это точно.

СМЕНА КОМАНДИРА ПОЛКА

В 1984 году, прослужив в полку девять лет, убыл на повышение в Москву Власов Виктор Константинович. Я тепло распрощался с командиром, сердечно поблагодарил его за учебу, за доброе отношение к политработникам.

В командование полком вступил подполковник Голуб Виктор Иванович. Да, тот самый Голуб, с которым мне довелось учиться в одном отделе в Рижском училище.

В первой же беседе с глазу на глаз мы с Виктором Ивановичем договорились, что трудиться будем вместе и дружно, общаться уважительно, сохранив все те добрые отношения, которые были в училище. Надо отдать должное Виктору, слово свое он держал твердо, и мы вместе смогли внести новое, серьезное оживление в полковую жизнь.

Молодой, энергичный, очень грамотный, Голуб В.И. мгновенно влез в гущу полковой учебы, наладил добрые отношения с начальниками служб дивизии, повыгонял офицеров управления из кабинетов, заставил их трудиться там, где куется главный полковой результат, в батарее и роте. Мне это было по душе, я с удовольствием поддержал командира.

ПОДПОЛКОВНИК. НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

В июле 1984 года я стал подполковником. Впервые за десять лет офицерской службы я званием догнал должность, на которой находился, это несколько печалило.

Дела в полку по-прежнему шли неплохо. Традиционно сплоченный и нацеленный на высокие результаты офицерский состав на проверках боевой готовности трудился отменно. Нам удавалось на должной высоте поддерживать дисциплину. Военные городки были чистенькими, аккуратными.

Мы смогли, вместе с парткомом и женсоветом полка не допустить дрязг и неразберих в семейных делах офицеров и прапорщиков. Хотя это было ой как трудно. Жилья не хватало, городские садики и ясли за-

биты, с работой для жен ощущались серьезные проблемы. Однако нравственный, моральный климат в семьях в целом был нормальным.

В политотделе дивизии сложилось устойчивое мнение о моих новаторских качествах. Приезжающие комиссии не только видели реальные результаты боевой подготовки, но и положительно оценивали обновленную наглядную агитацию городков, ленинских комнат, оживление клубной работы. Участвуя в партийных и комсомольских собраниях, офицеры политотделов и армии, и дивизии могли видеть и оценить возросшую роль общественных организаций в жизни полка.

Учитывая все это, осенью 1984 года мне была предложена новая должность, заместителя начальника политического отдела дивизии в Шяуляй (тогда Литовская ССР).

Безусловно, я не стал возражать, хотя знал, что Шяуляйская дивизии перевооружается и готовится к передислокации в Сибирь.

И вот 20 декабря приказом Главнокомандующего РВСН я назначен заместителем начальника политотдела 29 ракетной дивизии.

Как всегда сборы были недолги. Всем семейством вместе с немногочисленным скарбом сели в автобус и отправились к моему новому месту службы.

В память о ставшей мне родной 24 гвардейской ракетной дивизии у меня стоят часы. Они отсчитывали последние секунды несения боевого дежурства, жизни и деятельности дивизии. Более 30 лет личный состав дивизии нёс боевое дежурство.

(Из книги А.Махнёва «Я жил по совести»)

ПРОФЕССИЯ – АВТОМОБИЛИСТ

КОКАРЕВ Иван Николаевич, полковник в отставке

- Я закончил в 1970 году Челябинское автомобильное училище (ЧВАУ) и направлен для прохождения дальнейшей службы в Бакинский округ ПВО на должность замполтеса роты аэродромно-технического обеспечения в пгт Насосный. Прослужив 3 года (до 1973 г.), я с должности командира роты (ОБАТО) поступил в Военную Академию тыла и транспорта на автомобильный факультет.

По окончании обучения в 1977 году был назначен на должность заместителя командира отдельного автомобильного батальона особого назначения по технической части (в/ч 33758) на 4 ГЦП. После пяти лет службы с должности заместителя командира части направлен в г. Гвардейск в войсковую часть 14237 на должность старшего помощника начальника автомобильной службы соединения.

Командиром соединения был Поленков Геннадий Михайлович, прекрасной души человек, безгранично преданный своему делу, профессионал с большой буквы. Забегая, вперед скажу, что служить с ним было легко. Человечность, высокое доверие подчинённым, выдержка, безграничная помощь помогли мне быстро освоиться с моими обязанностями.

Начальником автомобильной службы 24 рд был Ткаченко Анатолий Афанасьевич. Высокий профессионал, человечный человек с богатейшим опытом практической работы, грамотный автомобилист, бескомпромиссный специалист. Приведу пример. Вступая в должность и знакомясь с положением дел, я обратил внимание на служебную машину командира соединения – «Волгу». Открыв салон, я заметил, что сиденье пассажира нестандартное (меньше по размеру), вместо сиденья стоит деревянный ящик набитый подушками и обтянут резиной (эспандером). На вопрос, а почему на командирской машине нет настоящего сиденья, мне ответили: «Потому что сломалось, а покупать не положено, ты как

старпом должен знать!» А возить командира дивизии на такой машине можно? Старшим помощником был до ноября 1982 года.

После увольнения Ткаченко А.А. меня назначили на должность начальника автомобильной службы 24 рд. Исполнял обязанности старшего помощника АС 8 месяцев. За это время мне удалось досконально (без всякого преувеличения) разобраться с состоянием автотехнического обеспечения всех частей входящих в состав 24 рд, а особенно узнал начальников автомобильных служб частей, с которыми в последующем решал стоящие задачи. Мне с помощью командира соединения, заместителей его (Копейкин А.Н., Заровный В., Овчинников А.В.) удалось установить деловые отношения с автомобильной службой 50 РА (Шеливерст Н.А., Терентьев В.Ф.), с центральными заводами министерства обороны, расположенными вокруг г. Гвардейска. Все это позволило создать запасы материально-технического обеспечения, гарантированно обеспечивающие техническую готовность соединения.

Прослужил в 24 рд до мая 1989 года. В 1989 году был переведен в центральный аппарат РВСН. Закончил службу в 2001 году.

НАШ «ЗВЁЗДНЫЙ» ГЕНЕРАЛ БАТАНОВ

Аудитор, генерал, председатель Пенсионного фонда

В Ростовское военное училище Геннадий Батанов пришёл сержантом из Ракетных войск. Прослужив « в окопах» целых три года (по тем временам), он имел непререкаемый авторитет среди курсантов. Его однокурсник полковник в отставке Василий Бонадыков вспоминает, что к нему всегда шли за советом и за поддержкой. И получали их. Так на роду и по службе ему, знать, предписано было.

И совершенно логичными сослуживцы считают все ступеньки его карьерного роста. Ещё замечают, что должности настигали его, не поспевая порой за званием.

Капитаном он был назначен на подполковничью должность заместителя командира полка по политической части. Вспоминают, как прибыл он для представления в штаб дивизии в Гвардейск. Стоит себе скромненько у окна. Проходивший мимо начальник штаба отчитал замешкавшегося капитана, не успевавшего поприветствовать старшего начальника. Тот извинился... А когда встретились в кабинете комдива, начштаба ещё раз отчитал: мог бы и предупредить.

Однако надуманных конфликтов у Батанова ни с кем, как представляется, не было. И судьба его «звёздная» складывалась весьма успешно. Уж что стояло за званиями, высокими должностями в армии и вне её, на куда как серьёзной государственной службе, знать, видно ему, жене терпеливой да сыновьям.

НАША СПРАВКА

Родился в 1945 г. в селе Кенаральск Федоровского района Кустанайской области. Окончил Ростовское высшее военное командно-инженерное училище в 1971 г., Военно-политическую академию в 1980 г., Российскую академию государственной службы при Президенте РФ.

Трудовую деятельность начал в 1963 году слесарем на сахарном заводе в г. Новокубанске Краснодарского края. В 1964—1967годах служил на космодроме Байконур.

После окончания военного училища проходил службу на должностях офицера-политработника в Ракетных войсках стратегического назначения на Дальнем Востоке, в Москве, Калининградской области, Белоруссии, Смоленске.

Был начальником политотдела ракетной дивизии, первым заместителем начальника политотдела ракетной армии, позднее – заместителем начальника политуправления РВСН...

В 1990 годы пришлось ему «расплачиваться» за эти должности. Хотя стыдиться Геннадию Николаевичу не за что. Он всегда был открыт для людей, работал с распахнутой душой, всегда помогал людям.

После должности инструктора отдела административных органов ЦК КПСС, где он «утверждал» много «трёхзвёздных» воинских начальников, в том числе и своих подросших в должностях бывших командиров, он оказался, если не изгоем, то безработным на какое-то время.

Выручили уважавшие его ракетчики. Стал он помощником начальника Главного управления эксплуатации ракетного вооружения РВСН, экспертом Комитета Верховного Совета РФ по безопасности и обороне. Затем назначили заместителем главы администрации Краснодарского края и чуть позднее пригласили экспертом Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по обороне. Опыт востребовали при назначении заведующим сектором законодательного обеспечения деятельности Вооруженных Сил Комитета Государственной Думы РФ по обороне и заместителем руководителя Аппарата Счетной палаты РФ.

А там стал и заместителем министра юстиции Российской Федерации, в ноябре 1998 года назначили ещё и полномочным представителем Правительства РФ в Государственной Думе Федерального Собрания РФ.

А далее – по восходящей: статс-секретарь — первый заместитель министра юстиции РФ, действительный государственный советник 1 класса (и появились у войскового генерал-майора Батанова три «шитых» звезды на погонах – специальное звание, приравненное к генерал-полковнику).

А потом он опять вернулся в Счётную палату, став руководителем Аппарата, со временем назначили его на должность аудитора Счетной палаты – постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ по результатам тайного голосования.

Венцом государственной службы стала для Геннадия Николаевича Батанова должность Председателя Пенсионного фонда Российской Федерации. Оставил её он добровольно, по возрасту, но законы и положения, разработанные под его руководством, действуют до сих пор. Облегчают они жизнь пенсионерам, в том числе и служивым людям.

Соб. инф.

ЛЕЙТЕНАНТСКИЕ ГОДЫ: УРОКИ И ОПЫТ

ГРАЧЁВ Юрий Алексеевич, подполковник в отставке.

Родился 12 января 1955 года рождения, служил в 323 ракетном полку в должностях начальника станции ЗАС узла связи и секретаря комитета комсомола полка, в 24 ракетной дивизии в должности помощника начальника политического отдела по комсомольской работе. Службу в РВСН закончил в должности заместителя командира ракетного полка (РСД-10) по политической части.

Так получилось, что моя военная служба прошла в виде Вооруженных Сил, старше которого я на пять лет, а начиналась она в первом ракетном соединении, формирование которого прошло на десять лет раньше моего дня рождения.

Закончив в 1976 году на «отлично» Ставропольское высшее военное командное училище связи, я получил возможность сам выбирать место своей будущей службы. Кто помнит, в те годы самым престижным считалось попасть в Прибалтику, Белоруссию или на Украину. Сомнений не было, конечно, Калининградская область...

В поезде случайно разговорился с попутчиком, который рассказал мне, что 20 лет назад он проходил срочную службу в тех местах, в городе Гусеве, в РВСН и, конечно же, этой части уже нет, так как ракетный комплекс давно устарел. Строго соблюдая заповеди училища о сохранении военной тайны, я скромно промолчал о том, что был распределен именно в РВСН.

Много раз потом я вспоминал своего попутчика, когда в кадрах дивизии был направлен именно в город Гусев, когда узнал что на вооружении 323 рп стояли ракеты Р-12, которые мы в училище не изучали.

Возвращаясь к памяти тех лет, считаю, что мне очень повезло в жизни с выбором первого места службы. И не только за честь служить в первой прославленной ракетной дивизии, за радость рождения сына Алексея в городе Гусеве, за заслуженное право познакомиться тогда еще с советской Прибалтикой. Больше всего мне повезло за возможность начинать службу с теми, кто нёс боевое дежурство с момента формирования полка, с участниками Великой Отечественной войны.

В 323 рп в те годы крепки были традиции наставничества и заботы о молодых офицерах, не было высокомерия и хамства, реально проводились занятия по боевой и политической подготовке, солдаты, прапорщички и офицеры согласно уставу приветствовали друг друга при встрече.

Сплачивало и то, что семьи молодых офицеров, прапорщиков и холостяки жили в общежитии полка, бывшей немецкой казарме на окраине Гусева, где размещался и автопарк части. Там же работала и супруга командира полка, любимая и уважаемая всеми Людмила Геннадьевна Власова. Она была для всех нас и другом и советчиком, а при необходимости и дежурной нянькой для наших детишек.

Моей семье выделили солдатский кубрик площадью сорок квадратных метров. В нём разместились прихожая, кухня и спальня. В качестве перегородок использовались шкафы со склада части. Там же мы получили и солдатские кровати. После училища поразило то, что в коридоре старой немецкой казармы были оборудованы места для хранения оружия, безо всяких дверей и запоров.

Этот житейский опыт сильно пригодился мне в 35-й рд (ЗАТО «Сибирский» Алтайского края), когда в полк прибыло более двадцати молодых офицеров с женами, а размещать их было некуда. Личный состав полка «уплотнили» и на одном из этажей пятиэтажной казармы поместили молодежь. Кого не устраивало, снимали комнату в соседней деревне. Там же я познакомился с будущим командующим РВСН полковником Соловцовым Н.Е..

Служба в Гусевском полку была напряженной, но интересной. Офицеров не хватало, поэтому условные нормативы сроков несения БД соблюдались не всегда, так что дома, в немецкой казарме, как тогда говорили, на зимних квартирах мы практически не бывали. Когда родился Алешка (5 января 1977 года) в общаге было плюс 7 градусов по Цельсию. «Добирали» от самодельных калориферов. Пробки «вылетали» через каждые пятнадцать минут.

По началу службы в полку один случай сильно меня удивил. Несколько раз меня, лейтенанта, первым приветствовал майор, как я потом уз-

нал, это был пропагандист полка Павлуткин Владимир Николаевич. Не сдержав любопытства, в очередной раз я рискнул обратиться к майору с этим вопросом. «Знаю я вас, таких лейтенантов... Скоро подполковником станешь, а я как ходил десять лет майором, так и буду ходить. Так лучше сразу привыкнуть первым честь отдавать».

Этот мудрый взгляд на жизнь послужил мне серьезным уроком при принятии многих решений в последующей службе. С Владимиром Николаевичем мы стали друзьями, у него всегда было чему поучиться. Общаясь через десятки лет с однополчанами, я узнал о том, сколько сослуживцев было благодарно ему за уроки жизни. Именно Владимир Николаевич Павлуткин определил мою последующую судьбу на всю жизнь. Когда меня, инженера-связиста, чем я очень гордился, с трудом уговорили избираться секретарем комитета комсомола полка, и после собрания, на заседании комитета избрали другого, я даже обрадовался. Но Павлуткин убедил нового заместителя командира полка по политической части гвардии капитана Батанова Геннадия Николаевича повторно провести заседание комитета и избрать секретарем меня. Лишь потом я узнал, что мой предшественник, занимавший эту должность всего сутки, был креатурой одного большого начальника.

Кстати, серьезную роль в принятии первичного решения баллотироваться на секретаря комитета сыграл, как я тогда считал, один старый сорокалетний капитан из общаги, фамилию, к сожалению уже запомнил. Когда на перекуре в мужском туалете я решил с ним посоветоваться по предложенной перспективе и желании отказаться, капитан рассказал мне случай из его жизни.

Геннадия Николаевича Батанова я также смело могу назвать одним из лучших своих учителей, а наши судьбы удивительным образом переплелись по всей жизни. История наших отношений достойна отдельной книги.

Именно Батанов сделал из меня политработника в хорошем смысле этого слова.

Чего греха таить, все мы знаем, что и среди нашей партийно-политической братии были и такие, которых и к людям нельзя было близко подпускать. Но сегодня не об этом...

Благодаря Павлуткину Владимиру Николаевичу, будущим российским федеральным министрам Батанову Геннадию Николаевичу и Путилину Владиславу Николаевичу, будущему начальнику политуправления Космических войск генерал-лейтенанту Куринному Игорю Ивановичу, начальнику политуправления РВСН Герою Советского Союза

генерал-полковнику Горчакову Петру Андреевичу и многим другим моим учителям и коллегам я смог завоевать свою территорию в борьбе за личный состав в жестком противостоянии тех лет. И радуюсь, что после десятилетий духовного разброда и развала Вооруженных Сил ума хватило у нынешнего министра обороны Шойгу вернуть должности заместителей командиров по воспитательной работе. Еще бы научились так работать с личным составом, чтобы не было в наших казармах запертых на сто замков оружейных комнат, как в той общаге полка на зимних квартирах, где я получил первое офицерское жилье в немецкой казарме.

Я очень благодарен за учебу и школу жизни своим коллегам и надежным помощникам Федору Долгополову и Григорию Мазурову, Анатолию Порицкому и Василию Марценюку, Александру Хлебалову и многим своим друзьям. Некоторые из них впоследствии занимали высокие должности в РВСН.

Мне 60 лет и я убежден – мудрые командиры всегда поддерживали и ценили своих политработников, а при необходимости, боролись за них и защищали. В моей службе такими были мои непосредственные и прямые начальники командиры полков Власов Виктор Константинович и Мартынов Владимир Николаевич, впоследствии командир ракетной дивизии и последний начальник Пермского ракетного училища, командиры дивизий Субботин Владимир Викторович и Соловцов Николай Евгеньевич, впоследствии командующий РВСН, командующие 50-й ракетной армией Котловцев Николай Никифорович и Яшин Юрий Алексеевич, впоследствии заместитель министра обороны СССР, Толубко Владимир Федорович и многие другие.

Никогда не забуду, как при очередной проверке нашего полка Главкомандующий РВСН Герой Социалистического труда генерал армии Владимир Федорович Толубко прибыв на полевую позицию, приказал собрать личный состав и увлеченно жестикулируя, рассказывал солдатам о Великой Отечественной войне.

Развал Советского Союза еще раз жестко продемонстрировал необходимость наличия грамотной системы работы с вооруженными людьми и серьезной подготовки соответствующих специалистов. Сегодня все в очередной раз поняли: формирование воинской культуры и боевого братства это свято место, которое вакуума не терпит.

Выход полка, вооружённого ракетами Р-12, на полевые позиции производил особое впечатление. Сами старты находились вблизи польской границы, и соседи разглядывали нас, не скрывая любопытства. Нам же доставляло удовольствие польский мультяшник, который они часто показы-

вали на своем телеканале. Суть такова: несколько мужичков в шапках-ушанках вручную выкатывают из леса ракету, очень похожую на нашу Р-12, и ставят ее на стартовый стол. Поджигают фитиль, который горит очень-очень долго, и ракета взлетает. В следующем кадре мы видим колышек, расположенный на другой стороне Земли, в который точно попадает эта ракета. Вот так высоко ценили РВСН братья по оружию из Варшавского договора.

Когда мой первый офицерский поезд 28 августа 1976 года прибыл на станцию Гвардейск, я пришел в шоковое состояние от увиденного: фашистские флаги и свастика на зданиях, немецкие вывески на комендатуре, ресторанах и казино, треск мотоциклов с автоматчиками на городской площади... Все было настолько реально, что первая мысль: сработала машина времени, и мы попали в немецкий Тапиау второй мировой войны. Как потом выяснилось, шли съемки фильма «Потерянный кров». Но это событие очень ярко врезалось в мою память.

Сегодня я хорошо осознаю, как слаженно работала система отбора кадров в Вооруженных Силах СССР, в том числе благодаря хорошо выстроенной структуре политорганов. На комитет комсомола меня «двинули» не просто так. Станция ЗАС, которой я командовал, по итогам года стала лучшим подразделением. Бомбоубежище на командном пункте полка, закрепленное за моим подразделением функционировало идеально. Не было особых замечаний и по другим вопросам. В ноябре 1977 года я, как лучший командир подразделения, был на неделю делегирован в Ленинград на Всесоюзный слет победителей соцсоревнования, где и познакомился с талантливейшим руководителем, в то время помощником начальника Политического управления РВСН по комсомольской работе майором Владиславом Путилиным.

О том, что меня назначили помощником по комсомольской работе в ПО 24-ой дивизии, я узнал, вернувшись из отпуска. Приняв короткие поздравления и загрузив на выделенный в полку КраЗ немногие вещи из однокомнатной квартиры, моя небольшая семья этим же транспортом медленно выдвинулась по старой, но капитально вымощенной вручную, прусской дороге в сторону уже знакомого древнего Тапиау.

В тот же вечер, получив от заместителя по тылу дивизии ключи от двухкомнатной квартиры, которую также быстро освободил мой предшественник, ныне заместитель главы известного всем ракетчикам

Ленинска на космодроме Байконур Николай Авдеев, я лег спать на собственной кровати.

Также оперативно передавался и огромный кабинет со старинным столом и креслами, где меня вскоре сменили мои большие друзья по жизни Валерий Евгеньевич Дубович и Александр Федорович Дегтярев, не выдержавшие испытаний развала Советского Союза. Светлая память этим верным бойцам «невидимого фронта».

Особо поучительной для меня стала встреча с генерал-майором Субботиным В.В. Меня просто поразило, что командир огромной ракетной дивизии «потратил» на беседу со мной более двух часов своего драгоценного, без кавычек, времени. Расспросив меня подробнейшим образом про родню и родителей, учебу в школе и военном училище, увлечения спортом, фотографией и аквариумом, любимых поэтов и писателей, что люблю, а что не нравится, про историю Египта, Римской империи и России, Владимир Викторович остался доволен.

Сказав несколько слов о проблемах, генерал Субботин добавил, что через комсомольский актив я обязан знать истинное положение дел с дисциплиной в коллективах. Для этого я был абсолютно свободен в своем временном распорядке и имел право в любое время суток брать для выездов в части служебный ГАЗ-69 командира дивизии. Также мне было позволено заходить к нему без стука кабинет и звонить в течение 24-х часов.

Ветеранам не надо рассказывать к чему обязывает такое доверие. Что там греха таить, неуставные взаимоотношения тогда волновали всех. Главный вопрос, который мы решили вместе с комдивом: реально не скрывали ГНВД, не «песочили» зазря младших начальников и даже поощряли за раскрытие нарушений. При подведении итогов в 50-й РА наша дивизия всегда «славилась» огромным количеством правонарушений. Эта правдивость дала свои результаты. Два года подряд переходящий вымпел Министра обороны СССР вручался нашему соединению. Комдив Субботин был награжден орденом Ленина, а я был премирован поездкой к 35-летию Великой победы в Гомель, который освобождали наши героические предшественники.

Сам Владимир Викторович не пропустил ни одного публичного комсомольского мероприятия, где и молодежь и бывалые сослуживцы слушали его выступления, затаив дыхание.

Позже мне выпало счастье продолжить дружбу с этим мудрейшим начальником. Судьба распорядилась так, что, будучи слушателем Военно-политической академии имени В.И. Ленина, учебой в которой

горжусь до сих пор, я проходил стажировку в Хмельницкой дивизии. Узнав об этом, заместитель командующего Винницкой ракетной армией генерал Субботин специально приехал в городок, чтобы встретиться со мной. Светлая память этому великому человеку, одному из лучших моих учителей!

Так получилось, что сегодня трудятся в память о дивизии два Совета ветеранов, один в Гвардейске под руководством Воробьева Валерия Павловича, другой в Москве под председательством Поленкова Геннадия Михайловича. Оба этих уважаемых человека достаточно часто бывают в Центре Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество» (сайт: ipro.ru), где я последние семь лет являюсь заместителем Председателя.

Эта старейшая светская международная организация России, история которой, к величайшему сожалению, последние 90 лет была закрыта для большинства наших граждан. Руководит Обществом известный государственный и общественный деятель России Сергей Вадимович Степашин. Будучи сам сыном военно-морского офицера, не единожды побывав в «горячих точках», генерал-полковник Степашин с огромным уважением относится к воинской службе и людям ратного труда. Центр ИППО находится в Китай-городе на улице Забелина 3, строение 2, в трехстах метрах от академии РВСН имени Петра Великого, где до сих пор трудятся наши однополчане. Здесь всегда рады видеть ветеранов нашего ракетного соединения.

Последний раз мне посчастливилось побывать в местах моей лейтенантской службы в 2011 году, на 65-летию родной дивизии. Взяли два купе и поехали на поезде всей семьей: супруга Нина Ивановна, сын Алексей с женой Ольгой и внуки Дмитрий и Григорий. Места было предостаточно, и мои внуки вдоволь насладились этим путешествием. В дороге нахлынули воспоминания.

Будучи начальником отделения комсомольской работы политотдела 50-й ракетной армии я был командирован на проверку родной дивизии. Очень не простая задача инспектировать тех, многие из которых еще вчера были твоими начальниками и учителями, с кем ты вместе нес боевое дежурство и просто дружил. Все обошлось лучшим образом, в ходе проверки никто не допускал панибратства и чего-то лишнего. Наоборот, мои однополчане старались показать все лучшее, на что они были способны. В вечернее время находили возможность пообщаться на «ты» и не формально. Съездил и в гости к тогдашнему замполиту полка Александру Махневу, который лечился дома со сломанной ногой.

Были и курьезные случаи. Выбор продуктов в небольших городках Калининградской области, где дислоцировались наши гарнизоны, был не особым и комдив по выходным дням разрешал выезжать нашим женам на служебном автобусе в соседний литовский Вилкавишкис, как бы на экскурсию. Однажды старшим автобуса поехал сам начальник штаба дивизии, человек обязательный и очень пунктуальный. Время отъезда после закупок он назначил на 14:00 часов.

Ровно в 14:00 начальник штаба, спросив для формальности «Все собрались?», дал команду отъезжать. «Вашей супруги нет!» закричали женщины. «Трогай!», подтвердил свое решение строгий старший машины.

Вспомнили всей семьей, что Алешка родился, когда я был на боевом дежурстве, а Нина в то время работала медсестрой в Гусевском роддоме и роды принимал ее начальник. Что семь квартир за время службы сменили, а уволившись из РВСН и имея право на получение квартиры в любом месте СССР в трехмесячный срок, до сих пор не получил жилья от родного Министерства обороны. Хотя убывая из ЗАТО Сибирский, в отличие от многих коллег, я освободил и передал трехкомнатную квартиру КЭЧ, а не продал нелегально, как некоторые, за две тысячи баксов. Надеюсь, все понимают, о чем я рассказываю. На память остался бессрочный договор о правах моей семьи вернуться в эту квартиру, предупредив местную власть о своем возвращении за месяц. ...Может вернуться!?

«Судьба такая», мог сказать в такой ситуации мой нынешний руководитель Сергей Вадимович Степашин.

В той поездке еще живым был Саша Дегтярев. Вот уж тоже судьба. Как он радовался, когда Василий Трофимович Климчук, который в мои времена был заместителем начальника политотдела дивизии, пригласил его продолжить службу в Харькове. И вдруг развал Союза. Александр позвонил мне посоветоваться: обязали всех принимать украинскую присягу. Я тогда по совести сказал, что этого делать не надо. Всех нас учили присягу принимать один раз в жизни. Саша это и сам понимал, вернулся в родную Калининградскую область и дослуживал в органах внутренних дел. Знали бы мои упокоившиеся друзья Валерий Дубович и Александр Дегтярев, к чему привела эта многоприсяжность! Сколько мы понесли потерь, скольких потеряли. Вот уж никогда не думал, что такие беды достанутся и нашему поколению. Сегодня мирные люди, в том числе прошедшие Великую Отечественную, гибнут от «своих» на «ридной» Украине.

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

Ю.А.ГРАЧЕВУ
E-mail: aniskino55@yandex.ru

г. Москва, 119160

« 15 » декабря 2014 г. № 314/3/ ПДРГ

На № 1162588 от 21.11.2014 г.

Уважаемый Юрий Алексеевич!

Ваше обращение на имя Президента Российской Федерации по вопросу повышения статуса Ракетных войск стратегического назначения, в честь предстоящего 55-летия со дня их образования, путем преобразования в вид Вооруженных Сил Российской Федерации по поручению рассмотрено.

17 декабря 2014 г. Ракетные войска стратегического назначения отмечают 55-летие со дня своего образования. Создание Ракетных войск стратегического назначения как вида Вооруженных Сил СССР, в котором было сосредоточено практически все ракетно-ядерное оружие страны, было объективной необходимостью сложного послевоенного времени, обладание которым стала реальной возможностью предотвращения новой мировой войны.

Россия, как правопреемница СССР, приняла и закрепила за собой статус ядерной державы и тем самым обеспечила стабильность, как на европейском континенте, так и в мире в целом.

Развитие Вооруженных Сил Российской Федерации осуществляется в соответствии с военной доктриной государства, основными требованиями которой являются сохранение паритета и поддержание обороноспособности страны на уровне, позволяющем отразить любую агрессию.

В современных условиях существующая структура Вооруженных Сил Российской Федерации позволяет противостоять вызовам как Российской Федерации, так и ее союзников – государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности.

Выражаю Вам искреннюю признательность за активное участие в вопросах обороноспособности России, а так же строительства и развития ее Вооруженных Сил.

Заместитель начальника
Главного управления

С.Чувакин

Провожая меня на Калининградском вокзале, Александр заплакал. Наверное чувствовал, что больше не свидимся. Хорошо, что упокоился на родной земле.

Посещение территории расположения полка вызвало чувство глубокого разочарования. Одни развалины, проросшие кустарником. С однополчанами помянули ушедших, вспомнили о быстро прошедшей молодости.

Так получилось, что пишу эти строки в Измайлово, там, где 30 июня 1942 года был сформирован 92-й гвардейский минометный полк, вооруженный пусковыми установками БМ-13 «Катюша». Пройдя с боями от Сталинграда до Берлина, полк был награжден орденом Красного Знамени, получил наименование «Гомельский», затем за боевые заслуги полк награждался орденами Ленина, Суворова 3-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Кутузова 3-й степени. Именно личный состав этого прославленного полка со своими героическими достижениями и боевыми традициями мудрые руководители сделали основой первой ракетной бригады, формирование которой было завершено к 15 августа 1946 года, а традиции сохранялись более сорока лет. Кто сейчас помнит об этом?

Не могу понять, почему великое имя нашей дивизии, а именно первого ракетного соединения, с которого начиналась история РВСН, не сохранили для Вооруженных Сил, почему ее вместе со знаменем не перевели к новому месту дислокации? Неужели нельзя было посмотреть чуть-чуть вперед, подумать о том, что другой истории у РВСН и наших Вооруженных Сил не будет.

Мучает и другой вопрос: зачем из вида Вооруженных Сил, который обеспечивает мир на Земле уже 70 лет, сделали род войск? Почему самым грозным оружием нашей державы управляет командующий, а не главнокомандующий?

Ракетные Войска Стратегического Назначения этого не заслужили!

Во время работы в Счетной палате Российской Федерации мне удалось посетить самые ранние из известных российских воинских захоронений в городе Симода (1854-1858г.г.), которые упокоились после крушения во время цунами фрегата «Диана», доставившего в Японию вице-адмирала Е.В. Путятина для продолжения переговоров с японской стороной об установлении дипломатических отношений. Смотритель кладбища при храме Гекусэнди, японский монах, рассказал мне, что когда кладбище посещал Президент США Джимми Картер, он на выходе пожертвовал 50 тысяч долларов наличными на уход за могилами. Этот

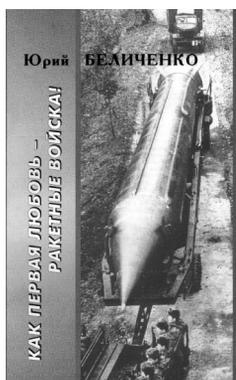
рассказ старого монаха сильно впечатлил меня. Я знал, что через месяц Японию с официальным визитом должен был посетить наш Президент Путин. Вернувшись из командировки я «включил все рычаги» чтобы до Владимира Владимировича довели, как мне казалось, необходимость включения в программу визита посещение российских воинских захоронений в городе Симода и, чтобы он оставил монаху тысяч сто. Так наивно хотелось директору Департамента контроля расходов федерального бюджета на международную деятельность Счетной палаты Российской Федерации, чтобы старый монах рассказывал посетителям храма и кладбища о Президенте моей Родины.

Что-то мы потеряли на переходе от Советского Союза к новой России.

Может мы опять забыли, что скупой платит дважды. Одна надежда: к 70-летию 24-й гвардейской Гомельской ордена Ленина, Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии кто-то подскажет нашему Президенту и Владимир Владимирович поправит эти нелепые просчеты в истории РВСН.

БЕЛИЧЕНКО – НАШ ПОЭТ

ДОЛИНИН Александр Иванович, полковник в отставке

Поэта и публициста Юрия Николаевича Беличенко я и по имени-то называл нечасто, в редкие минуты обоюдно сердечного расположения, а так — исключительно: Юрий Николаевич. Это он меня шутливо величал: «Долинин, ты могуч!». Шла ли речь о публикациях, или о каких-то моих поступках и действиях...

Открыл мне Беличенко его тезка и сослуживец — Юрий Рощупкин. Любитель и большой знаток литературы, он, конечно же, обратил внимание на начинающего поэта Беличенко и его первые сборники стихов «На гончарном круге» и «Время ясеня».

Мне тоже сначала был интересен Беличенко как однополчанин, но уже по Шяуляйской дивизии, куда Юрий Николаевич прибыл служить из Гвардейска. Потом я узнал о нём больше в окружной газете «За Родину», в которой он трудился начальником отдела культуры в своё время. Находилась она в Риге, на улице Муйтас, д.1. Недалеко от Даугавы. Учась в Рижском университете, с газетой я сотрудничал, частенько туда во время сессий забегал. Беличенко в ту пору служил в Венгрии. Я стал следить за его творчеством.

Позднее опубликовал его стихи в сборнике смоленских и армейских поэтов — «Вечный огонь». В газете, которую мы выпустили к открытию комсомольской конференции Ракетных войск, поместил в сокращённом варианте его поэму «Ракетная застава». Каждую строчку Беличенко искали: о Ракетных войсках писалось мало, тем более не баловали стихами.

И часы поэзии я проводил для солдат по стихам Беличенко, и читал его поэму офицерам на боевом дежурстве под землёй. Обо всем этом осмелился сообщить в письме. Мэтр не ответил.

Впервые встретились мы с ним на Беговой, в «Красной звезде», году в 1983-м. Запомнился он молодым, подтянутым подполковником. Дежурил по номеру, был чрезвычайно занят и на беседу у него времени не хватило. «А, детка, это вы», — протянул он артистично, и, показалось, вяло свою руку в приветствии.

Через семь лет меня неожиданно призвали в «Красную звезду», и тогда он уже проявил ко мне интерес. Ему, похоже, было приятно, что однополчанин пишет о Ракетных войсках. Никогда со мной праздно не заговаривал, но, как выяснилось, за публикациями следил и даже радовался, представил с гордостью уважаемым им и мною Алексею Петровичу Хореву и Юрию Тарасовичу Грибову: «Это наш посткор по Ракетным войскам». И глаза его при этом просто искрились.

Помню, как провожали Беличенко по случаю увольнения в запас на заседании редколлегии, куда он пришёл по форме. Отдел поэзии и литературы, возглавляемый им более десятка лет, сократили, посчитали в чумовом 1992-м году, что он в новый облик газеты не вписывается, обидели его этим — Беличенко и написал рапорт. К тому же он, полковник, демократично избранный председателем офицерского собрания редакции, чем очень гордился, не мог терпеть то обстоятельство, что офицерами «Красной звезды» стала «править» женщина, в качестве заместителя главного редактора.

Через несколько лет он вернулся в газету, потому что жить без неё не мог. Мне часто говорил: « Не уходи, «Красная звезда» — это непотопляемый авианосец. Это наша газета». Стал обозревателем, писал тонкие, глубокие очерки, публицистику, выступал с оригинальными литературными заметками, историческими зарисовками.

Как-то подошёл и попросился в командировку: «Отбатрачу, не волнуйся. Давно в гарнизонах не был, тем более в Ракетных войсках». Раньше, при погонах, не просился, потому как связанный секретами мог лишиться возможности бывать в зарубежных командировках. А тут и времена изменялись: нас уже секретносителями не считали, да и сам он в заморские края не рвался. К тому же увидел (позднее признался), какая дружная команда у нас подобралась — признанный «боевик», добрая и цельная натура Геннадий Миранович, наш любимец, совсем юный Александр Богатырев, деятельный и инициативный Игорь Детинич. И вписался он в неё сходу. Я был «вождём», Геннадий «командиром», Алек-

*Поэт, писатель, журналист «Красной звезды»,
ветеран дивизии Юрий Беличенко*

сандр «капитаном» (и это соответствовало истине), а Беличенко, конечно же, «мэтром» (что тоже было верно, он и не опротестовывал это имя, посмеиваясь в усы). Десятки гарнизонов, все ракетные армии посетили мы с этой великолепной краснозвёздской бригадой, даже писать сообща научились, подлаживаясь под стиль друг друга. Единоумыслию (по принципиальным вопросам) учиться нужды не было: понимали друг друга с лёту. Какое же это было счастье — совместно работать и приятельствовать! Разные по возрасту, темпераменту, опыту жизни и стажу в журналистике, мы легко находили общий язык и доверяли друг другу. Спасибо главному редактору, что он почти никогда не препятствовал нашим дальним поездкам в гарнизоны, прекрасно понимая, что по приезде будут серьезные, интересные очерки и репортажи. Спасибо прежде всего ракетчикам, которые нас принимали. Как правило, командировочный фонд в редакции в то время был скуден, и «принимающая сторона» житейские заботы брала на себя. Поездки эти были праздником души для нас, и, хочется надеяться, для ракетчиков тоже. Встречаясь с ними, заряжались энергией этих основательных и надёжных людей. Друзей мы в поездках обрели много.

Ракетчики стали свидетелями успеха его глубокой литературоведческой книги «Лета Лермонтова» (никто тоньше Беличенко не напишет об этом русском поэте-воине), самого лучшего сборника его стихов, на мой взгляд, — «Арба». Вышел он при его жизни, щедро раздаривал Юрий Николаевич книгу друзьям и почитателям. Недоедая порой, он свои книги в издательстве ещё и выкупал, чтобы нам дарить. В договоре не прописывал количество авторских экземпляров, а там не подсказывали. Я его долго журил за это: только стихи хорошие писать можешь... Не зря я ругался: здоровье у него барахлило, и он чувствовал это, без конца говорил о грустном. Средств на лекарства и на неизбежную, как выяснилось, операцию, понятно, не было. Хорошо, нашлись добрые люди и в редакции, и в госпитале, и проблема была снята. Однако, полный надежд, после выписки протянул он недолго.

Большая часть тиража поэтической книжки так и осталась нераспечатанной в кабинете. И мы уже с Ольгой Юрьевной Ермолаевой, женой, по-этом и верным другом, «несли в массы» сборник большого русского поэта Беличенко, которого в одночасье потеряли. Тромб выстрелил, как пуля, в сердце. И упал наш могучий Беличенко по дороге в «Красную звезду» ранним морозным утром 8 декабря 2002 года, в ста метрах от дома. Эх, Юра, а ведь ещё в пятницу, встретившись как-то по-особому тепло на этаже, мы мечтали об очередной командировке в дальний гарнизон!

ПОЭЗИЯ ОДНОПОЛЧАН

Стихи, которые украшают сборник, принадлежат перу нашего однополчанина Юрия Николаевича Беличенко. Он один из первых ракетчиков, который в 1960-е служил в Гвардейске, а много позже стал известным поэтом, четверть века возглавлял отдел литературы в Центральной военной газете страны «Красная звезда».

ЮРИЙ БЕЛИЧЕНКО

КАК ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ – РАКЕТНЫЕ ВОЙСКА!

Я край один запомнил наяву,
Где ветры примерзали к рукаву,
Где пять домов, глядящих на восток,
Составили военный городок.
Там пахла торфом талая вода.
Оттуда жёны рвались города.
Но даже до районного села
Там ни одна дорога не вела.
Снегами до бровей запушены,
Там слушали движенье тишины,
Оберегая эту тишину,
все наши жизни слитые в одну.
Мне кажется порой, что в том снегу
К своей ракете я ещё бегу,
И времени отрывистый отсчёт
В обратном направлении течёт:
«Четыре», «Три»... Движения точны.
Всё круче натяженье тишины.
Последний раз звучит сигнал «Готов!»
И все мы там, у пультов и щитов,
И этот снег, и тёмные леса
Уже – прифронтовая полоса.
Рука – ключ. И холодно в груди.
И жить прожить – не поле перейти.
Остался шаг...
Но вот издалека
Даёт «Отбой тревоги» комполка.
И время поворачивает бег.
И тает снег. На куртках тает снег...

Прекрасны вы, встающие с утра
На зов станка, валторны и пера
Прекрасны вы, встающие в ночи,
Чей зов – приказ, чьи руки горячи!
Прекрасны вы, лесные хутора.
Тропа домой. И варежки нора.
Поляна звёзд. И эта тишина,
В которую Земля погружена...

.....

Невидимы для глаз,
Как подо льдом река,
Оберегают нас Ракетные войска.
И дома, и в пути, и в ливень, и в пургу, -
Не надо забывать, что мы у них в долгу.
У тех. Кто городов не строит на Земле
И к звёздам не летит на звёздном корабле,
Не вспашет борозды и не напишет книг.
Иная их судьба.
Иная цель у них.
От городов вдали,
От праздников вдали
Их чуткая рука на пульсе у Земли.
Я помню, как у схем, когда в глазах серо,
Нам снились наяву театры и метро,
Как пили в Новый год не водку, а чаёк,
У стартовых кругов дежуря свой черёд.
Как ладили очаг на воинских харчах,
И небо, и детей носили на плечах.
И в сотни рук сильней была моя рука.
И личная судьба – была судьбой полка.

В лесной глуши дороги заросли...

В лесной глуши дороги заросли,
Поляны ржи болеют васильками.
Здесь облака доходят до земли,
И смотрят окна вровень с облаками.
Я здесь живу от городов вдали
В зелёном царстве веток и крапивы
Без нежности твоей себялюбивой
И без твоей расчётливой любви.
Я здесь живу. Любовь моя во мне
Ещё горит. Неспешно камня.
Ночные существа кружат над нею,
Не опаляя крыльев на огне.
Я позабыл, что город далеко.
Вокруг меня шумят леса живые.
И без тебя за много лет впервые
И радостно. И больно. И легко.

Сосновый край. Гнездовище озона.
Как молоды мы были, чёрт возьми!
Тугая тишина запретной зоны.
Армейский быт. Подъёмы до восьми.
По вечерам, — подобные забаве,
Таинственные приступы хандры,
Когда находишь в строевом уставе
Записку от влюблённой медсестры.
Над нашим лесом аисты летали.
Густели хаты дальнего села.
И помнили старшинские медали
Истории державные дела.
История... Ты в нашем представленьи
Командовала с вышки смотровой
Оттаиванием и оледененьем
Многострадальной карты мировой.
Откуда знать, пока тротил крылатый
Не запоёт и не качнёт весы,
Что в нас самих, отсчитывая даты,
Уже стучат истории часы?
Что по её прямому предписанью,
Согласному с приказом старшины,
Нам ночью доверяется в охране
Лесной квадрат всемирной тишины.
Что, близостью к истории возвысаясь,
Покусывая ручку, как школяр,
Наш ротный писарь, штатный летописец,
Ведёт на нас взысканий формуляр...
Уже планета электронным ухом
К шуршанью звёзд была устремлена.
На борозде, пробитой Звёздным Плугом,
Уже всходили наши имена.
Но нам ещё казалось время личным,
И, заглушая звёздные миры,
Смущённо пахли мылом земляничным
Загадочные руки медсестры...

РАКЕТНЫЕ ЗАСТАВЫ. ПОЭМА

Хлеб по норме, чай по мере,
злое курево «Прибой»...
Капитан Бобров Валерий,
разлучились мы с тобой.
Не спросив на то согласья,
Нас военная страда подняла
И в одночасье развела кого куда.
А когда-то... Помнишь это?
В точке, заданной страной,
Мы служили при ракетах
За оградой тройной.
Бомбардирами стояли,
Опускаясь в бункера,
С фитилями при запале,
Водородного ядра.

.....

И подначек не боялись.
И подначивать могли.
И хотя текли в секрете
Наши жизни и дела,
Но история, столетья,
Через эти жизни шла.
Мы о том не говорили,
Но могу сказать сейчас:
Мы историю творили,
И она творила нас...
В дождевые наши дали
Не спеша из «горних сфер»,
Наши жёны прилетали
«После дождичка в четверг».
Но судьбу не выбирая,
Мы могли от всей души
Предоставить им для рая
Разве только шалаши.
Словом, были основанья
Сомневаться и скучать,
И науку расставанья
По уставам изучать.
А ведь как они учили,

Мой надёжный капитан:
Предписание вручили —
И берись за чемодан.
И наяривай с размахом
Через гати и леса.
На маршрут неделя с гаком
На прощанье — полчаса.
И — разматывай движенье,
Пораскинув головой,
Как попасть в расположение
Новой части войсковой.
Поначалу выйдешь за лес —
И окончится тропа
(чтобы мёдом не казались
Офицерские хлеба).
Добредёшь через овраги
До дороги грунтовой —
И опять на личной тяге.
Повезёт — на гужевой.
А когда автобус хилый
Подрулит к тебе «с небес» —
Ты поймёшь, какая сила
Есть технический прогресс!
И задумываясь мало
Об изменчивой судьбе,
Доберёшься до вокзала,
А потом и до купе.
Там пожалуйся для вида
Будто что-нибудь болит
(чтобы ехать «инкогнито»,
как начштаба говорит).
И вкушай неуголимо
Романтические сны.
Иль гляди, как мимо, мимо
Промелькает полстраны...

2

Не о войнах мы мечтали —
Детство отдали войне.
И ракетчиками стали
Не по собственной вине.
Собирали нас по нитке:
От воздушного винта, из подплава,
От зенитки, из студентов иногда.
И не ведали мы даже —
Ветераны подтвердят, —
Что такое служба наша,
Как и с чем её едят.
Что её одним лишь пылом
Не осилишь на «ура».
Наше время тоже было
Трудновато для пера.
На семь с улицы малявок —
Три вернувшихся отца.
Хвост людей у хлебных лавок,
Не имеющий конца.
И химический, несводный,
Чтобы помнился верней,
На ладони номер потный
Очерёдности твоей.
На морозе не ослабни —
Потолкайся для тепла.
Что-то стёганка озябла,
А ведь тёплою была!
Надевал её на вырост,
А, глядишь, уже тесна.
Видно, в очереди вырос,
Пока двигалась она...
Так вот все мы год за годом
Вырастали на ходу
Между школой и заводом.
Без коврижек на меду.
Без одежек заграничных,
Без картинных галерей.
С очень ранним, очень личным
Чувством взрослости своей.
И пускай ещё носили
Мы отцовские штаны —

Примерялись к нашей силе
И гектары целины,
И энергия урана,
И плотин бетонный вал,
И глубины океана,
И космический штурвал.
Как составы вагонеток,
Грохотали эти дни.
На руках у пятилеток
Были ссадины видны.
Эти руки уставали
У мартена и руля
И хлебами засевали
Битвы минные поля,
И поля давали всходы.
И, спасённые в беде,
Всё уверенней народы
Шли по нашей борозде.
Но, не зная угомона,
Раздуваясь с похвальбы,
В огородах Пентагона
Зрели страшные грибы.
Содрогаясь от озноба,
Водородный белый дом
Опоясывал Европу
Атлантическим кнутом.
Он, ничуть не сомневаясь
В том, куда идут часы,
Положил ракетный палец
На всемирные весы.
Чтобы дать ему открыто
Отрезвляющий урок,
Нам нужна была защита.
И притом — в кратчайший срок.
Чтобы люди осознали,
Что Земля невелика...
Для того и создавали
Нас, Ракетные войска.
Не манили нас наградой
Боль у всех была одна:
Вновь война стояла рядом,
Очень страшная война...

Наши планы и любви
Подчинив своей стране,
Мы щитом, готовым к бою,
Преграждали путь к войне.
И ученьем, и стараньем,
Чтобы двигаться верней,
И своим образованием,
И настырностью своей.
Не подушкой в изголовье —
А тяжёлой стопкой книг.
Кое-кто своим здоровьем
Надо вспомнить и о них.
И тому труду порукой
Были скрытые от глаз
И заводы, и наука,
Что работали на нас.
И копейка трудовая,
что — пока ещё бедна —
И с войны недоедая —
Выделяла нам страна...
А вокруг — леса безлюдны.
У палаток — волчий след.
И зимой с дорогой трудно.
И весной дороги нет.
Обживали в полной мере
Те неближние края
Кто пораньше, как Валерий.
Кто попозже — так, как я...

3

Выметая хлам лежалый,
Этот век нам угодил.
Он пожизненно, пожалуй,
Всех за парту усадил.
Он спешит за новым знаньем.
И, от скорости устав,
Словно кровь, образование
В нём меняет свой состав.
Сомневается в основах.
С оборотной стороны
Перемеривает снова
Пифагоровы штаны.
И, предвзятости гонит ель,
В их классической пыли
Он находит, извините, то,
что греки не нашли.
Если время проворонишь —
Век добавки не даёт.
Так Воронеж не догонишь,
Когда поезд отойдёт.
Вот и я лихим манером —
Чтобы ромбик напоказ —
В полк приехал инженером,
А приехал... в первый класс.
И признаться, поначалу
Ошарашенному мне
Неуютно как-то стало
В той неведомой стране.
Я ведь мыслил современно:
Думал, что мне генерал,
Если я почти мгновенно
вычисляю интеграл?!
Не напрашивался вроде.
Мне сказали: «Помоги!»
Так зачем при всём народе
Репетировать шаги?
Я от службы не спасался
Под заснеженной сосной,
Но насилием казался мне
Порядок уставной.
И когда бывал разбужен,

Я обиженно ворчал,
что устав тому не нужен,
кто училищ не кончал.
Мол, попозже не могли бы?
У меня — дела свои...
Как же были терпеливы,
Вы, товарищи мои!
За окном синица пела.
Время двигалось. Вода
Подо льдом в реке кипела,
Не распаивая льда.
Я смотрел, как на опорах
Бились снежные крыла,
И мерещился мне город,
Где акация цвела.
Вот тогда без фанаберий
По-военному суров,
Подошёл ко мне Валерий
И представился: «Бобров».
Ах, Валера, мой учитель,
Мой ракетный командир,
Схем печатных попечитель,
Мной заученных до дыр!
Я и нынче эти схемы
Начерчу в крошечной тьме —
Сотня стрелок на замете,
Двести лампочек в уме!
Говорю тебе без лести,
С уваженьем говорю:
Штатный свой порядок действий
И в могиле повторю.
У тебя стальные нервы.
Ох как ты меня пытал!
Где проверка? Нет проверки.
Нет сигнала. Где сигнал?
А когда сбиваясь с роли,
Поминая чью-то мать,
Ты язвил: «Да вам бы в поле —
Пистолетиком махать!»
Ныли руки, еле живы.
Смутно теплилась душа.
Словом, было не до жиру,

Не до звёздного ковша.
Через месяц, зол и жилист,
Он заметил мне впервой:
«В нормативы уложились.
Ты, похоже, парень свой».

4

Не везут туда составы,
Самолёты не несут,
где ракетные заставы
Службу скрытную несут.
И в заснеженном урмане.
И в заоблачной пыли.
И на море-океане.
И в глубинушке Земли.
День и ночь они на старте,
Так что лучше их не трожь!
Но на самой точной карте
Этих точек не найдёшь.
И хранятся те заставы —
Их порядок номерной —
Только в памяти державы,
Словно в книжке записной.
Мы для них — уже преданье.
Там сейчас иной народ.
Ведь и техника, и знание
Ох, как двинулись вперёд!
Всё у них по полной мере:
И квартира, и семья.
Нам с тобой они, Валерий,
Вроде как бы сыновья.
Но стоят при том же деле.
И душою — не новей,
Потому что у идеи
Не бывает сыновей.
Потому что у идеи
Есть бойцы. И нету слуг.
Потому что перед нею
Все без званий и заслуг.
Но покуда есть живые —
Будет вновь она крепка
Ибо все мы — часовые
У знаменного древка.

Иногда дорогой древней,
Пробуждаясь ото сна,
Как девчата из деревни,
Навещала нас весна.
Помню: небо голубеет,
Снег под соснами рябой.
На дежурстве по неделе
Ты да я, да мы с тобой.
На стене — макет панели.
Две кровати под сукном.
Две фуражки, две шинели.
И — малинник подо окном.
И, как сеть, забросив память
Через много-много лет,
Я попробую представить
Твой классический портрет.
...И напомнит службу нашу,
Где не только воду пьют.
Где за каждую промашку
По две нормы выдают.
Где комбат, на слово скорый,
Приговаривал шутя,
Что Боброву до майора —
«Як бобру до мидвидя».
Не любил ты громов медных.
Не спешил «попасть в струю»,
Но имел в делах ракетных
Точку зрения свою.
Говорил мне не случайно,
Что тому легко служить,
Кто под носом у начальства
Научился мельтешить.
Страсти к рифмам не имея
В эмпириях не витал.
И роман Хемингуэя
Как инструкцию читал.
Без друзей не оставался.
Без театров не скучал.
Не уверен — сомневался.
Виноват — так отвечал.
Но весьма суровых правил

Был в вопросах уставных.
И на службе службу правил
Без мечтаний отпускных.
Словом, если знать заране,
Что меж прочих трудных дел
Есть ракетное призванье, —
Значит, ты его имел.
А ещё любил ты споры
О посредственном кино.
О достоинствах мотора.
О товариществе... Но,
Неожиданный и строгий,
через два десятка лет
Прозвучал сигнал «Тревоги» —
И рассыпался портрет.
Разлетаются постели.
Руки в прорезях рубах.
Подлетают две шинели.
Две фуражки — на чубах.
Штора падает,
Собою загораживая свет.
Снаряжённую обойму
Загоняю в пистолет.
С поворота, без разбега
Вылетаем на крыльцо,
Умываем горстью снега
Запотевшее лицо.
В повинующемся теле
Лишь одной тревоги власть;
«Может, всё на самом деле?
Может, вправду началась?»
И, тревогой той гонимы,
Мы бежим в рассветной мгле
По тревожной, по родимой
По единственной Земле.
Включены секундомеры,
Чётче действовать веля.
Прибывают офицеры.
Оживают дизеля.
Прибывают командиры.
В дальний путь снаряжена,
Из утробы капонира

Появляется ОНА.
В ней пульсирует зарница,
Пробуждая ото сна,
Чтоб по ней пошла граница,
Чтоб в неё ушла война.
Чтоб, одной ведомы волей,
Поделились с ней сполна
В этот миг бедой, и болью,
И судьбою, что одна.
Чтобы ей без проволочки
Всё отдать, как на войне, —
Экономно, чётко, точно;
И с другими наравне —
Всё уменье. Всё искусство.
Вдох любой. И шаг любой.
До мгновенья перед пуском.
До последнего: «Отбой!»...

7

Где же ты, мой суд и память,
Командир мой по судьбе?
Может, новым делом занят,
Что доверено тебе?
Может быть, сегодня вправе
С некой новой высоты
В государственном масштабе
Говорить со мною ты?
В этом есть свои резоны.
А на памяти твоей —
Переезды, гарнизоны,
подростанье сыновей,
К полигонам путь окружный,
Седины горячий след.
И за ними — служба, служба,
Без которой жизни нет.
Ведь недаром я в столице
Среди людной суеты
Много раз ловил на лицах
Давней юности черты.
Или где-то за Уралом
Обнимался на бегу
С моложавым генералом,

улетающим в тайгу.
Или радовался в ТАССе,
Что услышит вся страна
В государственном указе
Сослуживцев имена.
Это — тоже наши были.
Так уж вышло без прикрас:
Мы Историю творили,
И она творила нас.
Пустозвонам не внимала.
По асфальту не вела.
Мы отдали ей немало,
И она не подвела.
...Мы для вас — уже преданье.
Вы сейчас иной народ.
Ведь и техника, и знание
Ох, как двинулись вперёд!
Там, снимая все вопросы,
Расслабляться не веля,
Наши старты, наши «Ос»ы*
Заменяли «Тополя»...

*Печатается в сокращении

** «Ос»ы — отдельные старты с шахтными пусковыми установками

*** Юрий Беличенко внёс правки в поэму после поездки к однополчанам в Иркутск
в 1999 г.

ВИКТОР ВЛАСОВ,

*полковник в отставке,
автор поэм, 11 сборников стихов*

ПРОЧТИ ЖИВОЙ РАССКАЗ

Для очищения души
От грязи, униженья, скорби
Иди к природе. Там в тиши,
Когда туман в закатной робе
На землю спустится неслышно,
И неба потемнеет крыша,
Ты отдохнёшь душой и телом
И взглянешь на невзгоды смело,
И облегчённо так вздохнёшь,
И всех простишь, и всё поймёшь.

Прочти живой рассказ природы,
С водою рек поговори,
Познаешь чудный миг свободы,
Раскроешь лет календари.
Узнаешь мир земных сокровищ
И вечный всех времён черёд,
Все тайны для себя откроешь,
Услышишь сказки наперёд,
Про гор вершины снеговые,
И рек, озёр, морей разлив,
Природы голоса живые
Всё подтвердят, как ты счастлив.

Почувствуешь размах простора,
Поймёшь язык существ живых,
Многоголосье его хора
Поймёшь как песню или стих.
Оценишь бури, непогоды,
Борьбу суровую стихий,
Прочти живой рассказ природы,
Прочти как песню, как стихи.

2001 г.

ЮРИЙ ВЕРИГИН

*старший прапорщик в отставке,
поэт, автор романсов.*

*Нёс боевое дежурство на командном пункте дивизии
дежурным по радиосвязи.*

Снова снится мне город родной,
Во дворе одиноко стою.
Воздух пахнет, как ранней весной,
Мой любимый, тебя узнаю.

Все скамейки и окна домов,
Восхищенно глядят на меня:
"Наконец, ты вернулся домой,
Ах, как долго мы ждали тебя".

Ну, а я-то, а я-то, как ждал,
Дни и ночи мечтал напролет.
Снился мне, мой перрон и вокзал,
И дорога, что к дому ведет.

Долго снились друзья и враги,
Кто любил и кто предал меня.
Снились чьи-то чужие шаги,
В голове отдавались звеня.

Снился теплый, июльский, Урал,
Где дельфином плескался в реке.
И пацан, что меня опекал,
С натюрмортом и кистью в руке.

Я люблю тебя, мой Оренбург!
Ты живешь, как раскидистый клен.
Ты мой самый любимейший друг!
Бесконечно в тебя я влюблен!

2011 г.

ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА

Более подробные справки даны в том случае, если тексты мало автобиографичны. Расширенная биографическая справка в таком случае дополняет рассказ автора.

АГЕЙЧЕНКО ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Полковник в отставке. Родился в Горьковской области. Окончил Московское артиллерийское подготовительное училище и Ростовское высшее инженерное артиллерийское училище. Один из первых ракетчиков бригады.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВИЧ

Родился 12.10.1945 г. в г. Астрахани), полковник медицинской службы (1987 г.), начальник научно-исследовательской лаборатории 4 ЦНИИ МО (1980–1996 г.г.), кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник (1985 г.). В 1970 г. Военно-медицинский факультет при Саратовском медицинском институте по специальности военный врач. Службу проходил на должностях в воинских частях и военно-медицинских учреждениях РВСН: начальник медицинского пункта войсковой части 54258, старший врач в/ч 14237«С», начальник токсико-радиологического отделения войсковой части 14237, старшего врача-специалиста токсико-радиологического отдела 117 Центральной санитарно-эпидемиологической лаборатории, научных должностях 4 ЦНИИ МО.

БУРАВЛЁВ МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ,

Подполковник медицинский службы в отставке.

Главный эпидемиолог 50-й ракетной армии

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ БЕЛИЧЕНКО

Даты жизни – 1939-2002, родился в с. Манев Черкасской обл. в семье агронома, вырос на Кубани. Окончил Харьковский политехнический институт(1962), заочно Литинститут (1971), экстерном Донецкое высшее военно-политическое училище (1973). Был членом КПСС (с 1965). Служил офицером в Советской Армии (с 1962), в том числе в Гвардейской ракетной дивизии. Работал в газете «Красная звезда»: спецкор (с 1993). Печатался как поэт с 1962: газета «Калининградская правда». Автор поэтических сборников: «Звенья» (1969), «Виток времени» (1974), «Время ясеня» (1978), «На гончарном круге» (1986), «Польнь зацвела» (1986), «Зов чести» (1989), «Арба» (2002) и другие. Награждён серебряной медалью имени А.А. Фадеева, премиями журналов «Огонёк» и «Москва», премией имени М.Ю. Лермонтова. Жил в Москве.

ВЛАСОВ ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ

Полковник в отставке, командир 323 гвардейского Краснознамённого, Демидовского ракетного полка в 1975-1983 г.г. Автор одиннадцати поэтических сборников.

ГРАЧЕВ ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился 12 января 1955 в г. Черепаново Новосибирской области.

Окончил Ставропольское высшее военное командное училище связи (1976), Военно-политическую академию им. В. И. Ленина (1987), Московский новый юридический институт (2000). В 1972—1994 гг. проходил службу в Вооружённых силах СССР и РФ, уволен в запас с должности заместителя командира ракетного полка в воинском звании подполковника. В 1998—2002 гг. работал в аппарате Министерства юстиции РФ, в 2002—2003 гг. — Министерстве по налогам и сборам РФ. С 2003 г. до октября 2013 г. работал в Счётной палате РФ в должности руководителя Департамента контроля расходов федерального бюджета на международную деятельность, помощника Председателя Счётной палаты Российской Федерации.

В 2007 году вступил в члены Императорского Православного Палестинского Общества, 14 июня того же года был избран заместителем Председателя Общества.

ГУТНИКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

Полковник в отставке. Прослужил в РВСН 55 лет.

См. подробную биографию на стр. 198.

ДЕМИН ИОСИФ ТЕРЕНТЬЕВИЧ

Наводчик 122мм орудия бригады резерва Верховного Главнокомандования. Прапорщик в отставке. Ветеран бригады и дивизии.

См. биографию на стр. 290

ДМИТРИЕВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился 15 января 1922 года в Краснодарском крае.

Лауреат Государственной премии СССР. Заместитель начальника оперативного управления Главного штаба РВСН, член Научно-технического комитета РВСН. Военный историк. Генерал-майор в отставке.

Окончил Тамбовское артиллерийское техническое училище (ускоренный курс в 1941 году) и новую артиллерийскую инженерную академию имени Ф.Э. Дзержинского в 1958 году. В Вооружённых Силах с 1941 года.

Участник Великой Отечественной войны в составе войск Беломорского военного округа (Карельского фронта) в должностях: младший оружейный техник полка, техник артиллерийского минометного дивизиона, начальник мастерской боевого и технического снабжения.

После Победы проходил службу в должностях: начальник артиллерийского снабжения полка, начальник лаборатории артиллерийских приборов Тамбовского артиллерийского технического училища.

С сентября 1951-го по август 1952 года служил в Артиллерийской Академии РККА имени Ф.Э. Дзержинского.

После службы в Академии служил начальником ремонтно-технической базы.

Участвовал в передислокации 72-й инженерной бригады РВГК в 1959 году в Германскую Демократическую Республику.

Является автором более десяти исторических трудов, изданных в Главном штабе РВСН.

Награжден орденами Отечественной войны 1 степени (1985), Трудового Красного Знамени (1980), двумя орденами Красной Звезды (1956, 1967), орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени (1975) и медалями.

ДЯДИН ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Полковник в отставке, один из первых офицеров бригады, участник первого пуска ракеты 18 октября 1947 года.

ДОЛИНИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Родился 17 ноября 1954 года в д. Чертёж Шахунского района Горьковской области. Полковник, редактор, журналист, публицист, издатель.

Награждён орденом Почёта и многими медалями. С 1973 по 1990 – в Ракетных войсках стратегического назначения, от рядового до майора. Нёс боевое дежурство, участвовал в учебно-боевых пусках баллистических ракет, занимался воспитательной работой.

Позднее был при глашён в главную военную газету страны «Красная звезда», где также прослужил 17 лет. Общий стаж календарной военной службы – 34 года.

Автор десятков книг и сборников, двух документальных фильмов о Ракетных войсках. Член Союза журналистов СССР с 1984 года.

Успешно окончил Вахтанскую среднюю школу, Рижское командно-политическое училище РВСН и отделение журналистики Латвийского государственного университета.

В «Красной звезде» был спецкором по Ракетным, Космическим войскам и Войскам РКЮ, заместителем главного редактора по воспитательной работе, одновременно – членом редакционной коллегии, редактором боевого отдела. Создал специальное приложение «Военный космос» и редактировал его.

По увольнению в запас семь лет являлся главным редактором журналов «Открытый урок. Образование Подмосковья», «Социальная защита. Подмосковье», «Местное самоуправление», вёл персональную страницу «Служивые люди» в правительственной газете Московской области, руководил журнальной редакцией издательства «Московия».

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов. За активную работу по пропаганде достижений отечественной космонавтики отмечен медалью и дипломом Юрия Гагарина, медалями Федерации космонавтики России Сергея Королёва, Георгия Бабакина, общественным орденом «Ради жизни на Земле». С конца 2013 года – в старейшей в России Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество», в июне 2015 года утверждён Секретарём Общества.

ЕРЕМЕЕВ АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Родился 17 декабря 1958 года в городе Вентспилс Латвийской ССР в семье военнослужащего.

В 1976 году закончил 10 классов Добельской средней школы №2 и поступил в Львовское высшее военно-политическое ордена Красной Звезды училище на факультет «Культурно-просветительная работа».

1984-1988 г.г. – старший лейтенант-капитан, пропагандист в/ч 43190.

После ратификации «Советско-американского договора по РСМД», в период с января 1988 по декабрь 1992 года, проходил службу на Базе ликвидации ракет Р-12 и Р-14 «Лесная» – в/ч 57335, капитан-подполковник.

1993–1995 годы – подполковник, старший офицер группы культурно – досуговой работы отдела воспитательной работы Управления по работе с личным составом РВСН (

С июля 1995 года по сентябрь 2002 года проходил службу в должности начальника 118 Дома офицеров РВСН во Власихе, подполковник, полковник с сентября 1998 года. В январе 2002 года Указом Президента РФ присвоено Почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

С января 2003 года по настоящее время полковник запаса ЕРЕМЕЕВ А.А. – руководитель Одинцовского филиала государственного бюджетного учреждения социального обслуживания Московской области «Областной центр социальной адаптации военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей» (ГБУСО МО «Центр САВ»).

Член Совета ветеранов 24-й гвардейской ракетной дивизии. Служебный кабинет А.А.Еремеева в Доме офицеров РВСН (Дворец культуры Власиха) №33 стал рабочим штабом Совета ветеранов Бригады особого назначения РВГК – 24-й ракетной дивизии

ЗУБОВИЧ СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ

Родился 30 января 1960 г. в п. Татарка Осиповичского района Могилевской области Белорусской ССР в семье рабочего, белорус.

Среднюю школу закончил в 1977 г. в п. Туховичи Ляховичского района Брестской области. В сентябре 1977 г. поступил на горно-механический факультет Белорусского ордена Трудового Красного Знамени политехнического института по специальности – инженер-механик, который закончил в 1982 г. Военное образование получил на военной кафедре института. По окончании института было присвоено воинское звание «лейтенант», воинская специальность – «командир взвода средних танков».

Полковник запаса. Офицер Боевой подготовки РВСН.

ИВАНЧЕНКО ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Полковник в отставке.

См. биографию на стр. 165

ИВКИН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Род. 8.03.1958 в г. Багайске Ростовской обл., полковник (1996), кандидат исторических наук (1993), член-корреспондент РАН (2000). В Вооруженных Силах с августа 1975. Окончил Рижское ВВПКУ (1979), ВПА им. В.И. Ленина (1998), адъюнктуру Гуманитарной академии ВС РФ (1993).

Проходил службу в Козельской ракетной дивизии: заместителем командира группы пуска по политической части, секретарем комитета ВЛКСМ, секретарем партийного бюро полка. После окончания академии назначен заместителем командира ракетного полка по политической части в Державинске Тургайской обл. С 1994 в Центре оперативного-тактических исследований РВСН: офицер, начальник военно-исторической группы. С 1995 – член Военно-научного комитета РВСН, помощник председателя комитета.

Ученый в области истории РВСН, развития ракетно-артиллерийского вооружения. Руководитель и участник работ по обоснованию разделов концепции военно-исторической службы ВС РФ, проведению НИР по истории техники и вооружения, частей и учреждений РВСН. Автор военно-исторических трудов и монографий по истории России.

ИКОННИКОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

После окончания Рязанского артиллерийского училища с 1952 года по 1975 год служил на ракетно-космическом полигоне Капустин Яр. Из них – 3 года в боевом расчёте на стартовой позиции по подготовке и пуску ракет, когда техническое руководство работами вёл главный конструктор ракетно-космических систем Сергей Павлович Королёв. Был начальником командного пункта этого полигона, техническим руководителем подготовки и пуска ракет.

С 1980 года по 2009 год на инженерной (в НИИ) и административной (в министерствах оборонной промышленности) работе по защите информации и противодействию иностранным техническим разведкам. Автор мемуаров и историко-публицистических сочинений.

ИСАЕВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Полковник в отставке. См. биографию на стр. 180

КОВТУН АРНОЛЬД СЕРГЕЕВИЧ

Капитан 1 ранга в отставке, см. биографию на стр. 150

КОПЕЙКИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Генерал-майор в отставке, последний командир прославленной дивизии. Родился 3 июня 1944 г. До армии - три года рабочего стажа. В 1963 г. поступил и в 1966 г. окончил Хабаровское командно-техническое училище. Начал службу в Таманской Краснознамённой (в Татищево Саратовской области) ракетной дивизии в должности инженера расчёта машины регламентных испытаний в технической ракетной базе (трб). Задачей трб была постановка ракетных полков на боевое дежурство комплекса отдельных стартов (ОС) 8к84.

На протяжении 3-х лет расчёт был отличным, что стало подспорьем при поступлении в 1969 г. в академию им. Ф.Э. Дзержинского на 2-й факультет, которую закончил в 1973 г. и был направлен командиром батареи ракетного комплекса 8К63 в г. Остров Псковской области в 40 дивизию. По результатам проверки комиссией главнокомандующего РВСН батарея заняла 1-е место в дивизионе и 2-е в полку.

В 1974 г. получил назначение на должность заместителя командира ракетного дивизиона в Кингисеппский полк, а через год был направлен на учёбу на командный факультет академии им. Ф.Э.Дзержинского и по её окончании в 1977г. прибыл в Шяуляйскую дивизию зам. командира полка в г. Елгава Латвийской ССР.

Будучи заместителем командира полка и дивизии в 1978, 1980, 1985г.участвовал в выполнении Правительственного задания по уборке урожая в различных регионах страны в должности командира роты и командира автобатальона. И всегда личный состав его подразделений показывал высокие результаты, за что был дважды отмечен государственными наградами.

В 1980 г. получил назначение на должность командира полка в г. Валга Эстонской ССР. Полком командовал 2 года. В 1982 г. полк переформируется и перебазируется в г. Канск. Практически всю работу по переформированию полка провёл его командир, однако полк на переучивание в КапустинЯр поехал без него, так как он был назначен начальником штаба в Поставскую (32-ю) дивизию.

В 1984 г. получил назначение заместителем командира 24 гвардейской ракетной Гомельской ордена Ленина, Краснознамённой орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии, а в 1986 году стал её командиром. После расформирования дивизии в соответствии с Договором по РСМД в 1990 году был направлен начальником штаба на 4 ГМВЦП, где неоднократно участвовал в проведении пусков ракет и отработке других комплексов. После увольнения из Вооружённых Сил РФ работал в ОПК.

КОКАРЕВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

Полковник в отставке. См. биографию на стр. 306

КОРНИЛОВ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Полковник в отставке. Заместитель начальника политического отдела Смоленской армии. См. биографию на стр. 293

КУКУШКИН ВИТАЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Полковник, кандидат технических наук, доцент, Член-корреспондент Российской экологической академии, ветеран подразделений особого риска.

Родился 16 января 1931 г. в деревне Глебовское Ярославского р-на, Ярославской обл.. В 1948 г. с серебряной медалью окончил среднюю школу в г. Ярославле и поступил в Ленинградский политехнический институт на физико-механический факультет. По итогам обучения в институте и академии получил диплом с отличием военного инженера-механика и звание «инженер-лейтенант». Для прохождения службы направлен на полигон Капустин Яр.

С 1957г. проходил службу в 72 инженерной бригаде РВГК (село Медведь Новгородской области) начальником группы сборки ГЧ 23 полевой специальной сборочной бригады. После передислокации в г. Гвардейск и перехода 72 ибр на штат 24 рд был назначен на должность главного инженера, а затем начальника 349 пртб . С 1968 г. начальник 432 ртб.(г. Советск Калининградской обл. Уволен из ВС СССР в запас , в 1981 г.

После увольнения из Вооружённых Сил, 32 года на преподавательской работе в Ярославской государственной сельхозакадемии (ранее филиал Московской Тимирязевской сельхозакадемии). Прошёл путь от ассистента до профессора – заведующего кафедрой. В 1997 в возрасте 66 лет защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата технических наук (тема диссертации «Методология повышения эффективности прогнозирования опасностей и защиты от них в АПК в ситуациях радиоактивного заражения»).

Опубликовал около 150 научных трудов и учебно-методических разработок, в том числе в международных и центральных изданиях Издано 5 научных монографий и учебников. По зову души и сердца собрал материалы в архивах и издал «Родословию», в которой отражены в разной степени полноты судьбы 170 родственников семи поколений.

Является ветераном Великой Отечественной войны (награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» за работы по заготовке торфа, пошив солдатского обмундирования и другую деятельность в годы войны).

ЛУЦЕНКО АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Полковник в отставке, начальник Экспериментального завода 4 ЦНИИ МО (с января 1974 по октябрь 1986 г.)

Родился 7 января 1931 года в г. Днепропетровске, из казаков. В 1949 году окончил 10 классов 82-й мужской средней школы в Харькове и поступил на Энергомашиностроительный факультет Харьковского механико-машиностроительного института (ХММИ), специальность — паровые и газовые турбины, на военной кафедре — танкист. В 1980 году ХММИ был преобразован в Харьковский политехнический институт им. В.И. Ленина.

24 февраля присвоено воинское звание техник-лейтенант запаса, а после окончания 4-го курса призван в кадры Советской Армии и определен слушателем 5 го курса факультета реактивного вооружения Артиллерийской инженерной академии им. Дзержинского в Москве.

После окончания Академии, получив квалификацию артиллерийского инженера-механика и воинское звание инженер-лейтенанта.

10.12.1954 года направлен для дальнейшего прохождения службы в 72-ю инженерную Гвардейскую Гомельскую Краснознаменную, орденов Ленина, Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого ракетную бригаду на должность начальника электро-огневого отделения первой стартовой батареи первого огневого дивизиона.

Принимал непосредственное участие в пусках первых советских ракет 8А11 и 8Ж38, многочисленных “прожигих” (с выходом двигателя ракеты на предварительную ступень), в испытаниях боевой техники в сложных метеорологических условиях после длительных маршей.

Первую благодарность на службе получил от Неделина М. И. в феврале 1955 года за успешную сдачу инспекторской проверки.

13 июля 1956 года назначен старшим инженером Конструкторского отдела (КО) Научно-исследовательского артиллерийского института №4, где и служил более 30 лет. Последовательно прошёл все должностные ступени – от старшего инженера КБ 2 до начальника Экспериментального завода (ЭЗ) 4 НИИ МО.

Награжден орденами «Знак Почета» и Красная Звезда, медалями и знаком отличия Министерства обороны РФ «Главный маршал артиллерии Неделин».

Пять созывов избирался депутатом поселкового Совета Болшево-4.

Живет в г. Юбилейном Московской области.

МАРКОВСКИЙ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

Генерал-майор в отставке, один из первых офицеров бригады, инженер-баллистик

МАСАЛОВ ЮРИЙ СЕМЕНОВИЧ

(22.01.1935, г. Грозный – 11.12.1997, г. Одинцово Московской обл.; похоронен на Лайковском кладбище), полковник (1977), лауреат Государственной премии СССР (1990). Специалист в области боевого управления, применения подвижных узлов радиоуправления. В Вооруженных Силах с сентября 1954. Окончил Камышинское артиллерийское техническое училище (1957), Харьковское высшее командно-инженерное училище (1966), высшие академические курсы усовершенствования руководящего состава при Военной академии Генерального штаба (1980).

С сентября 1957 в 72-й инженерной бригаде РВГК: начальник расчета – старший техник аппаратных машин отделения системы БРК-2 стартовой батареи, с 1958 начальник электроотделения – начальник ремонтной мастерской специального и артиллерийского вооружения, а с 1959 начальник отделения. С 1966 после окончания Харьковского училища на Центральном узле связи РВСН: инженер отдела оперативной связи Центра оперативной связи ЦКП и систем автоматизированного управления, а с 1967 старший инженер отдела сопряжения автоматизированных систем управления войсками с электронно-вычислительными машинами. С 1968 в Оперативном управлении Главного штаба РВСН: офицер, с 1971 старший офицер, с 1978 заместитель начальника, с 1979 начальник 6-го отдела оперативного управления Главного штаба Ракетных войск. Уволен с действительной военной службы в 1991.

Награжден: орденами Трудового Красного Знамени (1990), Красной Звезды (1977)

МАЛИНОВСКИЙ ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1923 году в Ленинграде. Окончил 10 классов специальной артиллерийской школы, в 1941 году – ускоренный курс Ленинградского артиллерийского техни-

ческого училища. В составе курсантского дивизиона принимал участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками на Псковском направлении Ленинградского фронта.

В 1946 году с должности командира батареи курсантов училища поступил в Военную академию имени Ф.Э. Дзержинского. После окончания академии в течение пяти лет трудился старшим преподавателем Высшей офицерской школы в г. Пензе. С 1956 года служил в первой ракетной бригаде на различных инженерных должностях. В 1960 году с должности главного инженера ракетной дивизии назначается первым заместителем начальника Харьковского высшего командно-инженерного училища. С 1965 по 1969 год – командир ракетной дивизии, затем служба в аппарате Главнокомандующего Ракетными войсками. В 1973 году назначен начальником Главного управления – заместителем Главнокомандующего Ракетными войсками по эксплуатации вооружения.

Возглавлял ряд государственных комиссий по испытаниям межконтинентальных ракет.

Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук. Автор замечательных мемуаров «Записки ракетчика».

В январе 1989 года ушёл в отставку. По словам самого Георгия Николаевича, он не смог выдержать «расстрела ракетной мощи в 1980-х годах, аплодисментов американских инспекторов на ликвидационных пусках ракет «Пионер» в Забайкалье». Малиновский, как главный инженер РВСН, был доволен высокой надёжностью ракет, но не мог участвовать в дальнейшей ликвидации стратегической мощи и поэтому написал рапорт об отставке.

14 сентября 2001 года его не стало. Г.Н.Малиновский похоронен на Троекуровском кладбище.

МАХНЁВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

Полковник в отставке. Выпускник Рижского ВКИКУ им. С.С.Бирюзова (1972 г.) и Военно-политической академии имени В.И.Ленина (1981г.). В РВСН служил на Украине, в Литве, Калининградской, Иркутской и Псковской областях. С 1988 года проходил службу в космических частях Министерства обороны Российской Федерации. Награждён орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» третьей степени и двенадцатью медалями. Работает. С 2010 года активно занимается творческой деятельностью. Автор нескольких литературных произведений.

МОНАХОВ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

Полковник в отставке, профессор.

Родился 14 февраля 1934 года в городе Орехово-Зуево Московской области. В Вооруженных Силах с сентября 1952 года, после окончания 1-го Московского артиллерийского подготовительного училища.

Окончил Ростовское высшее артиллерийское инженерное училище в 1956 году, а в 1977 году – Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил СССР.

С августа 1956 года служил в 72-й инженерной бригаде Резерва Верховного Главного командования в должности начальника отделения проверки технической батареи, а с июля 1959 года являлся командиром технической батареи дивизиона.

С апреля 1960 года – в управлении ракетной дивизии в городе Таураге, Литовской ССР.

С июля 1965 года служил офицером в оперативном управлении Главного штаба Ракетных войск, а с декабря 1968 года – старшим офицером 2-го направления.

В августе 1971 года назначен начальником штаба – заместителем командира Шяуляйской ракетной дивизии.

С ноября 1975 года работал в Военно-политической академии имени В.И. Ленина: старший преподаватель кафедры оперативно-тактической подготовки и боевого применения Ракетных войск стратегического назначения.

В 1991 году Николай Константинович стал профессором.

После увольнения с военной службы продолжал работать в Военном университете Министерства обороны РФ в должности старшего научного сотрудника.

Он – автор более ста научных трудов и учебных пособий в области разработки методологических основ системы военно-научных знаний, боевого применения и истории развития РВСН, а также методов обучения слушателей высших военно-учебных заведений.

В 1999 году удостоен звания «Заслуженный работник высшей школы РФ». Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени (1975) и медалями.

Талантливый военачальник и педагог Николай Константинович Монахов скончался 25 декабря 2009 года. Похоронён он в Москве, на Троекуровском кладбище (уч. № 14).

ПАНУЕВ АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВИЧ

Родился 26 октября 1918 года в деревне Давыдовское Ивановской области.

...В ноябре 1941 года он направляется в Москву, в распоряжение Наркомата обороны, где получает назначение на должность командира батареи в формируемый 205-й гвардейский минометный дивизион, а уже через месяц участия в тяжелых зимних боях под Москвой возглавляет штаб этого дивизиона.

...В 1943 году капитан Пануев назначается командиром дивизиона в 85-й гвардейский минометный полк.

В сентябре 1943 года в этом же полку майор Пануев А.Ф. назначается на должность начальника штаба полка. Со своим полком участвовал в освобождении Белоруссии и Прибалтики, войну окончил в Восточной Пруссии. В 1944 году был откомандирован на учебу в Артиллерийскую академию им. Дзержинского.

После окончания Великой Отечественной войны продолжал службу в армии на различных должностях: с 1949 года руководил школой сержантов в Группе советских войск в Германии, в 1952 году был назначен в штаб артиллерии Советской Армии, где служил заместителем начальника отдела боевой подготовки.

В 1955 году окончил Военную академию им. М.В.Фрунзе, а в 1960 году получил назначение на должность начальника управления – заместителя начальника Главного штаба ракетных войск стратегического назначения. Из армии уволился в 1974 году.

Генерал-лейтенант Пануев А.Ф. – кавалер орденов Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны I степени, Трудового Красного знамени и двух орденов Красной Звезды. Он награжден также многими медалями.

ПОЛЯНЦЕВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ

Родился 25.04.1950 г. В Восточно-Казахстанской обл., полковник в отставке, работник кадровых органов дивизии и 50-й ракетной армии.

См. биографию на стр. 283

ПОЛЕНКОВ ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Родился в Краснодаре в 1939 году. В 1957 году по направлению военкомата поступил в Каспийское имени С.М. Кирова высшее военно-морское училище. Получив по окончании училища в 1961 году (как в то время многие из выпускников военно-морских училищ) назначение в РВСН, стоял у истоков становления 10-й ракетной дивизии, дислоцированной в Костроме, будучи комендантом строящейся 33 площадки у села Сусанино.

В 1962 году он был включён в состав инструкторской группы 10-й дивизии для постановки на боевое дежурство первых полков и направлен на учёбу на полигон Тюратам. После экзамена по просьбе руководства испытательного центра он здесь же и остался начальником отделения бортового электрооборудования для испытания усовершенствованной межконтинентальной ракеты 8К64У (Р-16У). Участвовал со своим отделением в подготовке 11 пусков этой ракеты, 4 из них было аварийными. Здесь он окончательно стал ракетчиком, специалистом 2 класса.

В 1965 году, пройдя собеседование, он поступил без экзаменов и в 1970 году окончил Военную инженерную академию им. Ф.Э. Дзержинского с красным дипломом и для прохождения дальнейшей службы был направлен в 23 ракетную дивизию на должность заместителя командира дивизиона (г. Алуксне Латвийской ССР).

Получая разные назначения, прошел по всей Прибалтике: Эстония, Латвия, Литва, потом Калининградская область. Командовал дивизионом, полком трёх дивизионного состава. Будучи заместителем командира полка и дивизии выполнял Правительственное задание по уборке урожая в качестве командира роты, батальона и оперативной группы РВСН в хозяйствах Саратовской, Брянской, Ростовской, Новосибирской областях и на Кубани. За этот, несвойственный для ракетчика, труд удостоен государственных наград. В этот же период неоднократно выезжал на полигон Капустин Яр для проведения пусков ракет.

В декабре 1980 года он получил назначение на должность командира первого ракетного соединения нашей страны – 24-й Гвардейской Ракетной Гомельской Ордена Ленина, Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии, базировавшейся в г. Гвардейск Калининградской области. Ею он командовал 6 лет.

В конце 1986 года был переведен в Главный штаб РВСН в управление радиоэлектронной борьбы (РЭБ), которое впоследствии и возглавил. После увольнения из ВС по возрасту в 1995 году по настоящее время преподаёт оперативно-тактические основы РЭБ в Военной академии РВСН. Возглавляет Совет ветеранов первого ракетного соединения, которое создал в 2006 году.

РАСЧЕСЛАВСКИЙ БОРИС ЮРЬЕВИЧ

Родился 25.02.1950 в селе Короленко Кизнерского района Удмуртская АССР), полковник медицинской службы (1990), заместитель начальника медицинской службы РВСН (2003–2006). Заслуженный врач РФ (2002).

См. биографию на стр. 288

СИЛЬЧЕНКОВ ВИКТОР МАКСИМОВИЧ

Полковник в отставке. Проходил службу в Гвардейской дивизии с 1964 по 1975 гг. (с 1972 по 1975 гг. – начальник отделения кадров соединения).

ШПИТАЛЬНЫЙ АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ

Родился в 1937 году на острове Русский (ДВК). После войны отца перевели на службу в г. Брест, куда семья переехала в 1946 году. В 1954 году окончил среднюю школу в г. Бресте. В этом же году поступил 1е Ленинградское Краснознамённое ордена Ленина артиллерийское училище имени Красного Октября, которое окончил в 1957 году по первому разряду. Получил диплом командира взвода дивизионной артиллерии. 1 ЛАУ – училище с большой историей. Все будущие маршалы артиллерии в разное время проходили обучение именно в 1 ЛАУ. Окончил 1 ЛАУ в 1930 году и первый ракетный комбриг генерал-майор артиллерии Тверецкий Александр Фёдорович.

До 1956 года начальником учебного отдела училища был полковник К.В.Герчик, будущий командующий 50-й ракетной армией.

ЯШИН ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился 12 февраля 1930 года.

Генерал армии, доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, действительный член международной и российской инженерных академий, Академии космонавтики имени К.Э. Циолковского, Российской академии ракетных и артиллерийских наук, первый вице-президент Российской инженерной академии, почётный президент Академии космонавтики имени К.Э. Циолковского, создатель и с 1992 года первый председатель на протяжении многих лет Совета Союза ветеранов-ракетчиков.

С золотой медалью окончил инженерный и командный факультеты Военной академии имени Ф.Э. Дзержинского (ныне – Военная академия РВСН имени Петра Великого), экстерном – Военную академию Генерального штаба.

В 1950 году после окончания 2-го Ленинградского артиллерийского училища был назначен в БОН РВГК командиром огневого взвода. Служба в первом ракетном соединении, а в последующем – с декабря 1950 года в 23 БОН РВГК, определила его дальнейший путь:

С 1965 года – командир ракетного полка;

С 1971 года – командир ракетной дивизии;

С 1973 года – заместитель начальника Главного управления ракетного вооружения по опытно-конструкторским и научно-исследовательским работам;

С 1975 года – начальник полигона Плесецк;

С 1979 года – командующий Смоленской 50-й ракетной армией;

С 1981 года – первый заместитель главнокомандующего РВСН;

С 1989 года – заместитель министра обороны СССР-председатель Гостехкомиссии (ГТК) СССР.

С 5 января 1992 года председатель ГТК при Президенте Российской Федерации.

С марта 1994 года одновременно являлся председателем Межведомственной комиссии по защите государственной тайны Российской Федерации.

С 1 июня 1998 года – в отставке.

С 1998 года – генеральный директор АО «Телекоминвест».

Скончался 30 июля 2011 года. Похоронен 3 августа 2011 года на Троекуровском кладбище.

Почётный гражданин г. Мирный.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из сборника «Хроника основных событий истории Ракетных войск стратегического назначения»

Хроника разработана под общей редакцией Главнокомандующего РВСН генерал-полковника Сергеева И.Д. авторским коллективом в составе Кочемасова С.Г., Есина В.И., Носова В.Т., Дмитриева А.А., Саенко А.А., Ивкина В.И., Пономарева В.В.

Сведения в книге приведены по состоянию на 1 сентября 1994 года., Москва, ЦИПК, 1994 год, стр.226-239

ДОКУМЕНТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Представленные ниже документы до 1994 года не были известны широкой общественности.

Причина этого состояла в высокой степени секретности этих документов, которая определила и место их хранения — особая папка так называемого «Кремлевского архива», ныне архива Президента Российской Федерации.

Основопологающим является постановление Совета Министров СССР от 13 мая 1946 года. В нем определены практические меры по созданию новой отрасли оборонной промышленности — отечественного ракетостроения, а также организационные меры по освоению ракетного оружия в Вооруженных Силах СССР.

Логическим завершением начального этапа разработки и создания ядерного оружия и баллистических ракет, развертывания первых ракетных соединений явилось создание Ракетных войск стратегического назначения на основании публикуемых постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 декабря 1959 года.

К документам приводятся примечания, размещенные после его текста.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1017 — 419СС

от 13 мая 1946 г. Москва, Кремль

ВОПРОСЫ РЕАКТИВНОГО ВООРУЖЕНИЯ

Считая важнейшей задачей создание реактивного вооружения и организацию научно-исследовательских и экспериментальных работ в этой области, Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Создать Специальный Комитет по Реактивной Технике при Совете Министров Союза ССР в составе:

т. Маленков Г. М. — председатель;

т. Устинов Д. Ф. — заместитель председателя;

т. Зубович И. Г. — заместитель председателя, освободив его от работы в Министерстве электропромышленности;

т. Яковлев Н. Д. — член Комитета;

т. Кирпичников П.И. — член Комитета;

т. Берг А.И. — член Комитета;

т. Горемыкин П.Н. — член Комитета;

т. Серов И.А. — член Комитета;

т. Носовский Н.Э. — член Комитета.

2. Возложить на Специальный Комитет по Реактивной Технике:

а) наблюдение за развитием научно-исследовательских, конструкторских и практических работ по реактивному вооружению, рассмотрение и представление непосредственно на утверждение Председателя Совета Министров СССР планов и программ, развития научно-исследовательских и практических работ в указанной области, а также определение и утверждение ежеквартальной потребности в денежных ассигнованиях и материально-технических ресурсах для работ по реактивному вооружению;

б) контроль за выполнением Министерствами и ведомствами заданий Совета Министров СССР о проведении научно-исследовательских, проектных, конструкторских и практических работ по реактивному вооружению;

в) принятие совместно с соответствующими Министрами и руководителями ведомств оперативных мер по обеспечению своевременного выполнения указанных заданий.

3. Специальный Комитет имеет свой аппарат.

4. Установить, что работы, выполняемые министерствами и ведомствами по реактивному вооружению, контролируются Специальным Комитетом по Реактивной Технике. Никакие учреждения, организации и лица, без особого разрешения Совета Министров, не имеют права вмешиваться или требовать справки о работах по реактивному вооружению.

5. Обязать Специальный Комитет по Реактивной Технике представить на утверждение председателю Совета Министров СССР план научно-исследовательских и опытных работ на 1946 — 1948 гг., определить как первоочередную задачу — воспроизведение с применением отечественных материалов, ракет типа ФАУ-2 (дальнобойной управляемой ракеты) и Вассерфаль (зенитной управляемой ракеты).

6. Определить головными министерствами по разработке и производству реактивного вооружения:

а) Министерство вооружения — по реактивным снарядам с жидкостными двигателями;

б) Министерство сельскохозяйственного машиностроения — по реактивным снарядам с пороховыми двигателями;

в) Министерство авиационной промышленности — по реактивным самолетам-снарядам.

7. Установить, что основными министерствами по смежным производствам, на которые возлагается выполнение научно-исследовательских, конструкторских и опытных работ, а также производство по заказам головных министерств, утверждаемых Комитетом, являются:

а) Министерство электропромышленности — по наземной и бортовой радиоаппаратуре управления, селекторной аппаратуре и телевизионным механизмам, радиолокационным станциям обнаружения и определения координат цели;

б) Министерство судостроительной промышленности — по аппаратуре гироскопической стабилизации, решающим приборам, корабельным радиолокационным станциям обнаружения и определения координат цели и расстояния до снаряда, системам стабилизации корабельных стартовых установок, головкам самонаведения реактивных снарядов для стрельбы по подводным целям и приборам;

в) Министерство химической промышленности — по жидким топливам, окислителям и катализаторам;

г) Министерство авиационной промышленности — по жидкостным реактивным двигателям для дальнобойных ракет и производству аэродинамических исследований и испытаний ракет;

д) Министерство машиностроения и приборостроения — по установкам, пусковой аппаратуре, различным компрессорам, насосам и аппаратуре к ним, а также другой комплектующей аппаратуре; е) Министерство сельскохозяйственного машиностроения — по неконтактным взрывателям, снаряжению и порохам.

8. В целях выполнения возложенных на Министерства задач, создать:

в Министерствах: Вооружения, Сельхозмашиностроения и Электропромышленности — Главные Управления по реактивной технике;

в Министерстве Вооруженных Сил СССР — Управление реактивного вооружения в составе ГАУ и Управление реактивного вооружения в составе военно-морских сил;

в Министерствах: Химической промышленности, Судостроительной промышленности, Машиностроения и Приборостроения — Управления по реактивной технике;

в Госплане Совета Министров СССР — отдел по реактивной технике во главе с заместителем председателя Госплана.

9. Создать в министерствах следующие научно-исследовательские институты, Конструкторские Бюро и полигоны по реактивной технике:

а) в Министерстве вооружения — Научно-исследовательский институт реактивного вооружения и Конструкторское Бюро на базе завода №88, сняв с него все другие задания, с размещением этих заданий по другим заводам Министерства вооружения;

б) в Министерстве Сельхозмашиностроения — Научно-исследовательский институт пороховых реактивных снарядов на базе ГЦКБ-1, Конструкторское Бюро на базе филиала №2 НИИ-1 Министерства авиационной промышленности и Научно-исследовательский полигон реактивных снарядов на базе Софринского полигона;

в) в Министерстве химической промышленности — Научно-исследовательский институт химикатов и топлив для реактивных двигателей;

г) в Министерстве электропромышленности — Научно-исследовательский институт с проектно-конструкторским бюро по радио и электроприборам управления дальнобойными и зенитными реактивными снарядами на базе лаборатории телемеханики НИИ-20 и завода №1. Поручить т. Бултанину рассмотреть и решить вопрос о передаче Министерству электропромышленности завода №1 Министерства вооруженных сил, с тем, чтобы выполнение программы этого завода было возложено на Министерство электропромышленности;

д) в Министерстве вооруженных сил СССР — Научноисследовательский реактивный институт ГАУ и Государственный Центральный полигон реактивной техники для всех министерств, занимающихся реактивным вооружением.

10. Обязать министерства: Вооружения (т. Устинова), Сельхозмашиностроения (т. Ванникова), Электропромышленности (т. Кабанова), Судостроительной промышленности (т. Горегляд), Машиностроения и приборостроения (т. Паршина), Авиапромышленности (т. Хруничева), Химпромышленности (т. Первухина), Вооруженных Сил (т. Булганина) утвердить структуры и штаты управлений, НИИ и Конструкторских Бюро соответствующих министерств.

11. Считать первоочередными задачами следующие работы по реактивной технике в Германии:

а) полное восстановление технической документации и образцов дальнобойной управляемой ракеты ФАУ-2 и зенитных управляемых ракет — Вассерфаль, Рейнтохтер, Шметтерлинг;

б) восстановление лабораторий и стендов со всем оборудованием и приборами, необходимыми для проведения исследований и опытов по ракетам ФАУ-2, Вассерфаль, Рейнтохтер, Шметтерлинг и другим ракетам;

в) подготовку кадров советских специалистов, которые овладели бы конструкцией ракет ФАУ-2, зенитных управляемых и других ракет, методами испытаний, технологией производства деталей и узлов и сборки ракет;

12. Назначить руководителем работ по реактивной технике в Германии т. Носовского с пребыванием его в Германии. Освободить т. Носовского от других работ, не связанных с реактивным вооружением. Помощниками т. Носовского назначить тт. Кузнецова (ГАУ) и Гайдукова.

13. Обязать Комитет по реактивной технике отобрать из соответствующих министерств и послать в Германию для изучения и работы по реактивному вооружению необходимое количество специалистов различного профиля, имея в виду, что с целью получения опыта к каждому немецкому специалисту должны быть прикреплены советские специалисты.

14. Запретить министерствам и ведомствам отзываться, без ведома Специального Комитета, своих работников, находящихся в Германии, работающих в комиссиях по изучению немецкого реактивного вооружения.

15. Министерством вооружения, сельхозмашиностроения, авиационной промышленности, электропромышленности, химпромышленности, машиностроения и приборостроения и вооруженных сил СССР в месячный срок подготовить и представить на утверждение Специального Комитета по реактивной технике конкретные планы конструкторских, научно-исследовательских и опытных работ в Германии по реактивному вооружению, с установлением задания и сроков для каждого Конструкторского Бюро.

Для ознакомления с проводимыми работами по реактивному вооружению в Германии, в целях подготовки плана предстоящих работ, командировать в Германию тт. Устинова, Яковлева и Кабанова с группой специалистов, сроком на 15 дней.

16. Поручить Министерству вооруженных сил СССР (т. Булганину) сформировать в Германии специальную артиллерийскую часть для освоения, подготовки и пуска ракет типа ФАУ-2.

17. Предрешить вопрос о переводе Конструкторских Бюро и немецких специалистов из Германии в СССР к концу 1946 года.

Обязать министерства: вооружения, сельхозмашиностроения, электропромышленности, авиационной промышленности, химпромышленности, машиностроения и приборостроения подготовить базы для размещения немецких Конструкторских Бюро и специалистов. Специальному Комитету по реактивной технике в месячный срок внести в Совет Министров СССР предложения по этому вопросу.

18. Разрешить Специальному Комитету по реактивной технике устанавливать немецким специалистам, привлекаемым к работам по реактивной технике, повышенную оплату.

19. Обязать Министерство вооруженных сил СССР (т. Хрулева) выделить для обеспечения всех советских и немецких специалистов, занятых на работах по реактивному вооружению в Германии:

бесплатных пайков по норме №11 — 1000 шт.,
по норме №2 с дополнительным пайком — 3000 шт.;
автомашин легковых — 100 шт., грузовых — 100 шт.
и снабдить горючим и водительским составом.

20. Обязать Министерство финансов СССР и Советскую Военную Администрацию в Германии выделить для финансирования всех работ, проводящихся Специальным Комитетом по реактивной технике в Германии, 70 миллионов марок.

21. Разрешить Специальному Комитету по реактивной технике и Министерству заказывать в Германии различное специальное оборудование и аппаратуру для лабораторий Научно-исследовательских институтов и Государственного Центрального полигона реактивного вооружения, в счет репараций.

Поручить Специальному Комитету совместно с Госпланом и Министерством внешней торговли определить перечень заказов и сроки их поставки.

22. Поручить Специальному Комитету представить Совету Министров СССР предложения о командировании в США Комиссии для размещения заказов и закупки оборудования и приборов для лабораторий Научно-исследовательских институтов по реактивной технике, предусмотрев в этих предложениях предоставление Комиссии права закупки по открытой лицензии на сумму 2 миллиона долларов.

23. Обязать заместителя Министра внутренних дел т. Серова создать необходимые условия для нормальной работы конструкторских бюро, институтов, лабораторий и заводов по реактивной технике в Германии (продовольственное снабжение, жилье, автотранспорт и др.). Министерству вооруженных сил СССР (т. Хрулеву) и Главноначальствующему СВА т. Соколовскому оказать т. Серову необходимое содействие.

24. Обязать Специальный Комитет по реактивной технике учесть все вывезенное различными министерствами и ведомствами оборудование, приборы, аппаратуру, а также материалы и образцы по реактивной технике и перераспределить их между соответствующими министерствами и ведомствами в соответствии с возложенными на них задачами.

25. Поручить Министерству вооруженных сил СССР (т. Булганину) внести в Совет Министров предложения о месте и строительстве Государственного Центрального полигона для реактивного вооружения.

26. Обязать Специальный Комитет по реактивной технике представить Председателю Совета Министров СССР на утверждение положение о премировании за разработку и создание реактивного вооружения, а также предложения о повышенных окладах для особо квалифицированных работников по реактивной технике.

27. Разрешить Специальному Комитету по реактивной технике приравнять вновь создаваемые Министерствами: вооружения, сельхозмашиностроения, авиационной промышленности, электропромышленности, машиностроения и приборостроения, химической промышленности и вооруженных сил СССР Научно-исследовательские институты и Конструкторские бюро по реактивному вооружению, в отношении заработной платы и снабжения промышленными и продовольственными товарами, к научным учреждениям Академии наук СССР, в соответствии с Постановлением СНК СССР №514 от 6 марта 1946 года.

28. Обязать Министерство авиационной промышленности (т. Хруничева) передать Министерству вооружения специалистов по двигателям, аэродинамиком, самолетостроителям и др. в количестве 20 человек.

29. Обязать Министра высшего образования т. Кафтанова организовать в высших учебных заведениях и университетах подготовку инженеров и научных работников по реактивной технике, а также переподготовку студентов старших курсов других специальностей на специальность по реактивному

вооружению, обеспечив первый выпуск специалистов по реактивному вооружению по высшим техническим учебным заведениям не менее 200 человек и по университетам не менее 100 человек к концу 1946 года.

30. Поручить Специальному Комитету по реактивной технике, совместно с Министерством высшего образования, отобрать из научно-исследовательских организаций Министерства высшего образования и других министерств 500 специалистов, переподготовить их и направить для работы в Министерства, занимающиеся реактивным вооружением.

31. В целях обеспечения жильем переводимых в СССР немецких специалистов по реактивной технике, поручить т. Вознесенскому предусмотреть в планах распределения выделение до 15 октября 1946 г. 150 разборных финских домов и 40 рубленых восьмиквартирных домов по разнарядке Специального Комитета по реактивной технике.

32. Считать работы по развитию реактивной техники важнейшей государственной задачей и обязать все министерства и организации выполнять задания по реактивной технике как первоочередные.

Председатель Совета Министров Союза ССР

И. Сталин

Управляющий Делами Совета Министров СССР Я. Чадаев

*Архив Президента Российской Федерации. Ф. 93.
Дело с постановлениями Совета Министров СССР за 1946 г. Подлинник*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Маленков Георгий Максимилианович (1902 — 1988). В 1946 — 1953 заместитель Председателя Совета Министров СССР.
2. Устинов Дмитрий Федорович (1908 — 1984). В июне 1941 — марте 1953 народный комиссар (с марта 1946 — министр) вооружения СССР.
3. Зубович Иван Герасимович (1901 — 1956). До июня 1946 — первый заместитель народного комиссара электропромышленности СССР.
4. Яковлев Николай Дмитриевич (1898 — 1972). С 1945 начальник Главного артиллерийского управления и первый заместитель командующего артиллерией Вооруженных Сил СССР.
5. Кирпичников Петр Иванович (род. 1903). В 1940 — 1949 заместитель председателя Госплана СССР.
6. Берг Аксель Иванович (1893 — 1979). Директор института радиотехники и электроники. Академик АН СССР.
7. Горемыкин Петр Николаевич (1902 — 1976). Министр сельскохозяйственного машиностроения СССР.
8. Серов Иван Александрович (1905 — 1990). В 1941 — 1947 заместитель наркома (с марта 1946 — министра) внутренних дел СССР. Одновременно в июне 1945 — ноябре 1946 заместитель Главноначальствующего советской военной администрации в Германии по делам гражданской администрации.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

от 17 декабря 1959 г.

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ПОСТА ГЛАВКОМА ПО РАКЕТНЫМ ЧАСТЯМ В СОСТАВЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

1. Учредить должность Главнокомандующего ракетными войсками - заместителя Министра обороны СССР.

На Главнокомандующего ракетными войсками - заместителя Министра обороны возложить полную ответственность за состояние ракетных войск: их боевое применение, боевую и мобилизационную готовность, материальное и техническое обеспечение, развитие ракетного вооружения, руководство строительством и эксплуатацией боевых комплексов и спецобъектов, за воинскую дисциплину и политико-моральное состояние личного состава ракетных войск, а также координацию по вопросам создания, развития и внедрения специального вооружения и реактивной техники во всех видах Вооруженных Сил.

2. При Главнокомандующем ракетными войсками иметь аппарат общей численностью 896 военнослужащих и 280 служащих, в составе:

- Главного штаба ракетных войск;
- Главного управления ракетного вооружения;
- 12 Главного управления Министерства обороны;
- управлений боевой подготовки и военно-учебных заведений и
- Начальника тыла с небольшим аппаратом (с планово-инспекторскими функциями).

Для управления ракетными войсками и осуществления их боевого использования при Главнокомандующем ракетными войсками создать Командный пункт (с узлом связи) и один-два вычислительных центра.

Мероприятие по созданию аппарата Главнокомандующего ракетными войсками провести без увеличения численности центрального аппарата Министерства обороны.

3. Главнокомандующему ракетными войсками подчинить все соединения и части, вооруженные ракетами стратегического назначения (межконтинентальными и средней дальности), военно-учебные заведения, научно-исследовательские и испытательные учреждения, арсеналы, базы и склады специального и ракетного вооружения.

4. Для обеспечения руководства ракетные части, вооруженные ракетами стратегического назначения, организационно иметь в составе:

- ракетных бригад (средней дальности) трех-четырёх полкового состава и дивизий пяти-шести полкового состава, в зависимости от количества ракетных частей на том или ином направлении;

- бригад межконтинентальных ракет в составе шести-восьми стартов. В последующем, по мере увеличения количества вводимых в эксплуатацию стартов, указанные бригады возможно будет объединить в корпуса.

5. Главнокомандующим ракетными войсками – заместителем Министра обороны назначить Главного маршала артиллерии тов. Неделина Митрофана Ивановича.

*Архив Президента Российской Федерации.
Ф. 3. Оп. 50. Д. 5. Л. 102-104. Подлинник*

С этого документа началась ракетная эра в СССР.

Снят гриф сов. секретно

Сов. секретно
экз. № 1.

15.8.91 г.

"Согласовано"

Нач-к. отд. " Утверждаю "

Главный конструктор.

Начальник ЦП МО

С.П. Коронен

Генерал-майор

"14" сентября 1947 г.

В.И. Воинов

Представляю на утверждение и согласование список офицеров стартовой команды Бригады Особого Назначения РВГК для проведения стрельбы ракет ФАУ-2 с Государственного Центрального полигона Министерства Обороны СССР.

1. Командир стартового подразделения м-р Бронко И.М.
 2. Нач-к стартовой команды м-р Трегуб Я.И.
 3. Электро-основное отделение:
 - нач-к отд. к-н Киселев П.Е.
 - оператор БМУ к-н Самаритский И.И.
 - старший техник приборов системы управления ст.л-т Валин Г.В.
 - старший техник наземного эм.оборудования ст.л-т Карельский И.В
 - старший техник РМ старший л-т Болыткин В.А.
 - старший техник электростанции ст.л-т Чапнов И.М.
 4. Двигательное отделение:
 - нач-к ГО к-н Веровенко П.П.
 - старший техник ДУ ст.л-т Анисенко Г.Л.
 - старший техник ДУ ст.л-т Башмаков А.А.
 5. Заправочное отделение:
 - нач-к ЗО м-р Болыкин И.И.
 - зам нач-ка ЗО к-н Федоров А.А.
 6. Отделение подъемно-транспортных средств и наволочек:
 - напхтан Поповичко А.П.
 - ст. л-т Кулепетов Н.П.
 - к-н Верзилинский О.Л.
 - Наволочки:
 - к-н Ларта П.И.
 - ст.л-т Зинин В.М.
 - Кинотеодолитчики и фотолаборатория:
 - Пушкин Ф.В. м-р
 - ст.л-т Привалов М.М.
 - л-т Чарнецкий В.А.
- С расписками sergey и рядовых БОН РВГК
Командир БОН РВГК
Генерал-майор артиллерии

15.9.47 г. *ст. Шевченко*

Тверецкий

СОСТАВИТЕЛИ СБОРНИКА

Геннадий Поленков, Сергей Zubович, Александр Долинин, Юрий Грачёв

РЕДАКТОР СБОРНИКА

Александр Долинин

ВЁРСТКА И ОФОРМЛЕНИЕ

Ольга Лехтонен

Снимки из архивов и семейных альбомов

Издание подготовлено при поддержке
Международной общественной организации
«Императорское Православное Палестинское Общество»
(Председатель С.В. Степашин)